

Автор бестселлера по версии *New York Times*

КРИСТЕН ЭШЛИ

ЗАГАДОЧНЫЙ МУЖЧИНА

ДЕВУШКА COSMO против
КОММАНДО:

КТО ПОБЕДИТ?

Пролог

Загадочный мужчина

Я почувствовала, как с меня соскальзывает одеяло, и тут же чья-то рука опускается на поясницу. Рука теплая, даже горячая, как кровь, быстро бегущая по венам, гораздо быстрее, чем у среднестатистического человека.

Если бы это происходило на самом деле, меня бы не удивило.

Я открыла глаза, было темно. Всегда было темно, когда он приходил ко мне.

У меня опять появилось желание, возникающее каждый раз, когда он появлялся. Здравомыслящее. Мой мозг советовал закрыть глаза и сказать ему, чтобы он уходил.

Но если я произнесу эти слова, я была уверена, он уйдет, не произнеся ни слова. Уйдет также тихо, как и пришел.

И больше никогда не вернется.

По крайней мере это было бы правильно. Это было мудрым решением, которое стоило осуществить. *Разумное*, и его необходимо было сделать.

И я думала именно так и поступить, честное слово, думала. Я думала об этом каждый раз.

Затем я почувствовала вес его тела, опускающийся на кровать, когда он лег рядом со мной, развернув к себе, я открыла было рот, чтобы произнести *разумные слова*, но его губы оказались на моих.

И следующие два часа я не в состоянии была думать вообще.

Но я чувствовала и чувствовала очень *многое*.

И это было очень *хорошо*.

* * *

Было еще темно, когда его тень заскользила по комнате.

Я лежала в постели и наблюдала за его передвижениями. Он не создавал шума, и это было странно. Послышался шорох одежды, но, кроме этого, полная тишина.

Даже по контурам тени я разглядела мужскую грацию. Мощную мужскую грацию. Это было слишком странно. Просто мой загадочный мужчина, одевающий одежду, своего рода выполнял крутой танец мачо, если вообще такой существует. Конечно, не только в моей спальне, когда он приходил ко мне с визитом. Нет, но когда и собирался уходить.

Это было так завораживающе, что мне стоило начать продавать билеты на это шоу. Но если бы я такое совершила, мне пришлось бы поделиться. Я и так уже поделилась с половиной Денвера их собственные частные шоу. Итак, достаточно того бардака, который творился у меня в голове, учитывая тот факт, что он вообще приходил, и я позволяла ему приходить, и он заставлял меня кончать, а потом уходил. И такое довольно-таки часто повторялось ночами.

Я не возбуждалась так сильно, чем тогда.

Он переместился на кровати, я наблюдала за ним. Он наклонился, и я почувствовала тепло его руки, обхватившей мое колено, он еле дотрагиваясь заскользил пальцами по моему бедру, его губы передвигались по моей коже, заставляя ее пощипывать. Затем он прикрыл мое тело до талии одеялом, сползая вниз.

В основном я лежала на животе, иногда на боку с согнутыми руками под подушкой, положив голову на подушку. Он передвинулся за своей рукой, пальцы скользнули мне в волосы, слегка потянув назад, и губы прошептали на ухо.

— До встречи, детка.

— До встречи, — эхом отозвалась я.

Его голова продолжала двигаться рядом, его губы скользили по коже у меня за ухом, потом он провел языком. Кожу стало сильно покалывать, все мое тело выгнулось.

Он натянул мне одеяло на плечи.

Затем поднялся и ушел.

Не создавая никакого шума, я даже не слышала, как открылась и закрылась дверь. Он просто исчез, словно его никогда и не было.

Чертовый псих.

Некоторое время я тупо смотрела на дверь спальни. Тело было разгоряченным, насытившимся и усталым. Ум таких чувств не испытывал.

Я перевернулась на спину, накрыв одеялом свое обнаженное тело, и уставилась в потолок.

Я даже не знала, как его зовут.

— Боже, — прошептала я. — Я *такая* шлюха.

Глава 1

Мер-твец, покойник

На следующее утро я сидела за своим компьютером, в своем кабинете, дома.

Я должна была работать. В ближайшие две недели мне предстояло сдать три статьи, а я едва начала над ними работу. Я числилась внештатным редактором, имея почасовую оплату, и если я не работала то, соответственно, мне ничего и не платили. Мое тело требовало еды и одежды, вернее оно любило разные шмотки, жаждало их, я бы сказала, поэтому мне приходилось подкармливать свои привычки и делать вещи, которые казались крутыми. Я помешана на стиле космо, а стиль космо не терпит дешевизны. И у меня в доме шел ремонт. Поэтому мне необходимо было зарабатывать деньги.

Ну, хорошо, это не совсем так. Я лично ничего не ремонтировала в доме. Мой отец починил и кое-что отремонтировал. И мой друг Трой тоже сделал кое-какие вещи. Итак, лучше сказать, что состоянием своего дома я давила на жалость и на чувства, шантажируя окружающих своим ремонтом.

Но все же, есть вещи, которые стоило починить, и шкафы с плиткой сами собой не промаршируют в мой дом из Страны Шкафов и Плитки, говоря: *«Мы хотим жить с тобой, Гвендолин Кидд, почини нас и оставь на своих стенах!»*

Такое могло произойти только в моих мечтах, которых у меня было предостаточно, но большинство из них так и останутся мечтами.

Сидя за компьютером, поставив ногу на сиденье стула и положив подбородок на колено, я смотрела в окно, думая о своем Загадочном Мужчине, Потрясающем ЗМ. Я фантазировала, как бы на самом деле могла пройти наша первая встреча. Быстрее, смешнее, более таинственнее, соблазнительнее, интересней, я бы тут же зацепила его своим остроумием, своей неповторимой способностью вести беседу, своим умением обсуждать политику, как образованный человек, своими совершенно невыдающимися рассказами по

поводу роскошной благотворительности, а завершилось бы все соблазнительным взглядом, обещающим долгие умопомрачительные оргазмы, заставив его объявить о вечной любви ко мне.

Или, по крайней мере, назвать мне свое имя.

Вместо этого, я находилась, как под кайфом, и ничего из этого не было.

Я услышала, как кто-то попытался позвонить в мою дверь, затем раздался глухой стук, и я стала выходить из своих тяжелых мечтаний, которые были такими прекрасными, касательно начала нашего знакомства.

Я поднялась и пересекла кабинет, находящийся на верхнем этаже, делая себе мысленную пометку, спросить у Троя не сможет ли он починить мне дверной звонок за упаковку пива и домашнюю пиццу. Скорее всего он придет со своей новой, раздражающей, постоянно ноющей подружкой, поэтому я передумала и решила позвонить отцу.

Я спустилась по лестнице и пересекала большую гостиную, не обращая внимания на окружающую обстановку, представляющую декорации — Наведите Шик, другими словами, везде была пыль, тряпки, кисти, электроинструменты, не просто инструменты-без-электричества, банки и тубики практически все — все это валялось и было покрыто слоем пыли. Я посчитала прогрессом, что пересекла эту комнату, не хватая себя за волосы и не прикрывая рот от крика.

Моя входная дверь с двух сторон имела узкие, точно вписывающиеся, великолепные витражи.

Два года назад эти витражи стали моей гибелью.

Два года назад, примерно шесть месяцев и две недели, до встречи с моим Загадочным Мужчиной, я бесцельно бродила по тротуарам, пока не наткнулась на разрушенный дом, но увидев витражи, повернулась к риэлтору и объявила:

— Я беру его.

Лицо риэлтора загорелось, как рождественская елка.

Мой отец, который даже не зашел в этот дом, обратил свой взор к небесам. Его молитва продолжалась очень долго, его лекция была тоже не короткой.

Но я все-таки купила этот дом.

Как обычно, мне следовало послушать своего отца.

Я выглянула в узкое боковое окно на двери и увидела Дарлу, подругу моей сестры, стоящую на крыльце.

Дерьмо.

Вот черт, дерьмо, *черт*.

Я ненавидела Дарлу, а Дарла ненавидела меня. Какого черта она вообще здесь делала?

Я посмотрела вдаль, не скрывается ли где-то по близости моя сестра, может она прячется в кустах. Я бы не сказала, что Джинджер и Дарла готовы броситься на меня, привязать к лестнице и ограбить мой дом. Но в самых темных своих мыслях, мне казалось, что именно так Джинджер и Дарла проводят все свое время. И я была убеждена, что это не далеко от истины. Я не шучу.

Она увидела меня в окно, поморщилась, что сделало ее совсем не красивой, если бы она еще не так рьяно мудрила с черной подводкой для глаз и румянами, а также использовала бы другой оттенок блеска для губ, который совсем не подходил к ее натуральному цвету губ, была бы милой, но сейчас она явно не была милой.

— Я вижу тебя! — закричала она, и я вздохнула.

Направившись к двери, поскольку Дарла будет орать на весь дом, а мне нравились мои соседи, и им совершенно не нужна адская сука-байкер в десять тридцать утра на пороге моего дома и орущая на всю округу.

Я чуть-чуть приоткрыла дверь, загородив проход, прислонившись к косяку и удерживая руку на ручке двери.

— Привет Дарла, — сказала я, пытаюсь казаться дружелюбной и оставшись довольной своими усилиями.

— Бл*дь «привет», Джинджер здесь? — ответила Дарла.

Видишь!

Дни на пролет только и делают, что грабят.

Это потребовало от меня усилий, но я не стала закатывать глаза.

— Нет, — ответила я.

— Она здесь, тебе лучше сказать, — предупредила она и попыталась заглянуть внутрь, крикнув: — Джинджер! Сука, если ты здесь, тебе лучше выйти, причем живо, бл*дь!

— Дарла! — рявкнула я, — тише!

Она вытянула шею и поднялась на цыпочках, заглядывая поверх моего плеча и крича:

— Джинджер! Джинджер, ты сумасшедшая глупая, сука! Тащи сюда свою задницу!

Я с силой выпроводила ее, закрыв за собой дверь, и шипя:

— Seriously, Дарла, заткнись! Джинджер здесь нет. Джинджер здесь *никогда* не было. Ты знаешь это. Так что заткнись и *уходи*.

— *Ты* заткнись, — ответила она. — И *ты* не умничай. Ты помогаешь ей..., — она подняла руку, направила на меня палец, подняв большой палец вверх, и сделала выстрел, изобразив губами настоящий звук выстрела. Я бы задумалась, если бы было время, насколько хорошо у нее получаются звуковые эффекты, причем вполне серьезно, но дерьмо в ее взгляде перепугало меня до чертиков.

Поэтому, вместо того, чтобы порадоваться и поздравить ее с единственным настоящим талантом, я прошептала:

— Что?

Она опустила руку, залезла на мотоцикл, схватилась за рукоятки, и уставилась мне в глаза, говоря мягким, страшный голос:

— Мер-вец, труп. Ты и она, и ты не умничай. Ты поняла меня?

Я задала глупый вопрос, который задавался довольно-таки часто, и как правило на него всегда был один ответ — положительный.

— Джинджер попала в какие-то неприятности?

Дарла посмотрела на меня таким взглядом, словно я сошла с ума. Затем она подняла руку, изображая пистолет со звуковым эффектом, ее палец был направлен мне в голову. Она развернулась и медленно подъехала к моей первой ступеньке крыльца.

Я стояла на крыльце и молча наблюдала за ней. И рассеянно отметила, что на ней была всего лишь плотная майка на брительках, расстегнутая черная кожаная мотоциклетная куртка, короткая, потертая джинсовая юбка, ношение которой является преступлением в нескольких государствах по определенным причинам — моды и приличия, черные ажурные чулки и сапоги байкера, и это в сорок градусов на улице. (5⁰C) У нее даже не было шарфа.

Остальная часть моих мыслей крутилась вокруг моей сестры и звуковых эффектов, издаваемых Дарлой.

Вот черт. Дерьмо. Черт.

В своей машине я старалась уговорить саму себя, что этот план хорош, нежели первоначальный. После того, как Дарла уехала, я вернулась в дом, прямиком направилась к телефону, чтобы позвонить отцу, но это план был полный отстой.

Мой отец и его жена Мередит уже отреклись от Джинджер. Это случилось примерно через десять секунд, как они вернулись домой, проводя отпуска на Ямайке, и тут же лишились отпускной эйфории и счастья, увидев свою дочь, стоящей на коленях в гостиной перед мужчиной со спущенными джинсами, с расстегнутой рубашкой, с облокотившейся головой на спинку дивана, который был в полной отключке, Джинджер видно была не в лучшем состоянии, поскольку даже не осознавала, что действия, которые она пыталась совершить с ним, ни к чему не приведут.

И, кстати, гостиная представляла из себя полный разгром, как и весь дом.

Понятно, что после такой истории, я не хотела бы привлекать отца в еще одну ужасную ситуацию, связанную с Джинджер. Тем более, что это не самое худшее, что я знала о своей сестре, но для папы и Мередит, это оказалась последней каплей. В настоящее время они живут беззаботной жизнью, Джинджер продолжает вести свободное существование, и я не хочу раскачивать эту лодку.

Поэтому я не позвонила папе.

Вместо этого я подумала о бойфренде Джинджер, Дог. Дог был членом байкерской банды и таким же грубым в выражениях, как все они. Но я видела Дога, и мне он понравился. Дог был веселым, и ему нравилась моя сестра, с ним она становилась другой. Она не изменялась, но по крайней мере, была удобоваримой.

Итак, Дог, скорее всего, преступник, но как бы иронично это не звучало, он хорошо влиял на Джинджер, а такое случалось не часто, вернее *никогда*. Ни разу за двадцать пять лет. И поскольку я получила подсказку от Дарлы, одной и единственной ее подруги, что у моей сестры возникли проблемы, причем серьезные, а не как обычно, мне необходимо, во-первых, что-то предпринять, а во-вторых, так как дело касалось Джинджер, вызвать подкрепление или еще лучше увести подальше эту проблему от своего дома.

Итак, подключить Дога.

Я поехала в магазин автозапчастей на Бродвее и нашла местечко для парковки. Я узнала про этот магазин еще до того, как познакомилась с Догом, и только потом догадалась, что скорее всего этот магазин был своего рода прикрытием для неблагоприятных делишек байкеров. Магазин назывался «Ride», и я отоваривалась там в основном потому, что могла найти оправдание любой покупке. «Ride» был потрясающим, там продавались классные вещи. Я купила там жидкость для стеклоочистителя. И купила там коврики для автомобиля в прошлом году, и они были просто БОМБА, самые высшего класса автомобильные коврики, лучшие, которые я когда-либо имела. А в свои двадцать с небольшим, когда я переживала одну из своих многочисленных фаз, стремясь прокачать свою тачку, я тоже заезжала туда и купила там пушистый розовый чехол на руль и блестящего, розового кролика из «Плейбоя», подвеску на зеркало заднего вида.

И все знали о гараже «Ride» с задней стороны здания, с тремя заездными карманами, но он предназначался не для обычных автомобилей и мотоциклов. Этот гараж обслуживал автомобили и мотоциклы несерийного производства, и он приобрел мировую известность.

Они собирали очень крутые машины и мотоциклы. Я читала статью в журнале «5280» об этом месте. Звезды кино и селебрити покупали по фоткам, собранные ими машины и мотоциклы, и я поняла почему. Я хотела бы одну такую, но у меня не было на счету сотен тысяч долларов, так что пришлось немного опуститься вниз собственного Списка Желаний, чего бы я хотела поиметь, записав это желание прямо под бриллиантовым браслетом от Тиффани, который шел после туфель от Джимми Чу.

Я вышла из машины и пошла по тротуару к «Ride» надеясь, что мой наряд в порядке. Я уложила волосы в высокий девчачий хвост на макушке, надела джинсы с низкой посадкой на бедрах, ботинки на низком каблуке и байкерскую куртку. Моя куртка была не такая, как у Дарлы. Она была из искусственно состаренной желто-коричневой кожи, с небольшой простежкой вокруг, высокой талией, коротким, теплым мехом и шестидюймовыми пушистыми меховыми кисточками на рукавах. Я думала, что выглядела *горячо*, но на самом деле даже еще более сексуальнее. Однако, не совсем была уверена насчет пушистого меха. Но надеялась, что байкеры не озабочены правами животных, скорее всего, они могут решить, что своим видом я оскорбляю их братство и меня просто придушат.

Ну! Кто не рискует, тот не выигрывает.

Я расправила плечи и вошла в просторный магазин, направляясь прямиком к длинному прилавку с одним кассовым аппаратом, хотя иногда здесь толпилось полно народу. Поскольку у меня не было номера мобильного Дога, я подумывала у кого-нибудь поинтересоваться, где могла бы его найти. И я совершенно не ожидала увидеть высокого, широкоплечего, с татуировками по всему открытому телу, с длинными светлыми волосами Дога за кассой, с таким же большим и суровым байкером, стоящим рядом с ним, и тремя такого же вида клиентами, видно ожидающими своей очереди. Но стоило мне войти, как все взоры устремились в мою сторону.

— Привет Дог, — воскликнула я с улыбкой, направляясь к нему и остановилась как вкопанная, когда его глаза резанули по мне.

Ничего себе.

Он прищурился, а выражение его лица при моем приближении пыталось скрыть тот факт, что он не на шутку разозлился.

— Не пи*ди мне, — прорычал он, и я через наносекунду чуть ли не описалась, пытаясь вспомнить движения, которые я когда-то выучила на курсах самообороны.

Я естественно прикусила язык и застыла на месте, а Дог повторил:

— Не приходи сюда и не пи*ди мне.

— Я не пи*дю тебе, — ответила я ему, потому что на самом деле так и было.

Его брови взлетели вверх.

— Эта пи*да послала *тебя*?

Ну, ничего себе, опять. Дог матерился через слово. Я подозревала, что слово на букву «п» было не-нон-грата на Земле Байкерского клуба, собственно, как и в остальной части англоговорящего мира, но все равно, он слишком много матерился.

Прежде чем я смогла произнести хоть слово, Дог меня опередил:

— Она послала *тебя*? Господи, Гвен. Я предупреждаю тебя один раз, женщина. Вытащи свою голову из задницы, разверни свой сладкий хвостик и убирайся... от... сюда.

Вау. Дог почему-то решил, что у меня сладкий хвостик. Он действительно испугал меня, но для меня он был не настолько привлекательным, поэтому я подумала, что с его стороны это выглядело мило.

Я сфокусировалась на его лице, сделала глубокий вдох и зашагала вперед. Все байкеры встали по стойке смирно, или точнее, испугались, поскольку я продолжала приближаться к Догу.

И я наконец произнесла:

— Джинджер меня не посылала.

— Я уже не злюсь на тебя, детка, уходи, — ответил Дог.

— Нет, чистая правда, она не посылала меня. Сегодня утром заезжала Дарла, и она меня испугала. Она сделала вот так, — я подняла руку и из пальцев соорудила подобие пистолета со звуковым эффектом, естественно мое оружие из пальцев было не таким классным, как у нее, но я все равно произнесла:

— Она говорила вполне серьезно, и я решила посоветоваться с тобой. Мне просто нужно убедиться, что с Джинджер все в порядке.

— С Джинджер совсем все не в порядке, — мгновенно ответил Дог. — Джинджер далека вообще от «порядка».

Я прикрыла глаза и вздохнула. Я вздохнула громко, поскольку была в этом хороша, со своей сестрой я прошла полную практику, надо сказать. Потом открыла глаза.

— Я так понимаю, что вы теперь не вместе? — скорее спросила, чем предположила я.

— Нет, детка, мы не вместе, — подтвердил Дог.

Вот черт.

— Что же ей теперь делать? — спросила я.

— Тебе лучше этого не знать, — ответил Дог.

— Полиция идет за ней?

— Вероятно.

Я внимательно разглядывала выражение его лица, спрашивая:

— Но она не из-за этого попала в неприятности?

— Джинджер — это все неприятности разом. И даже если копы идут за ней по следу, это самая меньшая для нее неприятность, которая может с ней случиться.

— Ох парень! — прошептала я.

— Да, именно так, — подтвердил Дог, переметнув взгляд поверх моего плеча.

Я стала поворачиваться, чтобы взглянуть на кого он смотрел, но услышала глубокий, хриплый голос спрашивающий:

— Это кто?

Потом я увидела его. Я не фанат байкеров, но готова была стать байкером, ради Harley *этого* парня. Он был довольно высоким, широкоплечим, с четко очерченной мускулатурой, и слово «довольно» даже близко не относилось к нему. У него было много татуировок на руках и шее, мне сразу же захотелось рассмотреть их поближе, каталогизировать, и возможно, в дальнейшем написать о них книгу. Волосы у него были темные с проседью, в большей части черные, черный перец, и длинные, немного вьющиеся, но не слишком длинные и не слишком вьющиеся. И его борода клинышком была тоже черной с проседью, но немного длиннее, чем обычно у байкеров и казалась потрясающе клевой. Его щеки покрывала двухдневная щетиной, которая на нем смотрела отлично. Вокруг его голубых глаз проглядывали белые морщинки на загорелой коже. Его всего можно было описать двумя словами: *Вкусняшка Байкер*.

— Привет, — прошептала я, и его глаза метнулись поверх моего плеча к Догу, потом перешли на меня и все мое тело задрожало.

Затем его голубые глаза просканировали меня от макушки до кончиков пальцев на ногах, и мое тело снова задрожало.

Потом он заблокировал на мне свой взгляд и хрипло прорычал:

— Привет!

Еще одна дрожь прошла у меня по телу.

Bay!!!

— Тэк, она клевая, и она со мной, — заявил Дог, мое тело не сдвинулась ни на дюйм с места, просто развернулось к Дог, который вышел из-за прилавка и направился в мою сторону.

— Я? — спросила я, но взгляд Дога приколол меня к полу, сказав без слов: «*Заткнись, мать твою!*»

Я заткнулась, мать твою, и повернулась к Байкеру Красавчику.

— Шейла знает о ней? — спросил Байкер Красавчик.

Я посмотрела на Дога, стоящего рядом со мной.

— Шейла?

— Сколько сучек тебе нужно? — спросил Байкер Красавчик проходя вперед.

— Она не моя женщина, брат, она мой друг. Она классная, — ответил Дог.

— Хорошо. Так кто же она? — спросил Байкер Красавчик, уже известный как Прилипало.

— Ее зовут Гвен, — ответил Дог Тэку, взглянув на меня, и я замерла.

Наблюдая, как губы Тэка задвигались, произнося мое имя.

— Гвен.

По мне прошла очередная дрожь.

Мне нравилось мое имя. Я всегда думала, что оно красивое, но Тэк произнес его так, что черт побери, оно понравилось мне еще больше.

— Так кто ты, Гвен? — спросил он меня напрямую.

— Я... друг Дога, — ответила я ему.

— Мы это уже выяснили, дорогуша, — сообщил он мне. — Откуда ты знаешь моего парня?

— Она сестра Джинджер, — быстро произнес Дог, Тэк моментально всем своим телом рванул вперед, напрягшись, и со стороны это выглядело чертовски страшно, я даже забыла, как дышать.

— Скажи мне, что она пришла сюда, чтобы отдать деньги, брат, — прошептал Тэк голосом, который был таким же пугающим, как и его напрягшееся тело, если не больше.

— Она не близка с Джинджер, — объяснил Дог. — Как я тебе уже говорил, она имеет мозги и клевая.

— Она кровный враг, Дог, — прошептал Тэк.

Опаньки.

Я не хотела быть кровным врагом, причем врагом не кого-нибудь, а особенно врагом этого парня. Он был чертовски сексуальным, но и также чертовски *пугающим*.

Настало время все расставить на свои места, pronto.

Я сняла сумку с плеча и открывая, пробормотала:

— Джинджер — настоящая заноза у меня в заднице. Заноза у меня в заднице с того самого дня, когда она отрезала волосы у моей Барби. Ей было три года. Я была уже старше, чтобы играть в Барби, но они были *моими* куклами. Она не могла оставить их в покое? Зачем

остригать им волосы? — Я взглянула на Дога и сказала:

— Я подумала, что так поступают ненормальные. Тогда уже нам стоило догадаться об этом. В три года она орудовала ножницами, творила беспредел и разбивала сердца. — Продолжала я болтать, копаясь в своей сумочке, выискивая чековую книжку, а затем ручку, закончив:

— Она была всегда, *всегда* была дурной кровью.

Я открыла чековую книжку, шустро щелкнула ручкой, приготовившись написать, и взглянула на Тэка.

— Хорошо, сколько она тебе должна? — спросила я разгневанно, совершенно не радуясь, что опять выручаю Джинджер, особенно если речь касалась денег и рассерженных байкеров.

Именно в этот момент я заметила, что Тэк, глядя на меня сверху-вниз, не казался уже таким устрашающим. Он выглядел так, словно хотел рассмеяться. Это было мило.

Но я не хотела видеть его милым, не его выражение лица (не его волосы и его тату, и его тело). Я хотела вернуться домой, напечь печенье и съесть его, причем все.

— Ну? — огрызнулась я.

— Два миллиона триста пятьдесят семь тысяч сто семь долларов, — ответил Тэк, и я почувствовала, как моя челюсть сама опускается вниз, его улыбка вспыхнула на фоне темной бородки клинышком, ошеломляя некоторые рецепторы моего головного мозга, и он закончил:

— ...и двенадцать центов.

— Боже мой, — прошептала я.

Тэк продолжал улыбаться, взглянув на мою чековую книжку.

— Думаю, вся цифра уместится на одной строке, красотка?

— Боже мой, — повторила я.

— Может тебе сделать искусственное дыхание? — спросил Тэк, наклонившись ближе ко мне, и я тут же отошла на шаг назад, захлопнув свой рот и отрицательно покачав головой. — Досадно, — пробормотал он, выпрямляясь.

— Моя сестра должна тебе два миллиона долларов? — прошептала я.

— Да, — ответил Тэк.

— Свыше двух миллионов долларов? — уточнила я, только чтобы подтвердить услышанное.

— Да, — согласился Тэк.

— Бухгалтерской ошибки быть не может? — с надеждой спросила я.

Его улыбка стала еще шире и белее. Он скрестил свои большие, татуированные руки на широкой, фактурной груди и отрицательно покачал головой.

— Может ты забыл, но этот долг в иностранной валюте. Песо, например? — предположила я.

— Неа, — ответил Тэк.

— У меня нет таких денег, — сказала я, но что-то мне подсказывало, что он итак уже об этом догадался.

— Милая куртка, красотка, но я догадался, — ответил он.

Ну, хорошая новость была, что кисточки меха на рукавах его не разозлили. Плохая же новость заключалась в том — моя сестра задолжала ему более двух миллионов долларов.

— Думаю, мне понадобится какое-то время, чтобы собрать такую сумму, — вымолвила

я, а потом закончила:

— ...скорее всего вечность.

— Я не могу ждать вечность, дорогуша, — ответил он, все еще улыбаясь своей огромной улыбкой и если бы он рассмеялся, меня бы это не удивило.

— Я подумаю, — пробормотала я, щелкнув ручкой, захлопнув чековую книжку и засунув ее в сумочку, и утратив тут же все свои умственные способности.

Я имею в виду, у меня была причина лишиться рассудка, и у этой причины было имя.

Джинджер Пенелопа Кидд.

Я подняла глаза на Дога и потребовала объяснений:

— Почему я? Почему? Из-за того, что невинно родилась на семь лет раньше, *и бац!* Бог проклял меня, наградив сестрой из преисподни. Не слишком ли много, чтобы просить за сестру, которая хихикает с тобой и спекулирует секретами макияжа? Не слишком ли много, просить за сестру, которая находит большую распродажу, немедленно тебе звонит, но заранее изучает полки, чтобы занывать отличные вещишки, которые, она точно знает, будут круто смотреться на мне, и я положу на них глаз прежде, чем кто-то их успеет сцапать? Не слишком ли много, просить за сестру, которая заваливается к тебе и смотрит современную версию сериала «Гавайи 5-О» вместе с тобой, так что вы обе истекаете слюной по Стиву МакГарретту и хотите иметь Camaro? Это что? Не слишком? — закончила я кричать. (*«Гавáйи 5.0»*, или *«Полі́ція Гавáйев»* (англ. *Hawaii Five-0*) — американский телесериал, ремейк телесериала 1968-80 годов, разработанный Питером М. Ленковым, Алексом Куртцманом и Роберто Орси. Премьерный эпизод шоу был показан 20 сентября 2010 года по телеканалу CBS, ровно через 42 года после первого показа оригинального телесериала «Гавайи 5-О».) (*Camaro* — *Chevrolet Camaro* — культовый американский спортивный автомобиль, *pony car*, выпускающийся подразделением Chevrolet корпорации General Motors с 1966 года. Производство было прекращено в 2002 году и возобновлено на новой технической базе в 2009 году. Название Camaro является производным от французского *camarade* — друг, приятель.)

— Гвен, детка, думаю, тебе стоит успокоиться, — пробормотал Дог, и я могу поклясться, что на его лице появилось задумчивое выражение — не стоило ли ему меня вырубить для моего же блага.

— Успокоиться? — закричала я. — Успокоиться? — снова заорала я. — Она должна вам, ребята, два миллиона долларов. Она отрезала волосы моей Барби. Она обрезала волосы всем моим Барби. Она украла кулон, который подарила мне бабушка на своем смертном одре, и заложила его, чтобы купить марихуаны. Она напилась и запустила руку в штаны моего бойфренда на День Благодарения. Он был пуританин, ходил в церковь, а после выходок Джинджер — ее руки у него в штанах стала кульминацией в наших отношениях, и еще он застукал ее нюхающей кокаин в ванной — он подумал, что моя семья больная на голову, скорее всего, связана с *криминальным*, он порвал со мной неделю спустя. Он мог быть сколь угодно консервативным и, возможно, занудным, но *он мне нравился!* — Я уже визжала. — *Он был моим бойфрендом!*

— Красотка, — позвал Тэк и мое тело само по себе качнулось к нему, он сократил расстояние между нами.

Я отклонила голову назад и сорвалась на крик:

— Что?

Он обхватил меня рукой сзади за шею, наклонившись близко к моему лицу, и

прошептал:

— Детка успокойся.

Я взглянула в его голубые глаза напротив своих и мгновенно успокоилась.

— Хорошо, — прошептала я.

Его глаза улыбались.

Мое тело лихорадило.

Я поняла, что он отчетливо чувствует мое состояние, по-прежнему удерживая руку сзади у меня на шее, и его пальцы сильнее вдавливались мне в кожу, что-то промелькнуло в его глазах, заставив меня задрожать, но он не мог прочесть это по моему взгляду, но мог только почувствовать. Причем многое.

Время шло.

— Я могла бы продать плазму и почку, но не думаю, что это помогло бы моей сестре решить проблему? — вежливо спросила я, сильно желая отстраниться от его жесткой хватки, но боялась это сделать.

— Никто не дотронется до тебя скальпелем за Джинджер, — тихо произнес он.

— Хорошо, — ответила я.

— Вообще никогда, — продолжил он.

— Хм..., — промямлила я. — Хорошо. — сказала я, потому что не хотела получить шрамы за Джинджер, и вообще не хотела получить ничего серьезного.

Его пальцы еще глубже вонзились мне в шею, и он притянул меня немного к себе, я стояла почти на носочках, его лицо стало еще ближе ко мне. Намного ближе. Я бы сказала, слишком близко. *Дрожь* усилилась.

— Не думаю, что ты озадачишься тем, что я тебе скажу, — он произносил слова совершенно спокойным голосом. — Когда Джинджер в своем дерьме дойдет до крайней точки, и ты окажешься на радаре, ты упомянешь мое имя, да?

О нет. Его вопрос звучал совсем не хорошо. Он звучал совсем плохо, даже по сравнению с долгом два миллиона долларов байкерам. И я подозревала, что не было бы проблем еще хуже, но даже если бы они и были, то Джинджер умудрилась бы их найти.

— Эм... если ты подразумеваешь «да», чтобы я сказала, то, да, я поняла тебя, но если «нет», я не буду упоминать твое имя, — честно сказала я ему, потому что мне показалось, что с Тэком лучше говорить честно.

— Хорошо, красотка, я скажу, что ты вляпалась в дерьмовую ситуацию и можешь сослаться на меня. Назвав мое имя, будет означать — защита. Теперь ты поняла меня?

— Хм... вроде бы, — ответила я. — Но почему я вляпалась в ситуацию?

— Твоя сестра облажалась по полной, насрала, где жила, нагадила там, где не жила, короче, она насрала везде. Ты пришла сюда, понятия не имея об этом. Не вляпайся в какую-нибудь другую дерьмовую ситуацию, потому что другие люди..., — он сделал паузу, — не найдут тебя милой, как я.

— Хорошо, — прошептала я, мне понравилось, что он нашел меня милой, хотя тут же я пожалела, что не позвонила своему отцу, или скажем, не села в самолет и не улетела во Францию. — Если я... я воспользуюсь твоим именем... хм, что это будет означать?

— Будет означать, что ты в долгу передо мной.

Ох.

— А что я тебе должна?

Он ухмыльнулся, но не ответил.

О боже мой!

— Что я тебе должна? — повторила я.

— Мне нужно заняться байком, а как тебе выйти из данной ситуации, мы поговорим об этом позже.

— Уверена, со мной все будет хорошо, — уверила я его, и быстро произнесла про себя короткую молитву, надеясь, что так и будет.

Его улыбка стала еще шире.

Затем он убрал свою руку, но тут же выхватил сумочку у меня из рук, и прежде чем я успела пикнуть, стал рыться в ней. Я решила предоставить ему такую возможность. Он уже и так касался меня, и я не хотела бы, чтобы он схватил меня снова, поскольку не была уверена в своей ответной реакции — запрыгнув на него, я автоматом переходила на первую строчку в списке его возможных подозреваемых. Я также подумала, что даже в борьбе за свой кошелек, он явно окажется лучше меня, поэтому решила предоставить ему то, что он хотел. В сумочке находился мой самый лучший блеск для губ, но сейчас, если он решит его забрать и отдать одной из своих сучек, я была готова пожертвовать им.

Он отыскал мой сотовый, открыл, и стал большим пальцем нажимать цифры, затем закрыл и опустил назад в сумочку, повесив ее мне на руку.

— У тебя теперь есть мой номер, дорогая. Если потребуется, воспользуйся им. Даже если не будет необходимости, ты можешь воспользоваться им, не стесняйся. Теперь, ты поняла?

Я водрузила свою сумочку на плечо и понимающе кивнула. Он же подумал, что я милая. Я боролась с очередной дрожью.

— Было приятно познакомиться, Гвен, — мягко произнес он.

— Да, — прошептала я, — До свиданья. — Затем повернулась, взглянув на Дога, который ухмыляясь смотрел на меня сверху-вниз, я произнесла:

— Пока.

— Увидимся, детка, — ответил Дог, и его слова прозвучали так, как будто он на самом деле собирался увидеться со мной позднее, что заставило меня бороться с очередной накатывающей дрожью.

Я повернулась к молчаливым байкерам, стоящим позади меня, они все светились улыбками, и мне показалось это еще ужаснее, чем их грозный вид, взмахнула рукой и воскликнула:

— До свидания.

В ответ услышала мужской хор голосов:

— До встречи, дорогая.

И я выскочила из этого ада.

Глава 2

Я держу руку на пульсе

Я ехала домой с беспорядочными мыслями, кружащими в голове.

В первую очередь, по поводу моей сестры. Я не отреклась от нее, как мой отец и Мередит. Она даже не была мне родной сестрой. Она была моей сводной сестрой. Конечно, это не я обнаруживала ее в гостинной, делающей минет мужчине в отключке, но со мной она совершала вещи и похуже, намного хуже, гораздо серьезнее, поэтому мне было просто

отказаться от нее и забыть об этом.

По злой иронии судьбы, мой отец женился на моей матери, которая имела неуправляемый характер, но когда они поженились, она превратилась в ангела, и они сотворили ребенка.

Мама ушла, когда мне было три года, но она время от времени возвращалась, и когда появлялась было весело. Я многого не помню, но помню, что она была потрясающая. Она была далека от правил и дисциплины, приносила мне сладости, которые превращались в один большой слипшийся комок, посещала интересные места и хорошо проводила время.

Так было до одного случая, когда она взяла к себе на выходные и познакомилась с парнем, который ей понравился, и она влюбилась в него. Она привела его к себе в гостиницу, дала мне кучу конфет и отправила меня на улицу, чтобы я сидела и ждала, когда она позовет меня назад.

Менеджер мотеля увидел меня на скамейке, болтающей ногами и поедающей конфеты, мечтающей, а мечтала я с незапамятных времен, и позвонил в полицию. Когда полицейские прибыли, я уже собиралась уходить, потому что мне было скучно и меня бы не нашла полиция. Я сказала полицейскому свой номер телефона, который отец заставил меня выучить наизусть, и они позвонили ему. За мной пришел папа, он так кричал и ругался с мамой в мотеле, пока ее «случайная-однодневка» не крикнул им успокоиться и говорить тише, потому что он пытался заснуть, я больше никогда не видела маму. Никогда.

Какое-то время я скучала по ней, но я не очень хорошо ее знала, и в нашей жизни уже была Мередит.

Мередит была фантастической. Она была самой крутой мачехой, которая вообще может быть. Она была доброй и смешной, и любила моего отца, *очень*. Она готовила домашнее печенье, которое хранила в жестяной банке и для девочки, воспитывающейся мужчиной, причем мужчиной в полном смысле слова, естественно это означало, что она была практически идеальной.

Она и папа поженились, и на их свадьбе я была девочкой, разбрасывающей цветы, но не совсем обычной девочкой. Она шла по проходу, держась за согнутую в локте руку моего отца, а другой рукой держала меня за руку. Она смогла сделать этот день особенным — *нашим* особенным днем. Она произнесла клятву, стоя у алтаря, не только принять этого мужчину в свою жизнь, но вступить в брак, создав семью. Мне было шесть лет, и я никогда не забуду насколько важной и особенной она заставила меня себя почувствовать в тот день.

Но в этом была вся Мередит, и такой она была все время.

Затем она вместе с папой произвели Джинджер, но она была моей мамой примерно пять миллионов раз, если не больше.

Это был жесткий поворот судьбы для всех — отца, Мередит и меня.

Во-вторых, я подумала о разговоре с Тэком. Как он говорил со мной, как смотрел и как заставлял меня себя ощущать.

Я регулярно спала с мужчиной, имени которого не знала. Мужчиной, с которым встретила в ресторане меньше, чем полтора года назад, привела его к себе домой, переспала с ним, и это был лучший секс с момента, когда я стал заниматься сексом, но к сожалению или к счастью, в зависимости от того, как на это посмотреть, он продолжал приходить ко мне, каждый раз доказывая, что тот первый раз был не случайным, напротив, предварительной подготовкой к изменениям.

Я не давала ему ключа от квартиры. Как он попадал ко мне было такой же тайной, как и

его имя. Но он делал это постоянно. Он приходил иногда раз в неделю, иногда два раза в неделю, иногда не появлялся целую неделю. Один раз он пропал на три недели, и я начала беспокоиться, а потом испугалась, что беспокоюсь по такому вопросу.

Но он всегда возвращался. Всегда.

С Загадочным мужчиной в моей жизни мне не нужны неприятности, которые описывал Тэк. Итак, он думал, что я была милой и бонус заключался в том, что я знала его имя, а он знал мое (как зовут Загадочного мужчины я так и не узнала). Но моя сестра должна ему больше двух миллионов долларов, и Тэк вызывал жуткий страх.

Он также сказал, что я могу оказаться на «чужом» радаре и таким образом попасть в «ситуацию». Я не хотела оказываться на чьем-нибудь радаре, и не хотела, чтобы за мной охотились, и оказываться в еще худшей ситуации, у меня и было достаточно своих собственных ситуаций в жизни, ведь по сути я была падчерицей. Мне еще не хватало, чтобы Джинджер втягивала меня в свои проблемы.

И наконец, я подумала о своем Загадочном Мужчине. Вспоминая дни, когда он меня навещал. Я всегда задавалась вопросом, что такое происходило со мной, что я никогда не говорила ему оставить меня в покое. Сейчас же мне было интересно, а может быть я не говорила потому, что самый потрясающий любовник во всем мире навещал меня глухой ночью, но сейчас я задалась вопросом — хотела ли я встречаться с кем-то другим? У меня за все время было три свидания, но ни одного любовника, поскольку я встречалась с Потрясающим ЗМ. Никто из мужчин даже не приблизился к нему ни на йоту, никто из них даже не дошел до второго этапа свидания (да, Потрясающий ЗМ умел целоваться).

Он полностью испортил мою жизнь.

Нет. Нет, это неправда. Я испортила свою жизнь сама.

Именно так я и подумала, паркуясь на дороге и направляясь к своему дому, опустив голову вниз, на автомате сунула ключ и открыла дверь.

Но несмотря на то, что была вся поглощена своими размышлениями, совершенно оказалась не готовой к тому, что произошло.

Я ступила за порог, дверь с грохотом захлопнулась за мной. И рука с силой впечатала меня в дверь. Как только я сфокусировала взгляд, увидела знакомые черные глаза и ощутила прижавшееся ко мне тело, зажав между входной дверью и собой.

Я только тогда видела его при свете дня. Он не включал свет, посещая меня ночью.

Боже, я и запомнила, насколько он был красив. Даже в моих фантазиях он не был так красив.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала я.

— Ты, мать твою, *спятила*? — рявкнул он, приблизив свое лицо.

Я с удивлением пару раз моргнула от его рассерженного тона и спросила:

— О чем ты?

— С самодовольным видом заявила в «Ride». Господи, ты с ума сошла?

Я снова моргнула. Во-первых, потому что смутилась. Откуда он узнал, что я ездила в «Ride»? Во-вторых, меня больше озаботило, чем он занимался в течение дня? В-третьих, я еще больше запуталась, потому что его невероятно красивое лицо стало злым, причем очень.

— Хм...

— Ответь мне, дорогая, — произнес он.

Упс. Он казался страшнее, чем Тэк, Дог и вся байкерская банда вместе взятые.

— Гвен, я сказал ответь мне, — его глубокий голос начинал гроыхать.

Но я могла лишь опять моргнуть.

— Ты знаешь, как меня зовут?

Он смотрел на меня сверху-вниз.

Затем отступил назад и провел рукой по коротко стриженным черным волосам, качая головой, но даже ни на секунду, не отводя от меня своего свирепого взгляда.

— Господи Иисусе, детка, ты — трудное дело.

— Что? — прошептала я.

Он опустил руки на бедра и немного отодвинулся от меня.

— Да, Гвен, я знаю твое имя. Гвендолин Пайпер Кидд. Тридцать три года. Работаешь по найму, внештатным редактором. Вовремя платишь налоги, а также выплачиваешь ипотеку, и вовремя оплачиваешь все счета. Была замужем два года за человеком, который не мог удержать свой член в штанах, и который после тебя женился еще три раза, в настоящее время находится в разводе четвертый раз. Твой отец Бакстер Кидд, бывший военный, ныне старший строительной бригады, женат на Мередит Кидд, исполнительный секретарь преуспевающий адвокатской фирмы по бракоразводным процессам, которая кстати помогла тебе разрешить весь беспорядок с этим засранцем. Ты общаешься с Камиллой Антуан, работающей в диспетчерской полиция Денвера и Трэйси Ричмонд, которая работает везде, в основном в розничной торговле. Ты водила за нос Троя Лафлина, который готов был убить за твои трусики, но ты понятия об этом не имела, а у него не хватило яиц, чтобы это доказать. Твоя сестра определенно неудачница. Ты слишком много тратишь на одежду. Когда куда-то выходишь, показываешься во всей красе. И единственный мужчина, с которым ты трахалась последние полтора года — это я.

Второй раз за день моя челюсть сама опустилась вниз.

Я закрыла рот, чтобы снова его открыть.

Потом все же закрыла и попыталась сказать:

— Откуда тебе известно столько обо мне?

— Душистый Горошек, я знаю, чем занимаюсь, бл*дь, — выстрелил он в ответ, и я почувствовала, как мое тело вздрогнуло, словно он ударил меня своими словами. Он не видел этого, точнее, сделал вид, что не заметил, решая продолжить:

— А теперь скажи мне, зачем ты ездила в «Ride»?

— Мне нужно было поговорить с Догом, — объяснила я, я так и не смогла сказать ему другие десять тысяч и пятьдесят слов, которые хотела бы.

— Тебе нужно было поговорить с Догом, — повторил он.

— Да, — ответила я.

— Детка, таким образом, ты оказалась в самом центре радара, ты засветилась, как чертов маяк.

— Что это значит? — спросила я.

— Это значит, что ты оказалась в полной жопе, — ответил он.

Запоздало я начала злиться.

— Хорошо, — я отодвинулась от двери, выпрямляясь, — что это значит?

— Думаю, ты понимаешь, что твоя сестра — кусок дерьма, — проинформировал он меня.

Это было неправильно называть Джинджер куском дерьма. Так мог называть ее мой отец, Мередит или я. Даже Тэк и Дог, которым она задолжала более двух миллионов долларов, могли тоже ее так называть.

Но этот человек, стоящий передо мной, мужчина, которого я не настолько хорошо знала и смогла разглядеть при свете дня, не мог так называть мою сестру. Он напоминал мне сейчас большого, жирного *ублюдка*!

— Не называй Джинджер куском дерьма, — предупредила я.

Его брови взлетели вверх, отстой, он был так чертовски красив — смуглый, черные глаза, волевой подбородок, густые, короткие, черные волосы, точеные черты красивого лица и не менее красивое рельефное телосложение — все это намекало на испанские или итальянские корни, и все вместе было чертовски, невероятно *восхитительным*. Но самое страшное для меня оказалось то, что он стал еще более офигительно красив, с приподнятыми в полном недоумении бровями, явно говорящими, что я идиотка.

— Ты хочешь мне сказать, что не знала, что твоя сестра шваль? — спросил он.

— Нет, я говорю, что *ты* не можешь называть ее швалью. Я могу называть ее куском дерьма, но *ты* не можешь.

Он хмуро посмотрел на меня, а потом пробормотал:

— Мать твою.

— Думаю, мы закончили, — объявила я, собираясь открыть входную дверь, но вдруг обнаружила, прижатой себя к двери его большим, твердым, выточенным телом, с руками по обе стороны моей головы, приподнимая меня за подбородок, чтобы я смотрела ему в глаза.

— О, нет, Душистый Горошек, мы не закончили, — прошептал он пугающим спокойным голосом, и я с трудом удержала свой рот, чтобы он опять не открылся, потому что в данный момент он пугал меня намного сильнее, чем полтора десятка банды байкеров, но я смогла с собой кое-как справиться только лишь потому, что он удерживал меня за подбородок.

— Отойди от меня, — потребовала я, радуясь, что у меня не дрожал голос.

Он проигнорировал мои слова, не сдвинувшись ни на шаг. Вместо этого он сказал:

— Твоя сестра накупила себе кучу дерьма, потом накупила еще больше, но на этом не остановилась, продолжая что-то покупать. Она рассердила очень серьезных людей. Лучший конец в этом сценарии, если она умрет. Знаю, что между вами двумя не было особой любви, но все равно для тебя это звучит хреново, но такова правда.

— Отойди от меня, — повторила я.

Он продолжал полностью игнорировать мои слова.

— Самое лучшее, что тебе следовало сделать, когда Дарла появилась на твоем пороге — закрыть дверь и не думать об этом дерьме, вернувшись к своей работе. Но ты этого не сделала. Ты почувствовала себя крутой и направила свою задницу в сторону «Ride», тем самым привлекая к себе внимание Тэка, поверь мне, детка, ты не захочешь его внимания. И засветившись по полной, ты сделала себя заметной для многих людей, о которых ты не захотела бы даже слышать, а не то, что знать об этих людях. Но ты сделала именно так. Теперь проблемы твоей сестры для тебя не существует. Твоя сестра не существует для тебя. Теперь, ты думаешь головой прежде чем что-то сделать и стараешься не влипнуть в новые неприятности. Это означает, что ты придерживаешься правила — с кем, когда и где. Ты будешь перемещаться согласно заранее запланированному плану. Ты поняла меня?

— Откуда ты знаешь, что Дарла была здесь?

Его брови сошлись вместе, и сейчас он выглядел устрашающим и было видно, что с трудом сдерживался.

— Раскрою секрет, Душистый Горошек, я держу руку на пульсе.

— Ты следишь за мной?

— Ты моя, поэтому я наблюдаю за тобой.

Я почувствовала, как мои собственные брови тоже сошлись на переносице.

— Я *твоя*?

— Детка, я бл*дь твой, разве не так?

Это совсем не походило на вопрос. Я не видела его лица, но поняла, что он имел ввиду.

Он предпочитал командовать в постели, и я бы узнала его глубокий голоса где угодно.

— Хорошо, — начала я, — возможно, в данной ситуации нам стоит обсудить наши отношения.

— Опять же открою тебе секрет, Гвен, почему наши отношения такие, какие есть, и я не собираюсь тратить свое время на бл*дь тупое дерьмо, только как обсуждать их.

Ох. Теперь я действительно очень разозлилась.

— Мне кажется, что тебе стоит отойти от меня на шаг назад, и мне кажется, лучше тебе вообще уйти, — ответила я ему.

— Думаю, тебе стоит еще раз сказать, *чтобы я ушел*, и я уйду.

— Хорошо, я понятно изъясняюсь сейчас... *уходи*, — выпалила я в ответ.

Он не сдвинулся ни на шаг, его черные глаза не открываясь смотрели на меня.

Поэтому я воскликнула:

— Эй? Я сказала тебе, ты можешь уходить.

Вдруг его взгляд стал более теплым, и он прошелся пальцами по моим щекам.

И нежно произнес:

— Ты злишься.

Он, что реально настоящий?

— Ну... *да*, — согласилась я.

— Не злись, — велел он.

Нет, на самом деле, он не мог быть настоящим.

— Ты не можешь мне указывать злиться мне или нет.

— Детка, ты думаешь мне не чем заняться сейчас, нежели как быть рядом с тобой? — спросил он.

Ох, Боже мой.

Интересно действительно ли может взорваться голова от мыслей? Потому что в данный момент я была почти уверена, что моя голова готова взорваться.

— Тогда, может быть, тебе следует поспешить туда, где ты должен быть, — предположила я резко.

— Но вопрос в том, что я нахожусь здесь.

— Ну, мне не нравится разрывать с тобой связь, но у тебя запланированы другие визиты, которые очень могут тебе понравиться.

Он улыбнулся, и мое сердце перестало биться.

Никогда, ни разу, даже в нашу первую ночь, я не видела его улыбку, но его обворожительная улыбка ввела меня прямо в ступор.

Но Господи ты Боже мой, у этого мужчины еще появились две ямочки на щеках.

Две.

— Ты не понимаешь, почему я злюсь на тебя? — спросил он мягко, по-прежнему улыбаясь.

— Нет, не понимаю, и у меня нет никакого оправдания, что я веду себя, как дурочка, поэтому если ты так занят, пожалуйста, не трать на меня свое время, просто *иди*.

— Ты сильно облажалась сегодня, Гвен, — сказал он.

— Мне кажется, ты дал мне ясно это понять, малыш, — выстрелила я в ответ.

Почему-то теплота в его глазах стала темнее, и он прошептал предупреждая:

— Не называй меня малыш, когда ты злишься, Душистый Горошек.

— Не называй меня постоянно Душистым Горошком, малыш, — парировала я.

— Ты называешь меня малышом, когда я тебя трахаю, — заявил он, и я так и не почувствовала, то ли это было требование, то ли его воспоминания, скорее всего и то и другое.

— Ну, не жди, что это случится снова.

Теплота в его глазах становилась все сильнее, жарче, и его пальцы снова прошлись по моему подбородку. Я попыталась отстранить лицо, но он удерживал меня намертво, я перестала сопротивляться.

— Ты не должна подвергать себя опасности, с которой не сможешь справиться, — посоветовал он, произнося слова все еще мягко.

— Сколько раз я должна повторить тебе, чтобы ты уходил? — спросила я.

Он опять проигнорировал меня, заявляя:

— Я решу эту проблему.

Он серьезно был *реальным*?

— Мне кажется не плохо привнести в жизнь какие-то изменения, освежить, так сказать, и почувствовать адреналин, — сообщила я ему.

— Не вляпывайся в это дерьмо, Гвендолин, — предупредил он. — Тебе явно не понравятся последствия.

— А как тебя зовут? — вдруг спросила я.

Он ответил:

— Ты называешь меня малышом.

— А твое настоящее имя? — уже более настойчивее повторила я.

— Иногда очаровашка..., — продолжил он.

— А как на самом деле тебя... зовут? — спросила я.

— ...я предпочитаю малыш.

Я закатила глаза к потолку и отрезала:

— Господи! — и со злостью топнула ногой, но при этом поняла через секунду, что обнимала его за талию, поэтому отошла в сторону.

Он не сдвинулся с места ни на дюйм.

Я отвела от него взгляд, и поняла свою оплошность, его губы тут же очутились у меня на шеи, передвигаясь вверх к уху, а потом он прошелся языком, оставляя дорожку поцелуев.

Само по себе мое тело задрожало от головы до кончиков пальцев.

Он оторвался от меня, внимательно посмотрев мне в глаза, опять приподняв мой подбородок и прошептал:

— Да.

Легко отодвинув меня от входной двери, через секунду он оказался на улице, а потом исчез.

Я посмотрела на закрытую дверь, подошла к окну, пытаюсь его обнаружить, но его нигде не было, он словно испарился.

Прислонившись спиной к входной двери, я уставилась на беспорядок в гостиной. И вдруг я четко осознала, что его тело тоже дрожало в унисон моему.

Глава третья

Крещение

Мой дом был старым фермерским домом, когда-то украшающий поля, но теперь находился в районе среди новых домов, построенных за последние пятьдесят лет на окраине Денвера.

Как только вы проходили через дверь с узкими поотрясающими витражами, попадаете в гостиную, открывающуюся вашему взору. Справа от гостиной, за раздвижной стеклянной дверью, небольшой кабинет, но в данный момент я им не пользовалась. В данный момент это была пустая комната. Слева была свободная, крутящаяся дверь в большую кухню. Наверху — три спальни, одна маленькая, которую я превратила в свой кабинет и гигантская ванная комната.

Отец не разрешил мне переехать в этот дом, пока не поменял со своим другом Риком всю сантехнику. Он объяснил, что в ванной комнате в скором времени просто может провалиться пол. Мне казалось, что он несколько сгущал краски, поскольку ненавидел мой дом и до сих пор продолжает его также ненавидеть. Даже не знаю почему, отец никогда не был слишком уж впечатлительным мужчиной. Поэтому я совсем не удивилась, когда он с другом начал ремонтировать ванную комнату и ванная на самом деле провалилась, как он и говорил.

Так папа переделал всю мою ванную комнату, положил новый пол, и теперь сама ванная стояла на великолепных ножках, раковина была с тумбочкой, появился полотенцесушитель и многое другое. Он также переложил деревянные дощатые полы в спальне и в кабинете, по новой отштукатурил стены в обеих комнатах. Я вместе с Мередит нарисовала интерьер своей спальни, и Мередит сделала мне убийственные прямые шторы для спальни и для кабинета. Я со своей подругой Трейси покрасила стены в своем кабинете. Затем приступила к самому радостному этапу в ремонте: украшению. Папа тем временем перешел на кухню, над которой он работал вместе с Троем. Им потребовалось пять месяцев, потому что они оба занимались не только ремонтом моей кухни, у них имелась еще и своя собственная жизнь, а также им приходилось отвлекаться на починку крана под ванной, который нельзя было перекрыть, протекающую крышу, выключатель света в моей комнате, который сломался и обогреватель, вышедший из строя, и все в таком духе.

Но теперь кухня выглядела просто фантастически, шкафы поблескивали кремовым гляncем, большой сколоченный, прямоугольный деревенский стол стоял посередине с шестью стульями по бокам, кухонная стойка с разделочной столешницей, потрясающие электроприборы, которые папа приобрел по дешевке через свою строительную сеть, поскольку они были повреждены, но в каком месте и где, обнаружить мне так и не удалось. Я оформила кухню в деревенском стиле, с шармом, внеся чуть-чуть причудливую изюминку. Я ни в коем случае, не была провинциалкой, но сама кухня принадлежала старому фермерскому дому, поэтому здесь требовался деревенский подход, и я смогла проявить свои чудачества.

После ухода ЗМ, я отправилась на кухню, достала тесто печенья с шоколадной крошкой, выложила в миску, взяла ложку и чашку кофе, и села за стол, схватив телефон. (*Edible Egg-*

less Chocolate Chip Cookie Dough — тесто, печенье с кусочками шоколада, которое едят так или выпекают.)

Подложив под себя ногу, я долго смотрела на экран телефона.

Мне следовало позвонить Камилле. Камилла была болтушкой, но честной и... умной. Она была приземленной, но обладала трезвым умом. Камилла жила с Лео, полицейским, вместе уже пять лет. У них были хорошие отношения, построенные на любви, трудностях, но интересные, поскольку Лео и Камилла были прямолинейно честными, сохраняя при этом полное спокойствие. Но если бы они когда-нибудь расстались, как Голди Хоун и Курт Рассел, это было бы скорее доказательством того, что мир рушится.

Камилла, однако, знала о ЗМ и думала, что я немного свихнулась, разрешив ему приходить ко мне в середине ночи, при этом даже не зная его имени. Она неоднократно советовала в следующий раз, во-первых, дать ему по яйцам, а, во-вторых, позвонить в полицию.

Ох.

Я также могла позвонить Трейси. Трейси была романтической натурой. Трейси не относилась к честным болтушкам. Трейси готова была перенести ужасные пытки, нежели сказать тебе то, что заставит почувствовать тебя неудобно или как-то заденет твои чувства. Трейси встречалась с тремя парнями, и все они были придурками, но удерживала их рядом с собой, не желая с ними расставаться, несмотря на то, что они были придурки. Пока они ей окончательно не наскучат, и она не начнет двигаться дальше, что Трейси делала неоднократно, она мирилась с ними, поскольку на работе Трейси и так хватало дерьма, у моей дорогой Трейси не было хребта, она была очень безотказной.

Трейси нравилась мысль о ЗМ, и она была убеждена, что в один прекрасный день он протянет руку, включит электрический свет, увидит мое лицо, возьмет его в ладони и скажет, что солнце взошло и встало на небосклоне для него только благодаря мне, сделает мне предложение, мы сыграем сказочную свадьбу, и он будет относиться ко мне как к принцессе до конца своих дней. Даже после полутора лет, она четко верила, что такое может произойти, и она ни разу не поколебалась в своем решении. Последний визит ЗМ, скорее всего, заставит ее танцевать от восторга. Она даже не может себе представить, что он оказывается может быть резким, навязчивым и в высшей степени раздражающим.

Я не могла позвонить Трою, особенно после того, что сказал о нем ЗМ, я была в шоке. Трой всегда был для меня — просто Трой. Трой все время находился рядом со мной, еще до того, как мы стали подругами с Камиллой и Трейси. Трой был рядом, когда я познакомилась со Скоттом Лейтоном и когда вышла замуж за Скотта Лейтона, и Трой был рядом, когда Скотт Лейтон разбил мне сердце. Трой был для меня другом, и я никогда не думала, что он хотел залезть мне в трусики, но посмотрев на него с совершенно другой стороны, это напугало меня едва ли не больше, чем все случившееся за день.

Я вперилась взглядом в свой телефон и засунула ложку с печеньем в рот.

Я положила ложку на столешницу, подняла трубку и приняла первое разумное решение за весь день, с той минуты, как рука ЗМ скользила у меня по пояснице прошлой ночью.

Я набрала номер, сглотнула и приложила трубку к уху.

— Что случилось, подруга? — тут же ответила Камилла.

— Прошлой ночью ко мне приходил Потрясающий ЗМ.

На том конце провода воцарилась тишина, *полная* тишина.

Но потом она произнесла:

— Подруга...

И снова тишина.

— Но он также вернулся сегодня днем, когда я пришла домой, сделав кое-какие дела, и ушел всего лишь двадцать минут назад.

Опять воцарилась тишина, похожая словно все звуки мира, попали, засасываясь в этот вакуум.

— Кэм? — позвала я.

— Он ушел всего лишь двадцать минут назад? — переспросила она.

— Да, — ответила я.

— Он появился перед тобой днем? — опять спросила она.

— Да, — также ответила я.

— И он не воспламенился от этого и ничего такого не произошло? — задала она очередной вопрос.

— Нет, — ответила я с улыбкой.

— Тогда что случилось?

Именно тогда я и начала ей рассказывать про его вчерашний визит, про Дарлу, про Дога и Тэка, и про совершенно неожиданный визит Потрясающего ЗМ, который оказывается умел говорить, даже называл меня «любимой» и про момент выяснения наших отношений.

Когда я закончила, она пробормотала единственное слово:

— Дерьмо.

— Черт, что? — переспросила я.

— Подруга, я знаю кто такой Кейн Аллен, а вернее Тэк, большая шишка в «Хаосе» МС. И я также знаю, что ты *не захочешь вступить* в этот клуб. По слухам, он отмотал свой срок, пытаясь очистить клуб, ему это удалось с некоторым успехом, но само слово «очистить» для этих парней не несет такого же значения, как для остальной части населения Штатов. Они не просто так называют себя «Хаосом», эти парни совершенно не похожи на других. Байкеры его клуба не умеют себя вести, как все остальные люди, они далеки от цивилизованных людей. Они не только не существуют в мире закона и порядка, скорее они существуют в своем мире, пытаясь выжить, доверяя только инстинктам. Они животные, Гвен. И это чертовски не смешно.

Ох.

— Ну, я точно не собираюсь идти с ним на свидание, — напомнила я ей.

— И не вздумай, никогда. Ты выходишь по делам, а потом прямиком домой. Ты поняла меня?

Упс.

— Он выглядел таким пугающим. Кэм, я не собираюсь с ним встречаться, — уверила я ее.

— Боже, я очень надеюсь, что нет, — сказала она как бы между прочим, что означало, что она до конца не поверила мне. Я познакомилась с ней во время моего развода, она естественно все знала о красавчике Скотте, который оказался полным мудаком. И она также знала о ЗМ, который также был горячим, очень сексуальным, гораздо более сексуальным, чем Скотти.

— Я поговорю с Лео, посмотрим, что я смогу узнать о твоей сестре, — сказала она. — Единственное, что могу сказать о ЗМ, он на самом деле дал тебе хороший совет. Тебе необходимо залечь на дно. Джинджер пусть идет своей дорогой, которая однозначно

приведет ее к беде, но мне кажется, она уже ее нашла. — Я слушала, совершая глубокие вдохи, и совсем глубоко вдохнула от ее концовки. Она знала, что мне не понравятся ее слова, но Камилла всегда говорила правду, но это не означало, что у нее нет души. Она на самом деле была очень доброй. Поэтому, когда она решила продолжить, то попыталась сделать это более аккуратно.

— Я понимаю, что она твоя сестра, подруга, но Джинджер Кидд совершенно не волнует, что своим поведением она может навлечь неприятности на своих близких, она просто пользуется ими в качестве живого щита, способного защитить ее тощую, белую задницу. У нее очень серьезные проблемы, и она тут же решает прикрыться тобой, девочка моя, причем без колебаний.

То, что говорит Кэм, однозначно верно.

— Я в данный момент официально отреклась от нее и ее проблем, — заявила я.

— Наконец-то, — пробормотала Кэм.

— Позвони мне после разговора с Лео, — попросила я ее.

— Гвен? — опять позвала она.

— Да, детка, — произнесла я.

— Я также хотела бы с ним поговорить о ЗМ.

О нет. *Черт побери*, только не это. Даже мой отец и Мередит не знали о ЗМ. Трой не знал о ЗМ, и Леонард Фриман не знал о ЗМ. Единственно, кто знал о ЗМ были Камилла и Трейси, и я заставила их поклясться хранить это в тайне.

Скорее всего, потому что дело касалось лично меня, моих чувствах к ЗМ, а может быть из-за того, что я стыдилась того, что позволяла ему навещать меня столько времени. Все это пахивало отчаянием и проституцией с моей стороны, двумя направлениями, которыми настоящая девушка не должна следовать. Никогда. Я любила своего отца, Мередит, Троя и Лео. Я не хотела, чтобы эти люди подумали, что я шлюшка впавшая в отчаяние.

— Гвен..., — позвала Кэм.

— Нет, Кэм, нет. Прошу тебя, *не говори* Лео о Потрясающем ЗМ, — твердо заявила я.

— Послушай меня, подруга, — так же твердо заявила она. — Этот парень может проходить сквозь двери. У этого парня явно имеются средства сбора о тебе информации и слежки за тобой. Теперь благодаря тебе я знаю об этом точно, этот парень следит за твоими перемещениями, он действительно все время «держит руку на пульсе», и Лео может автоматически выяснить все про него и проследить.

— Возможно, но я не хочу, чтобы Лео следил за ним.

— Почему? — спросила она с нетерпением. — Он собрал о тебе всю информацию.

— Так-то оно так, но на сегодняшний день я официально отреклась от сестры и официально заканчиваю свой сумбур в отношениях с Потрясающим Загадочным Мужчиной. Все кончено. Окончательно.

Опять установилась тишина.

— Ты на полном серьезе?

— Я серьезно, Кэм! — воскликнула я. — Я рассказала тебе, как он со мной разговаривал. Я рассказала, как он говорил о наших отношениях. Он собирал обо мне информацию. Он знает обо мне все. Он сказал, что сам решит эту проблему. Но он так и не назвал мне своего имени. Эта ситуация и так утомляла, но сегодня я пришла к выводу, это уже перебор, он и так задел меня своим словами, поэтому у меня в мозгах прозвенел звонок — все кончено.

Опять тишина, потом она произнесла:

— Надеюсь, что это так, девочка. Я говорила это раньше и скажу опять — полно горячих парней не таких гребаных мудаков. Они не будут использовать тебя, чтобы снять свое сексуальное напряжение. Есть мужчины, которые знают, как нужно обходиться с девушками, и ты обязательно встретишь того единственного, детка, но единственный способ — соскрести с себя того, кто не достоин тебя.

В этом была вся Камилла Антуан, правдивая. И Камилла Антуан была очень умной девушкой.

— Ну, сегодня был однозначно день Крещения. Джинджер и Потрясающий ЗМ теперь уже история, — важно с пафосом заявила я.

— Аллилуйя, — ответила Кэм.

Десять минут спустя мы закончили разговор. Потом сидя за столом, полностью умяв густую массу печенья, я посмотрела на свой телефон, надеясь, увидеть след своего важного заявления.

Я взяла телефон и позвонила Трейси.

Глава четвертая

Бейсбольная бита или монтировка

Я услышала грохот и дернулась, просыпаясь, адреналин несся по венам, кожа покрылась мурашками.

Кто-то проник в мой дом.

Я прислушалась, было тихо, но я чувствовала. Знала, что кто-то был там внизу.

Потрясающий ЗМ никогда не производил никакого шума. Несмотря на то, что я передвигала мебель или банки с красками, оставляя инструменты и краску где попало, он все равно бесшумно передвигался в темноте, словно видел, как днем.

Он *никогда* ни на что не натыкался. Он никогда не создавал такого грохота.

Я повернулась, потянувшись к телефону, очень сожалея, что у меня нет оружия. Никакого, хотя бы бейсбольной биты. Любого, которое могло заставить меня почувствовать себя не такой беспомощной. Не такой одинокой. Я была бы рад компании любого неодушевленного предмета, если он был бы способен нанести ущерб.

Я схватила телефон и набрала 911.

— Девять, один, один, что у вас случилось?

— Меня зовут Гвендолин Кидд, — прошептала я. — Я живу в три, три, два по улице Vine и кто-то вломился ко мне в дом. Они здесь, в доме. Пришлите кого-нибудь. Я сейчас повешу трубку и не перезванивайте. Это не розыгрыш.

Я выключила звонок на телефоне, бросив его на кровать, и перекатилась на другую сторону, где на тумбочке стоял мой снежный шар, который мне очень нравился. Этот сувенир был от Rosina Wachtmeister со счастливым котенком внутри, маленькими цветочками на основании, и если его перевернуть и потрясти, блески начинали кружить вокруг котенка. (*Rosina Wachtmeister — любительница кошек, которая производит различных кошек в виде сувениров и т. д.*)

И если я воспользуюсь снежным шаром, ударив кого-то по голове, они не смогут меня изнасиловать.

Я схватила шар и на цыпочках двинулась к двери, прижавшись плечом к стене, выжидая,

установившись на дверь.

Сердце билось так громко, что мне казалось, будто в ушах я слышу, как оно бьется, тело способно было двигаться, хотя я не чувствовала его. Я была до смерти напугана, и мысли меня совершенно не успокаивали.

В доме явно кто-то был, я не слышала их, зато чувствовала.

Потом я услышала шаги по коридору.

Охбожеймой, охтыбожеймой, охбожеймой.

Я попыталась припомнить за сколько минут должны прибывать копы на вызов. «Семь минут», — пришло мне в голову, хотя точно не могла сказать правильно ли вспомнила или нет.

У меня не было семи минут, так как незваные гости были слишком близко.

Я бесшумно продвинулась по стене к двери, установившись на нее во все глаза. В большинстве случаев я закрывала дверь. Я стала закрывать ее пытаясь услышать, когда появляется Потрясающий ЗМ. Я не закрыла ее полностью, а оставляла приоткрытой щелочку. Шума не было, зато послышался скрип.

Потрясающий ЗМ никогда не производил скрипа.

Первое, что я увидела не яркий свет от светодиодного фонарика. Потом увидела контур руки, кончики пальцев дотронулись до моей двери, медленно приоткрывая ее.

Я перестала дышать, мне не хотелось, чтобы человек по ту сторону услышал мой вдох. Чтобы разбить снежный шар Wachtmeister, ударив его по голове, мне придется приложить усилия.

Я подняла снежный шар, пока дверь приоткрывалась.

А потом я услышала вой сирен.

Спасибо тебе, Господи.

Его рука замерла, исчезая с двери. Шаги стали удаляться, становясь все быстрее, я слышала, как они бежали по лестнице, спускаясь вниз.

Потом наступила тишина.

Я оперлась спиной на стену и сползла вниз, обхватив руками снежный шар с моей счастливой кошкой.

* * *

Я сидела на своей кухне, разглядываю свою гостиную.

Подняв ноги на стул, прикрыв их почти до щиколоток ночной рубашкой, обхватив руками и прижавшись щекой к колену.

Я была очень рада, что на мне была моя зашибенная, цвета мокко, из мягкого трикотажа, с коротким рукавом летучая мышь, ночная рубашка. Трикотажные ночные рубашки как известно, не слишком сексуальные, но эта была исключением, потому что она сверх меры подчеркивала все нужные места. Эта рубашка была просто *отпадной*, поэтому и сменила мою пижаму, как только мой дом вдруг наполнился мачо копами.

На них я и смотрела в данный момент на мачо полицейских, которые передвигались по моей гостиной, разглядывая стоящие вещи, и зачерпывая ложками готовое тесто печенья с кусочками шоколада, представляющее из себя единую массу, из тарелки, которое я смогла раскопать в холодильнике. (*Edible Egg-less Chocolate Chip Cookie Dough* — *тесто, печенье*)

кусочками шоколада, которое едят так или выпекают.)

Мое окно в двери было разбито, но я не слышала звука бьющегося стекла, также была разбита лампа в гостиной под пыльным абажуром, этот грохот, кажется я и услышала.

Кроме этого, больше не было никаких повреждений, и офицер, который прошелся со мной по дому, интересуясь не пропало ли что-нибудь, видно был авторитетом в этом вопросе, но нет, ничего не пропало.

Но полицейские не желали выслушивать мой рассказ о произошедшем. Сначала их было двое офицеров, потом четыре, затем шесть, а сейчас их было восемь, но все они говорили мне, что стоит дождаться детектива.

Я не сильна в полицейских процедурах и не могла не быть им благодарной (учитывая тот факт, что я была сверх, в два раза сверх, в панике), но мне казалось, что они не воспринимали меня всерьез, хотя и отправили ко мне столько полицейских, готовых встать на стражу в моей гостиной, поедая печенье *и* даже полноценного детектива, чтобы задать мне вопросы. Однако у меня ничего не украли, и хотя мой визитер направился напрямик в мою спальню, я сомневаюсь, что он охотился за моим снежным шаром от Wachtmeister, взлом оказался совершенно обычным, и дело можно было закрыть.

Но поскольку его никто не собирался закрывать, я решила, что что-то здесь не так, и догадалась, что это не так напрямую связано с Джинджер Кидд.

В гостиной как-то все закопошились, видно кто-то приехал и через пять секунд этот человек появился.

Я уставилась на него.

Серьезно, это что лучшая шутка?

В моем дверном проеме стоял мужчина. Высокий мужчина и здесь можно было совершенно не использовать слово «довольно» *высокий*. Он был просто, обычно высоким. Шатен, с темно-карими глазами и квадратной челюстью. Волосы у него были густые и вились на концах, опускаясь на воротник его кожаной куртки. Его глаза смотрели проникновенно, подбородок был напряжен. Он был одет в цвет шоколада водолазку, темно-коричневую кожаную куртку, джинсы, великолепный ремень, на котором висел полицейский значок и бутсы. Не сомневаюсь, что он красовался на обложке календаря департамента полиции Денвера, завтра мне стоит выйти и прикупить себе такой календарь.

Почему такое происходит со мной? Почему? Что я сделала не так? За один день трое горячих парней, и все трое мне не подходят. Один был ужасно пугающим и был боссом, руководя преступным, безусловно, антисоциальным мотоклубом, поэтому он не походил. Другой был пугающим и таинственным засранцем, поэтому тоже был не в счет. А этот не был пугающим, а был великолепен, но был детективом, назначенным вести мое дело, и это означало, что скорее всего ему не разрешается дружить с жертвой, а именно мной, поэтому он тоже не подходил.

Я не подняла голову с колена, а он, не отрывая глаз от меня, прошел на кухню, взял стул, поставив не слишком близко и не слишком далеко от меня, сел напротив. По-прежнему не выпуская меня из вида, он наклонился вперед, поставив локти на колени.

— Гвендолин Кидд? — спросил он приятным глубоким голосом.

Я кивнула, не понимая головы.

— Я детектив Митч Лоусон.

Детектив Митч Лоусон. Ни хрена себе! Потрясающее имя.

Я наконец оторвала щеку от колена и спокойно сказала:

— Идеальное имя для копа.

Его брови чуть-чуть приподнялись. Он явно этого не ожидал, скорее всего, он ожидал, что-то типа: «Привет!» или «Спасибо, что пришли», или «Боже, ты такой горячий».

— Что? — спросил он.

— Митч, — прошептала я. — Сильные, последние две согласные, но не в жестком звучании, а в мягком. Это типа того, когда вы переживаете за кого-то и сближаетесь с этим человеком, и он что-то вам говорит, а вы не расслышали, вы не говорите: «Что?», вы говорите: «Ммм?» мягко. Поэтому буква «М» звучит мягко и сильно, как и должна звучать у полицейского... Митч.

Он уставился на меня.

Я же продолжала лепетать.

— И фамилия Лоусон, разумеется, означает закон... и сын. *Сын закона*, — я втянула носом воздух и прошептала: — Идеально.

Он во все глаза смотрел на меня.

Затем сказал:

— Гвендолин звучит как песня.

Э-э... прекрасно.

Мне итак очень понравилось мое имя.

— Короткая, — ответила я.

— Но красивая, — ввернул он.

Э-э... звучит очень *приятно*.

Я улыбнулась ему и детектив Митч Лоусон улыбнулся мне в ответ.

Ogo!!!

Потом вдруг он взглянул через плечо, тут же поднявшись, продолжая смотреть в ту сторону.

Я проследила за его взглядом, удерживая голову на колене, хотя сердце екнуло.

Потрясающий ЗМ стоял там.

Он не был одет в сказочную шоколадно-коричневую водолазку, кожаную куртку и джинсы. Он был одет, как и раньше, в облегающую темно-синюю с длинными рукавами футболку, подчеркивающую выточенные мышцы груди, плеч и рук, армейские зеленые штаны и ботинки. У него было недовольное выражение лица, и его глаза не отрывались от детектива Митча Лоусона.

Затем он перевел взгляд на меня, и за наносекунду *он* передвинулся ко мне, всей своей мужской грацией, словно большая кошка, вышедшая на охоту, приводящая в восхищение.

Я смотрела на него, но головы не подняла, он наклонился ко мне, подняв руку. Я не знала, чего ожидать, и напряглась, пока не почувствовала его пальцы на своем виске. Они слегка прошлись по линии роста моих волос, опускаясь вниз, за ухо, и я прикрыла глаза, он убрал волосы у меня с шеи, опустив свою теплую руку.

И я услышала, как он тихо спросил:

— Ты в порядке, детка?

Детка?

Я тут же распахнула глаза, он наклонился ближе к моему лицу.

— В порядке, — ответила я ему.

— Нет, не в порядке, — заявил он.

— Ну, я...

— Тогда почему ты свернулась в клубок? — спросил он.

Это был хороший вопрос.

Я пожала плечами.

— Слышал, что она была твоей, — заметил Лоусон, ЗМ выпрямился и повернулся к нему, а я удивилась такому заявлению по разным причинам, приподняв голову и положив подбородок между коленями.

— Она моя, — решительно подтвердил ЗМ.

— Я не его, — опровергла я, но, наверное, не так решительно.

Лоусон смотрел на ЗМ, но как только я возразила, его глаза резанули по мне. Он пристально посмотрел на меня, казалось, я пропустила несколько ударов сердца, затем одна сторона его рта дернулась, и он опустил взгляд на пол на секунду, а потом опять посмотрел мне в глаза.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, — тихо сказал он. — Вы сможете ответить?

ЗМ встал *справа* от меня, прижавшись ко мне боком, его рука скользнула опять мне на шею.

— Спрашивай, — приказал он, отвечая за меня, Лоусон взглянул на него и сел на стул.

Я приподняла подбородок, но сильная рука ЗМ, лежащая у меня на шеи, не сдвинулась. Он вел себя как собственник, показывая Лоусону, что он заявляет на меня права. Но его рука... рука успокаивала, он беспокоился за мое душевное состояние и, кроме того, заботился обо мне.

Итак, что же мне делать со всем этим?

Я сосредоточилась на Лоусоне, а не ЗМ, и заметила, что он снова наклонился вперед, поставив руки на колени.

— Расскажите мне, что произошло, — мягко сказал он.

Я громко вздохнула и произнесла:

— Я слышала грохот, который меня и разбудил, и поняла, ну так человек понимает, когда снится плохой сон, и вы рывком просыпаетесь, тело все покалывает, но вы уже чувствуете, чувствуете, что кто-то есть в комнате, чтобы напасть на вас и вам не удастся избавиться от этого чувства, вы поняли, что я имею в виду? — я замолчала, он кивнул. — Я знала, что кто-то был в моем доме, но я до конца не поняла, что это настолько *реально*. — Он снова кивнул, а я продолжила говорить:

— Я позвонила в 911, но до этого подумала, что хорошо бы иметь бейсбольную биту. Но, пока я вас ожидала, решила, что мне нужна не бейсбольная бита, а монтiroвка. У бейсбольной биты нужно распределять силу удара по большой поверхности. Монтiroвкой мне кажется легче ударить. Как вы думаете?

Пальцы ЗМ крепче сжались у меня на шее, но Лоусона явно заинтересовали мои размышления, и он спросил:

— Что я думаю?

— Бейсбольная бита или монтiroвка? Что бы вы хотели, если бы оказались в такой ужасной ситуации?

Он помолчал секунду, не отводя от меня взгляда, потом тихо ответил:

— Гвендолин, у меня есть пистолет.

Господи. Конечно же. У него есть пистолет. Он мог бы подстрелить плохого парня. Ему

не нужна бейсбольная бита.

Даже если бы у меня пистолет был под рукой, не уверена, что была бы готова им воспользоваться.

— Ах да, — прошептала я, — точно.

Он немного улыбнулся и подсказал:

— Итак вы позвонили в 911...

— Да, и схватила свой снежный шар, это единственное, что у меня было тяжелым, — ответила я ему, и его брови сошлись вместе.

— Который стоит в гостиной?

Я так и спустилась из спальни со своим счастливым котенком в шаре, когда пошла встречать полицию. Офицер, который прошелся со мной по всему дому, в итоге с трудом вырвал его у меня из рук и поставил внизу в гостиной.

— Да, именно тот, в гостиной, — ответила я.

— Обычно он стоит на прикроватной тумбочке Гвен, — добавил ЗМ, и Лоусон поднял на него взгляд, я повернула голову, чтобы посмотреть на ЗМ.

Вот оно — доказательство. Он очень четко *все* видел в темноте.

— Ты заметил? — спросила я, и черные глаза ЗМ наконец-то опустились, посмотрев на меня сверху-вниз, хотя его пальцы напряглись у мен на шеи.

— Не пропустил ничего, детка.

Мда. Я подозревала, но, не до такой степени, не думаю, что это слишком уж хорошая новость.

— Ох-хо-хо, — пробормотала я.

— Гвендолин, — обратился ко мне Лоусон, и я перевела на него взгляд. — Что произошло потом, когда ты схватила свой снежный шар?

— Я прислонилась к стене и стала ждать, наблюдая за дверью. Сначала я увидела свет от фонарика, а потом руку, медленно открывающую мою дверь, — я остановилась, потому что пальцы ЗМ опять напряглись, нет не сжимались сильнее, это было что-то другое, хотя он не отпускал меня. Должна признаться, хотя мне и не хотелось, что его сильное давление пальцев ощущалось как-то очень хорошо. — Он открыл возможно на фут, может больше, но потом раздался вой сирен, и он убежал. Я слышала, как он сбегает вниз по лестнице.

— Он? — переспросил Лоусон.

— Это была мужская рука, — ответила я ему. — Белого мужчины, хм... не совсем европейца, — я использовала термин из телешоу, как говорят копы.

— Мужская рука, — повторил Лоусон.

— Да, — подтвердила я.

— Ты уверена, что это была мужская рука? — спросил Лоусон, и я посмотрела ему прямо в глаза.

Затем тихо ответила:

— Это не Джинджер.

Пальцы ЗМ еще раз напряглись, но потом расслабились.

Лоусон внимательно изучал меня.

— Твоя сестра? — спросил он.

— Я знаю, что у нее проблемы. Неприятности. И знаю, почему ты приехал сюда с восьмью копами, хотя обычно такое дело не в приоритете, и не звучит команда: «Свистать всех наверх!»

Я почувствовала рядом движение ЗМ, который по-мужски, совершенно забавно издал глубокий, но короткий смешок, и подняла на него глаза, он улыбался. Улыбался не широкой улыбкой, скорее ухмылкой, у него на лице была ухмылка с двумя ямочками.

Я снова взглянула на Лоусона, он улыбался небольшой, однобокой улыбкой.

— Мы стараемся делать все возможное, — пробормотал он.

— Я ценю это, — улыбнулась я ему в ответ. — И мне жаль разочаровывать вас, но Джинджер Кидд не было сегодня ночью здесь, а даже если бы она и была, услышав вой сирены точно убежала. Будучи еще ребенком, она не любила копов. Я же всегда любила копов, подходила, разговаривала с ними, мы становились друзьями. Она же убегала за милую от них. Нам уже тогда стоило обратить на это внимание.

— Она убегала от них? — спросил Лоусон, смеясь.

— Часто, первый раз, когда ей было шесть.

Лицо его изменилось, словно его осенила какая-то мысль, он спросил:

— Ты не шутишь?

Я отрицательно покачала головой.

— Неа.

— Скорее это был явный признак предстоящих проблем, — отметил Лоусон.

— Не подводи ее к истории с Барби, — сказал ЗМ, и я вздрогнула, запрокинув голову назад и глядя ему в лицо.

Хм... что? Что, что, *что*? Откуда он знает про моих Барби?

Я прищурившись рассматривала выражение его лица.

— Ты в курсе проблем твоей сестры? — спросил Лоусон, и я оторвала взгляд от ЗМ и посмотрела на детектива.

— Нет, но знаю, что она должна мотоклубу «Хаос» много денег, очень много, и еще больше чем много, но они уже знают, что я не в состоянии помочь им с деньгами, поскольку не близка со своей сестрой, и у меня нет таких денег, чтобы уберечь ее задницу от неприятностей.

— Они согласились?

— У меня была беседа с Тэком. Он знает, что у меня нигде в шкафах не припрятано два миллиона.

— Ты болтала с Тэком? — повторил Лоусон и что-то изменилось в нем, причем не в лучшую сторону, такое впечатление, что он был в бешенстве.

— Да, — ответила я.

Взгляд Лоусона перешел на ЗМ, а затем вернулся обратно ко мне.

— Ты не знаешь еще что-нибудь, что происходит с твоей сестрой?

— Нет, за исключением того, что там полно дерьма, но я не знаю ничего конкретно. И *не хочу* знать. Я сегодня официально отреклась от нее. Поэтому, официально, она больше мне не сестра.

Пальцы ЗМ опять напряглись у меня на шеи, но Лоусон наблюдал за мной.

— Так ты не знаешь, кто забрался к тебе сегодня ночью? — продолжил Лоусон.

Я отрицательно покачала головой.

— Понятия не имею. Все, что я знаю, они ничего не взяли и прошли напрямиком ко мне в спальню. А что бы сделали вы?

Лоусон уставился на меня, крепко сжав челюсти, что заходили желваки, бросив взгляд на ЗМ, он вздохнул и покачал головой, посмотрев мне прямо в глаза.

Затем он ближе наклонился ко мне и тихо сказал:

— Я скажу тебе, что бы я сделал. Я бы, Гвендолин, если бы ты была моей женщиной, у которой была бы сестра, и я знал, что она в полном дерьме, не позволил бы тебе *беседовать* с Кейном Алленом, не позволили бы тебе *спать* одной и тебе бы *не пришлось* беспокоиться, чем лучше себя защитить бейсбольной битой или монтировкой, потому что ты была бы рядом со мной, в моей постели.

Ой.

Вау.

Пальцы ЗМ оставили мою шею.

Ну и ну.

— Что я слышу? — спросил ЗМ страшным голосом.

Ой-йой!

Лоусон снова взглянул на него, не двигаясь с места.

— Ты слышал меня.

Ну ничего себе!

— Хм... — я опустила ноги со стула, когда ЗМ сказал:

— Мои парни засекли его на второй секунде, как он только проник в дом Гвен. Но мы были далеко и не смогли бы быстро добраться до нее, поэтому мы позвонили вам, ребята, за три минуты до того, как он ступил на ее дорожку. У вас наряды поблизости, поэтому он находился в доме менее двух минут, прежде чем вы прибыли. Гвен не угрожала опасность.

Что?

— Тебе просто повезло, что у нас наряды в непосредственной близости, — ввернул Лоусон, вставая.

— Дерьмо, Лоусон, твои ребята патрулировали окрестности две недели, в надежде, что появится Джинджер, — выстрелил в ответ ЗМ.

— В этом районе жарковато, и мы не сидели постоянно у ее дома, Хок, — парировал Лоусон.

Хок?

Я посмотрела на ЗМ.

— Хок? — повторила я.

Он проигнорировал меня, поскольку был слишком занят перепалкой с Лоусоном.

— Твои парни прибыли через пять минут, мои через восемь. Так или иначе, она была прикрыта.

Его парни?

— Она собиралась сама себя защищать снежным шаром, — напомнил ему Лоусон.

Я поднялась и снова посмотрел на ЗМ.

— Хок? — опять позвала я.

— Она была прикрыта, — повторил ЗМ.

— Да, но она не знала об этом, — ввернул Лоусон.

— *Хок?* — закричала я, и он наконец-то обратил на меня внимание.

— Детка, что? — выпалил он.

Боже мой. Его звали Хок.

Кому могут дать имя Ястреб?

Я открыла рот, чтобы спросить на самом ли деле его настоящее имя Хок, но тут же

вспомнила, что здесь находился Лоусон, и мне не хотелось, чтобы он понял, что я не знала имя ЗМ (или Хока), поэтому я тут же закрыла рот, услышав из гостиной голос своего отца.

— Где моя дочь?

Ура! Меня спас папа.

Я качнулась в сторону от уже не такого таинственного загадочного мужчины, Хока и обернулась к Лоусону, увидев своего отца и Мередит, входящими через открытые двери на кухню. Я позвонила им, когда увидела, что стекло в окне двери выбито. Я не хотела, но сделала это по двум причинам: первая, они все равно все узнают и будет лучше, чтобы они узнали это от меня и как можно раньше, нежели позже, когда все дойдет до отца и Мередит со стороны. Я знала, что предстоит тяжелое объяснение. И вторая причина, мне нужно было место, где можно выспаться, потому что я была адски уверена, что здесь заснуть не смогу, я была слишком напугана, и если бы я села за руль, то папа бы прочитал мне нотацию, узнав, что я водила машину в таком состоянии. За свою жизнь я прошла трудный путь, как можно меньше предоставлять своему отцу (вернее, не слишком много) возможностей читать мне нотации. Хотя он был хорош в этом, поскольку вырастил двух дочерей — Джинджер и меня, и он часто практиковался, читая нам лекции.

— Гвен, — пробормотал папа, войдя в комнату, я протиснулась между двумя разъяренными горячими парнями, которые зажали меня между собой, и то ли пошла, а скорее побежала к отцу, бросившись в его объятия.

Как только я подлетела к нему, руки отца сделали единственную вещь, которую делали всегда — крепко сомкнулись вокруг меня.

И я вдруг уже не чувствовала себя такой напуганной.

Я крепко при крепко обхватила его руками, почувствовав, его родную основательность, и стала еще менее испуганной.

— Гвен, — прошептал он мне в волосы.

Раньше мой отец был горяч. Он был почти так же горяч, как и эти двое мужчин, стоящих у меня на кухне, но я подозревала, что этого «почти» оказалось слишком много, чтобы сделать его моим отцом. Он был крупным, широкоплечим, с темными волосами (сейчас в них было больше седины), карими глазами, подтянутый и крепкий. Он всегда был худощавым, подтянутым и мускулистым, потому что всю жизнь занимался физическим трудом — что-то носил, что-то долбил, что-то таскал, что-то поднимал или что-то пилил.

Особенно, когда он перестал иметь отношение к Broncos. *(Двухмоторный наблюдательный самолёт, вооружённый ракетами и крупнокалиберными пулемётами.)*

И должна признать, большую часть времени он что-то чинил, причем у меня в доме.

— Я в порядке, пап, просто немного испугалась, — сказала я ему в грудь.

— Дорогая, — ответил папа мне в волосы.

Затем я почувствовала, как он приподнял голову, я подняла на него глаза и увидела, как он смотрит поверх моей головы на Хока и Лоусона. Он отодвинул меня в сторону, положив руку на плечо и к нам тут же подошла Мередит, взяв меня за руку, я сжала ее, и она ответила мне рукопожатием, я посмотрела ей в глаза, она улыбнулась своей маленькой, милой все-будет-хорошо улыбкой.

Потом я слышала, как отец спросил:

— Вы из полиции?

Хотя конкретно он ни к кому не обращался, но его вопрос был направлен Хоку и Лоусону.

— Да, сэр, детектив Митч Лоусон, — ответил Лоусон, шагнув вперед.

Папа отпустил мое плечо, чтобы пожать ему руку, а потом опять обнял меня, сильно прижав к себе, что меня даже тряхнуло, и мы столкнулись друг с другом.

Мда. Казалось, я была не единственной, кто волновался.

— А вы? — спросил папа, не отводя взгляда от Хока.

Я посмотрела на него, Лоусон отступил на шаг назад, при этом старательно делая вид, что ему происходящее совершенно не интересно, хотя глаза смотрели зорко, не пропуская ничего, и он понял, что моя семья ничего не знала о Хоке.

— Хок, — сказал Хок, протянув руку, папа отпустил меня, схватив за руку Хока, который продолжил:

— Парень Гвен.

Я почувствовала и заметила, как тело отца дернулось от удивления, а Мередит прошептала:

— Парень Гвен?

Я ничего не могла ответить, поскольку была слишком занята, пялясь на Хока с открытым ртом.

— Дорогая, у тебя есть мужчина? — спросила Мередит, и я поняла, что вопрос направлен мне, но я была *все еще* слишком занята, продолжая пялиться на Хока с открытым ртом.

— Хок? — переспросил папа, продолжая рассматривать его.

— Летающие «Черные ястребы», когда я служил в армии, — заявил Хок, впервые выдав мне еще один кусочек информации о себе, кроме той, что он просто великолепен в постели за те полтора года, что я встречалась с ним, и второе, было слишком очевидно, это была его кличка, которую я узнала ранее три минуты назад. (*«Черные ястребы» — воздушно-десантное подразделение США.*)

Но все мое внимание было сосредоточено не на этом. Я была сфокусирована на крошечном слове, которое он произнес, думая, чем это могло для меня обернуться. Если честно, я была в ужасе.

Я окончательно убедилась в этом, когда отец удивленно и восторженно воскликнул:

— Ты военный?

Вот черт!

Папа был военным. Он четыре года отслужил в армии, прежде чем ушел в отставку и стал заниматься строительством. И на маме он женился, потому что был таким же неуправляемым, диким ребенком, как и она. Он записался в армию, где из него выбили все дерьмо, что и изменило всю его жизнь. Но проблема моей мамы осталась той же, она так и не лишилась своего дерьма, пока была женой солдата. Папа бы остался в армии подольше, но служба в армии означала, быть вдалеке от мамы и меня, а папа не мог доверить меня маме, поэтому он ушел в отставку, чтобы меня вырастить.

Но мой отец до сих пор любил армию. Папа накопил футболки камуфляжного цвета с надписью «ARMY» на груди и носил их постоянно. И папа мгновенно сходился с любым из армейских братьев, устанавливая с ним незыблемую связь. Это происходило постоянно, когда мы были в отпуске, стоя в очереди в магазине, и даже когда он покупал ведро куриных крылышек. У него словно было шестое чувство на военных, он словно узнавал их по запаху, окончательно и бесповоротно проникаясь к ним.

Именно это сейчас и происходило с Хоком.

— Да, — ответил Хок, отец все еще держал его за руку, горячо пожимая, с облегчением, отразившемся на лице, в виде улыбке.

И похоже, что все мысли о том, что кто-то ворвался в дом его дочери, вылетели у него из головы. Поскольку, теперь он понял, что у меня есть парень, и этот парень был военным. Парень, не похожий на Скотта Лэйтона, которого отец, когда я развелась с ним, называл п*здой (он так и сказал мне это слово на букву «п», но папа довольно сильно ненавидел Скотта). Все в мире Бакстера Кидда вдруг стало справедливо и уместно, и эту справедливость мог осуществить мужчина, стоящий перед ним.

Да, я определенно облажалась.

Папа отпустил руку Хока и снова прижал меня к себе, заглянув мне в глаза.

— Дорогая, почему ты не сказала нам, что встречаешься? — спросил он, кивая и сияя, как лунатик.

— Ум..., — промямлила я.

— Отлично, мы приглашаем вас на ужин, — предложила Мередит рядом со мной, и я повернула к ней голову, она радостно улыбалась Хоку.

В этом была вся Мередит. Если все было в порядке с Бакстером, для нее тоже все было просто замечательно.

Вот черт!

— Хм..., — пробормотала я громче и более истерично на этот раз.

— Приготовь свою лазанью, — предложил папа и повернулся опять к Хоку. — Лазанья очень хороша, сынок, но ее чесночный хлеб, превосходит все. Домашний от начала и до конца готовый хлеб.

Боже мой! Мой отец вот так запросто уже называл моего загадочного любовника «сынок», зная его всего лишь пять секунд? Он никогда не называл Скотта «сынок». Он называл Скотта — «Скотт» или «п*зда».

— Ум...! — получилось, как придушенный крик.

— Гвендолин, — обратился ко мне Лоусон, и я перевела на него сумасшедший взгляд.

— Да?

Он подошел к нам, достал из кармана куртки бумажник, сказав:

— Я закончил здесь, но если ты что-нибудь услышишь или вспомнишь, дай мне знать, — он достал визитку из бумажника и протянул ее мне, его карие глаза встретились с моими, — звони в любое время, днем и ночью. Мой телефон указан здесь.

— Хорошо, — ответила я, забрав визитку, и он повернулся к Хоку.

— У вас имеется запись? — спросил он.

— Да, — ответил Хок.

— Вы узнали этого парня? — стал спрашивать Лоусон.

— Я еще не видел пленку, — ответил Хок, — но мои парни не смогли его опознать. Я взгляну, когда вернусь на базу.

— Что насчет машины? — продолжал допытываться Лоусон.

— По номерному знаку, украдена, — ответил Хок.

— Не будет ли слишком, попросить вас поделиться этой пленкой с нами? — спросил Лоусон.

— Уже отправили в департамент, — ответил он.

— Запись? — встрял мой отец, делая шаг к Хоку и глядя на него.

— У меня свой бизнес и я занимаюсь безопасностью и в том числе. Когда Гвен и я

стали встречаться, я установил камеры у нее в доме, наблюдение ведется двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Пару недель назад мы поставили также камеры на улице. У нас есть запись парня, вломившегося в дом.

Рука отца напряглась, обнимая меня за плечо, и пока Хок беседовал с Лоусоном выражение лица моего отца становилось несколько ошеломленным, но как только Хок прокомментировал происходящее, отец просиял от мысли, что военный мониторинг мой дом, пытаюсь тем самым меня защитить.

Он даже не догадывался, что таким образом следили за мной.

Я перевела взгляд с отца, прищурившись на Хока.

— Бакс, ты не думаешь, что это связано с Джинджер? — шепотом спросила Мередит отца, и я нахмурившись взглянула на свою мачеху.

Она была рыжеватой блондинкой, с шевелюрой, слегка выующихся мелированных волос, с привлекательными светлыми прядями. У нее было примиленькое лицо феи, вздернутый носик и васильково-синего цвета глаза. Она была изящная, маленького роста, по крайней мере на три дюйма ниже, чем я и на восемь дюймов, чем папа, ее рост составлял пять с половиной футов. Что означало, что она могла носить туфли на высоких каблуках, которые носила постоянно, даже сейчас в середине ночи, приехав по звонку падчерица, на ней были стильные сапоги на высоком каблуке. Она приучила меня носить высокие каблуки и научила меня стилю, другими словами, научила меня принимать себя такой какая я есть, и выгодно использовать свою фигуру, что я и делала при ее поддержке.

У папы появились морщинки вокруг глаз, когда он смотрел на парней, сказав:

— У меня есть еще одна дочь, и она...

Хок перебил его:

— Мы знаем о Джинджер, и скорее всего, проникновение к Гвен связано с действиями Джинджер.

Папа тут же напрягся, а Мередит тихо вздохнула.

А я? Я лишилась своего спокойствия.

Я освободилась из объятий отца, вцепилась в руку Хока и произнесла:

— Могу я поговорить с тобой?

Я даже не стала дожидаться ответа, повернулась и потянула его из кухни через гостиную, вверх по лестнице, затем прошла коридору и вошла в свою спальню. Со скрипом закрыв дверь, я повернулась, отпустила его руку и шагнула ближе, встав на цыпочки, чтобы видеть его лицо прямо перед собой.

— Зачем ты это делаешь? — прошипела я.

Он смотрел на меня сверху вниз.

— Что делаю?

— Говоришь им про Джинджер! — выпалила я на одном дыхании.

— Детка, — только и всего ответил он.

— Детка? Это все, что ты можешь сказать? — резко спросила я. — Ты не должен говорить им о Джинджер.

Его брови взметнулись вверх.

— Почему не должен?

— Потому что это расстроит их, они будут беспокоиться, еще раз повторяю — *расстроит их*, — объяснила я.

Он поставил руки на бедра и ответил:

— Душистый Горошек, если бы я был отцом двух дочерей, у которых были бы проблемы, я хотел бы знать об этом, и поверь мне не был бы счастлив, что от меня скрывают информацию.

— Может и так, но я дочь, у которой проблемы с сестрой, и я знаю намного больше о своей семье, чем ты, и ты, возможно, захотел бы знать, но, поверь мне, папа *не хочет*, и скажу больше, Мередит вообще *не следует* знать обо всем этом.

— Ты должна все им, черт побери, объяснить, — сообщил он мне, и я почувствовала, как окончательно теряю самообладание, поэтому ближе приблизилась к его лицу.

— Не смей говорить мне, что я должна делать со своей семьей, — сорвалась я.

— Я смогу обезопасить тебя, Гвен, но я не буду напрягаться, разбираясь с дерьмом твоей сестры. Чуда не произойдет, для нее все кончится очень плохо. Они должны узнать об этом, чтобы потом не было неожиданностью.

Слишком много вопросов мне предстояло разрешить, поэтому я включила свой режим многозадачности.

— Я рада, что ты поднял этот вопрос, — сказал я ему. — Ты ничего не будешь делать не для Джинджер, не для меня. *Ты* можешь снять все свои камеры и перестать держать руку на пульсе. Между мной и тобой все кончено.

Он улыбнулся и ответил:

— Мы уже раньше об этом говорили, детка.

— Да, ты сказал, что разберешься, поскольку ты Крутой Парень и живешь в Крутом Мире. Я живу в реальном, и в реальном мире, когда женщина говорит, что все кончено, ее слова имеют точно такой же смысл, когда это говоришь ты.

Он внимательно разглядывал мое лицо.

Затем прошептал:

— Виноват.

— Что? — огрызнулась я.

Он посмотрел мне в глаза.

— Следовало дать тебе время и не трахать тебя, оставить вне игры.

— Что? — повторила я еще резче.

Он попытался взять в ладони мое лицо, но я тут же дернула назад головой, сделав шаг назад.

И вдруг, внезапно, я только успела вздохнуть, не могу даже с уверенностью сказать, как это случилось, я была прижата к стене его большим, твердым телом, и он держал в ладонях мое лицо, и его глаза находились на одном уровне с моими.

— За пять секунд после того, как я оставил тебя сегодня, отношения между нами поменялись, — сообщил он мне тихим голосом.

У меня сошлись брови на переносице, пока мой мозг обрабатывал информацию, которая меня не радовала.

— Поменялись? — переспросила я. — Как?

— Мне нравится твой настрой. Поэтому я решил, согласится на твою идею отношений, посмотрим, как все сложится.

Я моргнула, потом моргнула еще раз.

— Ты решил согласится *на мою идею отношений*? — переспросила я, во-первых, до конца так и не понимая, что все это значит, даже если он объяснит, я не была уверена, как это отразится на мне и, во-вторых, мне не нравилось, что он готов окунуться во что-то, даже

если это было связано со мной.

— Да, — ответил он, и я оказалась права, до конца не понимая, как отразится на мне его решение, но поняла, что его ответ означал, что он не собирался заканчивать наши отношения.

— Ты прав, — ответила я ему. — Сегодня наши отношения изменились, но это произошло примерно за пять минут *еще до того*, как ушел, тогда все и изменилось, что означает — мы расстались.

Его глаза по-прежнему были прикованы к моим, он ничего не ответил только отрицательно покачал головой.

— Послушай, — потребовала я. — Я только что узнала твое имя, как оказалось не настоящее имя, а кличку. Я только что узнала, что у тебя есть бизнес, команда парней, которая присматривает за моим домом. Я знакома с тобой больше полутора лет, и ты мне ничего не говорил об этом дерьме. С меня достаточно. Слишком долго все было неправильно — ты вторгся в мою жизнь, следил за мной, наблюдал без моего ведома, все это настолько *неправильно*, даже слишком, *слишком плохо*. Поэтому между нами все кончено.

Он некоторое время молча смотрел, изучая выражение моего лица, затем большим пальцем провел по моему подбородку, и заметил:

— Думаю, ты решила сделать неправильный ход.

— А я думаю, что ты думаешь именно так, потому что я сделала ход не тот, которого ты от меня ждал.

Он улыбнулся и сказал:

— Ты не понимаешь, детка. Теплота в твоих глазах, твои губы..., — его палец опять прошелся по моей коже, и он приблизил лицо, и его голос с каждым словом становился все ниже, — которые стоит целовать, раньше у меня вставало, когда возникала всего лишь мысль навестить тебя. Сейчас мне достаточно просто подумать о тебе. Ты хочешь сделать ход при таком раскладе, Душистый Горошек, я скажу тебе, что это неправильно, потому что наши отношения не закончены.

— Перестань называть меня Душистый Горошек, — взорвалась я, снова взбесившись и даже не пытаясь этого скрыть.

Его улыбка стала шире.

— Вот оно, — прошептал он, — мне это нравится.

— Отойди от меня, — потребовала я, упираясь ему в торс, но он даже не сдвинулся с места.

— Вот-вот.

Я закрыла рот и уставилась на него.

Он издал короткий смешок, заклокотавший у него где-то глубоко в груди.

Затем его губы коснулись моих, и он пробормотал:

— Ты такая горячая.

А я была собой, другими словами, дочерью своей матери, орущей неудачницей, чувствующей, как единственное им произнесенное слово, сладостно защекотало одно очень уединенное у меня местечко.

Вот черт!

Я отодвинула голову назад от его лица, больше мне не позволяла стена, и воскликнула:

— Алло? Взлом? Сестра в дерьме? Родители внизу? Середина ночи? У меня имеются сроки, куча работы, которую нужно сделать, оставаться дома небезопасно, а мне хотелось бы

поспать, чтобы проснуться завтра энергичной и вернуть контроль в свою жизнь. Ты можешь теперь отойти?

Он даже не сдвинулся, просто схватил меня за шею, опять приблизив свое лицо ко мне.

— Конечно, детка, но тебе следует понять, что на ночь ты здесь не останешься. Ребята уже в пути, чтобы заколотить твоё разбитое окно, а ты поедешь со мной.

Я устала на него, шокированная этой новостью, но поскольку я была неудачницей, перспектива отправиться с ним куда-то меня приятно возбуждала. Главной моей фантазией за последние полтора года была, конечно, одна — очутиться в его доме, и сама идея, что фантазия может осуществиться, черт побери, должна признаться, была потрясающей мыслью, мне на самом деле хотелось пойти с ним.

Но потом мои мозги встали на место, и я заявила:

— Папа завтра позаботится о моем окне, и я останусь у них дома сегодня на ночь, для этого они и приехали.

Он полностью проигнорировал мои слова.

— Ты поедешь со мной.

Серьезно, парень?!

— Нет, не поеду.

— Да, Гвен, поедешь.

— Я *совсем* тебя не знаю, а то, что я узнаю про тебя мне не нравится. Ко мне залезли в дом сегодня ночью, я испугалась, серьезно. Я адски перепугалась, если быть до конца честной. Я знаю своего отца и Мередит, я хочу сегодня ночью быть с ними. Я хочу быть с людьми, которых *хорошо* знаю, и в месте, в котором чувствую себя в безопасности. Я просто хочу домой.

Он изучал выражение моего лица пару секунд, потом погладил пальцем по моей шее, и несмотря на то, что я была неудачницей, ощущалось его поглаживание очень приятно.

— Вижу, что тебе просто необходимо, чтобы я разрешил тебе переночевать у родителей, — мягко сказал он.

— Ну, спасибо, — также мягко ответила я.

Он ухмыльнулся.

Я фыркнула.

Он продолжал ухмыляться, пока я свирепо смотрела на него, затем прошептал:

— Да, определенно, черт побери, оставить вне игры.

И опустил голову, а поскольку мне некуда было двинуться, я не смогла избежать его губ, легко коснувшихся моих, от чего они стали покалывать.

Он приподнял голову и прошептал:

— Будь умницей, детка, мои парни буду охранять твой дом, и ты сможешь вернуться завтра. Да?

Затем его большой палец снова ласково прошелся по моей шее, мне опять это очень понравилось, но прежде чем я успела ему ответить, он опустил руку и исчез.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, уставившись в пространство перед собой, задаваясь вопросом, как он смог раствориться в воздухе на моих глазах, и вдруг поймала себя на мысли, что с трудом дышу.

Затем стряхнула головой, убедив себя, что на самом деле меня совершенно не волнует, хотя это и захватывающе, как он испарился. Уговаривая себя, что у него имеются «парни», он летал на «Черных ястребах», имеется «база» и бизнес, которым он занимался, включая и

безопасность и у него была кличка Хок, все это было уже не захватывающе.

И также я себе сказала, что он может делать все, что ему хочется, а я буду делать то, что хочется мне, и он не в силах *заставить* меня делать то, что хочет он.

Гребанный парень!

Я паковала вещи, чтобы отправиться в дом к папе и Мередит.

Находясь в ванной комнате, я схватила лосьон и гель для ванны и остановилась как вкопанная.

Раньше я даже не обращала на это внимание, только сейчас, стоя в ванной комнате и разглядывая пластиковые бутылки в руках, увидела.

Мой любимый аромат, которым я всегда пользовалась, был душистый горошек.

Глава пятая.

Секс-о-метр

Была одна хорошая вещь в том, что в мой дом вломились посреди ночи, потому что у меня была сестра идиотка, это позвонить родителям и поехать к ним ночевать, но поскольку они должны были рано вставать на работу, и я явно не смогла бы избежать разговоров на следующее утро, поскольку бы они захотели бы все узнать о моей сестре идиотке, как она навлекла на меня такие неприятности, и что я сама сотворила подставив себя, и почему все не рассказала им, и почему скрывала своего потрясающего мужчину, бывшего военного.

Но поскольку я спала, то мне удалось избежать разговора с отцом и Мередит.

Однако, когда я вошла на кухню, чтобы налить себе утреннего кофе, на столе лежала записка от отца, в которой говорилось:

Г...

Ужин вечером в 6:00, ровно. Обязательно будь.

Окно, вероятно, в течение недели не починят, поэтому возьми еще вещей из дома.

Не исчезай, иначе я позвоню Кэм и отправлю за тобой Лео.

Люблю тебя, папа.

Говорят, мужчины увлекаются женщинами, похожими на их матерей, а женщины увлекаются мужчинами, которые похожи на их отцов. Это должно быть правда, поскольку меня привлекают горячие супер-мачо, сильные парни.

Тут же была записка от Мередит.

Доброе утро, дорогая,

Есть свежие рогалики от Эйништейн в холодильники, со взбитым сливочным сыром, твои любимые.

Увидимся вечером!

Обнимаю, Мередит

PS: Не могу даже тебе передать, как я счастлива за тебя, после встречи с Хоком! Он такой симпатичный! И он такой милый! И он влюблен! Ура!

Симпатичный? Милый? Влюблен? С подчеркиванием? И...еще ура?

Очевидно, моего отца совершенно не привлекали такие женщины, как я. Это было узнать мне полезно.

Выпив кофе, съев рогалик и прочитав записки, я решила больше, чем обычно сидя за компьютером весь день, уделить время своей внешности, потому что я думала о горячих парнях. Как правило, я работала в леггенсах, свободной рубашке или бэбидоллс рубашке или же легкой толстовке. Если было лето, я могла перейти на шорты.

Этим утром я воспользовалась косметикой Мередит, щипцами для завивки (зачем ей нужна была плойка, когда у нее вились волосы, не знаю, но у нее было все, что должна иметь женщина, и это была одна из многих причин, почему я любила Мередит), завив свои длинные волосы в кучу локонов, волнами, спадающими на спину. Я тщательно сделала макияж, чего раньше никогда не делала, если не предстояло что-то особенное. Дальше я была бессильна, потому что паковала сумку ночью, после взлома и встречи с еще одним сексуальным парнем и еще одним странным и раздражающим (но, к сожалению, очень сексуальным) спором с Хоком. Поэтому нашла в сумке обычные джинсы, светло-голубую футболка от компании Thrifty Stick (классный сноубордический магазин на Бродвее, я не увлекаюсь сноубордами, но как уже говорила, покупаю то, что мне нравится, где мне хочется), с черным черепом и костями на груди и красными буквами «TS» на них, а также красными полосами по шеи и на рукавах, прикрепила черный ремень, одела ботинки и тонкий с капюшоном длинный свитер.

И я была рада, что завила волосы и сделала макияж, а также была очень рада, что надела убийственные солнцезащитные очки в тонкой металлической оправе с полу-зеркальными линзами оттенком серого, когда подъехала к своему дому и увидела кучу мотоциклов, а также большой черный внедорожник, припаркованный перед домом.

Святое, черт побери, *дерьмо*!

Я ехала по своей подъездной дорожке, пытаюсь везти мой маленький синий Хундай, продолжая все время пялиться на целую армию байкеров, тусующихся на моем газоне, входящих и выходящих из моего дома.

Очевидно, проникнуть в мой дом большого труда не составляло, это вчера уже было доказано, но разбитое стекло вчера закрывала доска, а сейчас входная дверь была широко открыта и доска исчезла. По сути, можно было зайти и через окно.

И Тэк стоял на моей лужайке с Догом, и у него на носу красовались классные с отражающими линзами солнцезащитные очки, которые следили за моим передвижением.

Я с трудом подтянула тормоз, когда он двинулся от Дога в мою сторону. Поэтому, как только я вышла, он уже стоял передо мной, зажав меня между дверцей машины и собой.

Я задрала голову вверх и посмотрела на него, мгновенно кратко сравнив его с двумя — Хоком и Лоусоном, и ему стоило серьезно поработать со своей растительностью на лице. И вчера у меня не было такого полета фантазии. Но по сек-о-метру он находился в верхней строчке моего листа, и колокольчик *звонил* и звонил *громко*.

— Привет, — сказала я, но вышло как-то с придыханием.

— Привет, красотка, — ответил он, без придыхания, но низким, хриловатым голосом.

— Гм... что ты здесь делаешь? — спросила я, воспользовавшись предлогом и взглянула в сторону своего дома, где байкер с рулеткой измерял мое окно.

— Слышал, прошлой ночью у тебя был посетитель, — сказал Тэк, и я перевела на него взгляд.

— Вроде, был... э-э, проник в дом, прежде чем я смогла... предложить ему замороженное тесто печенья с кусочками шоколада, — ответила я.

Он оголил белые зубы в окружении черной бородки с проседью, улыбаясь, и я мысленно

сделала пометку перестать умничать, потому что по-видимому крутым парням нравилась умные женщины.

Затем Тэк заявил:

— Ты не позвонила.

— Ну... нет, не позвонила, — согласилась я.

— Я же сказал тебе, если у тебя возникнут проблемы, ты звонишь, — продолжил он.

Я смотрела на него через свои отражающие линза в его солнцезащитные очки. Он не казался сейчас злым байкером. Сейчас он даже не был пугающим до ужаса. Я знала, поскольку, когда он таким становился, можно было увидеть, услышать и почувствовать.

Я решила не отвечать.

Тэк продолжил:

— Итак, я услышал, что у тебя проблемы, но ты не позвонила, поэтому я понял, что ты относишься к тем женщинам, которые хотят, чтобы звонили им. И вот, я звоню.

Я взглянула на байкеров на своем газоне и у моей двери. Потом посмотрела снизу-вверх на Тэка.

— Извини, должно быть не поняла. Может, у меня телефон разрядился.

— Нет, детка, — он махнул головой в сторону байкеров, — это мой звонок.

Я переводила взгляд с байкеров на Тэка. Потом до меня дошло, что он имел ввиду по поводу своего звонка, что Тэк намерен как-то решить мою проблему.

Эээ. Вау.

— Оооо! — прошептала я.

Мне показалось, что это *не совсем* правильно, но в то же время ощущала тепло и уют от такой ситуации.

Я слышала урчание мотора и посмотрела в ту сторону, увидев обалденную, черт побери, Chevrolet Camaro, металлик темно-серого цвета, новую модель, остановившуюся за черным внедорожником, а за ней въезжал еще один черный внедорожник, только новее, красивее, дороже и очень блестящий.

Дверцы Camaro открылись и появился Хок в темных очках, очках-авиаторах, которые были намного круче, чем офигительная чертовья Camaro, хотя Camaro была потрясающей. Из джипа выскочила куча мускулистых в карго штанах, с обтягивающих с длинными рукавами майках, командос.

Авиаторы Хока не отрывались от нас.

Ничего себе!

Я была права. Все это было не хорошо, и я больше не чувствовала себя тепло и уютно от такой ситуации.

Я слышала со стороны, как подъехала еще одна машина, хлопнула дверца, повернула туда голову и увидела полицейскую машину с красными и синими мигающими огнями на крыше, и переходящего улицу, на носу из тонкой оправы красовались суперсексуальные темные очки, детектива Митча Лоусона.

Супер, двойной удар, это экстра *ничего себе!*

Секс-о-метр начал названивать как сумасшедший, когда горячие, сексуальные парни окружили меня, мою машину и Тэка с двух сторон.

Парни я рада, что сегодня с утра накрутила волосы.

Тэк повернулся, но не сдвинулся ни на шаг, пока они приближались.

Что же мне теперь делать?

Я решила играть также круто, как и они, но существовала одна большая проблема, я не была такой крутой.

Хок добрался до нас первым, и его авиаторы не оставляли меня ни на секунду, он остановился в нескольких шагах от нас.

— Детка, — приветствовал он, но его голос звучал так, что мне показалось, что он не был в хорошем настроении этим утром.

— Привет, — приветствовала я его.

Лоусон прибыл, обойдя Хока, встав прямо, чтобы видеть меня, и его темные очки не на секунду не оставляли Тэка, на которого он смотрел выставив вперед напряженный подбородок, потом он перевел на меня взгляд.

— Доброе утро, Гвендолин, — приветствовал он, не обращая внимания на Хока и Тэка.

— Доброе, — ответила я.

— Хорошо спалось? — спросил Лоусон.

— Не очень, — честно ответила я.

— Есть хорошее средство от бессонницы, — произнес Тэк, и две пары темных очков, резанули по нему, и я тоже перевела на него взгляд, он скрестил руки на груди и улыбался мне белозубой улыбкой.

Вот черт.

В этот момент Хок дернулся.

Я поняла, потому что он пальцем указал на Тэка и на Лоусона, сказав:

— Ты... и ты... поговорить, — и у меня мелькнула мысль, что он пожалуй единственный человек на планете, которому такое обращение могло сойти с рук с этими двумя парнями.

Он отошел на шаг назад, тоже самое сделал Лоусон и Тэк. Мой проход был свободен, я уже не была пленницей своей двери. Когда я решила тоже пойти, Хок, который уже повернулся, чтобы двинуться за Лоусоном и Тэком на мою лужайку, повернулся ко мне.

— Детка, стоять.

Я моргнула через мои затемненные стекла.

Потом потеряла самообладание.

— Я не собака! — громко рявкнула я.

Он был уже в пяти шагах от меня, затем в одну секунду я была прижата к своей машине.

— Ты остаешься или я отнесу тебя в свою машину и прикую наручниками к рулю. Выбирай. Даю две секунды.

Очевидно, я была права. Кто-то явно был не в лучшем настроении сегодня утром.

— Здесь офицер полиции. Я думаю, что он не позволит тебе нести меня в свою машину и надевать наручники, чтобы приковать к рулю, — сообщила я ему.

— Лоусон знает меня, так же как и Тэк, и я обещаю, Душистый Горошек, я сделаю то, как сказал, чтобы справиться со своей женщиной, и ни один мужчина на твоей лужайке не стукнет палец о палец, чтобы помочь тебе.

Не уверена, что на все сто поверила этому заявлению, но я не собиралась проверять его на практике. Итак все были слишком напряженными. Мне не нужна война байкеров с командос у меня на лужайке перед домом, и еще Лоусон вызывающий полицию.

Поэтому я сдалась, но сказала снисходительным тоном:

— Ты всего лишь упал вниз на два уровня на секс-о-метре, — сообщила я ему елевым голосом.

— Я переживу, — ответил он и отвернулся.

Пока он двигался к Лоусону и Тэку, которые уже поджидали его, наблюдая за нами, я подошла к капоту машины и села на него, скрестив руки на груди.

Байкеры и командос крутили головами, переводя взгляд от меня на трех мачо-парней, устроивших крутое тайное совещание. Я же смотрела на трех горячих парней, разговаривавших друг с другом, лица напряженные, довольно близко друг от друга, но при этом они избегали телесного контакта. Затемненные очки передвигались к таким же затемненным стеклам. Разговор был напряженным, но длился всего три минуты. Я не засекала время, думаю даже меньше.

Потом они наконец-то оторвались друг от друга. Лоусон направился к своему автомобилю, махнув мне рукой. Тэк свистнул, щелкнув пальцами, и армия байкеров попрыгала на свои мотоциклы и во внедорожник. Глаза Тэка встретились с моими, и он приложил палец ко лбу, перевернул, прежде чем вскочить на байк. Машина Лоусона тронулась и Харлеи взревели и рванули с места, Хок закончил разговор с поджарым, но худым, на два дюйма ниже, чем он, мужчиной, и подошел ко мне, в то время как остальные командос выгружали какие-то ящики с оборудованием.

Я соскочила с капота машины и встала перед ним.

— Я только что добавила еще одну причину, под номером триста семьдесят два в своей список, почему между нами *все кончено*, — объявила я.

— Мы уже два раза говорили об этом, не начинай сначала, — ответил Хок, теперь его темные очки смотрели прямо на меня. — Вчера ночью, мои парни измерили твое окно. Новое вырезается, и они установят его, как только оно будет готово. Сейчас они работают над системой безопасности. Это займет пару дней. До тех пор ты останешься со мной.

— Слишком поздно, я уже пообещала одному мачо, что буду спать у него сегодня ночью.

Я увидела, как все его тело напряглось, казалось, воздух вокруг него стал даже красного оттенка, становясь все гуще, но я не отступила.

— И кто он? — спросил он страшным, тихим голосом.

— Мой отец, — с вызовом ответила я.

Он тут же расслабился и улыбнулся, показав обе ямочки на щеках.

— К нему — я разрешаю, — заключил он.

Мудрейший Господи, он что мне не доверяет?

— Ладно, я знаю, что ты слушаешь выборочно и не слышишь почти все, что я говорю, но в этот раз обрати внимание на мои слова. Во-первых, скажи своим парням, чтобы прекратили работать. Папа починит мне окно, и я не хочу иметь никакой системы безопасности у себя в доме. Во-вторых, я не знаю, чем закончился ваш разговор крутых мачо, но похоже, ты победил и решил, что можешь станцевать вальс здесь на газоне и стать моим боссом, указывая, что мне делать, но скажу тебе прямо — ты ошибаешься. Не потому, что я не твоя женщина, а потому, что мне не нравится, когда мной вертят, как хотят, мне никогда не нравилось, когда мне указывают. И последнее, *клянусь Богом*, мы... повторяю еще...

Я готова уже была произнести слово «закончили», когда он, в прямом смысле этого слова, сорвал с себя и меня солнцезащитные очки, бросив их на капот моей машины. Я была так поражена его действием, что остолбенела, поэтому свой следующий маневр он выполнил без моего сопротивления. Я в одно мгновение была плотно прижата к нему, он крепко обхватывал меня одной рукой за талию, а другой поддерживал за затылок, наклонился и

поцеловал.

Это стало для меня проблемой.

Поскольку была причина, почему я никогда не могла выпроводить Хока из своей постели, прежде чем я могла произнести слово, он начинал меня целовать.

А целовался он просто *великолепно*. Он вообще мог проделывать множество вещей своими руками, губами и другими частями тела, и это было просто умопомрачительно, но даже от одного его поцелуя, он полностью губил меня, поскольку я больше никогда не могла смотреть ни на какого другого мужчину.

Да, он был слишком хорош в этом, на самом деле.

Поэтому, когда он наконец оторвался от меня (и выглядело это со стороны очень унижительно, он не торопился, а я его не прогоняла), мои руки не хотели его отпускать, одна из них ласкала его спину, другая опустилась ему на шею, притягивая его ближе к себе. Как только его язык погрузился в мой рот, я не могла больше ни о чем думать, как только удерживать и притягивать его к себе поближе.

— Мы закончили, Душистый Горошек? — прошептал он.

— Несмотря на то, что я с тобой целовалась, ты мне не нравишься, — прошептала я, все еще держась за него.

Он опять издал глубокий, внутренний смешок, его рука переместилась с моих волос на плечи, он держал меня обеими руками, чуть-чуть сжимая мои плечи, притягивая ближе к себе.

— Итак, на повестке дня: парни продолжают здесь работать, я вернусь забрать тебя на ланч.

Забрать меня на ланч? У нас никогда не было свидания, а теперь, словно в невзначай он сообщает мне, что собирается взять меня на ланч?

— Я не могу никуда пойти на ланч. Мне нужно сдать три работы в определенный срок, а я потратила на них лишь пару часов. Мне нужно вкалывать, если я собираюсь успеть вовремя, поэтому мой ланч пройдет за моим рабочим столом.

— Я принесу что-нибудь тебе. Чего ты хочешь?

Боже! Что произошла *с этим* парнем?

— У меня есть еда в холодильнике.

— Tom Yung Goong и Pad Thai, J's Noodles, — сказал он, и я тут же посмотрела на него.

Два моих любимых ресторанчика с едой на вынос. У меня было много любимых блюд, но суп Tom Yung Goong и лапша Pad Thai от Джея находились на вершине моего длинного списка. И обычно я покупала их на вынос, чтобы насладиться за столом, после марафона трудового дня.

Я перестала пялиться во все глаза на него, потому что у меня появилось такое чувство, что мои глаза сейчас вылезут из орбит.

— Откуда ты знаешь столько о моих привычках?

Он не ответил на вопрос, но этого и не требовалось, поскольку доказательства были на лицо, он смотрел на меня так... ну, как *ястреб*.

Вместо того, чтобы ответить, он задал свой собственный вопрос:

— Ты не спала прошлой ночью?

— Ко мне в дом ворвались, помнишь.

— Мне казалось, ты поехала к своему отцу, чтобы успокоиться и почувствовать себя в безопасности, — ответил он.

— Я чувствовала себя в безопасности, но ворочалась, вспоминая руку, медленно открывающую мою дверь в спальню, когда я так боялась и переживала, что могу разбить свой снежный шар со счастливым котенком, чтобы вырубить непрошенного гостя.

Он обхватил меня руками.

— Все это было вчера, детка, не сегодня. Ты в порядке. Все закончилось. Выброси это из головы.

Выбросить это из головы? Он серьезно думал, что я могла бы это сделать? Он серьезно думал, что любая женщина вот так легко может это сделать? У меня было по крайней мере уйма увлекательных ночей до прошлой ночи, но я не могу вот так запросто выкинуть это из головы.

— Это непросто, — сообщила я ему.

— Это очень просто, — проинформировал он меня.

Я уставилась на него.

Он улыбнулся мне и появились ямочки, вот черт, мне очень нравились эти ямочки.

Пора возвращаться к работе.

— Мне нужно кофе, включить компьютер и наконец приступить к работе.

— Да, — пробормотал он, опустив голову, и прежде чем я смогла отклониться от него, он опустил свои губы на мои. Затем прошептал:

— Увидимся, — забрал свои авиаторы с капота моей машины, и легкой крадущейся походкой направился к своей Самаре, которая была круть крутая, по пути, как бы кивнув, своим командос. Потом он согнулся и залез в свой офигительный автомобиль, мотор заурчал и уехал.

Я так и стояла у своей машины какое-то время, тупо смотря на улицу, на которой пару секунд назад была его машина, и только лишь одно слово мелькало у меня в голове:

Черт побери.

Потом я схватила свои солнцезащитные очки, избегая встречи с работающими командос, пробралась в дом, сварила большой чайник кофе, налила пять кружек, предложив занятым трудолюбивым спецназовцам.

И наконец отправилась в свой кабинет, чтобы хотя бы включить компьютер.

Глава шестая.

Помощь спешит

Я наконец попала в свой кабинет и смогла сосредоточиться несмотря на кучу спецназовцев, стучавших по всему дому, но вдруг мои волосы переместились с одного плеча на другое.

Я ощутила губы на коже у моего уха.

Трепетная дрожь расходилась от уха вверх, вниз, распространяясь все больше, мой взгляд упал на экран компьютера, ни на чем особо не фокусируясь, и я наклонила голову вперед и довольная отклонилась, чтобы поближе быть к этим губам. Но они оставили мое ухо, и с удивлением я увидела, как на клавиатуру опустился белый полиэтиленовый пакет с коричневым бумажным внутри. Мой взгляд упал в правый нижний угол экрана, время — двенадцать сорок семь.

Ланч.

Я развернулась в кресле и подняла глаза на Хока, стоящего передо мной, открывающего

бумажный коричневый пакет.

Я не в состоянии была, что-либо сказать, поскольку была слишком ошарашена, неоднократно мечтая о таком. Я говорю именно об этом, что мечтала о таком моменте, в который попала сейчас.

Ладно, не о тайской еде, конечно, но много раз я мечтала, как разворачивались бы события, если бы мой загадочный мужчина показался мне в свете дня. Например, подкрался бы ко мне тихо, пока я мыла посуду на кухне и обнял бы меня, прижимая крепко к себе. Или же пока я была в душе, он бы присоединился ко мне.

Или пока я работала, он подкрался бы ко мне и поцеловал в шею.

Именно, так как мне нравилось, *именно* в том месте, где мне нравилось.

И сейчас он подкрался ко мне и поцеловал меня в шею.

Именно в том месте, где мне нравилось и как мне нравилось.

И выглядело это намного лучше, чем мечта, совсем не потому, что лапша J's Noodles была приятным дополнением, а потому что это произошло на самом деле.

Черт.

Пока я пыталась привести себя в чувство, он доставал еду из пакета. Он снял с картонного стаканчика с супом крышку, вынул другой контейнер с лапшой, именно это я всегда и брала на вынос у J's Noodles. Дальше он вытащил палочки, покрытые бумагой, и достал еще один контейнер, видно для себя. Опустив пустой полиэтиленовый пакет на пол, он стал рыться в другом — с уже знакомым мне красно-оранжевым с зеленым логотипом. Достав воду в бутылках, я поняла, что это для него, передо мной же он поставил банку диетической содовой со вкусом винограда.

Я посмотрела на банку, потом перевела на него взгляд.

— Что? Ты следил за мной? — спросила я.

— Иногда, — ответил он и я поняла, что прищурилась. — Иногда мои парни присматривали.

Он отвернулся и направился к моему дивану, поставив бутылки с водой на столик, опустился на него и открыл свой контейнер с едой.

— Наверное, в твоей базе имеется на меня большой, толстый файл? — спросила я, срывая бумагу с палочек, беря в руки стаканчик с супом.

— Неа, — ответил он, — они докладывают устно. «Она пошла к J's Noodles, купила суп и лапшу и 7-Eleven диетическую соду с виноградом». Подобная хрень.

Нереально.

— Почему? — спросила я.

— Почему?! — повторил он.

— Почему ты и твои ребята следят за мной?

— Детка, — ответил он, опуская палочки в лапшу, словно я его ни о чем не спрашивала, и его парни не следили за мной, и не отчитывались в том, что я предпочитаю есть и пить, словно они не вторгались в мою личную жизнь без моего ведома. Затем мой взгляд упал на его еду, которая была всего лишь лапшой, я имею ввиду, лапшой с овощами. Без соуса. Без кешью. Без арахисовой крошки. Без сочных креветок. Ничего из вкусных добавок. Обычная лапша и овощи.

Я вспомнила, как впервые увидела его в ресторане. Тогда он ел стейк, печеный картофель и тушеные овощи. Я также вспомнила, хотя и была немного пьяно, что отметила про себя, что на картофеле тоже ничего не было — не сметаны, не кусочков бекона, не сыра.

Даже не была масла.

— Что ты ешь? — спросила я.

— Лапшу с овощами, — ответил он, поднимая палочки ко рту, хотя это и так было очевидно.

— Одну лапшу с овощами?

Прожевав, он ответил:

— Ага, — кладя в рот уже больше лапши.

— Без соуса? — продолжила я.

Прожевав и проглотив, он сказал:

— Детка, если бы я ел как ты, я бы отрастил себе пузо. А при моей работе, я не могу позволить себе иметь пузо.

Я ощутила, как у меня подскочило артериальное давление.

— Ты хочешь сказать, что я толстая?

Ямочки у него на щеках, представляющие для меня опасность, внезапно пропали, и палочки замерли на полпути ко рту с лапшой и овощами.

— Душистый горошек, как ты ешь, означает, что у тебя имеются сиськи и задница. Это хорошо, поскольку я люблю сиськи и задницу. Но плохо, потому что Тэку и Лоусону тоже, также как и мне они также сильно нравятся, — он засунул лапшу с овощами в рот и произнес с набитым ртом:

— Тэку даже больше.

Вот черт.

— Мне необходимо сосредоточиться на работе, — объявила я.

Он вытянул свои длинные ноги, положив ногу на ногу на уровне щиколоток, показывая всем своим видом, что планирует задержаться здесь на какое-то время, и ответил:

— Тогда сосредоточься.

Я зыркнула на него. С одной стороны, он хорошо смотрелся в моем кабинете, но с другой стороны, это было совсем не хорошо. Я с Трейси покрасила стены в белый цвет, но в магазине я отрыла оранжевый, добавив немного в краску, чем предала белому теплоту. Мой рабочий стол был длинным, белым, гладким, узким, как девушка, показывающая свое наготу. Мои полки были белые и такими же девчачьими. Узкие, квадратные столики по бокам дивана были тоже такими же белыми и девичьими. Диван был мягким с оранжево-розовыми и зеленовато-желтыми, светло-синими наброшенными подушками. Я декорировала ночники, переплетя абажуры кружевом, что делало свет более приглушенным. Здесь явно не было ПЕРЕБОРА девчачьего — розового и оборочек, но это пространство было определенно женское.

Сидя на моем диване, Хок выглядел, как вторгшийся завоеватель, наслаждающийся едой, пытающийся набраться сил перед тем как начнет насиловать и грабить. Кроме того, он не стал бы насиловать, потому что все женское население города выстроиться к нему в очередь.

Черт.

Я развернулась к своему столу и понюхала суп, почувствовав запах лимонной травы. Ням-ням. Я покрутила палочками и сделала глоток.

И спросила у Хока, продолжая смотреть на свой экран:

— А как твое настоящее имя?

— Кейб Дельгадо.

Без запинки ответил он, и я невольно в удивлении повернула к нему голову.

— Кейб Дельгадо?

Он продолжал поглощать лапшу, поэтому не ответил.

— Что это за имя такое Кейб? — спросила я.

Проглотив, он накрутил на палочки еще больше лапши, пробормотав:

— Кто бы черт побери знал? Сумасбродство ма.

Его Ма была сумасбродной.

Интересно.

— Дельгадо это же мексиканская фамилия? — продолжила я допрос.

— Пуэрто-риканская, — ответил он без колебаний.

— Ты из Пуэрто-Рико?

— Посмотри на меня, детка, я однозначно не чистокровный скандинав.

Нет, он определенно не смахивал на скандинава.

— Ты родился в Пуэрто-Рико?

— Неа, в Денвере.

Замечательный уроженец Денвера, настоящий парадокс.

С другой стороны, я здесь не родилась. Папа переехал с Мередит, Джинджер и со мной в Денвер из Южной Дакоты, когда мне было десять, но я не стала делиться этой информацией, потому что Хок, наверняка уже знал ее.

— Так твои родители пуэрто-риканцы?

— Папа. Ма наполовину итальянка, наполовину кубинка.

Не удивительно. Пуэрто-риканские, итальянские и кубинские корни — идеальные ингредиенты для горячего, властного, крутого коктейля.

Его брови поползли вверх.

— Это называется сосредоточиться?

Думаю, кто-то решил разделить мою заботу о моей работе.

Я повернулась к компьютеру, выловила палочками в супе большую креветку и положила в рот.

Свежая, острая, вкусная.

Я заглотнула еще одну креветку с очередным глотком супа. Затем попыталась сосредоточиться на работе с Кейбом «Хок» Дельгадо, растянувшимся на моем диване. Неудивительно, что я совершенно не могла сосредоточиться, но очень надеялась, что со стороны успешно притворяюсь.

Я прикончила свой суп, оставив темные кусочки на дне (я любила этот суп, но эти темные кусочки выбивали меня из колеи, я никогда их не ела), сделав глоток из стаканчика, подготовила себя к следующему кулинарному наслаждению, открыв лапшу, когда Хок подошел к моему столу и наклонился, поднимая валяющейся на полу пакет.

Он засунул свой пустой контейнер в пакет, пока я усиленно делала вид, что полностью игнорирую его, в это время он потянулся за моим пустым стаканчиком из-под супа, и за спиной я вдруг услышала голос:

— Хок.

Я повернулась на стуле, как и подозревала увидела Numero Dos Хока, худого, но производящего впечатление мужчину, с которым Хок говорил перед моим домом. Его внешность представляла такой же этнический коктейль, как у Ястреба, но он был ниже по росту и намного худее, он представился, как «Смоки». У него был шрам на виске, уходящий

в черные волосы, и я решила, что он, скорее всего относится к тем людям, с кем лучше не шутить, а тем более не злить.

— Гости, — сказал он Хоку, не на секунду, не взглянув на меня, видно его кличка полностью соответствовала ему — *нуф!* — исчез.

Хок продолжил свое занятие, бросив мой пустой стаканчик из-под супа в пакет и отправив пакет в мусорное ведро, двинулся на выход. Я тоже поставила лапшу на стол и последовала за ним.

Выйдя в коридор, Хок вдруг остановился и резко повернулся ко мне, я неожиданно врезалась в его грудь.

Отступила на шаг назад, взглянув на него снизу-вверх и, прежде чем успела что-либо сказать, он спросил:

— Есть ли у меня хоть какой-нибудь шанс, если я попрошу тебя остаться наверху, ты не начнешь со мной препираться?

— Никакого, — ответила я.

Он секунду смотрел на меня, потом покачав головой, будто это я навязывалась встречать гостей у *него* в доме, а не в своем собственном чертовом доме спускалась по лестнице, чтобы встретить пришедших, молча развернулся и направился к лестнице.

Я последовала за ним и услышала голос прежде, чем увидела его.

Вспомнив, что сегодня среда, а среда был днем Троя. Мы всегда выходили в среду во второй половине дня выпить кофе или пиво, или что-нибудь еще, так как Трой был свободен в это время по средам, поскольку работал первую половину дня в субботу.

Вот черт.

— Кто вы? — спрашивал Трой, пока я все еще продолжала спуск по лестнице. — А где Гвен?

Я уже видела его, но Трой также видел и Хока, спускающегося передо мной, поэтому уставился на него во все глаза, мне оставалось только предположить, что кто-то таким образом может уставиться на Хока, поскольку Хок был Ястребом во всем. Затем Трой дернулся, словно выходя из транса, и перевел взгляд на меня.

— Гвен, милая, что происходит? Ты не говорила мне, что намереваешься доделать ремонт?

— Привет, Трой, — приветствовала я его, остановившись в нескольких шагах перед ним с другой стороны, нежели Хок.

Хоку, однако, не понравилось образовавшееся расстояние между нами, я просто почувствовала, как он сократил его, придвинувшись ко мне поближе. Он наклонился и схватил меня за руку, потянув на себя, поэтому у меня не оставалось выбора, кроме как навалиться на него всем телом, он тут же отпустил мою руку, и удерживая, обнял за плечи.

— Среда, — пробормотал Хок, совершив свой подвиг и смотря на Троя. — Черт, забыл.

Трой уставился на Хока, потом перевел взгляд на меня, потом опять на Хока и опять на меня, и при этом у него были широко открыты глаза и рот, мне казалось он переводил взгляд с одного на другого неоднократно.

Однако, я не стала бороться с Хоком, хотя бы потому, что вчера Хок мне сообщил, что Трой мечтал залезть ко мне в трусики, поэтому я стояла, прижавшись к Хоку, глядя на песочные волосы и голубые глаза Троя, одетого в костюм для банка, и сравнивала их. Он работал менеджером по кредитам, был не высоким, но и не низким, выше меня. У него было не плохое тело, но он при любом раскладе не обладал четко выраженной мускулатурой. И

ему было очень далеко до командос, что это даже становилось не смешно.

Трой, наконец, остановил свой взор на Хоке и спросил:

— Вы кто?

— Он..., — начала я, но Хок прервал меня:

— Хок, мужчина Гвен.

Дерьмо! Я не хотела бы, чтобы он такое говорил!

— Мужчина Гвен? — прошептал Трой, побледнев.

Опять дерьмо!

— Трой, это не..., — начала я.

Побледневший Трой взглянул на меня.

— У тебя есть мужчина?

— Ну...

— Гвенни! — все мы услышали возглас и через переднюю дверь влетела Трейси.

Трой повернулся к двери, спецназовцы замерли. Такое часто происходило, когда Трэйси Ричмонд входила в комнату, и я мысленно про себя удивилась — оказывается даже командос не застрахованы от шарма Трейси.

Так происходило постоянно, поскольку она выглядела как модель, причем без шуток. Она высокая, выше меня на два дюйма. С натуральными светлыми блестящими, длинными прямыми волосами и озорными зелеными глазами. У нее превосходная фигура, симметричное лицо. Она была худой, с длинными предлинными ногами, и длинными, изящными, тонкими руками. У нее не было ни сисек, ни задницы. Она была человеческим манекеном в его прекрасном воплощении. Модные дизайнеры всего мира придут в полный экстаз, если увидели бы ее. Именно поэтому магазины Денвера нанимали ее с большой охотой, хотя она была взбалмошной и ей быстро надоедала однообразная работа, поэтому средняя продолжительность ее занятости составляла около одиннадцати месяцев. Если она говорила вам, что какая-то вещь выглядит на вас хорошо, вы представляли себя в этой вещи, потому что всеми фибрами своей души вы хотели поверить ее словам, и покупали себе эту вещь.

— Кэм позвонила и сказала, что ей передал Лео, что к тебе вломились..., — Трейси остановилась рядом с Троем и заметила Хока. У нее тут же расширились глаза, челюсть отвисла. Затем, прежде чем я сказала хоть слова, видно она сделала совершенно неправильные умозаключения, поскольку ее лицо озарилось восторгом, и она завизжала:

— ОхмойБог!

Она начала подпрыгивать и хлопать в ладоши, командос молча наблюдали за этим шоу, наконец она оторвала взгляд от Хока и схватила меня за руку, продолжая прыгать вверх-вниз.

— Гвенни! Ура! — закричала она.

Вот черт!

Я сжала ее руку.

— Трейси, это не то, что ты...

Она не дала мне закончить, опустив руку и посмотрев на Хока.

— Я вас знаю! И я знаю *все*! Кэм позвонила мне и сказала, что вы приходили вчера, и в дом Гвенни вломились прошлой ночью, и вот вы здесь! Помощь спешит! Ура!

Черт, дерьмо, *черт*!

— Трейси...

Она посмотрела на меня.

— Я *говорила* тебе! Разве я не говорила тебе? — она посмотрела на Хока, сообщив, — я говорила ей это несметное число раз!

— К тебе вломились? — пытаюсь перебить захлебывающуюся Трейси, спросил Трой, и я перевела взгляд с Трейси на Троя.

— Хм... да, но невелика потеря, — соврала я.

— К тебе вломились? — повторил Трой.

— Так вот почему все эти ребята здесь? — спросила Трейси, вращая головой, чтобы увидеть всех спецназовцев, потом посмотрела на меня. — Что они делают? Строят крепость?

— Они устанавливают систему безопасности, — ответил Хок, лицо Трейси мгновенно поникло от этой новости, и она перевела на меня свои глаза.

— Ах, милая, это значит, что ты не скоро сможешь купить те Джимми Чу, на которые положила глаз, вот черт? Знаешь, я не смогу удерживать их слишком долго. Кто-то заметит.

Это была Трейси: мода превыше *всего*, даже превыше безопасности.

— Она не платит за это, — ответил Хок, лицо Трейси немедленно воспряло, глаза устремились на Хока, а Трой, наоборот, на него прищурился.

— Ура! — воскликнула Трейси.

— Детка, перестань говорить «ура», это не то, что ты думаешь, — наконец я выбралась из захвата Хока, сжимающего мое плечо.

— Тогда что же? — спросил меня Трой, но не дожидаясь ответа, продолжил:

— И кто этот парень? И кто к тебе залез? Ты не пострадала? Тебе не причинили боль? Полиция знает? Они поймали его?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но Хок ответил раньше и как всегда *за меня*.

— Как я сказал, я Хок — мужчина Гвен. Мы не знаем, кто вломился в дом. С Гвен все нормально, мои парни и я наблюдаем за ней, и полиция проинформирована.

— Хок, — выдохнула Трейси, глядя на него со звездами в глазах. — *Классное имя*. Даже прикольное. Супер крутое. Супер, вдвойне крутое.

Господи, Боже мой!

— Дорогая, ты хочешь, чтобы я тебе все кратко рассказала, но у меня нет на это времени, у меня работа, — сказала я и посмотрела на Троя. — Прости, Трой, я вижу твое беспокойство, но из-за случившегося я немного сумасшедшая и у меня сроки. Я не могу сегодня в День Троя выйти с тобой. Но я в порядке, в полном порядке. Я позвоню тебе завтра и все объясню, — я взглянула на Хока и мое терпение лопнуло:

— А ты! Ты перестанешь вместо меня *отвечать*?

— Здорово, — произнесла тут же Трейси, прежде чем Хок ответил хоть что-нибудь. — И кстати, милая, твои волосы — *бомба*.

Трой был не таким крутым, уставившись на меня, он спросил:

— Это имеет отношение к Джинджер?

От его вопроса Трейси посмотрела на меня широко открытыми глазами.

— ОймойБог, — выдохнула она. — Я не подумала об этом.

Трой не дожидаясь моего ответа, понял все правильно, поскольку знал меня довольно давно, но мои выходки, даже в худшем случае, не привели бы к команде спецназовцев, устанавливающих в доме систему безопасности.

— Что она опять натворила? — спросил Трой.

— Я не знаю и мне все равно. Я отреклась от нее, — ответила я.

— Наконец-то, — пробормотала Трейси.

— *Я* хочу знать, что она совершила и *мне* совершилась наплевать, что за один день ты решила связаться с Рэмбо, — отрезал Трой, кивнув головой на Хока.

Хок глубоко вздохнул и по-мужски издал еле слышный смешок.

Трейси даже не обратила внимание на его смешок, заявив:

— Не за один день. Они встречаются уже полтора года.

Ой-ой-ой.

Трейси, увидев выражение лица Троя, поняла, что совершила оплошность, произнеся: «Ох-ох».

— Полтора года, — прошептал Трой и у меня скрутило живот. Он смотрел на меня такими глазами, словно я двинула ему, причем явно по яйцам.

«Черт, Хок был прав. Трой, точно хотел залезть мне в трусики».

— Трой..., — прошептала я в ответ, и тут опять заговорил Хок.

— Мой тебе дружеский совет. В следующий раз, вытащи голову из задницы и заявити о себе.

Несмотря на то, что все мое тело напряглось, я каким-то механическим голосом все равно рывкнула на Хока:

— *Ястреб!*

Хоук взглянул на меня.

— Я говорил, как мужчина с женщиной, детка, он же мужчина и должен понять, что он облажался.

Впервые за всю свою жизнь, мне захотелось, чтобы за убийство не засадили за решетку.

— Вижу, ты не в настроении ответить, — сказала Трейси по-доброму Трою, — но, эм... вообще-то он прав, дорогой.

На этот раз у меня открылся рот сам собой, челюсть просто упала, я во все глаза пялилась на милую, не-дай-Бог-делом-или-словом-наплевать-в-душу Трейси, которая вот так запросто словами просто «разбила» душу нашего давнего друга.

И Трой смотрел на нее так, наверное, именно так смотрит человек, чья душа ранена.

Он развернулся и пошел прочь.

Я оторвалась от Хока, бросилась вперед и схватила его за руку.

— Трой...

Он остановился и свободной рукой взмахнул, прищурившись глядя на меня.

— Не надо, — прошептал он.

— Трой..., — начала я *снова*.

— Если тебе нужно будет поменять стиральную машину, Гвен, или ты отморозишь себе задницу, потому что твое отопление не будет работать, не звони мне. Вызывай Рэмбо, — он мотнул головой в сторону Хока, — Надеюсь он знает, как пользоваться гребаным гаечным ключом.

И он вышел за дверь.

Как только он переступил порог, я повернулась к Хоку и Трейси.

— Какого черта? — закричала я.

— Детка, — ответил Ястреб.

— Знаю, — тихо произнесла Трейси. — Это было жестоко, милая, но Кэм здесь нет, но кто-то должен был ему сказать. Она и я говорили ему об этом постоянно, он должен был

заставить себя двигаться или вперед или же дальше. Он не сделал ни того, ни другого. Теперь у тебя есть Хок, возможно, он наконец привыкнет к этой мысли и двинется дальше?

«Кэм и она говорили ему об этом постоянно? Почему об этом они не говорили со мной?»

Я не просила их совершать такое, поэтому воскликнула:

— Он уже двинулся дальше! У него есть девушка.

Трейси взмахнула рукой перед лицом.

— Вряд ли. Каждый раз он выбирает девушку, исходя из того, чтобы с ней было легко расстаться, не влюбляться в нее слишком сильно, если ты дашь ему шанс. Она мне не нравится, она не нравится Кэм. Тебе она тоже не нравится. Она нытик. Никто не любит нытиков, даже Трой. Поэтому ему будет легко отказаться от нее.

Я посмотрела на Трейси, потом перевела взгляд на Хока, потом взглянула на застывших спецназовцев.

И впала в полное неприятие.

— Этого не случится, — объявила я. — Я не могу сделать это прямо сейчас. Мой Пад Тай уже остыл. Мне необходимо разогреть его в микроволновке, съесть и заняться работой. Для меня никого не существует с этой минуты, я совершенно одна.

И направилась мимо Трейси и Хока к лестнице.

Взяв контейнер с лапшой, развернулась, Хок стоял в дверях моего кабинета.

— Детка, — сказал он.

— Я не вижу тебя и тебя не существует, — сообщила я ему.

— Гвен, кто-то должен был ему это сказать.

— Нет, если ему об этом не сказали даже мои подруги, то тебе тем более не стоило говорить, — ответила я.

— Я сделал ему одолжение.

— Правда? Одолжение? Может мне стоит позвонить Трою и спросить, считает ли он твоё дерьмо обо мне и Трейси, крутым?

— В следующий раз, он вытащит голову из задницы.

Наверняка сначала исследуют границы, чтобы голова не взорвалась, когда он ее вытащит.

— Уходи. Я не хочу тебя видеть, возможно... миллион лет. Точно миллион лет. Если у меня будет миллион лет, думаю, я справлюсь, — я наклонилась к нему вперед, — потому что *безумно зла на тебя*.

Он ухмыльнулся и опять сказал:

— Детка.

— Спасибо за еду, — произнесла я слова благодарности примерно также, как сказала бы любому, и подойдя к нему, завершила:

— Увидимся через миллион лет.

Я попыталась его обойти, но он опустил свои руки мне на талию, и я не смогла бороться, поскольку мои руки были заняты контейнером с Пад Тай, и я не хотела уронить его на пол.

— Что еще? — огрызнулась я, повернув на бок голову в его сторону.

— Мы сегодня ужинаем, — сообщил он мне.

— Нет, мы не ужинаем, — в ответ сообщила я ему. — Я должна пойти на ужин с папой и Мередит, и мне придется все рассказать про Джинджер и *тебя*. А потом я приеду домой и

буду работать, пока не засну на клавиатуре.

Его брови соединились вместе.

— Ты так опаздываешь по срокам?

— Да! — прокричала я. — Я итак опаздывала уже вчера, когда Дарла заявила ко мне в гости и я глупо, тупо, не задумываясь решила пойти в Ride. Теперь я еще больше отстала из-за всего этого дерьма, Хок.

— Мне следует позволить тебе совершить это дерьмо, — пробормотал он.

— Думаешь? — огрызнулась я.

Его рука передвинулась мне на спину, придвигая ближе к себе, мне пришлось выгнуться, чтобы не потерять свой Пад Тай.

— Хок..., — предупреждая произнесла я, как только его голова стала опускаться, а я чуть не вывихнула себе шею, пытаясь избежать его губ, но он сильнее придвинул меня к себе, но мне все-таки удалось избежать его губ, которые опустились мне на шею.

— Нужно наверстать упущенное, детка, и выкроить немного времени для меня, — пробормотал он мне в шею, и мне захотелось ему ответить грубостью, но я не смогла, как только его язык коснулся у меня за ухом, я тут же забыла, что была *безумно зла на него*, а потом он сказал:

— Мы должны.

— Должны? — выдохнула я, чувствуя его язык у себя за ухом.

Он поднял голову и посмотрел на меня, повторив:

— Должны.

— Что?

Его черные глаза с теплотой смотрели на меня, на щеках появились ямочки, руки еще крепче, прижимали меня к его высокому, жесткому телу.

Ох.

Должны.

Ммм.

Я на мгновение забыла, что мы вообще-то закончили наши отношения, когда во все глаза смотрела в его черные теплые глаза, чувствуя, как его высокое, жесткое накаченное тело, и тут вспомнила, как выглядит оно голым.

Ммм.

— Детка, — позвал он, и я зажмурилась.

— А?

Он улыбнулся, белые зубы выделялись на его красивом смуглом лице и опустил голову, слегка меня поцеловав.

— Приступай к работе, — велел он.

И, внезапно, исчез.

А я так и стояла с Пад Тай, осматривая свой пустой коридор, и думая: *«Вот черт»*.

Глава седьмая

Уверенность, рожденная инстинктом

Мне удалось избавиться от Трейси, съесть Pad Thai, предварительно разогрев в микроволновке, и вернуться к своему компьютеру. После часа работы, я задумалась. Я села,

подняв ноги на стул, положив подбородок между коленей, чтобы было комфортно смотреть в окно, особенно не напрягаясь и держа прямо голову.

Я не мечтала, а вспоминала с какого момента пошло все не так.

Два года назад, когда Трейси успешно закончила онлайн-курсы барменов, а потом не стала реализовывать выбранную карьеру, а стала судорожно метаться по каждому розничному магазину эксклюзивной одежды в Черри-Крик-Молл, забив на работу в клубе. Но тогда она работала в клубе, в котором был модный ресторан, где действительно подавалась хорошая еда, и были стильные, элегантные фужеры для напитков, а также имелось три камина, делая пространство более теплым и гостеприимным, каждый стол был с диванчиками, а также в середине помещения стояла огромная круглая барная стойка, где можно было посмотреть на других и показать себя.

Тогда в клубе находились Кэм, Трейси и мой верх, выглядывающей из-за стойки, чтобы посмотреть на других и быть увиденным другими во время распития коктейля «Космополитен» (хотя, если честно, мы ходили туда из-за бокалов, которые были чертовски *фантастическими*). Это сейчас, а не тогда, когда Трейси разбила у них многие фантастические бокалы, и ее боссу пришлось ее отпустить. Он сделал это со слезами на глазах, поскольку, как и любой мужчина с пульсом, был наполовину в нее влюблен, я видела это, я была там и тоже Кэм была, расставание было не совсем милым.

Но полтора года назад я оказалась в этом клубе как-то вечером, попивала коктейли, составляя Трейси компанию в ее смену.

С третьим Cosmo мне было уже хорошо, я уже слегка напилась, поскольку была на сумасшедшей диете, из-за которой и началась детоксикация (хотя я, конечно, изменила рацион питания, чтобы позволить себе Cosmo), но во мне уже находилось три Cosmo с нулевым процентом пищи в течение всего дня.

Это было глупо, сейчас я понимаю это. Тогда это не казалось таким уж глупым, Трейси вызвалась быть моим шофером на тот вечер. Трой подбросил меня сюда, а Трейси сказала, что доставит меня домой. Я могла пить столько, сколько хотела, флиртовать столько, сколько хотела и гоготать с Трейси так, как мне хотелось.

Затем вошел он — Великий Загадочный Мужчина, ныне известный как Кейб «Хок» Дельгадо.

Я влюбилась в него с первого взгляда, не шучу. Он был очень сексуальным, но это была не похоть, это была любовь.

Ладно, немного было похоти, но в основном была любовь.

В общем сейчас этого даже невозможно объяснить. Просто что-то в нем было такое — он был одет в потертые джинсы, идеально скроенную черную рубашку и большие черные ботинки, явно комфортные. Он был уверен в своем стиле и в самом себе, двигаясь изящно, властно, по-мужски, словно охотясь, со свойственной ему уверенностью, природной харизмой и с его внешностью, словно этот ресторан принадлежал ему. Он мог присесть на диванчик и пообедать в одиночку и при этом выглядеть по-прежнему круто. Он возился со своим телефоном, получал и отправлял смс-ки, принимал звонки, он мимолетно кинул взгляд туда-сюда, но чувствовал себя вполне естественно, хотя и был начеку, готовый к любому нюансу в комнате, он чувствовался здесь, как в своей тарелке, и это было чертовски *кайфово*.

К несказанной радости его усадили за стойку недалеко от меня.

Как обычно, когда я выхожу (Хок не врал, когда я куда-то выхожу, я показываю тело, но

это мой стиль, Мередит учила меня найти свой собственный стиль, я так и сделала), я надела слишком маленькое облегающее стрейч платье, показывающее ноги, нельзя сказать, что оно было сверх коротким, оно также показывало руки, поскольку было без рукавов и спину сзади, поскольку на спине был V-образный вырез. В то время у меня было одиннадцать маленьких черных платьев и платье номер три в моем рейтинге было очень сексуальным (теперь я владею тринадцатю, и это платье переползло на пятую позицию). На мне были открытые с переплетенными ремешками шпильки, волосы старательно уложены, а макияж был *«Вы часто здесь бываете?»*

Я не собиралась охотиться, просто хотела хорошо провести вечер с моей подругой, которая затрахалась на этой работе и ей нужна была моральная поддержка, но это не причина, чтобы я не выглядела хорошо.

Сидя на своем барном стуле и попивая Cosmo, словно это была диетическая сода со вкусом винограда, я сделала все, что могла, чтобы привлечь внимание Хока, крутясь в разные стороны, кладя ногу одну на другую и не кладя ногу на ногу, посасывая и покручивая коктейльную соломинку, поправляя и перекидывая, хотя это было не нужно, волосы на другое плечо.

И пока он ел (я тайком наблюдала за ним, как он ест, как сидит и как возиться со своим телефоном и т. д.), но он даже не смотрел на меня.

Поэтому, когда он заплатил по счету, соскользнул с барного стула, было ясно, что он собрался уходить, я была полностью опустошена.

Да, ощущение было явного опустошения.

Я поняла своим Cosmo мозгом, что мужчина, направляющийся к двери станет концом всей моей жизни, словно я теряла свой последний шанс на счастье. Это было способно полностью убить мою мечту.

Я повернулась к бару, делая последний глоток Cosmo и раздумывая над «безбилетном пассажире», когда вдруг почувствовала теплую руку на своей обнаженной пояснице.

Я повернула голову и подняла глаза вверх, он стоял прямо передо мной.

Я задержала дыхание, и он спросил:

— Вы уходите или что?

Что это было? Его манера снимать девушек — *«Вы уходите или что?»*

Я уходила. Я схватила сумочку и взмахнула во все глаза смотревшей на нас Трейси, вышла из ресторана вместе с ним. Он погрузил меня в черный джип, спросил мой адрес и повез меня домой, черт побери.

Я никогда в своей жизни не делала ничего подобного, даже близко. Это был невероятно безумный поступок.

И он был просто великолепен.

Когда я проснулась на следующее утро, его рядом не было.

Я поняла, что облажалась. Он был просто поразительным, но я напилась так, что не взяла его номер телефона и не знала его имени.

Я мгновенно провалилась в такое отчаяние, которое тут же ликвидировало мое похмелье от Cosmo вчерашней ночи в клубе, поэтому я опять сидела перед Трейси-барменом и Кэм, объясняя им глубину своего отчаяния, и каждый раз, когда дверь открывалась и кто-то входил, я вытягивала шею, надеясь, что это пришел он.

Но он не пришел.

Он не появлялся три дня, и в какую-то из ночей я почувствовала, как с меня

соскальзывает одеяло, и кто-то вывел меня из глубокого сна, я спросонья замерла от ужаса, испытывая панику, кровать провисла под тяжестью его тела и его голос, который мне не удавалось забыть, сказал: «Привет, детка», он обхватил меня руками и поцеловал. Затем он стал проделывать со мной многое другое, причем *по-настоящему* очень хорошие вещи.

Вот так все и началось, но я надеялась, что это измениться, и я успею спросить его имя или он попросит мой номер телефона, или он постучит в дверь днем, или он проведет со мной всю ночь и мы вместе позавтракаем — но ничего не изменялось.

И смотря в окно своего кабинета, хотя мне следовало работать, я поняла, что все это время была согласна с Трейси — я все время надеялась. Я хотела испытать именно то чувство, когда впервые увидела его, но я сдуру каждый раз отвлекалась, стоило ему появиться и еще эти бабочки у меня в животе. Но у меня была уверенность, рожденная ничем иным, как инстинктом, что он был тем единственным.

Но прошли полтора года, а я все лелеяла свои надежды, хотя снова и снова теряла свое достоинство.

Сейчас все изменилось.

Теперь я понимала, что существует еще множество всего, несмотря на то, что он очень сексуальный, уверенный в себе, двигается с грацией, существует помимо его обворожительности, он также может быть раздражающим, властным придурком, который говорит, что мне следует делать, совершенно не слушая меня, и может ранить чувства Троя, не моргнув глазом.

Как только я подумала об этом, зазвонил телефон, и я подскочила на месте. Звонок шел с домашнего телефона, который никогда не звонил. Все звонили мне по мобильнику. Но я выключила мобильник, чтобы спокойно поработать, поэтому Трейси неожиданно заявила ко мне, как только услышала, что ко мне вломились этой ночью, и она не могла дозвониться.

Автоматически я протянула руку и взяла трубку, приложив ее к уху, думая, что это, скорее всего какой-нибудь продавец розничных товаров, потому что в те редкие случаи, когда звонил мой домашний телефон, на том конце провода всегда был продавец товаров.

— Алло? — нерешительно поинтересовалась я, готовая тут же отсоединиться, если услышу голос очередного продавца.

Это был не продавец.

— *ОмойБог!* — воскликнула Кэм.

Я моргнула и подбородок соскользнул с колена. Камилла Антуан вопила совершенно не девчачьим голосом.

— Кэм? — окликнула я ее.

— *ОмойБог!*

Она орала, как парень, и я поняла почему.

— Кэм, залезли... это круто, это...

— Ты *не* поверишь, что случилось!

Я села ровнее.

ОмойБог! Лео сделал предложение! Трейси, Кэм и я ждали-черт-побери, что Лео когда-нибудь сделает предложение (Кэм, конечно же ждала этого намного больше, я же чуть-чуть). Никто из нас не мог понять почему он медлит, они были знакомы уже пять лет, а жили вместе четыре года, никто не мог понять почему он затягивает с этим.

Теперь это случилось.

Ура!

— О-о Кэм, я так..., — начала я фонтанировать.

Но она прервала мой фонтан.

— Митч попросил устранить его от дела!

Я снова моргнула и спросила:

— Что?

— От дела! — закричала она. — *Дело!* Это такой случай, на котором он мог бы сделать свою карьеру. Он сорвал бы банк, если говорить о наградах, похвалах и повышении. Но он просит устранить его от этого дела *из-за тебя*.

Слова по очереди попадали ко мне в голову — «Митч» и «отстранить от дела из-за тебя».

Итак, я опять повторила:

— Что? — но на этот раз мой вопрос был тихим, заданный шепотом.

— Гвен, я не знаю, что ты сделала, но чтобы ты ни сделала, он... *в тебя*. Все говорят об этом. Я ждала целый день, чтобы сделать перерыв и позвонить тебе, но ты не отвечала на звонки, поэтому мне пришлось ждать до вечера, чтобы прийти домой и отрыть свою записную книжку, потому что я не помню твой дурацкий номер домашнего телефона. Я не могу в это поверить. Он *красивый*. Он *благородный*. И он *приятный*. И он деликатный. Я сказала, что он благородный?

— Кэм...

— Я имею в виду, что капитан не за чтобы не отстранил его от дела, но факт остается фактом, он сам попросил. Черт, подруга. Вот черт, настоящее дерьмо! — закричала она в ответ.

— Кэм...

— Мне нравится. Я говорю Лео, который минуту назад притащил свою задницу. Мы устроим двойное свидание.

— Кэм! — закричала я.

— Что? — спросила она.

— Вчера ночью ко мне залезли в дом, — ответила я.

— Я знаю, девочка, — произнесла Кэм голосом «И что с того?» — Утром мне позвонила Мередит и все рассказала. Я также все знаю про ЗМ. Я знаю все.

Черт, я когда-нибудь чему-нибудь научусь? Мне никогда не следовало приводить своих друзей домой, потому что Мередит втерлась в их жизнь, поскольку была хорошей, веселой и доброй. Ничего невозможно было удержать в секрете. Я выучила это довольно-таки рано, но все равно совершала подобные глупости. Нет! Мередит до сих пор поддерживала связь с моей подругой Челси из младших классов. Челси жила на побережье Коста-дель-Соль в Испании с английским мультимиллионером, она болтала несколько раз в год с Мередит, я же не разговаривала с ней с пятнадцати лет. Мы даже не обмениваемся рождественскими открытками.

Поэтому повторяйте за мной: здесь семья, там друзья, и они никогда не должны встречаться!

— Кэм, все осложнилось, — сказала я ей.

Наступило молчание, а потом она ответила:

— Нет, Гвен, *ты* все усложняешь. Я слышала, что ЗМ не заявил свои намерения, а ты ему возражала. Митч тоже слышал. Стой на своем. Я знаю Митча Лоусона много лет. Он хороший полицейский и хороший человек, он хочет дом с белым заборчиком, двух или

пятерых детей, собаку и женщину, которая будет соответствовать его половому влечению, и по слухам, они далеко переходят «за линию фронта». Он до сих пор не нашел ту одну, хотя приложил немало усилий. Подруга, ты могла бы стать той единственной!

— Хм, Кэм, откуда ты столько знаешь о нем?

— Разве я не говорила, что он красивый? — ответила она. — У меня есть Лео, но это не значит, что я не могу изучать красоту, что и делаю.

Это было правдой, она действительно делала. Она изучала красоту так долго и с таким усердием, что вполне могла уже быть профессором.

— Я не могу думать сейчас об этом, мне нужно работать, — ответила я. — В моем доме командос устанавливают систему безопасности. Хок раздавил Троя, как букашку, перед Трейси и вышеупомянутыми спецназовцами. Моя сестра влипла в серьезное дерьмо, которое перетекло в мою жизнь. И сегодня утром Тэк объявил о *своих* намерениях и была Официальная Встреча Крутых Парней у меня во дворе, заключения я не знаю, но знаю, что Лоусон и Тэк отступили, а из твоих новостей я поняла, чтобы перегруппироваться. Я также могу сказать, что трижды при свете дня видела Хока, и один из этих раз он принес мне лапшу J's Noodles на ланч, поэтому предполагаю, что он думает, что он лидерирует.

— Он принес тебе лапшу J's Noodles?

— Да.

— Откуда он знает про тебя и лапшу J's Noodles?

— Кэм, я тебе вчера говорила, *он знает обо мне все!* И теперь, когда я опять тебе говорю это, именно *это* и имею ввиду — он знает обо мне все. Он мне сам сказал, что следил за мной или его парни следили и ему докладывали. Это настоящее безумие!

— Зачем он это делал?

— Я спросила, но ответ у него всегда один, и таким образом он отвечает на многие мои вопросы — «детка», даже когда я ору на него.

— Ну, не знаю, Митч может слишком задумчивый, но подозреваю, что он не ответил бы на прямой вопрос «детка».

Господи Боже.

— Я не могу думать о Митче, я вообще ни о чем не могу думать, — ответила я. — Я серьезно, мне нужно работать, а у меня постоянно полная путаница в голове.

— Ну, ты должна подумать о ЗМ, потому что я тут услышала о мужчине по имени Хок, претендующем на тебя, как на свою собственность прошлой ночью, задавала несколько вопросов по поводу него и узнала много и много все, и даже обнаружила кое-что, из-за чего ты должна порвать с ним.

О, парень, для тебя звучит это не очень хорошо.

— Я не хочу ничего знать. По истечении полутора лет я быстро наверстываю упущенное и больше общаюсь с Хоком, и сейчас у меня появляется еще большая опасность — спонтанный взрыв моей головы, видно я стану первой жертвой.

— Тебе не нравится он?

— У меня нет времени сию минуту объяснить свои сумбурные чувства к Хоку. У меня имеется всего лишь три часа, а работы на десять, а потом я должна быть в доме у родителей. Они знают, что Джинджер попала в неприятности, и несмотря на то, что отреклись от нее, она все же их дочь и моя сестра, поэтому все равно волнуются. Я понимаю, что это отстой, мне хочется очиститься от этого дерьма, но я все же беспокоюсь. Я готова встретиться с этим лицом к лицу, но.... Я сделаю всего лишь единственный шаг, причем прибуду вовремя.

На том конце провода наступило молчание.

— Такое чувство, словно ты не совсем готова.

Я закрыла глаза и подалась вперед, ударившись лбом о стол.

Почему никто не воспринимает меня всерьез?

— Ты что головой бьешься о свой стол? — спросила Кэм.

— Да, — прошептала я в трубку, по-прежнему прикрыв глаза.

— Ладно, детка, я оставлю тебя в покое, но нам нужно Cosmo, причем как можно быстрее. Я поговорю с Лео о двойном свидании. Может быть, поскольку ты не ведущая фигура в данном вопросе, Митч сможет пригласить нас на обед. Или возможно мы соберемся у нас дома и никто не будет в накладе.

Я открыла глаза и уставилась на свои колени.

— Это совсем не называется «оставлю тебя в покое», Кэм, ты уже планируешь мое романтическое будущее с мужчиной, которого я едва знаю, а меня беспокоит мужчина, которого я тоже едва знаю, но спала с ним много месяцев подряд, и как выяснилось, его взгляды полная противоположность моих.

На том конце провода опять воцарилось молчание.

— Правда? Ты сказала ему, что все кончено?

Я окончательно плюхнулась в своё кресло и воскликнула:

— Кэм!

— Хорошо! Я отпускаю тебя, все в порядке.

— Позвони Трейси и кратко изложи ей свою информацию, это сэкономит мое время, — приказываю я.

— Будет сделано.

— Никаких двойных свиданий.

— Мы просто прикинем примерную дату.

— Кэм!

— До встречи, детка.

И она отключилась.

Телефон противно пищал, и я положила его на базу. И направилась вниз, поскольку была уверена, что у меня имеются замороженные батончика Twix, (я настолько была уверена, потому что у меня всегда имелись замороженные батончика Twix), не было ничего особенного съесть эту закуску, которую я специально держала для просмотра фильма или когда просто хочется чего-нибудь пожевать. Благодаря чрезмерному употреблению этой сладости, я обнаружила, что замороженные батончика Twix (и это было доказано) достойны внимания. Мне необходимо было получить калории, поскольку я должна была сосредоточиться на основных вопросах.

Я отрыла в холодильнике замороженные батончика Twix.

Но предложив командос, я также обнаружила, что они не едят замороженные батончики Twix.

И для меня это было как раз неплохо, даже очень хорошо.

Я схватила два батончика, расправила плечи, взмахнула головой и решительно направилась обратно в свой кабинет вверх по лестнице.

Глава восьмая

Как мы познакомились

Как только я попадаю в родительский дом всегда чувствую спокойствие от того, что рядом находится папа и Мередит. Мне удалось продвинуться в работе и загрузить мои файлы на ноутбук, прежде чем я уехала из дома.

У меня созрел план: во время обеда только есть, стараясь ничего не рассказывать отцу и Мередит, проделать обе эти вещи довольно-таки быстро и не идти с папой к нему в кабинет, поскольку это было бы ошибкой, я была несколько вялой.

Единственный недостаток в этом плане — моя усталость. Я спала всего лишь около четырех часов прошлой ночью, поэтому держалась из последних сил. Мое внимание к деталям в таком состоянии, когда со мной можно было делать все, что угодно, было не совсем хорошим. Но я была уверена, что мне хватит сил продержаться два или три часа с родителями, если мне удастся хорошо выспаться ночью, то на следующий день я смогла бы выдержать полную нагрузку и посмел бы тогда кто-нибудь из редакторов надрать мне задницу.

Выработанный мной план — все объяснить своим родителям, я считала очень даже хорошим, предполагая, что лекция отца на долго не затянется, поэтому чувствовала себя неплохо, полностью сосредоточившись на обеде с ними.

Показался их дом, и я вдруг увидела темное Самаго, цвета, мать твою, серый металл, припаркованный перед их домом.

Припарковавшись рядом с Самаго, я поймала себя на мысли, что оправдывала людей, совершающих акты насилия.

Выключая двигатель и устанавливая на тормоз, я воспользовалась моментом и задумалась о слишком сильном *моменте расставания* с Хоком. Я бы с удовольствием проехала на Самаго.

Я вышла, обогнув машину, забрала сумку и ноутбук, и пошла к дому.

Если бы я была другой женщиной, другими словами, если бы я не была дочерью своей матери, я бы медленно шла к дому, обдумывая различные варианты, успокаиваясь и выстраивая планы нападения.

Но я была дочерью своей матери, поэтому уверенно дошла до дома, открыла дверь и на меня пахло чесноком, я вошла внутрь.

Мои родители проживали в большом доме на небольшой возвышенности. Лестница прямо по курсу вела к лестничной площадке с большим окном. Огромная гостиная была слева, а также маленькая кладовка в передней части дома, потом небольшой зимний сад за кладовкой и гостиной. Огромная кухня с большим обеденным столом. Дальше маленькая сидячая ванная и система электросбережения в дальней части кухни, из которых можно было попасть в гараж. От стены до стены лежали шерстяные ковры во всем доме, кроме кухни, здесь пол был кафельным. Три спальни и две ванн на втором этаже, и один совместный люкс.

Они все время сдавали в аренду апартаменты на уровне сада, и насколько я могла помнить их снимала женщина по имени миссис Мэйхью с тремя кошками. Пока она жила, кошки все время жили с ней, пока какая-нибудь не умирала, но однажды один котенок дезертировал, хотя миссис Мейхью утверждала, что его забрали, и я была склонна ей поверить, поскольку она относилась к своим кошкам лучше, чем большинство людей относится к своим детям. Она была настолько старой, так долго жила на свете, я даже не могла вспомнить с каких пор. Она была очень молчаливой соседкой. Никакой громкой

музыки, ни шумных вечеринок, никаких друзей, нескончаемым потоком. И лучше всего ей удавалось общаться с Джинджер, она восхищалась моим отцом, обожала Мередит и заботилась обо мне.

Пока я не уехала от родителей, я и Джинджер (я не вернулась домой после окончания университета Калгари, Джинджер к тому времени как раз закончила школу, мы все рассматривали это, как чудо), наверху было четыре спальни, но после моего отъезда, отец перестроил одну из спален в большую ванную комнату. И поскольку отец был моим отцом, а Мередит была Мередит, то ванная была классно отремонтирована, хорошо декорирована, в общем, была по-домашнему теплой и уютной.

Я вошла в гостиную, здесь как всегда горел огонь в камине и были зажжены свечи.

Но первое, что я заметила, уверенно шагнув в гостиную — папу, развлекающего Хока, стол, накрытый на четверых, я перевела взгляд влево к отцу, сидящем в кресле и Хоку на диване, спиной ко мне, с рукой, спокойной лежавшей на спинке дивана, он повернул голову и взглянул на меня через плечо.

Я бросила сумки и открыла рот, готовая заорать.

— Дорогая, — произнес папа, выпрямляясь в кресле с бутылкой пива в руке, — почему ты нам не сказала, что Хок придет к обеду?

— Не суетись и не беспокойся! — раздался позади голос Мередит, бросившейся в комнату с полотенцем для посуды. — На всех хватит. Он большой парень, но я приготовила достаточно. И Бакс подкинул мне идею прошлой ночью, я тогда уже решила приготовить лазанью.

Я вынуждена была отложить свою тираду, как только Мередит вошла в гостиную. Папа наклонился, чтобы поцеловать меня, а я машинально откинула голову назад. Потом развернулась к Мередит и поцеловала ее, она одной рукой обняла меня, она всегда так делала.

Я выпрямилась и повернулась к Хоку, который стоял у дивана, со скрещенными руками на груди, показывая всем своим видом «кто тут крутой!» и добро пожаловать домой.

Я опять открыла рот, чтобы заорать.

Но папа снова меня перебил, объявив:

— Я пойду сделаю на скорую руку Cosmo.

Я повернулась к отцу.

— Не стоит, пап, после ужина мне нужно будет работать.

Его брови взметнулись вверх.

— Но мы собрались на семейный ужин.

— Я знаю, — объявила я.

Выражение отца изменилось, я очень хорошо его знала, я могла бы даже с завязанными глазами рассказать все, что произойдет (если бы могла нарисовать скетч, то нарисовала бы).

Выражение стало — внимание лекция!

— Гвендолин, сколько раз я должен тебе повторять, чтобы ты не затягивала.

— Твой отец прав, дорогая, всякий раз, когда ты медлишь ты становишься подвержена стрессу и плохому настроению, — продолжила Мередит.

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, — продолжил отец, словно Мередит ничего не говорила.

— В таком состоянии ты ешь, хотя и не следует и направляешься по магазинам, чтобы купить что-то, что совершенно не следует покупать и от этого становишься еще больше

раздражительной, — продолжила Мередит, словно папа ничего не говорил.

— Только душевное спокойствие в состоянии дать тебе управление своим временем, в результате ты будешь без стресса, — продолжил папа.

— И тебе не придется брать на себя так много клиентов, чтобы погасить свой кредит по картам, — продолжила Мередит.

— Я всегда говорю, нужно учиться сосредотачиваться, — упорствовал папа.

— И я всегда говорю, аксессуары — это ключевой момент. Не нужно тратить попусту трудом заработанные деньги на потрясающую одежду в своем гардеробе, когда можно сделать совершенно новый наряд, просто используя шарф! — объявила Мередит. — Во-первых, шарф стоит гораздо меньше, чем десять маленьких черных платьев.

— У меня тринадцать маленьких черных платьев, — вставила я, потому что это был серьезный вопрос и его стоило прояснить.

— Вот видишь! — воскликнула Мередит.

И мне подумалось, как бы Хок отнесся ко мне тогда, когда тридцати трехлетняя женщина, следившая за собой более десяти лет учила меня, когда я была еще подростком, и сейчас прозвенел таймер на кухне.

— Хлеб готов! — воскликнула Мередит.

— Суп тоже, — с улыбкой добавил папа, посматривая на Хока. — Поблаговаришь меня позже, сынок, за радость, которую испытаеть.

— Все к столу, — призвала Мередит, поспешив на кухню.

— Мне нужно поговорить с Хоком, — объявила я.

— Позднее, дорогая, чесночный хлеб не будет ждать... или женщина, — папа улыбнулся и направился к столу.

Я повернула голову в сторону Хока, который направлялся ко мне. Поскольку меня лишили возможности накинуться на него с руганью, у нас осталась единственная возможность объясниться на языке жестов, или войти в транс и начать говорить на непонятном мне языке, или запеленговать свое сообщение в азбуке Морзе, надеясь, что хоть какое-то из них все же проникнет в его мачо анти-коммуникационную крепость, но я решила свое недовольство выразить свирепым взглядом.

Хок проигнорировал все мои попытки свирепости, и как всегда, когда он оказывался рядом, схватил меня за шею, притянув к себе, подталкивая к столу, наклонившись к моему уху прошептал:

— Видно, что у тебя стресс и плохое настроение.

Он улыбался, когда я повернула к нему голову.

— Ради любопытства, ты не знаешь сколько берут киллеры за контракт, и кстати, не мог бы порекомендовать одного?

Мы направлялись к столу, Хок остановился, я соответственно тоже, обхватил меня своими огромными руками и запрокинув голову, расхохотался.

Я наблюдала за ним, напрочь забыв про свою ярость.

Его смех был не громким, но он шел откуда-то из глубин, прямо из живота, такой звучный.

Все еще смеясь, он склонил голову и поцеловал меня. Без языка, но это был поцелуй, определенно поцелуй уверенный и не короткий, и это прямо перед моим отцом, стоящим у обеденного стола.

Оторвавшись от меня, он поднял голову, я же моргнула и со смехом сказала:

— Ты не должен целовать меня в доме моих родителей на глазах у моего отца!

— Я только что сделал это, Душистый Горошек, — ответил Хок.

— Тогда, больше так не делай, — огрызнувшись сказала я.

— Тогда не будет так весело, — в ответ произнес Хок. — Ты заставляешь меня смеяться, детка, и предупреждаю тебя, когда ты сделаешь это в следующий раз, я опять поцелую тебя.

— Я не хотела показаться смешной, — растерянно объяснила я.

— Ну, так тебе это удалось.

— Как я могу это контролировать, не зная, обнаружишь ты что-нибудь смешное в моих словах или нет?

— Причина в том, что ты очень любишь спорить, поэтому поцелуй может произойти в любое время, детка.

Я открыла рот, чтобы возразить, когда поймала себя на мысли, что у нас имелись слушатели. Я повернула голову и увидела улыбающегося отца, и чисто по наитию (потому что такой улыбки раньше у него не видела) поняла, отец улыбался довольной улыбкой, с теплотой, что его дочь была на крючке у Мистера Очень, Очень Правильный. Я также увидела Мередит, стоящую рядом с отцом и кухонными варежками, удерживающей поднос с лазаньей, с улыбкой, которая отчетливо говорила, что она вышла замуж за Мистера Очень, Очень Правильный, и она была очень довольна, что ее любимая падчерица последовала по ее стопам.

Я полностью... лопухнулась... *облажалась*.

Я оторвалась от Хока и заявила:

— Я думаю, нужно выпить Cosmo.

Папа хмыкнул и двинулся к холодильнику, сказав:

— Не думаю, дорогая, тебе еще нужно работать, — он оглянулся через плечо на Хока. — Еще пива?

Еще? Пива?

И сколько он тут уже находился и с каких это пор такие накаченные, горячие парни пьют пиво?

— Да, — ответил Хок, и я посмотрела на него.

— Ты пьешь пиво?

Он взглянул верху-вниз на меня.

— Да.

— И тебя не заботит появление пивного живота? — спросила я.

— Жизнь коротка, детка, и иногда, хоть на краткий миг, стоит пожить и не пить воду с домашней лазаньей и чесночным хлебом.

Ну, его мать была наполовину итальянкой, он должен знать в этом толк.

Я решила проигнорировать Хока и направилась на кухню.

— Я помогу.

— Спасибо, дорогая, — пробормотала Мередит, поставив лазанью на фигурную, кованую подставку в центре стола.

Папа купил мне диетическую соду со вкусом винограда, сам достал себе и Хоку свежее пиво, для Мередит красное вино, пока мы с моей мачехой расставляли блюда на столе — горячий хлеб с чесноком, огромная миска с салатом и бутылки для заправки салатов, известные всему человечеству. Потом все сели за стол и стали накладывать в свои тарелки,

отдавая комментарии, насколько вкусно выглядит и пахнет еда (по крайней мере, папа и я во всю комментировали, Хок же молча наполнял свою тарелку).

Я мысленно готовилась к обсуждению проблем Джинджер, кладя ложку с лазаньей в рот, когда вдруг Мередит спросила:

— А как вы познакомились?

Я подавилась горячей лазаньей, и мой взгляд моментально пролетел через стол на Хока, на лице которого появились ямочки.

Я судорожно стала жевать с надеждой, что смогу ответить прежде, чем Хок, или у меня взорвется голова от дум или еще хуже, Хок смотрел на меня и его брови поползли вверх с явным вызовом.

Мередит опять произнесла:

— Надеюсь это было романтично? Держу пари, что ваше знакомство было романтичным.

Мередит однозначно могла держать пари, за исключением Джинджер, мир которой был окрашен в серый цвет, у Мередит мир имел розовые оттенки. Ее заявление было явно перебор сегодня, я имею ввиду, что Мередит всегда остается Мередит, но мне редко выпадает такой плохой день, поскольку я направлена на светлую сторону жизни.

Этот вопрос каким-то образом был связан с моим отцом, поскольку она была и всегда будет по уши влюблена в него. Она же встретила мужчину своей мечты и поняла это именно в тот миг, как только увидела его. Вот почему она упала в обморок на две секунды, и папа тут же поймал ее. Она открыла глаза, находясь в его руках, сидя своим задом у него на коленях, а он нежно убирал волосы с ее лица, смотрел на нее сверху-вниз, как принц смотрит на свою принцессу.

Я была там, когда это произошло, у меня даже пальцы загнулись на ногах от этой сцены, даже сейчас, когда я вспоминаю. Их встреча оказалось самой романтичной, я впервые видела такое, причем мы были в фаст-фуде и поедали бургеры.

Моя же встреча с Хоком не имела ничего общего.

Но Мередит хотела, чтобы моя встреча с Хоком произошла именно так, как ее, даже не для нее, а скорее для меня, и я любившая ее больше жизни, проглотила лазанью и совершенно глупо и позорно ответила то, чего она больше всего хотела.

И то, что я сказала, кстати, тоже было правдой.

Я посмотрела ей честно в глаза, сердце колотилось, моя голова пыталась не реагировать на Хока, словно его не было.

— Когда Трейси работала в клубе, и совершенно неправильно делала коктейли и была все время бокалы, как-то вечером я зашла к ней, необходимо было ее морально поддержать. Я пила в баре, и вдруг ощутила нечто странное, словно что-то должно произойти очень важное в моей жизни. Я взглянула на дверь, и оказалось, что я взглянула на входную дверь именно в ту минуту, когда вошел Хок. Увидев его, я тут же поняла, что он очень важен для меня, я решила, что вот оно — этот мужчина был, словно мужчина из моей мечты. Если бы я могла выбрать любого мужчину из всего мира, я бы выбрала его. Я продолжала пить в баре, пока Хок ужинал, пытаюсь привлечь его внимание, что мне и удалось. Поэтому, когда он собирался уходить, я расстроилась, мне не хотелось, чтобы он уходил. Но он не ушел без меня. Стоило мне почувствовать его руку у себя на спине, я обернулась, и увидев его перед собой, поняла, что мое желание исполнилось, — Мередит смотрела на меня, приоткрыв рот, сверкая глазами. — Вот так мы и познакомились.

Глаза у Мередит поблескивали, наполнившись слезами, она смотрела на меня в упор, всхлипнув, переведя взгляд на отца, а потом снова на меня.

— Это так мило, — прошептала она.

Папа откашлялся.

Я опустила глаза в свою тарелку и принялась за салат. Я старалась, правда старалась, смотреть только к себе в тарелку, но хотя голова и была склоненной, глаза сами собой поднялись, и я взглянула на Хока.

В ту же секунду опустив взгляд в свою тарелку, я выдохнула с каким-то непонятным свистом, мельком увидев выражение его лица, которое теперь будет навечно выжжено у меня в мозгу, и поняла, что след от этого ожога останется надолго, наверное, тоже навсегда.

А все произошло из-за того, что когда я взглянула на Хока, он не был похож на того Ястреба или на того мужчину, мечты о котором я лелеяла, в общем он не был похож на того Хока, которого я теперь знала.

Хок действительно выглядел, как мужчина моей мечты. Его лицо разгладилось, хотя глаза оставались напряженными, но смотрели на меня с теплотой, я чувствовала насколько его взгляд прожигал меня насквозь, пока я запихивала салат в рот и смотрела куда угодно, только не на него.

— Итак... хм... Хок, — прервал тишину папа, — ты когда служил, принимал участие в боевых действиях?

Я слышала глубокий голос Хока, но решила сосредоточиться на еде, пережевывая и глотая без томатного соуса, и кажется салат застрял у меня в зубах или кусочек чесночного хлеба, хотя мне хотелось бы услышать ответ Хока, но я не слушала.

Словно почувствовав мое настроение, Мередит в полголоса завела со мной разговор о книгах, которые я редактировала, пока мужчины обменивались историями о службе в армии. К счастью, историй и воспоминаний хватило до конца ужина, который не затянулся, поэтому мне не пришлось им ничего объяснять про Джинджер.

Мередит извинилась, что не успела приготовить десерт, когда мы закончили, а Хок сказал, что ужин был прекрасным и очень вкусным, но у него дела.

Он резанул по мне взглядом.

— Детка, проводи меня до машины.

Я была не уверена прозвучали его слова, как приказ или просьба, сейчас мне очень хотелось спрятаться в шкафу, после своего рассказа, и я не хотела оставаться с Хоком наедине. Но я не могла себе такого позволить перед отцом и Мередит, наблюдавшими за мной, поэтому я молча кивнула.

Когда слова «до свидания» и благодарности были озвучены, с желанием зайти как-нибудь снова, я двинулась на выход за Хоком. За нами защелкнулась дверь, отец явно показал Хоку, что дает ему конфиденциальность, и мы шли до машины без взглядов в спину, хотя я могла догадаться, что папа и Мередит подсматривают за нами через опущенные шторы (Мередит уж точно). Но в этот момент меня это волновало меньше всего. Именно в этот момент я чувствовала себя совершенно неловко от его прожигающего взгляда, который запечатлелся у меня в мозгу, от того, что пытался сказать мне его взгляд, когда я подняла на него глаза.

Поэтому я никак не отреагировала, когда Хок взял меня за руку, уводя от родителей к своему Сагао, и я никак не отреагировала, когда он с силой прислонил меня спиной к своей машине, у меня тоже не последовало реакции, когда он прижался своим огромным

телом ко мне, а его руки покоились по обе стороны моей шеи. У меня не было реакции даже, когда его пальцы мягко надавили на мой подбородок и заставили посмотреть на него.

В холодном ночном февральском вечере Колорадо, я уставилась в его черные глаза, которые поблескивали каким-то светом и, наконец, отреагировала, придя в себя. И моя реакция была спровоцирована тактикой уклонения от расспросов, а самая лучшая тактика — нападение.

— Я не рассказала им про Джинджер, — выпалила я одним махом. — Мне нужно настроить ноутбук и несколько часов поработать, но я ведь ничего не рассказала за ужином, теперь мне следует пойти и все им объяснить. О Джинджер будет ужасно. У меня был план, я так нервничала, что была на взводе ведь ужин. А теперь я из-за тебя растеряла весь свой талант. Ты разрушил мой план, появившись тут.

Хок не почувствовал мою тактику нападения, или сделал вид, что не почувствовал, проводя своим пальцем по моему подбородку и сказал:

— Я проинформировал твоего отца обо всем перед обедом. Ты можешь спокойно приступить к работе.

Я моргнула.

— Ты рассказал папе?

— Да.

— И что ты сказал?

Хок ответил в своем репертуаре, заставляя меня задуматься над его ответом:

— Он теперь знает больше, чем ты, но ты знаешь больше, чем твоя мачеха.

— Что это значит?

— Это значит, что твоей мачехе не стоит знать все дерьмо о твоей сестре, по крайней мере, я ей этого не скажу. Ты итак уже слишком много знаешь и тебе не стоит знать еще больше. Твой отец должен знать все, поэтому я и рассказал ему, и он согласился со мной по поводу тебя и твоей мачехи.

Я не знала какой вопрос задать, поэтому начала с середины.

— Ты все рассказал папе?

— Он задавал вопросы, я отвечал, выходит... да.

Я до конца не поняла своих чувств, единственное, в чем была уверена, что не могла вернуть время вспять, поэтому мне оставалось свыкнуться с его ответом.

— И как он?

Он убрал пальцы с моего подбородка и положил руки мне на плечи.

— Не особо счастлив, но и не удивлен, — ответил Хок.

Я поняла, что испытывал отец, фактически тоже самое, что и я.

— Как тебе удалось скрыл это от Мередит?

— Она готовила на кухне в это время, твой отец отвел меня в свой кабинет и закрыл дверь. Мы вышли, она ничего не спросила. Если у них и состоится разговор на эту тему, то он будет в частном порядке. В конце концов, она его женщина и это его забота.

Я не знала, что сказать, чувствуя благодарность. Хок был прав, папе стоило знать все, поскольку если бы он был в неведении, думаю, его бы это огорчало. Хок был прав и в том, что Мередит явно не следует знать, папа сам ей все расскажет, когда поймет, что она готова с этим справиться.

Хотя в душе я испытывала благодарность к Хоку, словами я ее не высказывала, а отвела взгляд в сторону.

— Детка, — позвал Хок, и я перевела на него глаза. — Ты сказала ранее...

О нет. Мы не должны говорить о том, что я сказала ранее, о нашем знакомстве. Я бы с удовольствием прошла босиком по горячим углям и нырнула бы на склон вулкана с кипящей лавой, но только не говорить на эту тему.

Поэтому я попыталась отодвинуться подальше, но он предотвратил мои попытки, подталкивая еще ближе к себе и прижимая к машине, обхватив ладонями мое лицо и наклонившись.

— Детка, — повторил он, я смотрела на его ухо.

Наверное, мне стоило что-то ответить, поэтому я быстро сказала:

— Я все выдумала, — соврала я, выдохнув одним дыханием в его ухо. — Мередит романтик. Я просто не могла рассказать ей, как было все на самом деле. Не с папой, и даже в частном порядке, скорее даже когда-нибудь.

— Детка, — еще раз произнес он.

— В конце концов это не столь важно. Когда ты исчезнешь совсем, Мередит взгрустнет, но я смогу это пережить.

— Душистый Горошек, посмотри на меня, — настойчиво, но спокойно произнес он.

Я подняла на него глаза.

— Я попросил, чтобы меня посадили за барную стойку, за которой ты сидела, — сообщил он мне, я задержала дыхание от его слов.

Потом выдохнув спросила:

— Что?

— Я заметил тебя раньше, чем ты заметила меня, Гвен.

Я уставилась на него не в состоянии произнести ни слова.

— Я заметил тебя через окно, когда подходил. Ты смеялась с подругой.

О, мой Бог.

Он ближе наклонялся ко мне, и я затаив дыхание видела, как горели его глаза.

— Еще увидимся, — прошептал он.

О, мой Бог!

Он прошелся большим пальцем по моей скуле и зарылся в волосы пальцами, другая рука обхватила сзади меня за шею, наклонился и поцеловал.

Поцелуй был с языком, глубокий, и я ответила ему тем же. Поцелуй был глубоким и затяжным.

Как обычно, я не могла оторваться от него, он поднял голову, и мое тело задрожало в тех местах, которые очень хорошо отзывались на его прикосновения, моих лучших местах, которые ощущала только я, и мои интимные места почувствовали себя намного лучше.

— Приступай к работе, милая, — прошептал он мне в губы, слегка оттолкнул меня от своей машины, запищала сигнализация, сообщая, что двери разблокированы, он сел внутрь, завел двигатель Самаго и машина урча уехала.

Я уже потеряла из виду его горящие задние фары, но все еще продолжала стоять, смотря в даль, поскольку в голове застряла всего одна мысль.

Он увидел, как я смеялась.

Глава девятая

Сентиментальность

Я почувствовала на спине теплые руки Хока и открыла глаза. Я сплю крепко, чувствуя растерянность спросонья, кровать провисла под его весом, и он повернул меня к себе.

Его руки сомкнулись вокруг моего тела, прижимая ближе, я смутилась, так как спала в доме своих родителей.

И прежде чем его силуэт голову достиг намеченной цели, я взмахнула рукой и закрыла ему рот.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

Он взял меня за запястье и отодвинул мою руку от своего рта.

— А что я всегда делаю? — спросил он шепотом.

— Ты проник в дом моих родителей! — уже шипя произнесла я.

— Да, — спокойно подтвердил он, словно это было обычным делом.

— Мы не можем заниматься сексом, практически рядом за стенкой спят мои родители!

Он молча в темноте смотрел на меня пару секунд, потом быстро передвинулся, зарывшись лицом в изгиб моей шеи, крепко обхватив меня руками, навалившись всем своим весом, и приглушенно засмеялся.

— Хок! — сорвалась я, упираясь с силой в его обнаженные плечи и отталкивая его назад.

Он оторвал голову, по-прежнему лежа на мне, упираясь на обе руки с двух сторон от моей головы.

И смотрел мне в глаза в темноте.

— Детка, мы не будем трахаться, — прошептал он.

— Ты только что сказал: «А что я всегда делаю?» А мы всегда занимаемся сексом, — ввернула я.

— Да, детка, но все начинается с поцелуя.

Ой, это было правдой.

Я смотрела на его темный силуэт головы.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Ты же здесь.

— И что? — подсказала я.

Он дотронулся до моего лица, его пальцы заскользили по линии роста волос, окончательно зарывшись в волосы.

— Простой ночью кто-то залез к тебе и подобрался достаточно близко, напугав. Когда это случилось, мои парни были в восьми минутах от твоего дома, а я — в часе езды.

— Ты это уже говорил, Хок.

— Такого больше не повторится.

Последнюю фразу он произнес с воодушевлением, не просто ответ, а скорее больше было похоже на клятву.

Мой желудок слегка сжался от чувств.

Я стала сопротивляться сентиментальности, напомнив:

— Рядом папина дверь.

— Он мужчина и сможет позаботиться о себе сам, а ты — Душистый Горошек, но люди за этими дверьми не знают об этом. Им стоит просто увидеть мою тачку, стоящую на обочине, и придется дважды подумать, прежде чем, черт побери, попытаться проникнуть в этот дом.

Мать твою, он защищал меня... папу и Мередит.

Вау.

— Так ты пришел сюда, чтобы просто... ммм... быть здесь? — спросила я.

— Да и еще убедитесь, что ты выспишься.

Эээ.

Вау.

Становилось все труднее и труднее бороться с сентиментальностью.

Он продолжил.

— И поспать с тобой, я черт побери выжат, как лимон.

Эээ.

Вау.

СуперХок, Величайший Любовник в Мире и Один из Крупнейших Крутых Мужчин выжат.

Интересно.

— Детка, — позвал он.

Я дернулась ему навстречу и с интересом спросила:

— Что?

— Ты собираешься?

— Что собираюсь?

— Спать.

Нет. Нет, я не собиралась спать. У меня открылось второе дыхание после стояния на морозе, когда он уехал этим вечером, и мне удалось проделать огромный объем работы, оставаясь бодрой и полной сил, и усталость сказала только без пятнадцати двенадцати ночи. Я закончила работать и отправилась в постель, чувствуя изнеможение, зная, что тут же засну, как только голова коснется подушки.

Теперь же я бодрствовала.

— Да, — соврала я.

Он наклонил голову и сделал что-то новенькое, чего никогда не делал раньше, кроме как в преддверии чего-то более существенного. Он слегка поцеловал ложбинку у меня на шеи.

Потом он лег рядом со мной с боку, придвинул меня к себе, укладываясь в соответствии с моими изгибами, положил свою ногу на меня, взяв в осаду мою коленку. Его руки опустились мне на живот, он наклонился, поцеловал меня за ухом и опустил голову на подушку.

Кейб Дельгадо не сказал мне «спокойной ночи», он просто показал мне это.

Ммм.

Я лежала, прижимаясь к его теплому большому телу, в объятиях его рук, чувствуя его дыхание у себя на шеи, и думала — *«Господи, ты Боже мой, ЗМ, лежащий позади меня, полностью повторял мое тело, он обнимался со мной!»*

Треиси совершит завтра кульбит от чрезмерной радости, если узнает. У Кэм может быть сердечный приступ.

Я не знала, как на все это реагировать, поэтому мое тело общалось самостоятельно с моей головой, но я чувствовала, и *на самом деле мне это нравилось.*

Мой бывший муж Скотт никогда *так* не прижимался ко мне. Это я обнимала его,

прижавшись к его спине, но он никогда *так* не прижимался и не обнимал меня. Даже после секса, он относился к тому типу мужчин, которым нужно было только перепихнуться. Как только он достигал оргазма, вытаскивал свой член, перекатывался, выключал свет и засыпал.

И он храпел.

Он не обнимался и не сыпал комплименты, не льстил. Он не делал ничего из этого. Даже не стоило лелеять надежду, что он начнет возбуждать меня ко второму раунду. Со Скоттом раундов вообще не было. Я обнаружила позже, потому что когда ему нужно было заниматься со мной сексом, он был уже слишком истощен, поскольку уже с кем-то перепихнулся днем... может даже с двумя. А может, даже с тремя, я не могла точно сказать, все зависело от того, насколько он возбуждался.

Я сильнее почувствовала вес Хока, его руки расслабились, дыхание выровнялось, и я поняла, что он заснул. И он спал в обнимку со мной.

Что же мне с этим делать? Как я смогу закончить наши отношения, когда мне *нравилось* это? И то, что он сказал мне, когда мы стояли у его автомобиля. И тот факт, что ему не понравилась мысль, что я или моя семья можем стать мишенью, и он принял меры.

Сейчас это был не тот мужчина, который растоптал Троя, как жука и командующий мной. Сейчас это был мужчина, о котором мечтаешь.

И именно об этом я и думала, Хок не выходил у меня из головы, постепенно я стала расслабляться, пригревшись с Ястребом под боком, и скоро уснула.

Не знаю сколько я проспала, видя сны, мне показалось, что всего лишь несколько секунд, прежде чем ощутила, как рука Хока с силой вжалась мне в живот, мне стало даже больно, я задержала дыхание, открыв глаза, его рука исчезла.

Я повернулась, увидев его темный силуэт у кровати, он натягивал свои брюки карго.

Я приподнялась и открыла рот, он тут же опустил одно колено на кровать, дотронувшись до моих губ пальцем, и я увидела, как в темноте он отрицательно покачал головой.

Ой-ой.

И он исчез из комнаты.

Буквально через наносекунды я услышала какую-то возню внизу, отрывистое дыхание, громкий удар, словно тело врезалось в стену.

И тут же услышала совершенно безошибочно крик своей сестры Джинджер:

— Какого хрена!

Я откинула одеяло и подскочила с кровати, увидев свет, льющийся из коридора.

— Джинджер! Господи! — услышала я крик папы, прежде чем вышла в коридор. Джинджер была прижата к стене рукой Хока, упирающейся ей в грудь. На нем были штаны с расстегнутой верхней пуговицей, на папе — только пижамные штаны, и он сердито поглядывал на Джинджер, к нам только что, как и я, присоединилась Мередит, но в отличие от меня на ней был длинный, кружевной, атласный пеньюар, она всегда такие носила с тех самых пор, как я помню себя еще ребенком, хотя некоторые из них и были короткими, но все равно в чем-то совершенными, такими же как она, хотя с виду и напоминали сексуальную ночнушку.

— Что ты здесь делаешь? — спросил папа, прищурившись на Джинджер, совсем не удивляясь и не проявляя озабоченности, что Хок стоял перед ним в коридоре среди ночи, с голым торсом, босиком, с расстегнутой верхней пуговицей на штанах карго.

Что же касается меня, то я как раз была удивлена, что Джинджер была одета почти в

такой же боди, как и вчера Дарла, на шнуровке спереди, но похоже он был ей мал на два размера, поэтому шнуровка расходилась, открывая кожу и даже грудь. На ней также не было колготок, можно так сказать, потому что те колготки, что были одеты на ней все были в огромных дырках почти везде, в общем это была одна сплошная дыра. И ей также следовало заняться своим макияжем, поскольку тушь и подводка для глаз растеклись, обводя ее глаза черным, как глаза енота. Наконец, ее кудрявые светлые с рыжеватым отливом волосы представляли просто крысиное гнездо.

Моя сестра на полном серьезе выглядела, как шалава.

— Я выросла в этом доме, — Джинджер откинулась назад, и Хок отступил на шаг, опуская руку и направляясь ко мне.

— Да, но последний раз, когда ты была здесь, я ясно выразился, что тебе здесь больше не рады, — произнес папа, и я перевела взгляд на Мередит, которая стояла рядом с ним, обхватив себя за живот с бледным лицом и дрожащими губами.

Увидев состояние Мередит, я перевела взгляд обратно на сестру и мысленно проткнула ее воображаемым гигантским, африканским племенным копьем.

— Бл*дь, мне нужен чертовый душ и что-нибудь поесть. В моей жизни и так полно дерма, а вы не можете даже разрешить мне воспользоваться чертовым душем? — в ответ произнесла Джинджер.

— Выбирай выражения, Джинджер, — предупредила ее я, Мередит терпеть не могла, когда мы ругались. Она сказала, что настоящие леди не должны материться и ругаться. Конечно, я мысленно сыпала проклятиями, и иногда они вылетали из моего рта, но я никогда не ругалась перед Мередит.

Джинджер наклонилась ко мне и прошептала:

— Пошла ты, *Гвенни*.

— В середине ночи, — вставил папа.

Ее голова дернулась в сторону отца.

— А какая разница! — тут же выстрелила Джинджер.

— Джинджер, не забывай с кем разговариваешь, — рявкнула я ей, и она выстрелили в меня соответствующим взглядом.

— Пошла ты, — она прошла взглядом по мне и вдруг спросила:

— И что ты здесь вообще *делаешь*?

— Скрывается от твоего дерма, которое прошлой ночью просочилось в ее дом, — ответил Хок, и взгляд Джинджер резанул сначала по Хоку, потом по отцу, а потом и по Мередит.

— Понятно, я твоя дочь, сбита с ног и вся в дерьме, и не могу воспользоваться твоей *драгоценной* водой, чтобы принять чертовый душ, но *Гвенни*, милая, удивительная, прекрасная Гвенни может оставаться в твоём доме и *трахаться* со своим приятелем, — выпалила им Джинджер, я задержала дыхание, почувствовав насколько напрягся Хок, по сравнению со мной.

Мередит рассмеялась:

— Джинджер!

— Что? — огрызнулась она. — Вы начинаете на меня здесь выплескивать всякое дерьмо в середине ночи, но Гвен, *идеальная Гвен* может спокойно играть со своей сексуальной игрушкой рядом с вашей спальней, и вам на это насрать? — спросила Джинджер.

Я всосала воздух, превращаясь в фурию, в такой же еле сдерживаемой ярости от Хока,

лицо отца так покраснело, что я испугалась, не случится ли с ним сердечный приступ, но Мередит опередила нас. Она подошла к Джинджер и залепила ей пощечину с такой силой, что голова Джинджер дернулась в сторону.

Все тут же пришло в движение, потому что Джинджер тут же бросилась в атаку на Мередит. Папа дернул за руку Мередит на безопасное расстояние, Хок снова впечатал Джинджер в стену рядом с собой, удерживая меня подальше от сестры, которая все-таки заехала мне по животу своей ладонью с другой стороны от него.

Я перестала толкать его, поскольку с ним боролась Джинджер, пихаясь ногами и пытаясь дотянуться до его ног (но ей это так и не удалось), и впивалась ногтями ему в бицепсы своими ужасными, покрашенными черными ногтями (я боялась, что они могут занести ему заразу и поранить), но он все же прижал ее к стене, весь напрягшись, сильно сжав челюсть, мне показалось, что челюсть вот-вот треснет от напряжения.

— Убери руки! — закричала она.

— Успокойся, — ответил Хок.

— Я сказала, *убери свои сраные руки от меня!* — произнесла Джинджер, переходя на визг.

И вдруг мы услышали звон стекла. Все замерли, словно в заторможенной съемке, кроме Хока, который замер всего лишь на секунду, а затем припустил к лестнице. Еще дважды послышался звон бьющегося стекла, и более тихих два приглушенных удара, как хлопки.

И мы увидели разгорающийся огонь на лестнице.

— Хок! — закричала я, не думая, и пулей рванула к лестнице.

Папа поймал меня за талию и остановил сильной рукой. Он загородил меня спиной, указывая на меня пальцем, приказал:

— Оставайся здесь!

Потом он промчался вниз по лестнице.

— Бакс! — закричала Мередит, но я не двинулась с места.

Я повернулась к ней и крикнула:

— Давай! Надень какую-нибудь обувь и куртку и возьми для отца, — Мередит продолжала тупо стоять на месте, я закричала, подталкивая ее: — Давай, давай, шевелись!

Мередит развернулась и побежала в свою комнату, а я повернулась к Джинджер.

— Включи голову, — сорвалась я. — Оставайся тут.

Она зыркнула на меня и ответила:

— Отцепись.

У меня не было времени препираться с Джинджер, поэтому я промолчала, рванув в гостевую спальню, надела туфли, схватила ботинки и футболку Хока. Я направилась к двери и столкнулась с Хоком. Он укутал меня одеялом, обнял, пока я не перестала дергаться, взял на руки и отправился на выход.

Я чувствовала запах дыма и тепло от разгорающегося огня, а потом я очутилась на свежем воздухе, где было прохладно. Он опустил меня на землю и ушел. Я пыталась выпутаться из одеяла, с прижатыми к груди его ботинками и футболкой, и как раз вовремя подняла голову, он входил в дом все также босиком и с голым торсом. Я сбросила одеяло, бросила ботинки и футболку на траву и бросилась в сторону дома, вдоль стены к апартаментам миссис Мэйхью. Я стучала ей в дверь и кричала, она иногда не очень хорошо слышит, и я продолжала колотить до тех пор, пока внутри не зажегся свет и дверь не открылась.

Вглядываясь в дверной проем передо мной стояла пожилая высокая леди с голубыми волосами, выглядя также, как и обычно, словно она не спала, а бодрствовала.

— Гвендолин, что...?

Я прервала ее.

— Нет времени, миссис Эм, возьмите пальто и наденьте обувь. Быстро, давайте, быстро! Наверху пожар.

Я не стала дожидаться, когда она выполнит мои указания, а вбежала в дом, заставляя кошек выйти на улицу и метнулась в спальню. Я собрала ее теплую старую одежду, когда она добралась до дверей, сунула ей в руки и быстро ринулась к гардеробу. Я вытащила сапоги на меху, она взяла меня под руку, и мы направилась к двери.

Очутившись снаружи, она остановилась, держась за меня, чтобы не потерять равновесие, стала натягивать сапоги, когда мы добрались до нашего входа в дом, Мередит стояла во дворе с телефоном у уха, завернутая в одеяло. Но я остановилась как вкопанная, когда увидела Дога с садовым шлангом отца, поливающим с напором фронтальное окно дома, где было пламя.

— А где папа и Хок? — прокричала я Мередит, пока она отвечала по телефону, но она ответила:

— Они там. Бакс взялся за огнетушители.

Вот черт!

Мой отец был пожарным-добровольцем вот уже десять лет, в доме были огнетушители почти везде. Он и Хок оказались *немного* идиотами-мачо, пытающимися сражаться с огнем с помощью бл*ть огнетушителей.

У меня застрял очередной вздох в горле от страха, но я сказала себе, что паника никому не поможет, а также крики и буйство, хотя мне хотелось совершить и то и другое.

Я прижала дрожащую миссис Мэйхью поближе к себе и спросила Мередит о Джинджер.

Мередит покачала головой, и ее взгляд скользнул в сторону дома к дереву, по которому Джинджер регулярно выбиралась из дома, пока жила здесь. Папа миллион раз грозился срубить это дерево, но точно такое же росло с другой стороны дома, и Мередит не позволила, сказав, что дом будет выглядеть пустым и невзрачным.

Несмотря на то, что моя сестра оказалась *полной и абсолютной стервой*, я была рада, что он не срубил дерево, она хотя бы сбежала по нему.

Эта мысль боролась с другими мыслями по поводу ее ухода, что оставила свою мать и меня, не сказав ни слова, словно она чужой человек в этой семье. Особенно тогда, когда дом моего детства был взорван зажигательными бомбами из-за ее дерьма.

Я ближе придвинулась к миссис Мэйхью и уставилась на дом, молясь, чтобы поскорее появились папа и Хок, пока Дог садовым шлангом тушил огонь, вырывающийся из окна.

Послышались сирены пожарной машины, за миллисекунды они установили свое оборудование и начали борьбу с огнем. Папа вышел из дома в пальто и сапогах, за ним появился Ястреб с голым торсом и босиком, с пляшущим за спиной пламенем.

Я подняла его ботинки и футболку и направилась к нему.

Он обвил меня рукой и повел на тротуар, где стояли мои родители и миссис Мэйхью, а теперь и Дог.

Хок стал через голову натягивать футболку, закрывая свои прекрасные кубики пресса.

— Не хочешь сказать мне, почему ты здесь? — спросил он Дога.

— По приказу, — ответил Дог.

— Гвен или Джинджер? — спросил Хок.

— Гвен, — ответил Дог.

Лицо Хока стало напряженным, но я была слишком занята, очень нервничая, увидев у него на коже сажу.

Я подошла поближе и опустила руки ему на пресс.

— Малыш, — прошептала я, стараясь не навредить, если ему больно, и подняла на него глаза. — С тобой все в порядке?

Он посмотрел на меня вниз.

— Да, — буркнул он.

— Ты уверен? Ты нигде не обгорел?

Он опять посмотрел на меня, но его взгляд говорил, что он о чем-то задумался, и окончательно сосредоточился на мне.

Он обхватил меня за плечи и притянул ближе к себе.

— Со мной все хорошо, Гвен, — сказал он, посмотрев мне в глаза, а затем перевел взгляд на дом.

Я тоже перевела взгляд на дом, обхватив его двумя руками за талию и соединив в замок, положив голову ему на широкую грудь. Его другая рука взяла меня в кольцо.

Вышли из соседних домов соседи, папа, Мередит и миссис Мэйхью сгрудились ближе друг к другу, мы смотрели на дом, наблюдая, как пожарные борются с огнем.

Глава десятая

Плюсы и минусы

Я проснулась, но не стала открывать глаза, продолжая лежать в постели, и ощущая яркий, солнечный свет Денвера у себя на веках.

Протянула руку и пошарила по кровати.

Я была одна, Хок исчез.

Я скользнула рукой назад, подложив под щеку и приподняла колени к животу, свернувшись калачиком, и только тогда открыла глаза.

У меня в доме на кухне были люди. Я слышала приглушенные голоса и шаги, кухня находилась под моей спальней.

Скорее всего это была Мередит и спецназовцы. Она видно делала им домашние пончики, а они отказывались от еды, поэтому она кормила их рассказами о каком-нибудь моем бывшем парне (кстати, ни один из которых, за исключением Хока, на самом деле, ей не нравился, но она никогда мне об этом не говорила, только когда я бросала их, или они бросали меня).

Отец, наверное, был на работе. В его доме взорвались зажигательные бомбы, сначала он боролся с огнем, а потом просто смотрел, как с ним боролись пожарные. Он позвонил в полицию. А один из парней Хока приехал на внедорожнике, Хок загрузил Мередит, папу, миссис Мэйхью и меня в машину своего парня (который внешне был похож то ли на борца, то ли на великана, и звали его «Мо»), он доставил миссис Мэйхью к ее подруге Эрме, а папу, Мередит и меня отвез ко мне домой. Пока папа принимал душ, я с Мередит раздвигала диван в своем кабинете и стелила белье на кровать. Отец и Мередит пошли на боковую, я тоже отправилась в постель и уже ближе к рассвету, я почувствовала, что Хок лег рядом со мной.

Он укрыл меня своими объятиями, близко прижавшись ко мне, но я уснула прежде, чем он наконец заснул.

Несмотря на все события предыдущей ночи, я была уверена, что отец ушел на работу. Все Восточное побережье могло скрыться под водой, папа все равно пошел бы на работу и по телефону созвал бы всех своих людей, сначала поинтересовавшись, почему они все еще дома оплакивают своих близких и потерю национальных памятников, и вся страна вступила в схватку с колоссальной трагедии. Выслушав, он сказал бы, что они должны быть на месте, потому что есть работа.

Конечно, на нем были всего лишь его пижамные штаны и пальто, но это его бы не остановило.

Я закрыла глаза и вздохнула.

Прошлой ночью приехал детектив Митч Лоусон. Сначала он поговорил с Хоком, потом с папой и опять с Хоком, затем с Мередит и мной. Мне с Мередит он особо не задавал уточняющих вопросов, просто поинтересовался в порядке ли мы? Он ободряюще пожал мне руку, смотря прямо в глаза, хотя его взгляд был напряженным (но все равно душевным), а потом он ушел.

Дог исчез перед полицией, как только появился Лоусон. Именно поэтому Хок не поехал с нами ко мне домой, а отправился искать Дога. Не знаю зачем, но я не задавала лишних вопросов. Я пребывала в чрезвычайно редком своем настроении Делать Все, Как Мне Говорят, поэтому когда Хок включил «босса», я не стала с ним спорить. Я делала именно то, что он мне говорил. Залезла в машину его спецназовца, мои родные оказались в тепле и в безопасности, нас привезли домой, и я легла спать.

На этой мысли я опустила взгляд к концу кровати и увидела Хока. Меня это удивило. Я думала, что он будет заниматься делами, больше подходящими Ястребу, например, тайно собирать информацию для секретного задания, допрашивать подозреваемых в бетонной комнате без окон, брать «подопечных» измором и все в том же духе.

Меня также удивило, что на нем были другие армейские зеленые штаны карго и облегающая, свежая с длинными рукавами цвета бургундского вина футболка. Наверное, его парни привезли ему сменную одежду. Я подумала, не принимали ли они заказы на покупку и не давали ли им кредит в Nordstrom. Если принимали, то это определенный плюс для него, мне Следовало Изучить Весь Список плюсов и минусов Кейба «Хока» Дельгадо.

Глаза Хока не оставляли меня, пока он передвигался ближе, опустившись рядом и низко наклонившись, он нависал надо мной поперек кровати, его лицо оказалась на уровне моего.

— Как дела, Душистый Горошек? — тихо спросил он.

— Ты можешь сделать мне одно одолжение? — спокойно спросила я.

— Смотря какое, — ответил он.

Выжидая.

— В следующий раз, когда ты войдешь в дом с зажигательными бомбами, можешь на минутку задержаться снаружи и надеть рубашку и ботинки, прежде чем ринешься в самое пекло?

Наши лица были слишком близко, у него на щеках появились ямочки, он улыбнулся.

Затем его брови поползли вверх.

— Ринусь?

— Да, ты даже не ринулся, а помчался. Ну, ты понял, что я имею в виду.

Выражение его лица изменилось, он перевел взгляд на мои волосы. Хок облокотился на

согнутую руку, навалившись всем весом, а другой рукой прошелся по линии роста моих волос к моему уху, убрав волосы у меня с шеи, и только потом опять посмотрел мне в глаза.

Я затаила дыхание, его взгляд был пылким и глубоким, как вчера за обедом.

— Да, я понял, что ты имела в виду, — прошептал он, мне хотелось отвести глаза в сторону, но я не могла, просто не могла. — Ты переживаешь за меня.

— Ты пытался тушить огонь в одних штанах, — объяснила я, стараясь говорить спокойно, но, наверное, не совсем спокойно.

Его острые черные глаза замерли на мне на долго, я начала чувствовать, как мои легкие начинают гореть.

Он наконец сказал:

— Хорошо, в следующий раз, когда в дом кинут зажигательные бомбы, я сначала надену рубашку и ботинки, прежде чем кинуться в этот ад.

— Спасибо, — прошептала я.

Он смотрел мне в глаза, перемещаясь взглядом по лицу, потом спросил:

— Теперь, когда мы выяснили с этим, ты ответишь на мой вопрос?

— Какой вопрос?

— Как дела?

— Я в порядке.

Его глаза опять задержались на моих на несколько долгих секунд, потом Хок прошептал:

— Лгунья.

— Ну, я...

— Гвен, милая, ты снова свернулась калачиком.

Вот черт, я действительно свернулась.

Я выпрямилась, передвинув подушку, сейчас моя голова покоилась у изголовья. Хок тоже передвинулся, оставаясь по-прежнему рядом и перекладывая вес своего тела на другую руку.

— Мередит внизу? — спросила я.

— Да, — ответил он.

— Она готовит домашние пончики? — поинтересовалась я.

— Звучит как надежда или ты серьезно? — спросил он в ответ.

Мне пришлось признаться самой себе, что скорее всего я очень на это надеялась, но в этом я могла признаться только самой себе, поэтому решила промолчать.

Он опять усмехнулся и произнес:

— Нет, она готовит яйца с беконом.

Мередит всегда делала вкусные яйца с беконом, но ее пончики были намного лучше.

— А у меня разве были яйца и бекон?

— По-видимому, да, поскольку она стоит на кухне в своей ночнушке и халате, и у нее нет машины, так что сомневаюсь, что в таком виде она отправилась в магазин.

Наверное, у меня были бекон и яйца. По крайней мере яйца точно были, поскольку они являются обычным ингредиентом для теста, чтобы испечь печенье.

— А где папа? — спросила я.

— Какой-то парень по имени Рик пришел час назад, принес ему одежду и забрал твоего папу на работу.

Вот видишь!

— Папа не исправим, — пробормотала я.

Он поймал прядь моих волос и отодвинул в сторону, мне показалось, что это мило.

Хок мог быть сладким и ласковым. Он спас мне жизнь или, по крайней мере, благополучно вытащил меня из горящего здания.

Эти три стороны Кейба «Хока», определенные плюсы, которые Мне Следует Изучить в том длинном списке Дельгадо.

Вот черт.

Пока я раздумывала над этим, он задал свой следующий вопрос, который во многом объяснял, почему он был сейчас таким милым.

— Что ты хочешь услышать сначала — хорошие или плохие новости?

Отлично, оказывается были и плохие новости.

— Может ты сообщишь мне хорошую новость, а плохую скажешь в следующем тысячелетии?

— Конечно, — согласился он, но мне показалось, что это не совсем правильно.

— Плохие новости, — пробормотала я.

Его лицо стало серьезным.

— Джинджер улизнула.

Я уверена, что у меня на лице отразилась растерянность.

— Что?

— Она удрала.

— От чего? От пожара?

— От пожара и ребят, которые взорвали ваш дом, чтобы выкурить ее оттуда.

Мать твою!

— Они бросили зажигательные бомбы в наш дом, чтобы убить ее?

— Детка, мой автомобиль был на обочине, помнишь?

— И?

— Ты думаешь, они рискнут, зная, что я не позволю никого убить?

Я скрестила руки на груди и уставилась на него.

— Я знаю, что ты всего лишь в шаге от супергероя, Хок, но если серьезно?

Он ухмыльнулся.

— Ты думаешь, что я в шаге от супергероя?

Вот дерьмо! Лучше закрыть эту тему.

— Я прикалываюсь, — сообщила я ему.

Его улыбка стала еще шире.

— Нет, ты действительно думаешь, что я в шаге от супергероя.

— А какие хорошие новости? — подсказала я, чтобы сменить тему.

— Наверное, эта — как-то ночью я доставил тебе тройной оргазм, — он ушел от темы, но я разинула рот от его заявления.

Я закрыла рот и воскликнула:

— Что?

— Как-то ночью я доставил тебе оргазмы ртом, пальцами, и ты...

— У меня не было трех оргазмов, Хок, — сорвалась я, но по правде, я кончила три раза.

— Детка, ты кончила, я считал.

— Нет, был один, но очень длинный, затяжной, — соврала я.

— Гвен, ты не думаешь, что я знаю, когда ты кончаешь, и когда у тебя начинается

новый?

— Не думаю, что ты знаешь, — ответила я.

— Ладно, хватит об этом, — заметил он и был прав.

Появился еще один минус в списке Мне Следует Изучить Кейба «Хока» Дельгадо. Хок был слишком самоуверен.

— Эй? — позвала я его. — Хорошие новости? Или то, что Джинджер смылась, это плохая новость?

Он ухмыльнулся, и все же решил сменить тему.

— Плохая новость, что Джинджер исчезла. Я почти ее схватил и мог бы передать Лоусону. Но схватил ее не до конца, поскольку пришлось заняться пожаром в доме твоего отца.

Я поняла, что у меня сошлись брови на переносице.

— Передать ее Лоусону?

— Единственное безопасное для нее место — полиция. Она заключит сделку, они срежут ей половину тюремного срока или, если она будет сотрудничать по тому дерьму, которое она знает, а они подозревают, что она много знает, они передадут ее федералам, которые предоставят ей новое имя, и Джинджер Кидд исчезнет, как бы исчезнет, но не будет мертва.

— Федералам? — прошептала я.

Но услышав мой еле слышный шепот, а скорее ужас, отразившейся у меня на лице, Хок успокаивающе произнес:

— Детка, ты же знаешь, что она в полном дерьме.

— Да, — подтвердила я, — но *федералы*?

— Она в *серьезном* дерьме, — повторил он.

Я опустила взгляд и прошептала:

— Черт.

Хок поднял мой подбородок пальцем, наши глаза встретились, он опустил руку и ответил:

— Я держал ее в своих руках и спутал им всю игру, поэтому они захотели выкурить ее из дома и отвлечь меня. Им это удалось.

— Она находилась в доме всего несколько минут. Ты хочешь сказать, что за это время они могли придумать и осуществить свой коварный план?

— Смекалки у них не отнять.

Новость была совсем не хорошей.

— Но она скрылась, — закончила я.

— Да, она исчезла, — подтвердил Хок.

— А Дог? — спросила я.

— Я нашел его. У него аллергия на полицейских. Он приехал после того, как начался пожар, проезжал мимо, приглядывая за тобой по приказу Тэка. Он не заметил Джинджер, и думаю, она подалась в противоположное направление от территорий, контролируемых «Хаосом».

— Проезжал мимо, приглядывая за мной?

Он расстроено смотрел в другую сторону.

— Говорил тебе, детка, ты не захочешь внимания Тэка, но ты его получила.

— Теперь я знаю, но не понимаю. Почему Дог присматривает?

— По приказу Тэка, чтобы ты была в безопасности.

Я уставилась на него.

Затем я выдохнула.

— В безопасности?

Он смотрел на меня и сказал:

— Детка, ты на самом деле не понимаешь?

— Я всего лишь один раз видела его, — напомнила я Хоку.

— Два раза, — парировал он.

— Ладно, два раза, — повторила я.

— Да, — согласился Хок.

— Но я все равно не понимаю, я едва его *знаю*. Зачем он послал Дога присматривать за мной?

Хок в упор смотрел на меня, потом опять повторил вопрос:

— Детка, ты на самом деле не понимаешь?

Я всплеснула руками и поднялась на постели, подложив под себя ноги.

— Да, Хок, я серьезно не понимаю. Что теперь с этим *делать*?

Он прищурился, а потом спросил:

— Ты помнишь наш разговор прошлой ночью?

Ой-ой.

— Какой? — нерешительно поинтересовалась я.

— Когда я тебе сообщил, что сначала увидел тебя, а потом вошел в ресторан, в котором ты сидела за барной стойкой, привлекая взгляд каждого мужчины к себе.

— Я не развлекала и не привлекала взгляд каждого мужчины в ресторане! — огрызнулась я.

— Детка, привлекала.

— Нет.

— Я говорю, да.

Я наклонилась немного вперед.

— *Не привлекала.*

— Душистый Горошек, ты поправляла волосы, ерзала на стуле, сосала соломинку, одного смеха твоего вполне достаточно, чтобы у мужчин встал член...

Еще один плюс своего рода. Я имею в виду, конечно же я рада, что спустя столько времени, я узнала, что мои усилия тем вечером не пропали даром, и он оказывается все их заметил, но я не собиралась сообщать ему об этом.

И было еще кое-что хорошее — ему нравился мой смех.

Ладно, пошли дальше.

— И как это связано... с Тэком? — подсказала я.

— Ты не видишь здесь никакой связи?

— Хм... нет.

— Ты не была у себя на лужайке перед домом вчера днем со мной, Лоусоном и Тэком?

Ой-ой.

— Была, — огрызнулась я.

— И ты не была в своем кабинете, когда появился твой Трой?

Мда. Я догадываюсь куда он клонит.

— Это не в счет, я знаю Троя...

Хок прервал меня:

— Трой идет в счет.

Вероятно, он был прав.

Хок продолжил:

— Также, как и я.

Я скрестила руки на груди.

— Ты можешь поскорее закончить свою мысль?

— Дело в том, что ты относишься к тем женщинам, когда она вызывает тебя, потому что у них сломалась духовка, ты поднимаешь свою задницу с дивана и идешь к ней, несмотря на то, что была середина матча.

Ох, мать твою. Вот оно, так и было. Я позвонила Трою, как раз в середине игры Broncos.

Господи, я *ненавидела*, что Хок знал обо мне все.

Еще один минус!

— И ты относишься к тем женщинам, когда мужчина видит, как ты сворачиваешься калачиком, и он готов сделать все, что в его силах, чтобы такого больше не повторилось.

Я прищурилась.

— Вот почему ты здесь?

Он отрицательно покачал головой.

— Я здесь потому, что когда ты кончаешь, а кончаешь ты жестко, ты не сдерживаешься, но ты продолжаешь цепляться, хотя тебе и трудно. Я здесь из-за того, что ты называешь меня «малышом» в этой кровати, когда мой член глубоко в тебе. И я здесь, потому что ты не стесняешься кидаться нашими отношениями, по сравнению с другими женщинами, которым явно не хватит смелости даже шикнуть на меня. Видишь ли, ты боишься, но все равно делаешь, и это особая причина, почему я хочу быть здесь.

Я ничего не могу ответить, поэтому молчу.

Но потом спрашиваю:

— А Тэк?

— Твое поведение, детка, в Ride, когда ты впала в ярость, переходящую в истерику, на такое не способна ни одна женщина, окруженная байкерами «Хаоса», да еще читать проповедь о своей сестре и Барби и это тебе бл*дь не ТВ-шоу.

Я прищурилась.

— Откуда ты знаешь о моей проповеди Барби?

— У меня есть «глаза» в Ride, Душистый Горошек, я наблюдал, как ты выплескивала информацию Тэку, и честно говоря, не был счастлив от этого.

Это меня удивило.

— У тебя есть «глаза» в Ride?

— Да.

— Зачем тебе «глаза» в Ride?

— Тебе не стоит этого знать.

Это правда. Я действительно не хочу этого знать, вернее лучше не знать.

— Ладно, твоя взяла, — ответила я. — Теперь мы можем перейти к хорошей новости?

— Да, — сказал он. — Хорошая новость — пожар был локализован только в гостиной. Мой брат работает в Управлении пожарной охраны, он оказался на месте утром и сообщил, что твой ноутбук в порядке.

У него есть брат? То, что у него была мать «немного с приветом», а кто еще может дать

своему сыну такие необычные имена, но определенно крутые, но еще и был брат, который работал пожарным?

Мне было трудно справиться с таким потоком информации за последнее время, полтора года я ничего о нем не знала, только ночные визиты и множественные оргазмы, теперь количество информации зашкаливало.

— У тебя есть брат? — спросила я.

— Да, — ответил он.

— Может у тебя есть еще братья и сестры? — поинтересовалась я.

— Да, — ответил он.

— Кто? Сестра? Брат? Два? Двенадцать? — продолжала я выпытывать.

— Еще один брат, — ответил он.

Господи Боже мой! Оказывается, по земле бродили трое итальянско-кубинско-пуэрториканских мужчин Дельгадо. Почему я не знала этого? Как женщина, я однозначно должна была инстинктивно почувствовать их присутствие.

— А ты какой? — продолжила я свой допрос.

— Что какой? — переспросил он.

— По счету, ты какой? Первенец, средний или последний?

— Первый.

Черт, неудивительно, что он был таким властным. Первый из трех мальчиков.

— Детка, ты слышала, что я тебе сказал насчет ноутбука? — спросил Хок.

Я моргнула и внимательно посмотрела на него, а потом спросила:

— А как их зовут? Фолкен и Игел? (*Falcon and Eagle Сокол и Орел, прим. Пер.*)

У него тут же появились ямочки на щеках, и он ответил:

— Меня зовут Фолкен.

— Тебя же зовут Хок.

— Нет, детка, мое среднее имя — Фольконе.

Я снова моргнула.

— Твое второе имя Фольконе?

— Я же говорил тебе, что моя мать сумасбродна.

— Это по-итальянски?

— Да.

— А как зовут твоих братьев?

— Вон и Джури.

Господи. Его мать была однозначно сумасбродной.

— А папа не внес никакой вклад в имена своих детей?

Ямочки на его щеках углубились.

— Он сделал ей трех сыновей, Душистый Горошек, она хотела девочек. Она вышла замуж за моего отца, родила трех мальчиков из его семени, и поняла, что теперь всю свою жизнь будет иметь много драк, крови, пьянства, блевотины и неожиданной беременности. Вот что получилось. Думая о ее желаниях, отец не собирался настаивать еще и на именах.

Хоку следовало остановиться. Он пугал меня своим объемом информации. Было СМИ важной СМИ.

— СМИ, — пробормотала я, уставившись на него.

— Что? — переспросил он.

— Слишком много информации, Хок.

— Детка, мы все выросли и нам уже за тридцать. Вон женат. Мы выросли, научились контролировать себя и поумнели. Пьянство, блевание и неожиданная пугающая беременность уже стали историей.

Он вырос на кровавых боях.

Но вдруг ко мне пришла мысль.

— Ты не предохранялся со мной.

— Я сделал это в первый раз.

Это было правдой, но он все равно это сделал.

— Но...

— Роясь у тебя в вещах, я обнаружил твои противозачаточные таблетки. Наблюдая за тобой, ты живешь только со мной, и поскольку больше никто до тебя не дотрагивается, я решил, что это лишнее.

Я прищурилась.

— Ты копался в моих вещах?

— Гвен, детка, подсказка. Я сделал тебя своей. А когда я делаю женщину своей, я делаю все.

Я уставилась на него, не зная, что это значит, и решила не спрашивать, поэтому просто пробормотала:

— Я хотела бы домашних пончиков, — потом подумав решила, хорошо бы три. И потом я могла бы тащить свою задницу в торговый центр. Мне показалось, что еще одно маленькое черное платье пополнит мой гардероб.

Мои мысли о нападении на торговый центр, были прерваны Хоком, вытаскивающим меня из-под одеяла, укладывая на спину и придавливая к матрасу своим весом.

— Вижу, ты испытываешь стресс, — пробормотал он, сканируя мое лицо, а его руки заскользили по моему телу.

Ммм.

— Дом, где я выросла, подожгли вчера, и я не знаю, что мне с тобой делать. Конечно, у меня стресс о этого.

Он опустил голову мне на шею и прошептал на ухо:

— Я мог бы тебя научить более эффективному способу борьбы со стрессом, чем есть пончики.

Я понимала, что он прав, он и так затратил изрядное количество сил на эти уроки. Стресс, как рукой снимало, почему я и позволяла ему навещать меня по ночам, поскольку чувствовала так, словно получала полтора часа массажа всего тела руками мастера, а также парную.

Я опустила руки ему на плечи и попыталась его отодвинуть.

— Моя мачеха и твои командос внизу на кухне.

Он приподнял голову, взглянув на меня сверху-вниз, его взгляд был таким теплым и нежным, что живот у меня чуть-чуть сжался.

— Мы сделаем все быстро и тихо, — прошептал он.

Он может сделать быстро? Он никогда не был быстрым. Он относился к мужчинам, которые предпочитали смаковать, не ограничивая себя временем.

— Я не могу заниматься сексом, когда в доме находится Мередит. И я не могу заниматься с тобой сексом, потому что не решила, что мне с тобой делать.

Я не обращала внимания, когда он стал приподнимать подол ночнушки, забравшись

внутри и проводя пальцами мне по коже, что вызвало у меня дрожь.

— Как насчет того, чтобы я помог тебе с твоим решением, — предложил он, его губы заскользили по моему подбородку, мне было приятно и его руки,двигающиеся по моей коже, что вызвала еще одну дрожь.

Я пришла в себя.

— Нет, я должна принять решение самостоятельно. Я составляю мысленный список твоих плюсов и минусов, которые Мне Следует Изучить.

Он приподнял голову, губы расплылись в еле заметной улыбке, но ямочки по-прежнему были на месте. Одна рука продолжала находиться под моей ночнушкой, а второй он провел по волосам.

— И каков список? — прошептал он.

— Ты властный, заносчивый, назойливый, раздражающий, ты растоптал Троя, как клопа, без всяких угрызений совести. Это все минусы, — честно ответила я.

Его потрясающая улыбка стала еще шире.

Вот видишь! Совершенно не раскаивается.

— Ох, ты не слушаешь меня, — добавила я.

Его улыбка стала еще больше, он спросил:

— А плюсы имеются?

— Очень мало, ты можешь быть милым, ласковым, и ты вытащил меня из горящего здания — это плюсы.

— Я ласковый?

— Ты целуешься, обнимаешься и ухаживаешь.

Его брови поползли вверх.

— И это слишком важно для тебя, чтобы занести в свой список?

— Хм... ага.

Он уставился на меня, ухмыляясь и отметил:

— Для меня это чертовски смешно, что женщины думают, что это настолько важно.

Я опять прищурилась, и рявкнула:

— Минус!

Ухмылка превратилась в улыбку, и он прошептал:

— Ты забыла про еще одни плюсы, детка.

— Нет, — поправила я. — Список вполне исчерпывающий.

Рука под ночнушкой поползла вверх, обхватив мою грудь. Я всосала воздух и замерла, потом сдалась и выдохнула, его ладонь скользнула по моим соскам.

— Определенно не записала пару плюсов, — пробормотал он, наблюдая за выражением моего лица, опустил голову и поцеловал. Я подверглась тройной угрозе, потому что его язык кружил у меня во рту, его рука на моей груди (сейчас массировала ее с большим усердием, что было несомненно *приятно*) и его твердое, неотразимое тяжелое тело прижимало меня к кровати.

Он был прав — это определенно плюс.

Он отпустил мои губы, его большой палец прекратил свою блестящую пытку моего соска, обхватив мои груди, и я поняла, что удерживаю его за затылок, а второй рукой сильно прижимаю его спину, и мои ноги обхватывают его талию.

Я внимательно посмотрела на него, он знал, чего я хотела и ухмыльнулся, и его рука сдавила мне грудь.

— Посмотрим, что я имею в виду, детка? — прошептал он. — Определенно плюс.

Я моргнула и напряглась, а потом заявила:

— Посмотрим, что я имею в виду, малыш? Определенно высокомерный.

У него раздался смешок, мужской, глубокий, откуда-то изнутри груди, опустив голову, Хок поцеловал ямочку у основания моего горла, убрал руки и скатился с меня, перевернув меня с собой. Мы стояли в вертикальном положении возле кровати, он заключил меня в кольцо своих рук, я даже не успела моргнуть.

— Тебе нужно работать, чтобы все доделать, — заявил он. — Сегодня вечером мне необходимо твое внимание.

— Внимание для чего? — спросила я.

Он приблизил ко мне лицо, сильнее прижав к себе.

— Для *меня*.

Ох, парень.

— Мои родители останутся здесь, — напомнила я ему.

— У меня имеется место, — напомнил он мне.

Его логово. Мда. Я почувствовала еще одну дрожь, он тоже ее почувствовал, и это заставило его усмехнуться, а потом улыбнуться.

Его руки не позволяли мне двинуться.

— Работу сегодня вечером я добавлю к правой стороне моего списка.

Я открыла рот, чтобы сообщить, что свое решение я должна принимать самостоятельно, без его участия сверхчеловеческих сексуальных способностей, но я не произнесла ни слова. Склонив голову, его губы коснулись моих, а затем — *пфф!* — он исчез.

Я покачнулась, поскольку резко лишилась опоры его твердого тела. Развернувшись и взглянула на дверь спальни, пробормотав:

— Я ненавижу, когда он так делает.

Но я не стала заносить это в минусы, если честно, на самом деле я думала, что это круто.

Глава одиннадцатая.

Платье. Шпильки. Сосредоточиться.

Я подсчитала вместе с работой все плюсы и минусы после того, как позавтракала яйцами, беконом и кофе с Мередит, разделяя ее восторг по поводу «только в гостиную, дорогая, после нескольких месяцев, как я ругалась с твоим отцом по поводу нового дивана» и «мне просто необходимо дать отдых моим ногам, хотя бы пару дней» (говорила, что она всегда во всем видит положительные стороны) и поздоровавшись со спецназовцами, приняв душ, забрала у другого спецназовца Хока свой ноутбук, сумку, портмоне и куртку, доставленные прямоком с места происхождения и заперлась у себя в кабинете.

Кэм и Трейси обзвонились. Кэм поскольку слышала разговор в управлении полиции про взрывы. Трейси, потому что слышала об этом от Кэм.

Трой не звонил, скорее всего потому, что он зализывал свои раны или потому, что Кэм и Трейси скрывали от него эту новость, так как думали, что он скорее всего зализывает свои раны.

Я немного поразмыслила, может мне стоит самой ему позвонить, но в итоге решила дать ему время зализать свои раны. Или, по крайней мере, так сама себе объяснила свой

поступок. На самом деле, я струсила.

Все знали, что я была вне зоны чата или предварительного отчета о взрывах в доме, в котором выросла. Они знали, что я работаю и мне необходимо сосредоточиться. Поэтому, когда зазвонил мой сотовый телефон, я удивилась.

Я подумала, что это возможно Трой.

Я взяла телефон и взглянула на дисплей, сказав:

— Звонок от Хока.

Я уставилась на экран телефона. У меня не мог высветиться «Хок», в основном потому, что у меня не было его номера и, следовательно, его номера не было у меня в контактах.

Я нажала «принять вызов» и приложила к уху трубку, может это Трейси решила подшутить и, если так, то как ей удалось такое повернуть и, главное, зачем?

— Алло?

— Детка, — произнес Хок.

Неа, Трейси не подшутила.

— Хок?

— Маленькое черное платье, высокие каблуки, в семь тридцать, — сказал он.

Я моргнула и спросила:

— Что?

— Сегодня.

— Сегодня что?

— Сегодня вечером, ты в маленьком черном платье и на высоких каблуках. Я заеду в семь тридцать.

ОМойБог! Хок приглашал меня на свидание!

У меня внизу живота затрепетало.

— Ты приглашаешь меня на свидание? — спросила я, чтобы удостовериться.

— Душистый Горошек, я трахаю тебя полтора года.

Мой живот перестал трепетать.

— Я знаю.

— Поэтому нет, я не приглашаю, а говорю тебе — платье, шпильки, я буду в семь тридцать.

Эм... что?

— Так ты *не приглашаешь* меня на свидание, *ты говоришь* мне, что мы идем на свидание, — догадалась я, хотя знала уже наверняка.

— Именно так, — ответил он.

— Ты *не можете просто сказать* мне, что мы *собираемся* пойти на свидание! — огрызнулась я.

— Просто сделай, как я сказал, детка.

— Минус, — пробормотала я, потому что это был серьезный *минус*.

Он рассмеялся своим глубоким, низким, веселым смехом, затем приказал:

— Закончи свою работу, я хочу, чтобы ты сосредоточилась на мне, а не на работе.

— Не думаю, что у меня будет время на свидание. Я полностью завалена, — это была ложь. С работой я вчера разобралась, а сегодня наверстала упущенное. У меня определенно было время для свидания, также как у меня было кредо жизни — при любой возможности одевать маленькое черное платье, причем без всяких «но или если». Тем не менее, я решила сделать исключение.

— Так мило тебе стоило торговаться вчера ночью, когда я пытался потушить огонь бок о бок с твоим отцом, явно получив благословение твоих родителей, Гвен, не думаю, что они вмешаются, когда я натяну на тебя платье и посажу брыкающуюся и орущую в своей автомобиль.

К сожалению, это была правда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я решила перевести внимание на другое что-нибудь раздражающее.

— Ты вбил свой номер в мой телефон? — требовательно спросила я.

— Да, — ответил он.

— Когда?

— Прежде чем я отдал его Фангу. (*Fang — Клык, прим. перевод.*)

— Фангу?

— Моему парню, который принес твоё барахло.

Господи. Этого парня звали Фанг? Я обратила внимание, что его верхние клыки действительно несколько выпирали, но не могла представить, что ему нравилось иметь такую кличку, если учесть, что она больше высмеивала его ужасную зубочелюстную аномалию, а выглядел он при этом, как человек, способный так двинуть своим кулаком по лицу другого, что скорее всего тело последнего пробьет цементную стену, если кто-то решит посмеяться над ним.

— Зачем? — продолжила я.

— Зачем? — переспросил Хок.

— Зачем ты вбил свой контакт в мой телефон?

Воцарилась тишина на том конце провода.

— Детка.

Как обычно, ответа не было.

— Что детка? У нас не было отношений месяцами, теперь мы сдвинулись с точки, и я объяснила тебе, что не уверена в правильности этого сдвижения и нашего будущего.

— Ты можешь сомневаться сколько хочешь, Душистый Горошек, моей уверенности хватит на нас двоих. Платье. Шпильки. Сосредоточенность на мне. Семь тридцать.

Я открыла рот, чтобы возразить, но слов не последовало.

Я отключилась, уставившись на телефон.

Затем бросила его на стол и рявкнула:

— Боже, как он *меня бесит*.

Но на самом деле, в глубине души, впервые я была счастлива, поскольку получила возможность надеть одно из моих маленьких черных платьев, а во-вторых, я немного волновалась, поскольку, наконец-то, шла на свидание с Кейбом «Хок» Дельгадо.

Я вернулась к работе, усиленно пытаюсь сделать вид, что совершенно не думаю, представляя, как поеду на его Camaro.

* * *

Было почти семь тридцать, папа был дома, в моем кабинете, и смотрел телевизор, Мередит возилась, скорее всего, переставляя все в моих ящиках и шкафчиках на кухне, я же была в ванной комнате, нервничая и психуя из-за своего свидания с Хоком.

Мой чертовый психоз был частично из-за того, что я готовилась к свиданию с Хоком, не

придерживаясь своего первоначального решения не ходить с ним на свидание, и вероятно, еще и потому что я приняла это решение и опять понаделаю глупые вещи, именно те глупые вещи, которые были связаны с Хоком.

А еще я нервничала отчасти из-за того, что очень, *очень сильно* надеялась, что ему понравится мое платье.

Спецназовцы установили в моем доме систему безопасности, Смоки довольно долго объяснял и учил меня и Мередит ею пользоваться.

Система оказалась намного сложнее. У меня никогда не было сигнализации, но я всегда предполагала, что как правило стоило набрать некоторые цифры и вуаля! — система работает, охраняя. Здесь были кнопки тревоги — в моем кабинете, в спальне, на кухне, гостиной, и уже полный перебор, в ванной комнате. Система имела различные коды в зависимости от того, что ставилось под охрану, скажем, только окна и двери или же активация датчиков движения по всему дому. Также был еще и другой код, который отправлял сообщение на «базу», и понимая, что произошла экстренная ситуация, они должны были прийти «тихо», черт его знает, что это значит.

Ни Мередит, ни я с числами были не очень хороши, поэтому Мередит побежала за бумажкой, чтобы записать, Смоки опустил глаза, при этом у него напрягся подбородок, и заставил меня с Мередит пройти на кухню. Он сел за мой большой, потертый деревенский стол и заставил нас запомнить три различных кода, мы повторили их не один раз.

Смоки не отличался терпением, пока мы запоминали, особенно когда Мередит, приблизилась ко мне и прошептала:

— Я не совсем понимаю в чем проблема, дорогая, я имею ввиду, хотя не хочу тебя смущать, но отец и я знаем, что ты и Хок..., — она понизила голос, — *имеете интимные отношения*. — Я всячески избегала смотреть в глаза Смоки, поскольку Мередит на этом не остановилась. — Я имею в виду, не похоже, что он, находясь здесь, не приглядывает за тобой.

Я прикусила губу и пожала плечами, на большее была не способна. Она думала, что у меня с Хоком интимные отношения, потому что Хок заставил ее думать, что у нас роман, и я ничего не могла поделать, только как подыграть ему. Очевидно, она решила, что я была в полной безопасности под его опекой. Я не хотела ничего объяснять. Особенно не сегодня, на следующий день после того, как их дом подорвали из-за дерьма ее дочери.

Я также не хотела обсуждать со своей мачехой интимные отношения *с кем бы то ни было*. Мередит была классной, она всегда была классной, но она была для меня *мамой*, которую я знала, она взяла на себя эту роль с самого начала. Вы же не обсуждаете секс с горячими парнями со своей *мамой*, тем более суперские-многократные-оргазмы?

Папа, кстати, запомнил все коды за две секунды. Он всегда был хорош с цифрами. Это был его конек.

В дверь позвонили и стукнули, я стояла перед зеркалом, накладывая блеск на губы и почувствовала бабочек в животе. Я чувствовала бабочек впервые, когда увидела Хока и всякий раз, когда он навещал меня.

— Я открою! — прокричала снизу Мередит, я втянула воздух и закончила со своими губами.

Честно говоря, Хок решил зайти через дверь *впервые*. Если бы он сейчас материализовался у меня в ванной комнате, я скорее всего, не чувствовала бы бабочек в животе, наверное, бы стала раздражаться.

Я выбежала в комнату, схватила клатч и палантин, а потом побежала к двери и закрыла ее, чтобы осмотреть себя в зеркало в полный рост и со спины тоже.

Маленькое черное платье, поставьте галочку. На самом деле, это платье было вне конкуренции. Лучшее из многих. Без рукавов, с глубоким V-образным вырезом спереди, которое открывало декольте, и таким же вырезом на спине, но только больше, оно имело пышную драпировку по середине, и сидело, как вторая кожа на бедрах, заканчиваясь намного выше колен. Короткое. Короче, оно почти походило на мини-джинсовую-короткую-юбку Джинджер-Слэш-Дарла, но без компонента «шалава». И платье было сделано из такого удивительного материала, что даже объемные мои части, затянутые этим материалом, были как бы скрыты — это было потрясающе.

Туфли на высоких каблуках, поставьте галочку. На самом деле, они были открытые с переплетенными ремешками, черные с сексуальной шпилькой. В них мои ноги выглядели просто блестяще. Туфли-убийцы.

Волосы старательно были уложены и плюс макияж «смоки».

Все это было сделано в соответствии с одеждой для предстоящего свидания.

Я надеялась.

Я выбежала из комнаты с криком:

— Пока, пап!

— Проведи хорошо время, дорогая! — прокричал отец. — Скажи Хоку, чтобы не беспокоился о твоём дверном звонке, я почию его в эти выходные!

Бонус заключался в том, что папе пришлось переехать ко мне в дом из-за повреждений от пожара. Теперь у меня имелся постоянный домашний мастер.

— Скажу! — крикнула я, хотя серьезно сомневалась, что Хок лишится сна из-за моего скрежещущего звонка.

Я бросилась вниз по лестнице, в гостиной было темно, но голоса доносились из кухни. Скорее всего Мередит предлагала Хоку пиво. Поскольку Мередит была у меня дома, я спокойно переложила на нее обязанности хозяйки. Я знала, что это самое лучшее. Она могла запросто устраивать официальные приемы в Белом доме, первая Леди могла отойти в сторону, предоставив Мередит взять все в свои руки.

Я двинулась на кухню и замерла в дверях, когда увидела Мередит с детективом Митчем Лоусоном.

Я была настолько напугана прошлой ночью, когда папа и Хок пытались огнетушителями тушить пожар от бомб, поэтому не успела тогда полюбоваться, насколько сексуально он выглядел. Теперь же, находясь у меня на кухне, и я стояла перед ним в маленьком черном платье с уложенными волосами, и когда он обратил на меня свой взгляд, замерев, я получила возможность еще раз насладиться этим горячим парнем.

Поэтому я тоже замерла, рассматривая его.

Он первым пришел в себя.

— Гвендолин.

Боже, мне так нравилось, когда он называл меня полным именем.

— Привет, детектив Лоусон.

У него на лице отразилась небольшая улыбка, потом он предложил:

— Ты можешь называть меня Митч.

— Хм... хорошо.

Глаза Лоусона скользнули по мне, а потом он посмотрел на Мередит.

— Прошу меня извинить, миссис Кидд, но не могли бы вы дать мне с Гвендолин минутку?

— Ой! — громко воскликнула Мередит, чуть ли не подпрыгнув. Она тоже была под впечатлением насколько он великолепен. — Конечно. Конечно. Я просто..., — она бросилась к холодильнику и схватила две бутылки пива, — мне и Баксу. — Закрывает холодильник и бросилась из кухни, сказав:

— Приятно снова вас увидеть, детектив Лоусон.

— Митч, — поправил он.

— Митч, — прокричала Мередит, продолжая убежать.

Ох, парень. Я осталась одна с *Митчем* на своей кухне. Не было восьми полицейских в гостиной. Не было Хока... пока. Он опаздывал.

Я немного прошлась по кухне.

— Э-э... все в порядке?

Он наклонил голову на бок.

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Э-э... ты здесь, и... э-э... ты представитель закона и имеется тот факт, что моя сестра в очередной серьезной беде так..., — я замолчала.

— Я здесь из-за твоей сестры, а не потому, что что-то неправильно.

— Ох, хорошо, — ответила я.

— Или имеется что-то *еще* неправильное, — заметил он.

— Ох, хорошо, — снова сказала я.

— Я просто хотел попросить тебя об одолжении.

Я перевела дыхание и повторила:

— Ох, хорошо.

И, кстати, я почувствовала себя полной идиоткой, повторяя бесконечно эти два слова, но что я могла еще сказать? Я была в маленьком черном платье в ожидании Хока, Лоусон был горячим парнем, я знала, что он влюблен в меня, и он собирался попросить меня об одолжении. Я не знала, что мне делать. Ситуация казалась неопределенной, не в хорошем или плохом смысле, просто непредсказуемой.

Он секунду изучающее смотрел на меня, а затем понизив голос, тихо приказал:

— Гвендолин, иди сюда.

Самопроизвольно мои ноги двинулись к нему, потому что я — женщина, и когда сексуальный парень говорит тебе тихим, глубоким, обворожительным голосом подойти к нему, ты просто делаешь это.

Я заставила свои ноги остановиться, буквально в фунте от него.

Когда я остановилась, он тихо сказал:

— Ты выглядишь потрясающе.

Он сказал мне, что я выгляжу потрясающе.

Приятно.

— Спасибо, — прошептала я.

— Идешь с Хоком?

Я сжала губы и кивнула.

Он улыбнулся.

Затем он выпрямился и двинулся ко мне, и между нами осталось больше шести дюймов. Или меньше.

Потом его рука опустилась мне на талию, и, прежде чем я успела что-то сказать или отодвинуться, он сказал:

— Я не хочу тебя обидеть, когда скажу, но после прошлой ночи, должен все же тебе сказать.

Ой-ой.

Я наклонила голову, чтобы взглянуть в его добрые глаза, они показались мне более проникновенными, чем когда-либо.

— О чем? — спросила я, прежде чем окончательно заблудиться в его проникновенных глазах.

Он поколебался чуть-чуть и заявил:

— Твоя сестра Джинджер не слишком умна.

Ой. Ну, я ожидала, на самом деле, чего-то другого. Не знаю почему, но его рука на моей талии, и он был так близко ко мне, я не думала, что разговор пойдет о Джинджер.

— Я знаю, — ответила я.

— Ты, наверное, знаешь это слишком хорошо, но даже если бы не знала раньше, то предыдущие ночи доказали тебе это, и теперь ты точно знаешь, но она не думает о тех, кого тащит за собой.

— Да, последние ночи я поняла это.

Он кивнул и сказал:

— Поэтому я прошу тебя об одолжении, если ты опять увидишь ее, я хочу, чтобы ты мне позвонила.

Я напряглась всем телом, но это произошло автоматически, тем не менее, он почувствовал, и подошел ближе, крепче сжав меня за талию и присоединив вторую руку.

— Я не могу сказать, что с ней произойдет. Если она будет играть с умом, если мы сможем заключить с ней сделку, возможно сможем ее защитить. Я ничего не обещаю, Гвендолин. Я могу только сказать, чтобы ни случилось, с нами она будет чувствовать себя в безопасности, нежели на улице, и вам наверняка будет спокойнее за нее, если она будет у нас, а не на улице.

Я представила этот вариант.

Он продолжил:

— И могу тебе казать, когда она окажется в наших руках, я сделаю все, что смогу для нее.

Ох. Вау.

— Спасибо, — прошептала я.

Его пальцы глубже впились в мое тело, стискивая, в то время как его губы расплылись в улыбке.

— Просто хочу, чтобы все было ясно — ты не должна ее задерживать. Но если ты ее увидишь, или она каким-то другим способом вступит с тобой в контакт, ты не будешь ей помогать, даже если она попросит, и не утаишь это от нас. Просто позвони мне и расскажи, что она говорила, где ты ее видела, и если она сообщит тебе, куда направляется.

— Ты хочешь, чтобы я информировала тебя о своей сестре, — предположила я.

— Да, — ответил он, не задумываясь.

— Хорошо, — согласилась я, не раздумывая.

Он снова улыбнулся.

Затем его пальцы еще больше сжали меня, он спросил:

— Как ты справляешься с этим?

Боже, он был таким хорошим.

— Ну, я бы предпочла изучать другие уроки в жизни, скажем, как приготовить идеальное суфле, не то, что я могу сохранять голову в здравом уме в кризис, особенно, когда произошло разрушение огнем, но я стараюсь, поэтому все хорошо.

Его брови поползли вверх.

— Ты хочешь научиться готовить идеальное суфле?

— Хм..., — я не была уверена, куда мне деть свои руки, выбора было немного, поскольку у меня в одной руке был клатч, а в другой — палантин. Но когда его пальцы опять сжали меня, придвинув на дюйм ближе, у меня не оставалось выбора, кроме как положить свои руки ему на грудь. Мда, это было лучше всего. — На самом деле, — продолжила я. — Еще хочу научиться делать тесто для шоколадного печенья за тридцать секунд или меньше.

Он еще раз улыбнулся.

— Но я была бы не против научиться делать идеальное суфле, — продолжала я, — если оно шоколадное.

Его улыбка стала шире.

Bay!!!

Но вдруг его улыбка исчезла, лицо стало серьезным, как и голос.

— Происходит много всякого дерьма, Гвендолин, ужасного дерьма. Ты точно в порядке?

Он очень хороший человек.

— Да, — прошептала я, не спрашивайте меня, почему, я поддалась ему, — но я немного беспокоюсь о Мередит. Она использует пожар и бомбежку в качестве предлога, чтобы купить новый диван и взять несколько дней отдыха и релаксации, но я точно знаю, что она расстроена, но она не говорит об этом. И я не хочу поднимать эту тему, если она не захочет поговорить, но, Джинджер — дочь Мередит, и я думаю...

— Она любит тебя, — прервал он меня.

— Что?

— Я видел это вчера ночью, накануне вечером, она переживает за тебя. Джинджер, несмотря на то, что ее дочь и твоего отца, доставила очень много неприятностей. Она чувствует ответственность за это, и не знает, что с этим делать.

Вероятно, он был прав.

Лоусон продолжил:

— Тебе нужно поговорить с ней на эту тему. Заверить ее, что ты не предъявляешь к ней претензий. Сними с нее этот груз, потому что она в основном сосредотачивается на том, как дерьмо Джинджер отражается на тебе. А тогда ей не нужно будет беспокоиться, как этот бардак ударяет по тебе, просто поговори с ней.

— Ты прав, — спокойно сказала я.

Он поднял руку и заправил прядь мне за ухо, а потом его проникновенные, темно-карие глаза наблюдали за своими пальцами,двигающимися по моей шее, я почувствовала тепло.

Это было так хорошо, очень сильно хорошо.

Он поднял на меня взгляд.

— Да, я прав.

— Мы не такие, как Джинджер, я имею ввиду Мередит, папу и себя, — быстро заверила я его, не знаю, почему я решила это сказать, просто почувствовала необходимость. —

Джинджер..., — я покачала головой, — она другая, чем мы. Не знаю почему, она всегда была такой. Она...

— Я знаю, Гвендолин, — осторожно произнес он, и я поняла, что он действительно знал.

Я кивнула, чувствуя облегчение, а его пальцы оставили мою шею.

И тут открылась входная дверь. Лоусон и я повернули головы, на пороге стоял Хок.

Он был одет также, как в первый раз, когда я положила на него глаз. Хорошо сидящая рубашка, только темно-синяя на этот раз, но не менее фантастическая. Джинсы. Ботинки. Большой ремень. Черная кожаная куртка, удивительно стильная, обхватывала его могучие широкие плечи. А на руке у него висел полиэтиленовый пакет из Nordstrom. Нет, пакет с обувью из Nordstorm свисал у него с руки.

Я напряглась, а руки Лоусона сжали меня еще сильнее.

Хок закрыл за собой дверь, не сводя глаз с меня и Лоусона.

Он уперся руками в бедра, полиэтиленовый пакет стукнул ему по бедру.

— Я чему-то помешал?

— Нет, — тут же сказала я.

— Да, — тут же ответил Лоусон.

Я осторожно сделала шаг назад, и руки Лоусона перестали меня обнимать.

Поскольку в данный момент Лоусон и Хок были крутыми мачо и смотрели друг на друга убийственным взглядом.

Я сделала шаг назад из невербального общения, при этом тут же очутившись в готовой разразиться драке, поэтому обрела голос и движение.

— Он пришел, чтобы попросить меня позвонить ему, если я увижусь с Джинджер, или она что-то мне сообщит, — объяснила я Хоку.

Глаза Хока мимолетно скользнули по мне, но как только я закончила, они резанул взглядом по Лоусону.

— Кажется, я ясно выразился, — прорычал он.

— Да, — ответил Лоусон. — Но, если ты помнишь, я не согласился с тобой.

— Ты не используешь мою женщины, чтобы сделать себе карьеру, — произнес Хок, как только Лоусон ответил.

Я сжала губы и напряглась, поскольку ощутила злость, причем много злости, относящейся к Лоусону, затем услышала приглушенный, тихий голос Митча.

— Поосторожнее, — предупредил он.

— Она к этому не имеет никакого отношения, — продолжил Хок. — Для нее не существует Джинджер, которая предпочитает жить на улицах.

— Последние две ночи доказали, что это совсем не так, Хок, Джинджер настолько непредсказуема, и ты это прекрасно знаешь.

— Верно, но когда это дерьмо коснулось всей семьи, ты должен общаться через меня, а не с Гвен.

— Она в отчаянии, — начал говорить Лоусон, — и кстати, Джинджер Кидд около недели назад впала в такое отчаяние, видно она собирается сделать выбор. Гвендолин фактически стоит на линии огня. Ты и твои ребята, конечно, хороши, Хок, но ты не можешь оберегать ее двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, удерживая все это дерьмо.

— Позволь я буду волноваться об этом, — ввернул Ястреб.

— Ей следует знать, что предпринять, — ответил Лоусон.

— Да, согласен, я скажу ей, что следует предпринять, — выстрелил Хок.

Тут же они возобновили свои действия крутых мачо, смотря друг на друга убийственными взглядами, но к счастью, прежде чем все это перешло к рукопашному бою, Лоусон сломался первым и взглянул на меня.

— У тебя есть моя визитка? — спросил он, и я кивнула, у меня действительно имелась его визитка, но я до конца не понимала, что нужно с ней делать. Он кивнул в ответ: — Не нужно меня провожать.

Затем он наклонился ко мне, прямо перед Хоком, и поцеловал, зависнув на моем подбородке, его губы вызвали мурашки у меня на коже.

Ох, парень.

Он оторвался от меня и взглянул в глаза, прошептав:

— Береги себя, если тебе что-нибудь понадобится, даже просто поговорить, позвони мне.

Я кивнула.

Его взгляд резанул по Хоку, и он вышел из кухни и прошел через гостиную.

Я смотрела, как он уходит, практически затаив дыхание. Затем медленно развернулась к Хоку, который так и застыл в дверях. Он по-прежнему стоял у двери, уперев руки в бедра, с полиэтиленовым пакетом из Nordstrom, висящем на его пальце и смотрел на меня с выражением, которое можно охарактеризовать словом не... доволь... ным.

ОМойБог.

Глава двенадцатая.

Ты хочешь, чтобы были «мы»

Я смотрела на Хока, а Хок во все глаза смотрел на меня, он так и не отвел своего недовольного взгляда, я решила прояснить ситуацию.

— Привет, — сказала я.

Он вперился в меня. Затем подошел к столу, и вытащил из пакета Nordstrom, знакомую коробку с надписью — «Джимми Чу». Эта была не совсем знакомая коробка, потому что у меня *почти была одна*, похожая на эту, но эту я разглядывала сотню раз, вернее эти туфли Джимми Чу. Он бросил пакет на стол, и положил коробку на стол. Затем толкнул ее вперед по столу по направлению ко мне.

Это были туфли, туфли от Джимми Чу, рефлекторно и моментально я выбросила руку вперед, чтобы поймать коробку, прежде чем произойдет трагическая случайность и туфли Джимми Чу упадут на пол.

С рукой на коробке, я взглянула на Хока, мое сердце билось очень быстро.

— Что это? — спросила я.

Он слегка наклонил голову и проворчал:

— Открывай.

Мда. По-прежнему *недовольный*.

Я бросила свой клатч и палантин на стол и открыла коробку.

И мое сердце замерло.

Серебряные из змеиной кожи, с открытым носком босоножки из ремешков, на платформе с тонким ремешком на пятке, с четырех дюймовой шпилькой. Элегантные. Великолепные. Страшно дорогие.

Такие же туфли хранились в подсобке в Nordstrom у Трейси вот уже шесть недель. Я так их хотела, ужасно их хотела, и я их примерила. Эти туфли я хотела сохранить для себя. Я не собиралась их покупать, потому что никогда не смогла бы себе их позволить, даже со скидкой Трейси.

Но моя цель в жизни состояла в том, чтобы получить хотя бы одну пару от Джимми Чу до своей смерти. Некоторые женщины хотят сделать карьеру. Некоторые хотят быть хорошими матерями. Некоторые женщины хотят внести свою лепту по спасению мира. Целью моей жизни — владеть очень красивыми, очень дорогими туфлями.

Я подняла глаза на Хока.

— Я не понимаю, — прошептала я.

— Это те туфли, которые ты хотела? — спросил он.

Я моргнула.

— Да.

— Теперь они твои.

Мне потребовалось произвести усилие, чтобы глотнуть воздуха.

— Ты купил их мне? — спросила я, поскольку мой мозг отказывался это признавать. Сигнализация. Кнопки тревоги. Ремонт двери. Туфли, которые стоят больше семисот долларов.

Что происходит?

— Ты хотела их, — ответил он, словно это было так просто.

Я почувствовала, что моя голова прояснилась.

— Как? Почему?

— Детка, ты собираешься их надеть или что?

— Как? Почему? — повторила я.

Он вздохнул.

— Твоя подруга сказала, что ты отложила туфли. Я знаю, где работает твоя подруга. Я послал свою девушку, чтобы она ее нашла. Она нашла твою подругу, которая принесла их, и я купил, теперь они твои.

Он перестал говорить, поэтому я подсказала:

— Это как, что, почему?

— Гвен, ты хотела их?

— Эти? — спросила я.

— Да, эти, — подтвердил он.

— Я также хочу собственный тропический райский остров, — сказала я ему. — Ты тоже купишь его для меня?

Недовольное выражение пропало, и его губы дернулись.

— Для этого потребуется некоторое время.

Я смотрела на него во все глаза и у меня в животе запорхали бабочки, сердце в груди, словно выросло на пару размеров и угрожало вырваться наружу, а также запершило в горле.

Я вынуждена была отступить.

— Даже не знаю, что и сказать.

— Ничего не говори, — ответил он. — Просто надень эти чертовы туфли, чтобы мы могли пойти поесть. Я голоден.

— Ладно, — прошептала я, вытащила стул, села, отстегнула ремешок черных босоножек и обула мои новые, серебряные, из змеиной кожи, охренительные туфли на платформе от

Джимми Чу.

Они мне понравились с того раза, когда я примерила их в Nordstrom. Абсолютное совершенство.

Я сидела в стильных туфлях, вытянув одну ногу, решив, что нашла рай на земле, но Хок вдруг сказал:

— Ты будешь сидеть здесь и глазеть на эти туфли следующее десятилетие, или ты собираешься передвинуть свою задницу в мою машину?

Я подняла голову, на моих ногах красовались туфли от Джимми Чу, поэтому Хок своим высказыванием совершенно меня не раздражал.

— Я собираюсь смотреть на них десятилетия, — ответила я, улыбаясь.

Его взгляд еще больше стал сексуальным и напряженным, мое сердце увеличилось в своих размерах еще больше, он сказал:

— Детка, быстро, черт побери, сваливаем отсюда, давай.

Все еще улыбаясь, я встала, схватила клатч и палантин со стола и подошла к нему в своих новых туфлях от Джимми Чу, Хок не сводил с меня глаз.

Я остановилась точно перед ним, положила руку, сжимая палантин, ему на грудь, и наклонилась к нему.

— Спасибо, Хок, — прошептала я, не зная, что еще сказать. Одного «спасибо» было недостаточно, чтобы выразить мои настоящие чувства, но хоть что-то я должна была сказать. И совершенно не из-за того, что он купил мне красивые, стильные туфли, которые я безумно хотела, а потому, что он услышал, как Трейси между прочим упомянула их, и он послал свою девушку, чтобы купить их для меня. И еще из-за того, что ко мне вломились в дом, но он поставил новое стекло в дверь и установил сигнализацию. И он всегда оказывался рядом, чтобы как-то защитить меня, и благодаря ему и усилиям моего отца, а также Дога, пожар, начавшийся в гостиной моих родителей, не перекинулся на весь дом, и ему удалось спасти мой ноутбук.

«Спасибо» явно было недостаточно, поэтому я привстала на носочки и коснулась губами его уст.

В ту же секунду, как только я это сделала, его руки крепко сомкнулись вокруг меня, прижимая к телу, и его язык вторгся в мой рот, и мое прикосновение к его губам превратилось в полномасштабное, суперсексуальное, ведущее к сексуальному-по-моему-со-всеми-вытекающими-последствиями-поцелую-на-моем-деревенском-столе.

Клатч и палантин упали на пол, потому что обеими руками я обнимала его за шею, прижимаясь всем своим телом, одна его рука упиралась мне в спину, другая — уже скользнула в разрез на спине вниз, накрыв половинку моей задницы, кожа к коже (на мне были одеты стринги — это однозначно умный ход с моей стороны, поскольку трусики выделялись своей резинкой через платье, и его теплую, сильную руку, обхватывающую мой зад, я чувствовала чертовски здорово) и вдруг я услышала, как мой отец, прочищает горло.

Я дернулась, голова Хока тут же повернулась в сторону двери, его рука выскользнула из-под моего платья, но мои руки так и застыли на его плечах, и я прижималась по-прежнему к нему всем телом.

Медленно, моя голова повернулась, и я увидела, как мой папа вошел в кухню, опустив глаза в пол с небольшой улыбкой на губах.

О Боже мой. Мой отец видел, как я обжималась с Хоком. Как рука Хока пребывала в моем платье, поглаживая меня по заднице.

Убейте меня. Кто-нибудь убейте меня сейчас же.

— Мередит забыла открывалку, — пробормотал отец, подходя к ящикам.

— Мы можем припоздниться, — ответил Хок, все еще не отпуская меня, — или вообще не прийти.

О Боже мой.

Я тут же посмотрела на него соответствующим взглядом, но он пропустил мой намек, смотря поверх моего плеча на отца.

— Хорошо, — пробормотал отец, повернувшись спиной к двери, в тот момент, когда Хок наконец-то меня отпустил, отступая назад и подхватывая мой клатч и палантин. — Проведите хорошо время, — произнес папа, выходя из кухни.

— Увидимся, па, — произнесла я, словно меня душили.

Хок развернул меня к себе спиной, и я почувствовала, как мой палантин опустился мне на плечи.

Затем он повернул меня к себе лицом и протянул мне клатч.

— Вот это и случилось, — прошептала я.

— Да, — ответил Хок, схватив меня за руку и потянув к двери.

— Мой отец увидел, как мы целуемся с твоей рукой у меня на заднице, — добавила я уточнение, чтобы быть уверенной.

Хок открыл входную дверь и вытащил меня на улицу, повторяя:

— Ага.

— Ну, по крайней мере, у меня теперь есть Джимми Чу, до того, как я сыграю в ящик. Теперь в этих туфлях ты можешь отвезти меня до ближайшего железнодорожного переезда, и я готова буду броситься под поезд.

Хок по-прежнему удерживал меня за руку, пока мы спускались вниз по слегка покосившимся ступенькам, направляясь к воротам, выводившим со двора, не переставая хихикая.

— Я не вижу ничего смешного, — сказала я, стоило ему поднять засов на воротах, пропуская меня вперед.

— Детка, ты же была замужем, и твой отец знает, что ты не девственница.

— Да, но...

— И он знает, насколько я отличный парень, потому что познал этих парней на своей собственной шкуре, и он знает, что я не отношусь к его дочери, как к шлюхе, целуя ее и кладя руку ей на задницу, не говоря уже о других вещах.

— Ты можешь говорить об этом по тише, — попросила я его.

Сигнализация на Camaro замигала, открывая двери, он полностью игнорировал мое замечание.

— Ты думаешь, он выжидал, прежде чем уложить твою мачеху в постель, предпочитая сначала надеть ей кольцо на палец, ты сильно ошибаешься, детка.

Он запихнул меня в машину, я закрыла уши руками и начала петь: «ла-ла-ла», несмотря на то, что я пела, я слышала его глубокий мужской смех.

Хок хлопнул моей дверью, я пристегнулась, *пришло время двинуться вперед.*

Он сел рядом, торпеда Camaro загорелась огоньками, и мы медленно съехали с обочины. Красота.

Хок вел машину молча, поскольку он продолжал молчать, я решила заполнить тишину

разговором.

— Сигнализация установлена.

— Я знаю.

— Смоки объяснил нам, как ею пользоваться, — продолжила я.

Молчание, потом он спросил:

— Смоки?!

— Один из твоих многочисленных начальников командос.

— Мой начальник командос?

Я повернулась, чтобы взглянуть на него.

— Да. Парень, похожий на испанца, который руководил работой.

Еще один раунд молчания, потом Хок расхохотался.

— Что смешного? — спросила я.

— Смоки, — ответил он сквозь смех.

— Э... да. Смоки. Он так представился.

Он перестал смеяться, продолжая ухмыляться, сказал:

— Детка, он чертовски над тобой подшутил. Его имя не Смоки, а Хорхе.

Я уставилась на него.

— Он не Смоки?

— Неа.

— Может это кличка или что-то еще?

Раздался краткий смешок.

— Неа.

— Зачем тогда он мне сказал, что его зовут Смоки? — спросила я.

— Ему видно понравилась сама идея, и ты могла поверить ему и действительно поверила, скорее всего он нашел это забавным.

Я скрестила руки на груди.

— Ну, у тебя имеется парень по имени Фанг. Тебя зовут Хок, так почему я должна не верить ему, что его зовут Смоки?

— Фанг, безусловно, Фанг, я — Хок.

К несчастью для него, Фанг наверняка был для него Клыком.

— Нет, — заявила я, поворачивая к нему голову, — ты Кейб Дельгадо.

— Я пользовался именем Кейб Дельгадо, Гвен, но всякое бывает в жизни, и этот человек еще сидит во мне, но сейчас я не он.

Интересно.

— Что это значит? — спросила я.

— Ты все еще заполняешь свой список плюсов и минусов? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Плюсы победят, Душистый Горошек, и неопределенность станет определенностью, тогда я скажу тебе, что это значит.

Теперь я хотела узнать, что *это* значит.

Я решила, что лучшее, что могу сделать в данной ситуации, пока опуститься этот вопрос.

Я посмотрела в лобовое стекло и сменила тему.

— У тебя есть девушка?

Странное напряжение наполнило салон машины, и исходило оно от Хока, он

переспросил:

— У меня есть девушка?!

— Девушка, которая купила мне туфли, — пояснила я, мне даже стало боязно на него смотреть из-за странной возникшей скованности между нами.

Напряженность испарилась — *пфф!* — словно никогда и не было, он легко ответил:

— Да, у меня есть девушка.

Хм... *странно!*

Я нерешительно подалась вперед.

— Что за девушка?

Хок ответил типично общими словами:

— Секретарь, администратор девушка.

Хм... любопытно.

— Как ее зовут?

— Эльвира.

Я повернулась, снова взглянув на него.

— Эльвира?!

— Да.

— Она хозяйка вашей секретности?

— И она определенно не в духе.

Мда.

— И часто она не в духе? — спросила я.

— Она работает с тринадцатью парнями, которые вырабатывают повышенный уровень тестостерона и работают в экстремальных ситуациях, и она хочешь не хочешь имеет к ним отношение, но она женщина со своими эмоциями, переходящими в плохое настроение, да, она часто бывает не в духе.

Он слишком много за один раз выдал мне информации, поэтому я решила уточнить:

— У тебя работают тринадцать парней?

— Да.

— Звучит, так словно ты *нанял* тринадцать парней?

— Тринадцать парней и девушку, да.

Мда.

— И эти парни производят повышенный уровень тестостерона и работают в экстремальных ситуациях? — продолжила я допытываться.

— Да.

О, парень.

— Каких экстремальных ситуациях? — спросила я, но до конца не была уверена, хочу ли знать.

Он положил руку мне на бедро и нежным голосом сказал:

— Душистый Горошек, поверь мне, неведение — благо с моей работой.

О, парень. Я оказалась права — я не хочу ничего знать.

Время переключиться на что-нибудь другое.

Я взглянула в ветровое окно.

— Итак, эмоции, переходящие в плохое настроение?

— Однозначно.

— Ты думаешь, я тоже подвержена этому.

— Наверняка.

— Ты хочешь сказать, что я не в духе?

Его рука на моем бедре сжалась, он весело ответил:

— Детка.

Хм!

И продолжил:

— Сегодня я смог улучшить плохое настроение Эльвиры, отправив ее в Nordstorm, купить туфли, которые стоили, как подержанный автомобиль, но я смог заставить тебя впервые поцеловать меня в ответ.

Я повернулась, взглянуть на него.

— Я тебя поцеловала сначала.

— Нет, ты поцеловала меня в ответ. Я поцеловал тебя сначала.

Это было правдой.

— План на туфли возрастает на будущее, Душистый Горошек, — пробормотал он и мой живот стал мягким опять, поскольку в нем кружили бабочки, но мое сердце снова увеличилось и вернулось першение в горле.

Поэтому даже не задумываясь, я объявила:

— Именно это меня и пугает.

Он посмотрел на меня, потом посмотрел на дорогу.

— Что именно?

— Ты такой милый, щедрый и сладкий. Щедрый, представляя свою дальнейшую жизнь... и такой милый и сладкий. Это меня пугает.

— Почему? — спросил он.

— Это никак не связано с нами, — ответила я.

— Это напрямую связано с нами, и ты хочешь, чтобы мы были, Гвен, — ввернул он.

— Я не уверена, — соврала я.

— Ты несешь полную чушь, детка, — он назвал меня опять этим прозвищем. — Я знаю, что ты хочешь притвориться, словно меня не было на ужине твоих родителей прошлой ночью.

Ой, черт побери. Мы вернулись к тому же.

— Я же сказала тебе, что все выдумала, — соврала я опять. — Мередит относится к романтикам. Она упала в обморок, познакомившись с папой, поскольку поняла, что он мужчина ее мечты, бросив на него *единственный взгляд*, она поняла. Она любит меня и хочет, чтобы у меня произошло точно такое же, чтобы я встретила мужчину своей мечты, поэтому я рассказала ей эту историю.

Его рука по-прежнему была у меня на бедре, и он, перемещая ее, совершенно спокойно заявил:

— Гвен, Душистый Горошек, ты не просто так все это говорила, ты верила в каждое слово, которое произносила.

— Неа, — ввернула я.

Он остановил машину, и я увидела, что мы припарковались у «Тамайо» на площади Лаример, на окраине делового центра Денвера, известного под другим названием — Ледо. «Тамайо» отличался блестящей мексиканской кухней. «Тамайо» был необычным, в нем были великолепные коктейли и гуакамоле, доказывающие, что Бог все же существует. В «Тамайо» была великолепная фреска на стене бара и терраса, залитая солнцем. «Тамайо» по

всем параметрам был просто удивительным. (*Гуакамоуле — закуска из пюре из мякоти авокадо. Имеет консистенцию густого соуса (пасты). Блюдо мексиканской кухни.*)

Я перевела на него взгляд именно в тот момент, когда его глаза обратились ко мне.

— Не стоит, — негромко приказал он.

— Не стоит что? — спросила я.

Он поднял руку, обхватив меня за шею, и притянул к себе.

— Не порть то, что ты говорила вчера вечером.

Вдруг я поняла, что это важно для него, даже не чуть-чуть, а достаточно, настолько важны для него мои слова, что, если честно, я не знала, что с этим делать, и во всем этом бардаке меня что-то страшно пугало.

— Хок..., — прошептала я, и его рука соскользнула с моей шеи к моему подбородку, прижав палец к моим губам.

— Не надо, — повторил он.

— Ладно, — прошептала я в его палец.

Он опустил руку и отстегнул мой ремень безопасности, вышел из машины. Он открыл дверь с моей стороны, прежде чем я смогла ступить на тротуар в Джимми Чу. Он взял меня за руку, помог выйти из машины, продолжая сжимать свою руку, и мои новые Джимми Чу вместе с Хоком двинулись в сторону «Тамайо».

Глава тринадцатая.

Определенно пропустили

Я проснулась, слыша вдалеке голос Хока, он разговаривал по телефону.

Я открыла глаза.

Я находилась в постели Хока.

Я подложила руку под щеку и закрыла глаза, тут же вспоминая предыдущий вечер.

Все и всего было много.

Во-первых, в «Тамайо» имелись коктейли под названием *Tamayopolitans*. Ананас, настоящий на текиле, с клюквой и гуавой. Вкусные. Освежающие. *Но очень опасные.*

Я фактически не пила ничего, кроме *Cosmo*, но если коктейль оканчивался на — *политен*, то *Tamayopolitans* был однозначно моим напитком.

И таких коктейлей было не мало, также как и большого количества еды, и я очень много *говорила*.

Обмен мнениями с Хоком начался еще во время нашей поездки в машине. Впрочем, весь мой разговор состоял из того, что Хок задавал вопросы, а я отвечала. Он итак знал обо мне все, но создалось впечатление, что он хотел узнать *еще больше всего* обо мне, и он спрашивал меня о моей маме, и я отвечала ему, что Мередит была мамой, самой лучшей мамой, фактически она не просто была лучшей мамой, но она *сделала это*. Он также спрашивал меня об отце, и я рассказала ему все о своем отце, все, почему я любила его и все, почему он был для меня отличным отцом (вроде бы я придерживалась одной темы, но оказалось, что двух). Поскольку тема моего отца напрямую касалась и Мередит. С Джинджер, все, было по-другому, хотя я поделилась с ним, несмотря на то, что особой любви в нашей семье к ней не было, но она все же была моей сестрой, и я бы никогда не отказалась от надежды, что мы преодолеем с ней вместе все ее дерьмо. По крайней мере до сих пор, я именно так и думала.

Хок интересовался Кэм, Лео и Трэйси на моем четвертом Тамауоролитан, разделяя его «опущение» Троя, и что я обеспокоена тем, что сейчас Трой переживает мое разоблачение, и то, что он исчез из моей жизни, и я скучаю по нему, особенно, если он покинул меня навсегда.

Хок также смеялся, когда я рассказывала анекдот или смешную историю, а я смеялась вместе с ним, когда он вставлял какой-то забавный комментарий.

И, наконец, он внимательно слушал все, что я говорила. Он был сосредоточен только на мне. Это было похоже, словно любое слово, выходящее из моих уст, напоминало кусок головоломки, которая являлась для него смыслом жизни, и он складывал эти кусочки, надеясь, что собрал их все. Ему было спокойно и комфортно рядом со мной, и тот факт, что ни одна женщина, проходившая рядом с нами, никак не отвлекала его внимание от меня, мне показался хорошим знаком, поскольку я ощущала себя рядом с ним просто *реально очень хорошо*.

Разговор тек легко и весело, еда была отличной, напитки поставлялись в изобилии, рядом со мной сидел горячий и забавный мужчина, все удалось и... у меня были просто сказочные туфли.

Это было лучшее свидание в моей жизни.

После шести бокалов Тамауоролитан, последовала вторая часть предстоящей ночи.

Мы ехали в Самаго, мотор урчал по улицам Денвера, я задавалась вопросом, где ночь застигнет нас, в каком уединенном месте, я начала фантазировать о продолжении трепетного свидания, когда зазвонил телефон Хока. Он взял трубку, сказал несколько слов, перевернул телефон и сообщил:

— Надо заехать на базу, детка, мне нужно быстро взглянуть на одну ситуацию. Срочно. Ты сможешь немного побыть в моем офисе?

Я ту же подумала: *«Боже мой! Я увижу его базу!»*

И поскольку я была слегка пьяна, я совсем не могла скрыть своего волнения, хотя слово, которое я выбрала для ответа, было — *«Конечно»*, но прозвучало оно бодро и явно открывало мой интерес. Я поняла это, когда между прочим взглянула на него, Хок улыбался.

Он заехал в подземный гараж высотного офисного здания в центре города, повел меня к лифтам, мы поднялись на четырнадцатый этаж. Двери лифта открылись и перед нами предстало фойе, с разветвляющимися коридорами в обе стороны. Хок двинулся направо, потом еще направо и дальше по коридору, остановившись перед дверью с номером два, воспользовавшись ключ-картой, чтобы войти внутрь.

Я вошла за ним и замерла как вкопанная.

Мгновенно охладившись.

Центр командос!

Окна на противоположной стене были затемненными, даже на фоне вечернего горизонта. Передо мной на возвышении, как в театре, были трехуровневые подиумы с четырьмя рабочими местами на каждом, со всевозможными ручками и кнопками, телефонами на консолях. За моей спиной находился ряд экранов, встроенных в стену дисплеями, наполненными какими-то действиями, людьми, местами и еще чем-то. Слева были три открытых помещения, все, кроме последнего на верхнем этаже, с окнами от пола до потолка, в которых четко было видно, кто там сидит. Справа было больше дверей — две, одна вела в большой конференц-зал с окнами от пола до потолка, другая дверь была без стекла.

Комната была наполнена спецназовцами, которых я уже видела и некоторых не видела, сидящих за рабочими местами, очевидно, ожидая прибытия Хока.

Среди них был и «Смоки».

— Привет, Смоки, — произнесла я, махнув ему рукой.

Коммандос опустил взгляд в пол и поплелся по направлению ко мне.

— Привет, Гвен, — ответил Смоки.

Я наклонила голову набок и громко произнесла:

— В следующий раз дурачь своим прозвищем кого-нибудь другого, я могу даже помочь тебе подобрать подходящее?

Еще больше раздалось шарканье ног, Смоки ухмыльнулся, и я слышала смешок Хока, когда он вручил мне ключ-карту и положил руку на низ спины.

— Детка, верхний офис, побудь там. Я заберу тебя, как только здесь закончу, — велел он, и я взглянула на него, когда он махнул головой в сторону затемненного кабинета.

Я кивнула и не задумываясь, мое тело и голова после шести Tamayopolitans задумываться явно не могли, а также мои ноги в туфлях Джимми Чу, которые он мне подарил, и мой живот, наполненный вкусной едой, которую он мне купил, и то, что я прекрасно провела время, сидя напротив него за столом, поэтому положила руку на его кубики пресса, поднялась на цыпочки и прикоснулась губами к его рту.

Потом двинулась по блестящему черному полу, немного покачивающейся походкой к указанной двери, не задумываясь воспользовалась ключом-картой, чтобы попасть в его кабинет, с кучкой коммандос, глаза которых следовали за мной с восхищением, а чьи-то с любопытством.

Войдя и включив свет, я очутилась в суперсовременном и абсолютно клинически чистом офисе Хока. Никаких фотографий на столе или комод. Ни одной медали на стенах. Никаких трофеев на полках или других блестящих вещей. Ничего личного. Стол совершенно пустой, никаких бумаг или файлов, ни карандашниц, блокнотов, даже не было компьютера, только телефон. Интерьер был черно, светло-серым, черная кожа и хром и девственно чистым, казалось, что врач может запросто провести здесь операцию. На стене имелось четыре телевизионных монитора, экраны ничего не отображали. Длинный черный диван у стены, два черных стула перед его столом с большими, высокими спинками. И это все.

Я раздумывала варианты, чем бы себя занять в офисе Хока, и решила написать смс-ки Кэм и Трейси о своем свидании, вместо того, чтобы рыться в ящиках его стола. Во-первых, если бы я начала рыться в ящиках, это было бы некрасиво, да, он вторгся в мою жизнь, но это совершенно не значит, что мне нужно ответить ему тем же. Во-вторых, и это было более важно, я подумала, что, возможно, у него здесь установлены тоже камеры, и все узнают, что я роюсь у него в столе, Хок бы страшно разозлился и совершенно не одобрил бы моего поступка.

Поэтому я села на диван и стала писать смс-ки Кэм и Трейси о нашем свидании, в ответ получая наряду с восторженными текстами, также и поучительные от Кэм, которая умоляла меня больше не пить.

Хок сказал, что у него займет немного времени, но видно ошибался. Прошло уже довольно-таки немало времени, во мне было шесть Tamayopolitans, живот был полон еды, и также две предыдущие ночи я спала мало, испытывая зашкаливающие эмоции от стрессов, включая то, что ко мне вломились в дом и на следующую ночь — поджог дома с помощью бомб, в итоге, я вырубилась прямо на диване.

Я проснулась, когда Хок поднял меня на руки.

— Я могу пойти сама, — промямлила я.

— Да? — спросил он, предложив:

— Может ты пойдешь сама по ровному асфальту на своих каблуках.

Он хотел отнести меня? Ладно, я полностью согласилась с его действиями.

Опустив лоб ему на ключицу и положив одну руку на плечо, а другую — на шею, пробормотала:

— Хорошо.

Он спустился со мной на руках вниз по ступенькам к уровням рабочих станций, и несмотря на то, что мы уже находились на ровном месте, он все равно не отпустил меня, а поставил на пол только перед лифтами. Коснувшись пола, я тяжело оперлась на него.

— Устала? — спросил он.

— Шесть Тамауоролитанс, — объяснила я, но как-то невнятно произнесла «Тамауоролитанс» в основном потому, что была сонной, но еще и потому, что была все еще пьяна.

Он усмехнулся и притянул меня ближе к себе.

Когда мы вошли в лифт, и я снова прижалась к нему, сказав:

— Твой разговор затянулся.

— По сообщениям с мест ситуация изменилась, мы вынуждены были прервать миссию, перегруппировать силы и вновь включиться в работу.

Все это было страшновато, мой рассудок отказывался переваривать, поэтому я подняла на него глаза, отклонив голову назад и посмотрела на него.

— Дай угадаю, я не захочу этого знать?

Он улыбнулся мне.

— Нет, ты не захочешь.

— Ты улыбаешься, — произнесла я. — Значит, жертв нет?

— Среди хороших ребят, нет, — ответил он.

Опять же, это было страшновато. Опять же, мой разум отказывался все это переварить, несмотря на то, что новость была хорошей.

Я опять прижалась щекой к его груди и пробормотала:

— Хорошо, понятно.

Он обнял меня, затем вывел из лифта, усадил в Самаро, где я снова уснула.

Последняя часть вечера — я проснулась, когда Самаро остановился и перестал урчать. Хок помог мне выйти из машины, у двери я поняла одну вещь — это был не мой дом, а чей-то еще, но меня совершенно это не волновало, потому что я хотела спать.

Поэтому пробормотала одно слово:

— Кровать.

— Сейчас все будет, Душистый Горошек.

Хок помог мне подняться по лестнице, при этом мы создавали много шума, и я с любопытством оглядывалась вокруг, но у меня не было сил все воспринять. Я заметила кровать, ощупью пошла к ней, снимая с себя маленькое черное платье и потрясающие туфли, упав лицом в подушку.

Сейчас было утро.

Вот черт.

Я убрала волосы с лица и осмотрелась по сторонам.

Я находилась на огромной кровати в здании, напоминающем пещеру, и когда я говорю пещеру, я имею в виду *напоминающем огромную пещеру*. И еще оно чем-то напоминало склад. Я видела дневной свет, льющейся из огромных трехъярусных окон от пола. Я увидела, что ночью выпал снег. И я поняла, что этот склад стоял одиноко среди белого снега, только большой ручей или маленькая река протекали недалеко от него. Потом я разглядела, что лежала на кровати с железным каркасом, не декоративным, а промышленного образца.

Я посмотрела вниз на ножки кровати, на широкие доски пола, и дальше вперед, где была большая стеклянная кабина с открытой дверью — ванная комната.

Моя первая остановка там.

Мои глаза переместились на пол, и я увидела свое платье и туфли от Джимми Чу, перемежающиеся с джинсами Хока, рубашкой и ботинками. Видно, этот вид мне понравился, потому что у меня в животе разлилось тепло и трепет.

О Боже, я попала в беду.

Придерживая одеяло на груди, я переместилась по кровати и нагнувшись потянулась рукой. Я хотела достать свое платье, но ухватилась за его рубашку. Потом я подняла ее и натянула себе на плечи. Отбросила одеяло, застегнула пуговицы и побрела в ванную комнату, наполовину ошеломленная из-за того, что мне удалось выспаться, поскольку у меня была спокойная ночь, а еще наполовину ошеломленная потому, что я была в логове Хока.

Ванная комната была хорошей, чистой, опрятной, утилитарной. Никаких личных штрихов, тех, которые присутствовали в районе кровати. Пушистые, мягкие темно-синие и темно-серые полотенца на сушилке и сложенные такие же на полках над унитазом. Тема темно-синего и темно-серого присутствовала в простынях и одеяле.

Я воспользовалась удобствами, вымыла руки. Потом стала рыться в аптечке, потому что, если вы не покопаетесь в чужой аптечке, то, вас фактически можно исключить из клуба девушек. Я же пропустила его рабочий стол, поэтому мне точно стоило порыться в его аптечке.

Зубная паста. Дезодорант. Нить. Крем для бритья. Бритвы. Две новые щетки. Стоп.

Я открыла новую зубную щетку и стала чистить зубы. Если он расстроится, что я воспользовалась его зубной щеткой, я куплю ему новую. Я не могу себе позволить купить туфли от Джимми Чу или нанять рабочих, которые доделали бы ремонт и сделали бы мою комнату пригодной для жизни, но я спокойно могу себе позволить купить зубную щетку.

Я прополоскала рот, умылась и вытерла руки. Затем я застегнула еще несколько пуговиц на его рубашке и засучила длинные рукава, вышла.

Как только я вышла из ванной комнаты, начала нервничать, потому что теперь все было по-другому. Теперь было совсем не так тогда, не так, как было раньше. Не так, как мы трахались или ругались все время. У нас было свидание. Он купил мне туфли. Он вынес меня из горящего здания. Мой отец не возражал, увидев нас в чувственных объятиях и поцелуе. Мередит думала, что он бомба. Я узнала, где он работал. Я познакомилась с кое-кем из его команды. То, что я говорила за ужином своим родителям было очень важно для него.

Теперь я находилась в его логове.

Мой разум анализировал эту информацию и еще кое-что, когда я подходила к лестнице и медленно застыла, услышав его на кухне, но пока не видя. Я рассматривала *напоминающее огромную пещеру пространство*. В гостиной посередине большой, широкий диван, два кресла по обе стороны, большой телевизор с плоским экраном и толстый ковер. Дальше внизу шли тренажеры с весами у противоположной стены, причем много различных

тренажеров: скамья, гири и блины, беговая дорожка, велотренажер, гребной тренажер, эллиптический тренажер. По диагонали, в дальнем углу письменный стол, открытое пространство, имеющее индивидуальность — документы и файлы, ноутбук на столе, видно, что он часто пользуется этим столом, и эта как бы «комната» была не такой, как все остальное. Кухня с большим в виде подковы баром и барными стульями вокруг, еще была столешница между двумя кирпичными колоннами перед гигантскими окнами, заставленная самой современной бытовой техникой. Также на цементном полу лежали огромные ковры, но в основном просто голый пол. Много ничем не застланного пола.

Господи, как черт побери, он обогревает это помещение?

Голова сама собой повернулась налево, и я прикусила губу, когда увидела под площадкой, на которой стояла кровать, пространство, наверняка принадлежавшее Хоку. От пола до верха заполненное полками, битком забитыми книгами и компакт-дисками. Здесь также было очень хорошее стерео. Потрепанное старое кресло с оттоманкой, не было никакой другой мебели или техники — новых, модных. Рядом с креслом стоял такой же древний стол. Позади кресла торшер на длинной ножке с затененным абажуром, свет от которого падал на кресло, чтобы можно было читать книгу. Потертый старый ковер на полу, настолько большой, что заполнял всю площадь. В конце стоял декоративный камин, который давал тепло, за стеклянной дверью лежал муляж дров. Это пространство было словно из другого мира, оно совершенно не соответствовало общей обстановки, но со стороны, казалось укромным местечком, уютным и притягательным.

Интересно.

Я рванула вниз по лестнице, больше не в состоянии выжидать.

Мои глаза встретились с ним.

Он был на кухне голый по пояс, с поднятой кружкой кофе и смотрел прямо на меня.

И в этот момент, я сдалась.

Плюсы перевесили минусы. Я больше ни в чем не сомневалась. Я была уверена... причем сильно.

Он мог быть властным и делал многое, что меня пугало и злило, но когда он был сладким, щедрым, сексуальным и открытым, это было гораздо лучше, чем даже в моих мечтах.

Однозначно.

А я была очень хороша в мечтаниях, я потратила много времени мечтая, поэтому создала самую лучшую мечту, которую когда-либо можно иметь.

Так что сама реальность превзошла все мои ожидания, и когда это случилось, мое решение стало просто незыблемым.

Я обогнула барную стойку и увидела его в полный рост, на нем были черные спортивные штаны с темно-серыми полосками по бокам, он был босиком.

Сексуально.

Я направилась прямо к нему, не останавливаясь, пока не прислонилась всем телом, обхватив его руками за талию и прижавшись лицом в его груди.

Потом я пробормотала:

— Утро, малыш.

Он скользнул свободной рукой вокруг меня, притягивая ближе и прошептал мне в волосы:

— Доброе, Душистый Горошек. Ты хорошо спала?

Я прижалась щекой к его груди и кивнула.

— Хорошо, — пробормотал он, стискивая меня в объятиях.

Я крепче обняла его в ответ.

— Кофе? — спросил он, я кивнула, снова прижавшись к его груди. — Какой ты пьешь?

Я отстранилась от его теплой кожи, и запрокинула голову назад, чтобы взглянуть на него, мои брови поползли вверх, смотря в его черные глаза.

— Ты не знаешь?

Уголки его рта дернулись.

— Нет.

— Сливки и половинка сахара.

В это раз его брови поползли вверх.

— Половинка сахара?

— Я слежу за своим сахаром, потому что ем замороженное тесто.

Он усмехнулся, на секунду его рука сильнее сжалась вокруг меня, и он продолжал смотреть на меня сверху вниз, и я видела, как его глаза становятся с ленцой. Я никогда не видела, чтобы его глаза были с ленцой. Это было сенсационно.

Затем он наклонился, прикоснулся губами к моим и отпустил меня.

Он передвинулся к кофейнику на столешнице, а я передвинулась к бару в виде подковы, прислонившись.

— Я воспользовалась зубной щеткой, — сообщила я ему.

— Хорошо, — ответил он, доставая кружку с полки, которые были прикреплены к кирпичной стене, здесь же была куча блестящей темно-синей керамической посуды, столовые приборы из нержавеющей стали свисали с крючков с нижней полки, а сверху висели сверкающие кастрюли и сковородки.

Думаю, он не настаивал на том, чтобы я купила ему новую зубную щетку, и взглянув по-новому на его оборудованную кухню, я пришла к выводу, что он не часто готовит и ест в своем логове.

— Ты передвигаешь мебель и играешь в футбол по субботам с твоими командос? — спросила я, разглядывая мышцы на его загорелой спине, пока он наливал мне кофе.

— Нет, — ответил он, и я услышала улыбку в его голосе.

— В регби? — продолжила я допрос.

Он повернулся к холодильнику, открыл, повторив:

— Нет.

— Пейнтбол?

Он достал молоко, закрыл холодильник и посмотрела на меня через плечо, улыбаясь.

— Нет.

— Хмм, — пробормотала я.

Он принес мне кофе, уперся бедром в столешницу, наши тела соприкасались.

Я отхлебнула свой кофе, он сделал то же самое со своим.

Кофе был вкусным.

— Ты делаешь хороший кофе, — поделилась я.

Он молчал.

Я отклонила назад голову, чтобы взглянуть ему в глаза.

— И ты чистюля.

Он нахмурился.

— Я чистюля?

— Твоя ванная комната чистая, нет разбросанных по всему полу обтягивающих футболок и сваленных в кучу спутанных штанов карго, даже под кроватью, а также запасов оружия и боеприпасов, очевидно, все убрано.

Он улыбнулся и ответил:

— Дом в беспорядке ведет к беспорядочным мыслям и к жизни в полном бардаке, детка.

Это было правдой. Этому научил меня отец, и это было важно, чистота стала принципом моей жизни, вот почему моя гостиная сводила меня с ума.

— Я не могу представить, чтобы ты что-то убирал, — добавила я.

— Я и не убираю. Джанин делает это.

— Джанин?

— Убирается здесь и на базе. Джанин следит за порядком, поэтому я могу сосредоточиться на другом дерьме.

— Хмм, — пробормотала я.

Он мог нанимать много людей. Он водил Самаро верхнего ценового диапазона. Он устанавливал сложные системы сигнализации. Он мог позволить себе купить дорогие, дизайнерские туфли. Он мог отапливать пещерообразный склад и ходить босиком, с голым торсом и мне не было холодно всего лишь в одной его футболке и стрингах.

— Ты живешь в здании старого склада, — добавила я указав на очевидное.

— Да, — согласился он.

— Это *большое* пространство, Хок.

— Да, — опять согласился он.

— Огромное пространство, — добавила я.

Он усмехнулся и сделал глоток кофе. Я последовала его примеру.

Опустив кружку, он заявил:

— Мне не нравится замкнутое пространство. Необходим простор.

Интересно.

— Ну, ты понял, о чем я.

Он снова усмехнулся, поставил свою кружку с кофе, затем забрал из моих рук, поставив ее на столешницу, и встал передо мной, его руки заскользили по моей талии вверх по спине, обволакивая и притягивая к нему.

Я положила руки ему на грудь и подняла на него глаза.

— Ты такая милая утром, — сказал он мне.

— Я?

— Милая и сладкая.

— Мм, — пробормотала я, он видно думал, что я всегда была жаворонком. Хотя я тоже сова. Вернее, я могу быть и совой, и жаворонком в одном лице, просто все зависит от стрессов и плохого настроения.

Одна его рука оставила мою спину, и я заметила, как его глаза становятся более возбужденными, пока он изучал мое лицо.

Затем он сделал нечто прекрасное, нечто удивительное, нечто такое, что, если бы у меня по — прежнему были сомнения, они бы тут же рассыпались.

Он нежно скользнул костяшками пальцев по моей щеке, пробормотав:

— Полтора года. Бл*дь, упустили.

Мой живот стал мягким и затрепетал.

Да, безусловно, затрепетал.

— Хок, — прошептала я, и его рука накрыла мой подбородок.

— Ты доделала свою работу?

— Что?

— Ты расслабилась вчера вечером, у тебя прошел стресс, как у тебя с твоей работой?

— Хм..., — промямлила я, совершенно не желая думать о работе, о жизни и обо всем, чем угодно, потому что хотела только эту реальную мечту.

Хок продолжил:

— Мне нужно кое-что сделать сегодня утром, ребята будут здесь через несколько минут, но я хочу, чтобы ты была здесь, когда я вернусь.

Я смотрела ему в глаза.

О Боже мой.

Ура! Он снова хотел увидеть меня в своем логове, когда вернется!

Мое сознание тут же переключилось на работу.

Ой, черт.

Фи! Я должна вернуться домой и доделать все.

Но я таяла в его руках, в нем самом и мои руки заскользили по его груди к шее.

— Один из моих дедлайнов сегодня. Я почти закончила, но мне еще нужно кое-что сделать, — его рука сжалась, и я продолжила совсем тихо, немного побаиваясь, немного с надеждой в голосе, но я же приняла решение по поводу него, поэтому он должен был знать, хотя меня это и пугало до чертиков. — Я хочу быть здесь, когда ты вернешься, детка, но я всегда выполняю свои сроки. Обещания, которые я даю своим клиентам и...

— Детка, — перебил он меня, — *это круто*.

— Я хочу быть здесь, — повторила я, чтобы точно понять, что он меня услышал, хотя и говорила шепотом.

Его рука на моем подбородке, отклонила мою голову назад, и он придвинул ко мне свое лицо.

— Я займусь этим, Душистый Горошек, — прошептал он в ответ, — мне нравится.

Он услышал меня, и ему понравилось.

Я облизала губы и кивнула.

Он прикоснулся губами к моим, потом приподнял на дюйм голову и сказал:

— Я уеду с ребятами, позвоню Фангу. Ты не торопись, сходи в душ, поешь, делай, что хочешь. Он будет здесь через тридцать минут и отвезет тебя домой. Я оставлю ключ, ты забереешь его с собой. Код сигнализации — три, три, шесть, четыре. Когда ты все сделаешь, приезжай.

— Ладно, — согласилась я с готовностью.

Он обнял и притянул ближе к себе, и его рука передвинулась в мои волосы, а я наблюдала, как его глаза становятся более жаждающими.

— Мы прошли испытание свиданием, детка. Определенно. Даже больше, поскольку я вчера наблюдал, как ты была в этом платье, в этих туфлях, а потом практически вырубилась голая в моей постели, прежде чем мы перешли к играм. План на этот вечер будет более энергичным.

Вау.

— Хорошо, — выдохнула я, в этот раз у меня получилось легко.

Он улыбнулся своей улыбкой, не отрывая от меня голодных глаз, прижимаясь всем телом.

Ням-ням.

Мои пальцы заскользили по его волосам, я поднялась на цыпочки, не отрывая взгляда от его губ.

Поэтому я видела, как его губы произнесли слова:

— Определенно пропустили.

Потом он поцеловал меня, жарко, горячо с языком, его рука опустилась на мою задницу, притягивая мои бедра, я вцепилась в него, обхватив его ногами за талию.

Он разорвал поцелуй с разочарованием рыкнув и мне так это понравилось, это заставило меня еще больше прижаться к его телу, дотронувшись своим губами до его губ, потом я отодвинулась, а потом еще раз чмокнула, а потом... его зубы слегка прикусили мою нижнюю губу.

Хм... приятно.

— Хок, — прошептала я, по-прежнему держась за него.

— Детка, отпусти, я потеряю клиента и не смогу купить тебе удивительную обувь.

Я задумалась над его словами — обувь против секса с Хоком в его пещерообразном складе.

Но я продолжала хвататься за него.

Он улыбнулся, вновь коснувшись меня губами, затем поставил на пол и отступил назад. Я передвинулась, опершись спиной на барную стойку, пытаюсь сдерживаться, он поднял руку и провел указательным пальцем по коже моего подбородка.

Ммм... приятно!

— Позже, — пообещал он.

— Хорошо, — ответила я.

Его рука двинулась к моей шее, но он отошел, покопался в ящике, достал ключ, толкнул по столешнице в мою сторону и шагнул к лестнице. Я наблюдала, как он добрался до верха, взяв кружку с кофе и сделав маленький глоток, он открывал и закрывал ящики в шкафу и одевался.

Я слышала, когда он сидел на кровати, обувая ботинки, когда подъехали машины за окном и побрела к лестнице, Хок уже спускался вниз. Он схватил меня за плечи, направляясь к двери под спальней, через которую мы попали в другое огромное пространство, заставленное машинами — Самого, черный внедорожник, мотоцикл, накрытый чехлом и еще оставалось достаточно места, чтобы поставить мой автомобиль, папин и еще чьи-нибудь.

Он взял тумблер, на подвесном кабеле, на котором были две большие круглые красные кнопки, нажал одну, массивные двери стали подниматься вверх, и я почувствовала холодный воздух с улицы, но я чувствовала его лишь секунду, потому что он повернул меня к себе, мне удалось увернуть от него свою кофейную кружку, и поцеловал меня горячим поцелуем.

Он поднял голову и пробормотал:

— Энергичный вечер.

— Хорошо, — ответила я, он усмехнулся, пока я провожала его взглядом легкую походку в сторону одного из трех внедорожников, командос, сидевший за рулем, вышел и направился к двери рядом с водителями с другой стороны, пока Хок садился за руль.

Я стояла на морозе, в одной рубашке, с блестящей, темно-синей кружкой кофе,

совершенно не стесняясь своего вида, потому что была такой счастливой, что моя мечта осуществилась, поэтому помахала рукой спецназовцам, когда они стали отъезжать.

В ответ никто из них мне не помахал, хотя я заметила пару улыбок, а один кивнул головой.

Я схватила тумблер, нажала кнопку и двери кряхтя стали ползти вниз, я же отправилась вглубь логова Ястреба.

* * *

Я застилала кровать Хока, когда кое-что случилось.

Зазвонил телефон, конечно же я не взяла трубку.

Потом включился автоответчик на массивной из темного дерева тумбочке. Электронный голос попросил звонившего оставить сообщение и звонивший оставил-таки сообщение.

Когда я услышала женский голос, я застыла с подушкой в руках, которую взбивала.

— Хок? — раздалось нерешительно, как бы взвешивая стоит или не нет продолжать. — Дорогой, я надеюсь, с тобой все в порядке. Ты не пришел вчера вечером, а по четвергам ты у меня, — на том конце провода помолчали. — Я надеюсь, ты не будешь возражать, что я позвонила, — потом видно решила продолжить: — Но я волнуюсь. Ум... Позвони мне, хорошо? — опять помолчали, потом быстро добавили, — чтобы я знала, что с тобой все в порядке. — Снова тишина. — Хм... ладно... пока.

Раздался какой-то шорох, потом она повесила трубку и воцарилась тишина.

Я стояла с подушкой в руках, уставившись на автоответчик, и что-то неприятное стало образовываться у меня в желудке.

По четвергам он у нее?

По четвергам?!

Что, черт возьми, это значит?

Она принимала его по четвергам. Вчера был четверг, и она ждала Хока.

Она встречалась с ним в четверг.

Что-то в моем желудке стало подниматься к горлу и рот наполнился кислотой.

Глава четырнадцатая.

Затычка

Фанг бездельничал на обочине тротуара, пока я устало тащилась после бурной ночи все в той же одежде, совершая свой путь позора домой. На самом деле не устало тащилась после бурной ночи, поскольку никто не видел меня утром в маленьком черном платье и сногшибательных туфлях, чтобы понять у кого я провела ночь.

Фанг, к моему счастью, не был мастером общения. С одной стороны, это было хорошо и плохо одновременно, потому что всю дорогу от логова Хока я не могла перестать думать о звонке той женщины. Хорошо, потому что я полностью отдалась своим мыслям, пытаюсь разобраться со всем этим дерьмом, и плохо, потому что я не хотела об этом думать и не могла выяснить, как разобраться во всем.

Я открыла дверь и увидела Мередит, Камиллу, Трейси и миссис Мэйхью, сидящих в моей гостиной и попивающих кофе. Чехлы с мебели сняли, полы подмели, слой пыли с

поверхностей исчез, а также исчезли инструменты и средства для ремонта. Правая сторона гостиной было тоже убрана, но пуста. Заглянув через стеклянные двери в мою пустую комнату, я увидела составленные тюбики и банки со сложенными инструментами. Стены по-прежнему нуждались в обработке, полы отполированы, обкладку камина заменили, также как и светильники, но, по крайней мере, теперь это напоминало гостиную.

Господи. Десять часов утра, а Мередит все сделала.

Взглянув на женщин, я поняла, насколько их люблю. Я любила их всех. И мне очень нравилось, что Мередит удалось привести в порядок мою комнату, которая теперь выглядела как настоящая гостиная.

Но я хотела тесто для печенья. Я хотела побыть в одиночестве вместе с тестом для печенья.

Причем *много* теста.

— Привет, — произнесла я.

— Хорошо провела ночь? — просияла Мередит.

— Хм..., — промямлила я.

— Какое милое платье, — похвалила меня миссис Мэйхью.

— Спасибо, миссис М, — входя ответила я, думая о том, что сказала миссис М, хотя я была одета в милое платье, придя домой в вечерней одежде, просто кричавшей *иллюха!*

— Слышала, ты кое-кого поймала на крючок, — отметила она, улыбаясь огромной улыбкой.

Ну, я боюсь, что это я попалась *ему* на крючок.

— Хм..., — пробормотала я снова.

— Ты в порядке? — спросила Кэм, внимательно разглядывая меня.

— Эм..., — пробормотала я опять.

Все женщины неотрывно сосредоточились на мне, но я не могла говорить.

Кэм поднялась.

— Хорошо, — сказала она бойко, вскакивая с дивана. — Душ, штаны для йоги, вперед! — приказала она и захлопала в ладоши, двигаясь ко мне, подталкивая меня к лестнице наверх к моей комнате.

Я обернулась на нее в дверях в ванную комнату. Кэм была одного роста со мной, длинноногая и худая, с хорошей задницей и не большой ложбинкой между грудями, не стоит об этом рассуждать, это неважно, потому что она вся была утонченной, от нее замирало сердце и была великолепной. Большие миндалевидные глаза, пухлые губы, шикарные скулы, изящный подбородок, совершенно правильной формы брови. В ней присутствовала экзотика, афро-американской девушки инь, в отличие от Трейси, которая была янь. Все это создавало у меня комплекс, поскольку две моих лучшие подруги были сродни моделям, дефилирующим по подиуму, но я научилась контролировать свое чувство неполноценности обильным употреблением Cosmo и магазинами для поднятия своей уверенности, когда выходила куда-нибудь вместе с ними.

— Кэм, — сказала я.

— У тебя снесло крышу, — перебила она меня, читая, как обычно, словно книгу.

Нет, конечно, но я была немного загадочной.

— Кое-что произошло, — сказал я ей. — Ну, много чего-то произошло, но...

— В душ, детка, я сварю кофе и буду ждать тебя в кабинете вместе с Трейси. У тебя есть пятнадцать минут, — она повернулась и пошла к лестнице.

Мне много чего нравилось в Кэм, но одно из лучших ее качеств было и остается, когда моя жизнь делала крен и выходила из-под контроля, она проявляла свою удивительную способность контролировать ситуацию и принимать правильные решения.

Я отправилась в ванную, потом присоединилась к Кэм и Трейси, надев штаны для йоги, майку и толстовку с капюшоном на молнии, еще не успев высушить волосы.

Трейси протянула мне кружку с кофе.

Я взяла ее и скользнула взглядом по Кэм.

— Как ты смогла оставить Мередит и миссис М?

Я понимала, что это подвиг с ее стороны. Мередит была моей мамой во всем, она волновалась за меня, хотя мне тридцать три, даже в те моменты, когда не о чем было волноваться. Миссис М. была для меня бабушкой, и не только для меня, но и для любого ребенка в округе и не важно сколько лет этому ребенку тридцать три, три или шестьдесят три. Если этот человек моложе нее, она будет его бабушкой, всех кого я знала, естественно, были моложе нее, кроме ее подруги Ирмы, которая имела свидетельство с датой рождения еще с седых времен.

— Мне не пришлось их оставлять, — ответила Кэм. — Миссис М с Мередит поехали домой, чтобы встретить парня из страховой компании. Но я пообещала ей полный отчет.

— Ты не предоставишь ей полный отчет, — заявила я, садясь в свое офисное кресло и сделав глоток кофе.

— Конечно нет, — пробормотала она.

— Что у тебя с лицом? — спросила Трейси, и я взглянула на нее.

— А что с лицом?

— *Твоим* лицом, — ответила она. — Ты выглядишь... я не знаю, как ты выглядишь. Мне казалось, что свидание прошло замечательно. Прошлой ночью я получила от тебя двенадцать смс-ок, насколько все здорово. А теперь ты не выглядишь, словно свидание было настолько уж замечательным.

Я перевела взгляд к окну.

— Так и есть.

— Как? — спросила Кэм, и мой взгляд скользнул к ней.

— Звонила Четверг, — ответила я, глаза Кэм медленно закрылись, а на лице Трейси отразилось замешательство.

Я взглянула на Кэм. Кэм что-то знала.

— Звонила Четверг?! — переспросила Трейси.

Я проигнорировала ее вопрос.

— Кэм? — окликнула я, ее глаза открылись и в них была печаль, вид у нее был несчастный. — Кэм, — прошептала я.

— Ты сказала мне, что вы оба закончили свои отношения, — мягко сказала она.

Это была правда.

— Звонила Четверг? — уже нетерпеливо повторила Трейси, и я посмотрела на нее.

— Потрясающее свидание было лучшим, оно превзошло все мои самые смелые мечты. Он был нежным, интересовался всем, что я рассказывала, веселым, он купил мне туфли Джимми Чу, — сказала я ей, и ее глаза загорелись.

— Я знаю, приходила его леди Эльвира, забавная, кстати, она заставила меня поклясться, что я буду молчать, это *так здорово!* Он такой щедрый. Я предложила ей свою скидку, но она сказала «нет». Заплатила все кредитной картой компании. Круто! —

закончила восхищаться Трейси, подпрыгивая на диване.

— Да, круто, до того, как позвонила Четверг, — ответила я, и Трейси снова посмотрела на меня в замешательстве.

— Что за Четверг? — спросила она.

— Я не знаю, — ответила я, посмотрев на Кэм. — Но ты знаешь, не так ли?

Камилла посмотрела мне прямо в глаза, затем вздохнула.

А потом она заговорила:

— Кейб «Хок» Дельгадо имеет напряженный график, — заявила она. — На самом деле, он имеет не какие-то дела в сетке графика, а занимает весь график. Есть много таинственного, и ходит много слухов о его деятельности, но он Мистер График. Если что-то происходит в Денвере, он тут же узнает об этом и слухи говорят, что ему кто-то помогает, но никто этого точно не знает, поэтому никто не понимает, как он это делает. Кроме того, никто точно не знает, чем он занимается, все просто знают, что он очень занятой парень.

Я уже об этом догадалась и на данный момент меня это совершенно не волновало.

Поэтому я сказала:

— И?

Она глубоко вздохнула, и судя по ее выражению лица, то, что она собиралась мне сообщить, мне это не понравилось бы.

— Существует одна вещь, которая не имеет никаких тайн, когда дело доходит до Дельгадо и Его Дней.

— Его Дней? — повторила Трейси.

Кэм кивнула ей.

— Другими словами Его Женщин.

— Дерьмо, — пробормотала Трейси и перевела на меня взгляд, но мой взгляд был прикован к Кэм, пока я боролась, чтобы вздохнуть.

Потом я выдавила:

— Расскажи мне.

Кэм сжала губы и сказала:

— Прости, девочка.

У меня стало сжиматься горло, и это явно не от радости, как прошлой ночью.

— Поговори со мной, Кэм, — прошептала я.

Она сделала еще один глубокий вдох.

— Хорошо, Дельгадо как известно, у женщин пользуется успехом. Он занимается их проблемами и заносит их в расписание. Они приходят и уходят, но пока они с ним, они востребованы. Он собирает на них информацию, и никто не имеет права касаться их. Когда он заканчивает с одной, он уходит, заполняя график другой.

— Этого не может быть, — сказала я ей. — У меня нет *определенного* дня.

Кэм с трудом сглотнула. Не очень хороший знак.

— Что? — спросила я.

— Подруга..., — начала она.

Я наклонилась вперед и повторила.

— *Что?*

— Ты известна как Затычка.

О Боже мой.

— Я известна, как *Затычка*? — прошептала я.

Она кивнула.

— Он не прочь перегруппироваться, если какой-нибудь его женщины нет в городе и у него имеется свободное время в графике, тогда он приходит к тебе.

— Я известна как *Затычка*, — повторила я.

— Дорогая..., — прошептала Трейси.

— Кто знает, что я *Затычка*? — спросила я у Кэм.

— Гм..., — затем она немного колебалась, а потом сказала, — все сейчас знают.

— Все знают, — повторила я.

Она кивнула.

— Лоусон?

Она закусил губу и снова кивнула.

О Боже мой!

— Тэк? — спросила я.

— Возможно, — ответила Кэм.

Я посмотрела в пол. Потом еще одна мысль пришла мне в голову, и я снова посмотрела на Кэм.

— Она знала, — сказала я.

— Кто, детка? — спросила Кэм.

— Четверг, она знала. Она знала, какой у нее день, кем она была и зачем. Она знала *его имя и номер телефона*.

— Ну, и что..., — начала Кэм.

Я прервала ее.

— Мне кажется, если ты занесена официально в график, то тогда получаешь его контакты. Но *Затычка*, замещает кого-то, она всего лишь *Затычка*.

— Гвенни, милая, — прошептала Трейси.

Я вскочила со стула и закричала:

— Я не *верю* в это!

Камилла и Трейси тоже повскакали со своих мест.

— Гвен, милая, послушай меня. Сейчас речь идет не обычном его дерьме. Черт с ним с Его Днями, они касаются тех женщин, но не тебя, его ночные визиты к тебе это строго разграничивали. Он не встречался с ними, он просто с ними спал.

— *И?* — закричала я, грохая свою кружку на стол, кофе выплеснулось.

— И, вот и хорошо, что ты выплеснула, — быстро произнесла Трейси, моя дорогая, милая Трейси, как всегда надеялась на лучшее.

— Нет, это *не хорошо*, — вставила я. — Это *унизительно*.

И это было действительно унизительно. В глубине души ужасно унизительно. И самое худшее было такое чувство, что я попала впросак сама по собственной воле.

Опять!

Я подняла руки, скользнула пальцами в волосы и провела по ним.

— Я не могу поверить в такое. Я не знаю, что мне с этим делать, — сказала я, глядя в пол.

— Может, тебе стоит поговорить с ним, — посоветовала мне Кэм, и моя голова дернулась в ее сторону, я прищурилась.

— Ты *обкурилась*? — закричала я, и ее лицо скривилось. — Я *Затычка*, и все из-за этого графика знают об этом. Господи! — я распрямила волосы по бокам, повторяя: —

Боже мой!

— Детка, — мягко сказала Кэм, — успокойся.

Я снова подняла руки, прижимая ладони ко лбу и посмотрела на нее сквозь пальцы.

— Я хочу его, — прошептала я свой секрет.

— Тогда поговори с ним, — прошептала в ответ Кэм.

— Я хотела, чтобы он был особенным, — зашептала я.

— Подруга, — продолжала она тоже шепотом, подходя ближе, беря меня за руку, — поговори с ним.

— Чтобы он был особенным, он должен заставить меня почувствовать себя особенной. Мне не нравится, как я себя чувствовала со Скотти, — я слышала, как Трэйси хмыкнула, она уж точно знала, как я чувствовала себя со Скотти, они обе знали. — Но уж точно не хуже, чем я чувствовала себя со Скотти.

Кэм обняла меня, прижимая к себе, Трэйси тоже придвинулась к нам.

— Я сделала это сама, — прошептала я.

— Детка, — в ответ прошептала Кэм, Трэйси обняла меня за талию, прошептав:

— Дорогая.

— Мне хотелось верить, что я смогу прорваться, — прошептала я снова.

— Возможно, что ты прорвалась, — ответила Кэм.

— Думаю, у тебя все получилось, — продолжила Трэйси.

— Я держалась, надеясь прорваться, — продолжала я говорить, пока они молчали.

— Гвен, сделай вдох и не думай об этом, — посоветовала Камилла.

Я опустила голову и посмотрела на свои пальцы на ногах. Темно-ягодный лак — зимний цвет. Мне нужен летний. Мне необходимо солнце. Настало время взять отпуск.

— Я всегда буду *Затычкой*, — сказала я, глядя на свои пальцы.

— Дорогая, — прошептала Трэйси.

Вдруг я отстранилась, подняла голову и объявила:

— Мне необходимо закончить свою работу в срок, — и взглянула на Кэм. — Я могу сегодня остаться у тебя с Лео?

— Не думаю, что это хорошая идея, — заявила Трэйси.

— Да, детка, можешь, — ответила Кэм.

— Кэм! — Трэйси сверкнула на нее глазами.

— Ей необходимо свое собственное пространство, — ответила Кэм.

Трэйси взглянула на меня.

— Он же придет к тебе сегодня ночью, не так ли?

— Нет, — ответила я. — Он хочет, чтобы я приехала к нему.

Ее глаза засверкали, и она тут же пояснила:

— *Езжай*.

— Нет, — ответила я.

Она положила руки мне на плечи.

— Гвенни, это дерьмо, я согласна, полное дерьмо, и я не могу его исправить, но мне кажется, что...

Я отступила назад, и ее руки упали вниз.

— Я могу. Думаю, я могу исправить. И я даже не злюсь на него. Нет, не злюсь. Это все я. Я сама все сделала... позволила такому случиться. И даже если я никогда не смогу вернуть к себе уважение после такого дерьма, чертового дерьма, я единственная, кто должна все это

остановить.

— Это плохое решение, — твердо сказала Трейси.

— Может и так, но я уже приняла решение, — ответила я, расправляя плечи. — Скотти трахал мне мозги, а я любила его. Это убивало меня. Я догадывалась, что что-то происходит, но я позволяла ему себя обманывать, пока больше не смогла с этим мириться. Слишком долго я терпела Скотти, не думая о себе, надеясь, что он оставит свое дерьмо, и слишком долго ждала с Хоком. Даже если он поменял ко мне отношение, я всегда буду чувствовать, кем позволила себе быть и что другие люди думают обо мне. Неудивительно, что оба — Лоусон и Тэк решили за мной приударить. Они тоже хотят залезть ко мне в постель, и кто может их обвинять за это? Точняк, она же делит свою кровать и разводит ноги, никаких вопросов, никаких обязательств, всего лишь возможность получить удовольствие и потом пойти своей дорогой. Дерьмо!

— Ты не такая, — объявила Кэм.

— Нет? А мне кажется, что такая, — выстрелила я в ответ.

— Тогда, подруга, ты ошибаешься, — ответила Кэм.

Я покачала головой.

— Я не в состоянии об этом думать сейчас. У меня имеется работа. Я приеду, как только отправлю файлы, — сказала я Кэм.

Она несколько секунд изучающее смотрела на меня, затем тихо сказала:

— Хорошо, детка. Сегодня у меня выходной. Я куплю мороженое.

— Песочное тесто, — поправила я.

— Тесто для печенья, — прошептала она.

— Гвенни..., — начала Трейси и мои глаза переместились на нее.

— Я люблю тебя, детка, ты же знаешь, но не сейчас. Я не могу думать о твоих надеждах. Пожалуйста.

— Ладно, — прошептала она.

— Мне нужно закончить работу, — повторила я.

— Точно, — ответила Кэм.

Я кивнула и включила компьютер. Я выхватила салфетку из коробки на столе, чтобы вытереть пролитый кофе, подруги направились на выход из комнаты.

— Гвен? — позвала Кэм, стоя в дверях, и я повернулась к ней, с мокрой бумажной салфеткой, зажатой в руке. — Скотт был задницей, Дельгадо контролирует каждый дюйм своей жизни. Только ты получила его внимание при свете дня, и он поменял ради этого весь свой распорядок. Ты ошибаешься насчет себя, ты совсем другая, — сказала она мне.

Нет, это она ошибалась. Я была именно той, как думала о себе, и самое худшее было во всем этом, что Кейб «Хок» Дельгадо знал об этом.

— Мне нужно работать, — сказала я ей.

— Ты ошибаешься насчет себя, — повторила она.

Я уставилась на нее.

— Тесто для печенья, — прошептала я, и она исчезла за дверью.

* * *

— Сейчас готово, — говорила я курьеру, стоявшему у моей двери и с нетерпением ожидающему, пока я закончу выписывать чек на сумму стоимости божественных туфель —

серебряных из змеиной кожи, на платформе, с открытым носком, которую я узнала, позвонив в Nordstrom.

Я подписала чек, вырвала его из чековой книжки и сунула в конверт вместе с запиской, которую написала, пока у меня хватало мужества.

Хок,

За обувь. Тебе нужно найти замену для моей смены в твоём рабочем графике.

Гвен

Я лизнула конверт, запечатала и передала курьеру.

— А как называется фирма? — спросил он меня.

Я отрицательно покачала головой.

— Не знаю, знаю только дом, четырнадцатый этаж, направо от лифта, снова направо по коридору и вторая дверь слева. Отдай там любому и пусть они передадут Хоку.

Его брови взметнулись вверх.

— Ястребу?

— Хоку.

Он взглянул на меня, словно я была ненормальной.

Затем пробормотал:

— Все, что угодно, — и ушел.

Я закрыла за ним дверь.

Затем поднялась наверх и отправила файлы рукописи автору с моими заметками. Потом собрала сумку, написала записку отцу и Мередит, оставив ее на кухне. Села в свою машину, которую мне пригнали от дома Мередит.

И отправилась к Кэм и Лео.

Глава пятнадцатая

В поисках спасения

Я сидела на кухне Кэм и Лео за кухонным столом вместе с Лео. Я была в ночнушке. Лес был в серой футболке и клетчатых пижамных штанах. У Кэм была ранняя смена, Лео должен был пойти на работу позднее.

Леонард Фриман был крупным мужчиной, одни мышцы, среднего роста с добрыми черными глазами и темной кожей, как ночь. Он был мужчиной от головы до кончиков пальцев на ногах, что делало его идеальным для Камиллы, если не считать, отсутствия у нее большой груди (которая была замаскирована ее большой задницей и красивым лицом), она была женщиной во всем.

Лео сделал глоток кофе, я последовала его примеру.

Потом он начал:

— Гвен...

Нет. Неаа. Если Камилла Антуан говорила все, что думала, то Лео был мудрецом. Если бы он жил в Древней Греции, он надрал бы задницу Платону. Он познал жизнь, и моментально мог считывать людей и ситуации, точно понимая, что происходит на самом деле. Благодаря этому он был хорошим полицейским, но опасным другом.

От отчаяния я решила сместить акцент, поскольку на самом деле была в отчаянии,

поэтому открыла рот и выпалила:

— Почему ты не просишь Кэм выйти за тебя замуж?

Его глаза расширились, и он уставился на меня.

Дерьмо. Черт, дерьмо, вот черт! Я на самом деле сказала это вслух?

— Хм..., — я начала отступать назад, но не могла понять, как это сделать.

— Она хочет выйти замуж? — спросил Лео, и теперь была моя очередь пялиться на него. Видимо, Лео не мог считать всех людей, по крайней мере, это не распространялось на его девушку.

— Ну..., — замялась я, — да.

— Серьезно?

Я моргнула.

— Эээ..., — я не знала, что на такое ответить, — да. — Опять сказала я.

— Мне казалось, что ей нравится, как все идет, — ответил он мне.

— Ей нравится..., — сказала я ему.

Он уставился на меня.

Ну, я первая начала этот разговор, находясь в полной катастрофе, поэтому и должна его как-то закончить.

Дерьмо!

— Ты доволен тем, как у вас обстоят дела? — осторожно прозондировала я почву.

— Черт побери, да, — ответил он.

Ну, по крайней мере, в этот он был уверен на все сто.

— Итак... твои сомнения основаны на официальном..., — я замолчала и подняла брови.

— Все и так прекрасно, зачем что-то менять? — спросил он.

Ладно, я уже и так мчалась к опасной зоне, поэтому могла начать запускать ракетную установку. Проблема состояла в том, что мне, женщине нужно было ему все объяснять, мужчины просто не способны такое понять.

— Ладно, тогда слушай, — сказала я и выпрямилась на стуле, поерзав попой, чтобы привлечь его пристальное внимание к тому, что я говорила. — Женщинам нравится одежда, они любят туфли, также как и цветы, и им нравится, когда люди смотрят на них и думают: «Боже, она великолепна». Чем больше людей так думают, тем лучше. Один день в жизни, когда ты можешь все это увидеть — это день вашей свадьбы. И он связан с *ювелирными украшениями* и *подарками*, а потом *путешествием*, медовым месяцем, где практически существует закон, что женщина должна носить сказочное нижнее белье и заниматься много сексом.

Лео сверкнул улыбкой, явно давая понять, что, скорее всего, большинство из того, что я сказала он не совсем уловил, но явно понял про сказочное нижнее белье и много секса, поэтому я с облегчением выдохнула.

Поэтому я взяла его за предплечье.

— Таким образом, после свадьбы, вы приходите домой так же, как и раньше, только вам уже не стоит покупать полотенца из Китая в ванную комнату, их и так уже будет полно после подарков.

Он поймал мою руку и стиснул.

Затем пробормотал:

— Звучит неплохо.

— Ну, тебе повезло, ты получил лекцию от меня бесплатно. Мне явно нужно

рассмотреть вопрос и проводить занятия с мужчинами, объясняя им такие вещи. Необходимо добавить мои замечания организатору свадеб и группе, которая будет выступать.

Я увидела еще одну белую вспышку улыбки.

— Обручальные кольца не из дешевых.

— Это правда, но я лучшая подруга Кэм, поэтому не собираюсь связывать свой подарок для новобрачных с кухней или ванной комнатой. Я позабочусь о нижнем белье, — я отпустила руку и положила ее себе на сердце, затем подняла ладонь другой руки. — Клянусь.

— Ты нарушишь свое обещание, милая, поскольку, чтобы раздавить чеснок, мне приходится пользоваться всяким дерьмом, типа открывалки для бутылок, я заставлю тебя ее купить, — шутя угрожающе произнес он.

— У Камиллы нет давилки для чеснока? — с поддельным ужасом спросила я.

Последовала еще одна белая вспышка.

Потом его глаза стали серьезными.

— Она переживает из-за этого?

— Кэм?

— Да.

— Да, — честно ответила я.

— Дерьмо, — пробормотал он.

— Она хочет быть твоей, Лео, — сказала я ему.

— Она и так моя, Гвен, — ответил он мне.

— Тогда пусть она показывает всем каждый день кольцо, которое ты ей подаришь.

Пару секунд он удерживал на мне свой взгляд. Затем кивнул.

И сказал:

— Я должен идти в спортзал.

Я кивнула ему в ответ.

— А мне нужно домой.

Он поднялся, я сделала глоток кофе. Мне показалось, что он пойдет к раковине, но он подошел ко мне. Я отклонила голову назад, глядя на него, он обхватил мой затылок и приблизил ко мне свою лицо.

— Вот почему, — прошептал он, — Кейб Дельгадо, наконец, бл*дь, проснулся.

Мое сердце замерло, но я прохрипела:

— Лео.

— Больше ничего не говори, дорогая, подумай об этом, — заявил он, вытянув вперед голову на дюйм, поцеловал меня в макушку, отпустил и понес свою кружку к раковине.

Боже, я любила Лео. Он был крутым.

Я посмотрела в окно. Снега уже давно не было. Февраль перетекал в марте. В Денвере это означало, что погода возьмет свое. В течение часа может так меняться погода, то метели, то ты можешь лежать на солнце и загорать в бикини.

Мой телефон не звонил, и Хок не пытался проникнуть в крепость Антуан/Фримана. Даже если он не получил чек и записку, он вернулся в свое логово и обнаружил, что меня там нет.

Но он не звонил и не показывался мне на глаза.

Все это говорило о том, и я сама бесконечно себе это говорила, что я почувствовала

облегчение, но на самом деле это было не так.

* * *

Подъезжая к своему дому, я сделала пометку, и это было хорошей новостью, машин отца и Мередит не было.

Отец звонил накануне вечером, сообщив, что сегодня он и Мередит собирались заняться уборкой и разобрать все в своем доме. Я ответила, что мне нужно несколько часов поработать, чтобы не сбиться с графика, а потом я приеду и помогу им.

Плохой новостью было то, что у дома стоял Harley на моей подъездной дорожке и на Harley сидел Тэк.

Дерьмо.

Я подъехала к обочине, подальше от него, он перекинул ногу с байка, прямиком направляясь к входной двери, поэтому я направилась в ту же сторону.

— Привет, красавица, — приветствовал он меня, когда я приблизилась.

Я сегодня не заморачивалась с макияжем и прической. Я приняла душ, надела другие штаны для йоги, облегающую майку и толстовку на молнии. Я думала, что выглядела ужасно, но когда он смотрел, как двигаются мои бедра при ходьбе, я поняла, что не совсем ужасно. Или, по крайней мере, мои бедра были точно не ужасными.

— Привет, — ответила я.

Его глаза, наконец, оторвались от моих бедер и перешли к моим глазам.

— Есть минутка?

— Зависит от того, что ты скажешь, — ответила я. — Ты здесь, чтобы сообщить мне, что Джинджер должна тебе три миллиона долларов?

— Неа.

— Ты пришел еще что-то сообщить про Джинджер?

— Неа.

— Ты здесь, чтобы напугать меня еще чем-то?

— Неа.

— Ты пришел пригласить меня на свидание, — заключила я.

— Детка, не на свидание, — ответил он.

Это был сюрприз, поэтому я наклонила голову в сторону.

— Не свидание?

— Если мы выпьем много текилы, а потом пять часов будем заниматься безудержным сексом, тогда это будет считаться свиданием? — спросил он.

— Эм... нет, — ответила я.

— Тогда я не по поводу свидания.

Я улыбнулась ему.

Потом тупо спросила:

— А ты можешь заниматься сексом пять часов?

Он улыбнулся мне.

Упс.

Пошли дальше.

— Хорошо, ты можешь подождать минутку.

— Без проблем, — пробормотал он.

Я открыла дверь, и сигнализация начала пищать. Я запаниковала, потому что напрочь забыла код. Затем глубоко вдохнула и вспомнила, я нажала на нужную комбинацию цифр, и писк прекратился.

Кьш.

Я обернулась и увидела Тэка, внимательно наблюдающего за мной, он закрыл входную дверь.

— Вижу, ты навела домашний уют, — отметил он, оглядевшись вокруг.

— Нет, это моя мачеха ночевала здесь, поскольку пожар создал хаос у них в доме. Она навела домашний уют.

Его глаза прошили по мне.

— Она и сейчас здесь?

— Она у себя дома, пытается убраться.

— Полный отстой, детка, — мягко сказал он.

— Даже не говори, — согласилась я и вошла в гостиную, бросив пакет и сумку на диван, повернулась к нему, оказывается он следовал за мной почти шаг в шаг.

Я отклонила голову назад, чтобы взглянуть на него.

— У меня нет текилы, — заметила я, он запрокинул голову и рассмеялся. Его смех был таким же урчащим, как и его голос, и мне пришлось признаться самой себе, что мне это нравилось.

Вот черт.

Пришло время озвучить основные правила.

— Знаешь, вчера я приняла новое жизненно важное решение. Я отсеклась от мужчин.

Его брови поползли вверх.

— Новое правило?

— Да.

— Хок знает об этом?

— Я не сказала ему напрямую, но отправила записку.

Его глаза стали напряженными.

— Почему? — спросил он.

— Это долгая история, и я не хочу показаться грубой или что-то в этом роде, мне нужно кое-что сделать. Мне нужно собрать все свои маленькие черные платья и туфли на шпильках и отдать их в фонд благотворительности. Потом я должна помочь убраться в доме своих родителей. Затем мне нужно вернуться домой и сделать тесто для печенья. Так что, возможно, мы можем быстро с тобой поговорить.

Он проигнорировал мои объяснения.

— Похоже, у тебя расписан целый день.

— У меня расписана целая жизнь.

— Мне кажется, твое решение имеет несколько прорех, это касается Хока и шпилек.

— Я решила заняться пешими прогулками.

Он ухмыльнулся.

— И поискать спасение, — добавила я.

Его ухмылка превратилась в улыбку.

— Ты хотел... поговорить, — подсказала я.

— Да, хм..., — начал он, но не смог закончить, потому что гостиная взорвалась.

На самом деле, *взорвалась*.

Секунду назад мы стояли, подтрунивая друг над другом, и вдруг раздался звон бьющегося стекла, в комнату ворвался ветер, стала сыпаться штукатурка со всех стен, и конечно, послышался треск автоматной очереди.

Я тупо застыла с открытым ртом, но, к счастью, Тэк нет. Он подхватил меня за талию, низко пригнувшись, и каким-то образом ему удалось вынести меня через гостиную на кухню, где поставил на ноги и бросился закрывать дверь.

— Что случилось? — закричала я, совершенно забыв, что нужно сначала проверить не ранен ли он или я.

— Мать твою, — пробормотал он, выдергивая свой телефон из кармана джинсов, все время подталкивая меня вглубь, пока я не врезалась спиной в стену, стрельба в моей гостиной по-прежнему продолжалась.

Я положила руки ему на грудь, он сжал их, прикрыв меня своим телом.

— Тэк!

Стрельба прекратилась.

Он приложил телефон к уху.

— Проезжал мимо дома Гвен. Стреляют из трех, четырех автоматов. Я отрезан от своего байка и автомобиля Гвен. Мне нужна срочная разведка, чтобы понять, какого хера они обстреляли ее дом, проезжая мимо на машинах, — он помолчал. — Точно. — Затем убрал свой телефон в карман.

Я поднимаю на него глаза, у меня сжалось горло, адреналин бушует в крови, каждый дюйм моего тела била мелкая дрожь, такое ощущение, что все слишком хорошо знакомо.

— Тэк, — прошептала я.

Он смотрит на меня вниз.

— Оставайся здесь. Я вернусь.

Он вернется?

Что он имел в виду, что вернется?

И он быстро вышел.

О Боже мой. Дерьмо. Что я сделала? Что кто-то расстрелял мою гостиную!

Моя сумка в гостиной. Мой телефон в сумочке, которая находилась в гостиной. Черт.

Почему я не оставила телефон на кухне? Почему? Почему, почему, почему? Первое, что я сделаю потом — в каждую комнату положу по телефонной трубке.

Дверь на кухню открылась и появился Тэк, протянув ко мне руку.

— Гвен.

Я все еще прижималась спиной к стене, переводя взгляд, наполненный паникой, на него.

— Что? — рывкнула я.

— Иди сюда, — сказал он.

Он что сумасшедший? Там была гостиная! И десять секунд назад она взорвалась!

— Что?! — снова сорвалась я.

— Сию же минуту! — он оторвал меня от стены. Я бросилась к нему, он схватил меня за руку и потащил через кошмар, который стал моей гостиной ровно минуту назад, к входной двери, а потом напрямик к своему байку. Он закинул ногу, я залезла позади него, крепко прижавшись и обхватив его за талию. Двигатель тут же взревел, он убрал подножку и двинулся с места, выезжая на улицу, и мы рванули вперед.

Тэк подъехал к черному входу Ride, где были гаражи. Я никогда не была здесь, но заметила, что здесь имеется также прямоугольное, одноэтажное здание. Он подъехал прямо к двери и остановился. Я соскочила с байка, он перекинул ногу и схватил меня за руку, байкеры тут же открыли двери, заведя нас, пока Тэк входил со мной в здание. Помещение напоминало бар, по которому туда-сюда слонялись байкеры, внимательно наблюдавшие за мной и Тэком.

— Выдвигаемся, братья, — зарычал Тэк, единственное, что он сказал, продолжая тащить меня через бар в коридор, пока мужчины, все как один направились к выходу.

Тэк тянул меня вглубь коридора, в котором было полно дверей, мы остановились у самой дальней двери. Он распахнул ее и завел меня внутрь. Это была спальня, которую следовало бы долго и как следует убирать.

Тэк взглянул на байкера, следующего за нами, а затем посмотрел на меня.

— Ты закончила с Хоком? — спросил он, мне показалось, что он выглядел немного безумным.

— Что? — спросила я.

— Детка, я знаю, что ты закончила с Хоком?

— Эм... да, — ответила я.

Он уставился на меня, а затем спросил:

— Уверена?

— Да! А что ты...?

Я не закончила вопрос. Как только он получил мой ответ, повернулся к байкеру.

— Хок объявится или любой из его парней, вы можете спокойной переломать им ноги и увести ее отсюда. Ясно?

О Боже мой!

— Тэк! — закричала я, но он взмахнул своими огромными руками и взял мое лицо в ладони, притянув к себе.

— Ты может и закончила с Хоком, но он не закончил с женщиной, пока он сам не решит закончить с женщиной. Ты только что приобрела себе проблему, не знаю почему, но я *знаю*. И поскольку я был там, рядом с тобой и меня чуть не накачали пулями, красавица, теперь это *наша проблема*. Ты меня поняла?

Я очень, *на самом деле очень* боюсь того, что наделала — его внимание к себе, которое означало для меня, что я выпрыгнула из пылающей сковороды прямоком в чертовый огонь.

— Тэк, — единственное, что я смогла сказать.

— Ты поняла, — пробормотал он, отпуская меня, и вышел из комнаты, хлопнув дверью, и я услышала, как щелкнул замок.

Я уставилась на дверь.

О, парень.

Глава шестнадцатая

Не у меня на глазах

Мое тело тряхнуло и глаза открылись.

Я спала на разобранной постели на защищенной и огороженной территории,

принадлежащей «Хаосу».

Уже была ночь. Несмотря на то, что я была заперта, к счастью, байкер накормил меня вкусной тушеной говядиной с расплавленным швейцарским сыром, картошкой и густым шоколадным коктейлем и запила все это я диетической газировкой.

Я беспокоилась об отце и Мередит, которые могли обо мне волноваться, и я чертовски была напугана, и это чувство просто просверливало мой череп. Однако, я никогда не могла подумать, что случайно могу заснуть, лежа на разобранной постели.

Наверное, я задремала.

Я попыталась понять, что заставило меня проснуться, но не смогла. Я прислушивалась и присматривалась в темноту комнаты, которая была довольно хорошо освещена светом из окна.

Я посмотрела на дверь и прислушалась еще *сильнее*.

И тогда я услышала, как с приглушенным стуком упало тело. Так может падать *большое* тело, ударяясь о пол. Может, это большой байкер упал на пол.

Срань Господня.

Я соскочила с кровати и стала слепо рыскать по комнате в поисках оружия. Я опять оказалась в той же ситуации, когда мне пригодился бы ломик.

Я не успела найти оружие. Послышался взрыв, и я увидела, что замок с двери *сорвали*.

Дерьмо!

Я ринулась от двери, запрыгнув на кровать и быстро к окну (которое я отметила ранее было зарешечено, но это была моя единственная надежда). Меня поймали, запрыгнув на другую сторону кровати, обхватив руками за талию. Я издала какой-то низкий звук, меня же развернули и перебросили через плечо.

Именно в этот момент я решила начать вырываться и кричать. Я пиналась и крутилась, ворочая головой, но мой похититель быстро выскочил в коридор. Я тяжело приземлилась на ноги и меня с силой прижали к стене.

— Заткнись, Гвен, и охлади свой пыл или я свяжу тебя и вставлю кляп. Я не шучу.

Когда я услышала знакомый глубокий голос, я уставилась в лицо Хока в темноте.

Я решила последовать его совету — закрыть рот и охладить свой пыл, хотя опять была перекинула им через плечо.

Как только мы добрались до бара, я увидела в темноте командос, которые обходили его по периметру, а также тела байкеров, лежащие на полу. Света вообще не было нигде, даже не освещались чаны с пивом.

Мы вышли за дверь, и Хок со своим отрядом побежал к внедорожникам.

Да, даже со мной на плече Хок бежал к внедорожнику.

Ладно, может он все же находится в одном шаге от супергероя. Может, он был супергероем.

Затем Хок открыл дверь со стороны пассажирского сидения рядом с водителем и запихнул меня внутрь. Он обогнул капот, укладывая в кобуру оружие и подал знак рукой, так всегда делают командос. Он опустился в кресло рядом со мной, завел джип, развернулся, как демон на скорости, поэтому я быстро пристегнула ремень безопасности, и мы вынеслись с территории Ride на шоссе.

Я глубоко вздохнула и затем сказала:

— Хок.

— Молчи, — зарычал он, и я почувствовала, как у меня перехватило дыхание.

Он не был зол, он просто был в бешенстве.

Он порылся в кармане своих штанов карго и вытащил сотовый. Открыл его, нажал пару кнопок и поднес к уху.

И через пару гудков, сказал:

— Бакс.

Ой, черт. Папа.

— С ней все в порядке, я забрал ее.

Вот черт!

Хок остановился на светофоре.

— Не знаю, она была в безопасном месте. Наверное, просто испугалась.

— Я могу с ним поговорить? — спросила я, потянувшись к его телефону.

Он повернулся ко мне лицом, я увидела его выражение в свете уличных фонарей.

Я прикрыла свой рот рукой.

Итак, я не могла поговорить с отцом.

И кроме того, у меня явно были проблемы.

Хорошо, что я это понимаю... или *нет!*

— Да, дайте мне поговорить с ней, посмотреть ела ли она что-нибудь, и попробовать вместе разобраться во всем. Да? — Пауза. — Хорошо. Увидимся.

Он отключился и бросил с силой свой телефон на торпеду, стук явно вышел сердитым.

Я втянула воздух. Затем дала ему еще несколько минут, чтобы он смог успокоиться. Потом попробовала еще раз.

— Хок.

— Клянусь Богом, Гвен, — ответил он еще одним своим рыком, для меня этого было достаточно. Я зажала свой рот рукой. Ему явно требовалось еще несколько минут.

Он быстро вел машину, и я поняла куда он везет меня — в свое логово.

Я молчала всю дорогу. *Я* молчала, когда он остановился возле большой автоматической двери в свой большой гараж. *Я* также молчала и оставалась на месте, когда он вышел, зашел в дверь рядом и большая автоматическая дверь заскользила вверх. Потом *я* молчала, когда он сел обратно в машину и въехал в гараж, припарковался, схватил свой телефон и вышел.

Я тоже вышла.

Он подошел к пульту и, нажав на кнопку, закрыл дверь. *Я* ждала. Затем он направился к двери, ведущей в дом, распахнул ее и шагнул внутрь. *Я* несколько раз успокаивающе втянула воздух носом, услышав, как он ввел код и отключил сигнализацию, и последовала за ним.

Я вошла и остановилась под площадкой, на которой на втором этаже стояла кровать. Он передвигался по помещению, включая свет — у кресла в углу. Две настольные лампы в гостиной. Он нажал на выключатель и люстры, висевшие на длинных тросах на потолке, которых *я* раньше не заметила, осветили кухню.

Я прислонилась к железному столбу, который был опорой площадки.

— Ты можешь объяснить мне на что ты злишься? — тихо спросила я, подумав, что это был хороший вопрос. *Я* имела в виду, не *я* запиралась в доме, принадлежащем Хаосу. Не *я*, проезжая мимо, стреляла по своему дому. *Я* просто оказалась в неподходящем месте в неподходящее время, и к сожалению, это был мой собственный дом.

— Во-первых, — ответил он, медленно шагая ко мне, и *я* поняла, что это не хороший признак, — ты просто развязываешь войну.

Я моргнула. А потом спросила:

— Войну?

— Войну между мной, моими парнями и байкерами «Хаоса».

— Что?! — переспросила я. — Почему?

— Детка, — заявил он и остановился в нескольких шагах от меня. — Ты была заперта в спальне Тэка в его доме. Это объявление войны. Мои парни должны были проникнуть на его территорию, чтобы вытащить тебя оттуда. Хорошим это не кончится.

— ... Мне кажется, ты все неправильно интерпретируешь. Тэк был у меня в доме, когда кто-то обстрелял мою гостиную, и мне казалось, он пытался защитить меня.

Я должна была это сказать, хотя, наверное, Хоку и не следовало этого говорить, но я уже потом подумала об этом и очень понадеялась, что у меня не будет нервного срыва. Я тоже думала о том же, о чем говорил Хок, но я не стала вдаваться в такие подробности, учитывая, что это точно вызовет у меня нервный срыв. Хотя у меня никогда не было ни одного, но я была точно уверена, что нервных срывов точно следует всячески избегать.

— Точно, Кейн Аллен решил поиграть в доброго самаритянина, поэтому проезжая мимо полицейского участка, почему-то не доставил туда жертву нападения. И не претендовал на нее как на свою, рванув выслеживать виновных, если только он..., — он наклонился вперед, — *претендует на нее, как на свою собственную.*

Ой-ей.

— Ладно, теперь я вижу насколько все плохо выглядит, но он сделал это. Я же ему такого не говорила.

— Тогда объясни мне, почему Тэк вообще привез тебя к себе домой?

— Он был около моего дома, когда я вернулась утром.

— И?

— Он хотел поговорить.

— И?

— И поскольку он обещал меня не пугать, я согласилась поговорить.

— Отлично, Душистый Горошек, давай вернемся к тому, почему тебя не было сегодня утром, например, — он сделал угрожающий шаг вперед, — именно *здесь*.

Опаньки.

— Хок...

Я замолчала, как только он сделал еще один угрожающий шаг вперед и, видя, как приближаются его ноги ко мне, означало, что он был уже близко. Слишком близко. Действительно ужасно близко.

— Вчера, — сказал он ужасным, тихим голосом по-прежнему приближаясь, поэтому я скользнула прочь от колонны и сделала шаг назад. — Я оставил тебя здесь, — он продолжал приближаться ко мне, а я продолжала отходить назад, — и когда я уходил, — я пятилась, он надвигался на меня, — ты была милой и такой сладкой.

Я впечаталась спиной в книжные полки и была вынуждена остановиться. Хок же не останавливался. Он зажал меня, наклонив вниз голову, чтобы видеть мое лицо, но не дотрагивался. Он пригвоздил меня на месте силой своей агрессии.

— Тогда, — продолжил он, — вчера я получил эту чертову записку с гребаным чеком. Записку, из которой я ни черта не понял. Чек, детка, этот гребанный чек, словно ты бл*дь залепила мне пощечину.

Мда. Возможно, я не совсем хорошо тогда все продумала.

— Я проверил устройство на твоём автомобиле и выяснил, что ты отсиживаешься у копов, — продолжил он.

— У тебя есть устройство на моей машине? — прошептала я и его страшное, злобное лицо стало ещё страшнее и злее, поэтому я тут же закрыла рот.

— Я пришел домой, — он продолжил свою тему, — и прослушал сообщение от Гейл. И тут до меня дошло, что ты слышала ее сообщение, а затем выслушала всякий бред от своих друзей, которые скормили его тебе, и ты не подняла трубку и не притащила свою задницу сюда, чтобы выяснить все и поговорить. Ты решила двигаться вперед, не зная всех фактов и этим безумно, бл*ять, взбесила меня.

Итак, мы все же перешли к *этой* теме разговора и мне нужно ему все рассказать.

— Я знаю о Твоих Днях, — прошептала я.

— Да?! Ты знаешь?

— Да, — прошептала я, — знаю. И я знаю, что я затычка.

— Нет, — тут же ответил он. — Ты знаешь кучу дерьма от копов, у которых вместо мозгов дерьмо, и они не знают, как лучше потратить свое время, только как названивать тебе. И еще кое-что, детка, это дерьмо полностью выдуманное. Это полное фуфло. Гейл звонит по четвергам, потому что у нее есть другой мужчина, который явно ей не подходит, он уходит из дома по четвергам в бар, нажирается в говно, сидит там, пока бар не закроется, я понимаю ее состояние, поэтому навещаю. У меня нет расписания. Единственная женщина, о которой я дотошно собирал информацию и занимался расследованием — это ты, я наблюдаю за тобой.

— Но ты сказал, когда женщина твоя, ты...

— Нет, Гвен, забудь о том, что ты думаешь или что-то прочитала, или что я говорил. Я говорю тебе прямо сейчас, как оно есть. И я не собираюсь кормить тебя дерьмом, что других нет, есть и другие. И я думаю, ты поняла, что я не тот мужчина, который будет тратить свое время делать еще раз именно то, что делаю прямо сейчас, бл*ть, объясняясь перед тобой.

Ох, вот черт. Теперь мне кажется, что я схожу с ума.

— Понятно, — спокойно говорю я. — Мы вернулись туда, откуда начали.

— Нет, если мы вернемся туда, откуда начали, где были в последние пару дней, я получил бы кусочек твоей сладкой попки.

У меня разинулся рот.

Ему нельзя верить!

— Я не верю тебе! — закричала я.

— Ты считаешь я вру? — спросил он.

— Нет, видишь ли, последние пару дней *дерьмо* моей сестры просочилось в мою жизнь. Я сделала что-то неправильно? Нет! Я не живу в твоём мире. Я знала Дога. Я знала, что он хорошо влиял на Джинджер. Я предполагала, что он заставит ее измениться. Я не знала, что будет, когда поехала в Ride! Откуда мне было знать? Я не открывала дверь парню, который вломился в мой дом! Я не кидала *зажигательные бомбы* в дом моих родителей и не бросала их в окно! Я ехала домой, вот и все. Я просто вошла в дом и начали стрелять! А потом я просто сделала так, как мне сказали. Я никогда не была в перестрелке раньше. Тэк, казалось, знал, что делает, поэтому я подумала, хорошо быть с кем-то, кто знает, что делает. Я не предполагала, что он собирается запереть меня в своём доме и начать войну! Я просто выбрала лучшее, что могла в очень плохой ситуации. Нет! *В многоуровневой серьезно плохой*

ситуации!

— Гвен...

— И мне не нужен ты — придурок, стоящий наверху и наблюдающий за всем этим.

— Гвен...

Я взмахнула руками в стороны.

— Мою гостиную расстреляли сегодня. *Я была там* и Тэк! — взвизгнула я.

Он обхватил ладонями мое лицо.

— Детка, успокойся.

— *Ты* успокойся! Ты можешь проходить сквозь стены и бесшумно укладывать байкеров.

У меня нет таких способностей, Хок. Я оказалась в такой же ситуации сегодня — мне нужен был ломик! Это хреново, черт побери! И после всего этого, мне нужно тесто для печенья. Или по крайней мере хорошая китайская еда от Twin Dragon или еще лучше Imperial.

Он прошелся пальцами по моему подбородку и тихо сказал:

— Хорошо, детка, я куплю тебе еду из Imperial.

Я покачала головой, но, к сожалению, его руки не освободили меня.

— Нет, той ночью, ты мне понравился. Сегодня нет, — объявила я. — Я хочу сказать спасибо, что спас меня от тюрьмы у байкеров, но сейчас я хочу домой..., — и тут я отчетливо поняла, что дома у меня нет, также как и у моих родителей, и по этой причине я оказалась в полной жопе, поэтому неубедительно закончила, — ... или куда-нибудь еще.

— Ты здесь будешь жить, пока все не закончится, детка, — заявил Хок.

— Эй? — позвала я. — Позволь мне напомнить тебе, что ты живешь в Невероятно Крутом Мире, я же нет. Ты не можешь мне говорить, где мне стоит быть.

— Уверен, бл*дь могу, Гвен, — ответил он.

— Нет, не можешь, — ввернула я, его руки скользнули к моей шее, и пальцы впились в кожу.

— Послушай меня, Гвендолин, — прорычал он, и я упустила тот момент, когда он уже не злился на меня, сейчас он как раз очень даже злился, поскольку назвал меня полным именем, подчеркивая каждое слово. — Итак, из того, что у нас есть выходит, что Джинджер сегодня не было в окрестностях, когда ты совершала свой путь домой. Значит, одно из двух. Эти выстрелы предназначались или для Тэка или для тебя.

— Никто не хочет меня убивать, — ввернула я.

— Нет, но они хотят, чтобы Джинджер страдала, а она твоя сестра, они могут не знать, что ты ничего не имеешь с ней общего, и, наконец, они находятся в отчаянии, поэтому действуют так, как я сказал, скорее всего, эти выстрелы предназначались для тебя.

Святое гребаное дерьмо!

Я закрыла глаза и пробормотала:

— Почему все продолжается так плохо?

Я открыла глаза, Хок ответил:

— Потому что твоя сестра — мусор, — я разрешила в этот раз так ее назвать, но не получила шанса об этом ему сообщить, поскольку он продолжил:

— Теперь мы знаем, что ты предположительно можешь быть целью, что означает, что твои родители тоже могут быть целью, им нужна защита. Здесь ты в безопасности, поэтому останешься здесь. Я сделаю все, что смогу для них. И я сделаю все, что смогу, чтобы вернуть мир с Тэком, потому что он мне необходим как союзник в этом дерьме, чтобы мне не приходилось больше заниматься этим вопросом.

— Ты сделаешь все, что сможешь для моих родителей? — спросила я, и он посмотрел на меня сверху вниз, его пальцы поглаживали мою шею.

— Душистый Горошек, посмотри на меня.

— Я смотрю на тебя, — и я правда смотрела!

— Нет, по-настоящему посмотри на меня.

Я посмотрела на него!

Он продолжил говорить:

— Гейл никогда не была и никогда не будет в этом доме, ее дом расстреляли из машины, она спросила моего совета, я сказал ей поговорить с полицией. Теперь ты поняла, куда я пошел отсюда?

— Не до конца, — сказала я, и его пальцы опять напряглись, я спросила:

— Ты сказал, что собирал информацию и следил за мной, а не за ними, почему?

Он посмотрел поверх моей головы и пробормотал:

— Господи.

— Теперь *ты* не смотришь на меня, — добавила я, его взгляд резанул по мне.

— Хорошо, детка, знаю, тебе это понравится, знаю, тебе нравится то, что я с тобой делаю по ночам, но это не совсем ты и я, и теперь я знаю, что это точно не совсем. А для меня ты — это ты. Это означало, что мне необходимо было приниматься за работу.

Мое сердце екнуло.

— Что? — прошептала я.

Он продолжал говорить:

— И я получил обычное дерьмо, собирая о тебе информацию — Джинджер оказалась твоей сестрой. Я выяснил о тебе многое, почти все, выходя куда-то ты предпочитаешь носить более открытую одежду, показывая свое тело. Я узнал, что ты разговариваешь с незнакомыми людьми, как будто они твои лучшие друзья. Я понял, что ты не живешь в реальном мире, а предпочитаешь свой, вымышленный, где ты не уделяешь чертового внимания тому, что происходит вокруг, и ты принимаешь сомнительные жизненные решения, и также я узнал, что ты занимаешься сексом только со мной. Из-за всего этого мне стало ясно, что за тобой нужно присматривать, что я и делал.

— Я могу позаботиться о себе сама, Хок, — соврала я. Я действительно могла позаботиться о себе сама, но при обычных обстоятельствах, а никогда в тебя стреляют.

— Ерунда, — ответил он.

Я не собиралась бороться с ним по поводу пуль, не сейчас, поэтому решила побороться за что-то еще.

— Ты не жаловался, когда видел меня обнаженной ночью, — напредила я ему.

— Да, детка, потому, что твоя задница была у меня в душе и мои руки были на ней, и все твое внимание было сосредоточено на мне.

Мда. Это хороший ответ.

Я продолжила:

— Я не живу в мире грез.

— Гвен, ты только взглянула на меня и решила, что я единственный, я же только сказал тебе четыре слова, и ты привезла меня, черт побери, к себе домой и уложила в свою чертову кровать и не сказала «Трахни меня», когда я заставлял тебя кончать.

В этом есть определенно какой-то смысл.

Пришло время отступить.

— Я проголодалась и мне нужно в ванную комнату, — объявила я.

Его пальцы снова стали разминать мне шею, он произнес:

— Господи, ты заноза в моей заднице.

— Хорошо, тогда позволь мне воспользоваться твоей ванной комнатой, потом твоим телефоном, чтобы вызвать такси и поехать в отель.

Он зыркнул на меня и снова стал разминать мне шею, но на этот раз он прошелся немного выше.

— Считай, что я не слышал твоих слов, но ты услышишь мои. Мы на одной волне — ты и я, мы, это то, что было у нас прошлой ночью, даже, бл*ть, то, что у нас сейчас. Не думай, что ты можешь быть такой сладкой, как вчера утром, а потом психануть и решить, что вот так просто можешь разорвать отношения. И пока мы двигаемся в наших отношениях, тебя не продырявят пулями, не похитят, не будут пытаться и не покалечат, как твою сестру, бл*дь, на моих глазах.

Мне пришлось признать, что последние его слова дали мне некоторое облегчение, и мой живот расслабился. Хотя я ничего не ответила, просто посмотрела на него.

Он выдержал мой взгляд и вздохнул, его руки расслабились на моей шее, и я смогла отойти на два дюйма, но не больше.

— Я позвоню одному из своих парней, чтобы он привез заказ из Imperial, потом ты позвонишь отцу, а я — Лоусону, он сможет приехать сюда, и ты расскажешь ему, что случилось у тебя в доме. Что ты хочешь заказать?

Я была такой голодной, поэтому больше не собиралась препираться. В любом случае, Imperial — это лучшая китайская еда во всем Денвере. Будет настоящим преступлением пойти против природы, начать препираться с Хоком, когда тебе предлагают еду из Imperial.

— Курица с кунжутом и горячий, кислый суп, — сказала я ему, затем добавила, — о, китайские пельмени с крабом и сыром.

Он уставился на меня, затем спросил:

— Что-нибудь еще?

— Нет.

— Уверена?

— Обычно я так наедаюсь этим, что не могу попробовать их десерты, поэтому не знаю хороши ли они, если у тебя нет тубы замороженного песочного теста с кусочками шоколада в морозилке, будет, наверное, неплохо, если один из спецназовцев заскочит в King Soopers и купит кое-что еще. Печенье с кусочками шоколада или сахарное.

— У меня нет замороженного песочного теста в морозилке.

Это я как раз знала. Утром первым делом я проверила его холодильник — йогурт, творог, свежие фрукты, кусочки копченого лосося и овощи. Он был почти пустым. У него даже не было соусов и приправ.

Он внимательно изучал мое лицо, пока я раздумывала, потом заметил:

— Детка, это не наказуемо не есть замороженное тесто для печенья.

— Возможно, но у тебя даже нет приправ.

— Кетчуп и творог на самом деле не очень подходят друг другу.

Я почувствовала, как мои губы скривились от отвращения и увидела, как его губы с трудом сдерживали улыбку, пока он успокаивающе поглаживал мою шею, щекоча пальцем у меня за ухом.

— Ты в порядке? — мягко спросил он.

— В чем? Ты и я? Или моей гостиной, которая превратилась в полную катастрофу? Или по поводу войны с Тэком, которая, кстати замечу, *не моя вина*.

— Из-за всего, — ответил он.

— Нет, — правдиво ответила я.

Его губы снова дернулись в улыбке.

— Тебе нужно прекратить быть такой задницей.

— Зачем?

Он продолжил, будто я ничего не говорила.

— И в то же время такой милой.

— Согласна, быть милой для меня становится проблемой.

Его губы расплылись в широченной улыбке.

— Ты была с Лоусоном такая сладкая и милая, и с Тэком умницей и милой, — его пальцы снова согнулись у меня на шеи, он опустил голову вниз и пробормотал: — к счастью, только я единственный, кто получил все это.

— Хок, — сказала я, когда его губы остановились напротив моих.

— Что? — спросил он.

— Мне нужно, чтобы ты меня покормил.

— Точно, — пробормотал он, потом прошелся губами по моим, но когда он отстранился, то зашел слишком далеко, его глаза встретились с моими.

— Не пытайся снова сбежать от меня, Гвен, — предупредил он, и я напряглась от его тона. — Не важно, что твоя подруга и ее друг полицейские, я приеду и заберу тебя. Ты сегодня чуть не погибла, уже второй раз за неделю. Это дерьмо не прекратится, и Тэк не тот, кто остановит его ради тебя. Понятно?

— Я перестану умничать, если ты прекратишь командовать.

— Вижу, ты не воспринимаешь меня всерьез.

— Я совершенно серьезно.

— Невозможно, чтобы ты не умничала, да?

— Так же как и ты не можешь не командовать.

Он посмотрел мне в глаза.

Тупик.

Затем он отступил на шаг назад и запустил руку в свои штаны карго, доставая телефон.

Протянул его мне и приказал:

— Позвони отцу.

Я взяла трубку и пробормотала:

— Командир.

Хок вздохнул.

Я набрала номер отца.

Глава семнадцатая

Обязанность защищать Гвендолин Кидд

Я проснулась и поняла, что нахожусь в постели Хока.

Я вытянула руку и обнаружила пустую кровать, поэтому открыла глаза и прислушалась. Ни звука.

Я перевернулась и осмотрела необъятное помещение бывшего склада, повсюду был

солнечный свет. Я подсунула руки под щеку, сон уже испарился, поэтому позволила мыслям о предшествующей ночи спокойно бродить у меня в голове.

Папа выпал в осадок, Мередит еще больше. Зажигательные бомбы были достаточно ужасны, но стрельба из оружия вывела все на новый уровень, более худший. Особенно когда до меня дошло, что мой автомобиль был перед домом, а мой кошелек и сумочка на диване «в зоне действий». Мое исчезновение не очень хорошо было воспринято, и хотя это не моя вина, но от этого я чувствовала себя просто ужасно.

Но больше всего именно пугающим было то, когда Кэм позвонили в диспетчерскую, и она не смогла связаться со мной, она связалась с моим папой, который сразу же позвонил Хоку. Где-то в середине звонка они обменялись своими номерами телефонов, и папа стал «Баксом» у Хока, а Хок стал Спасателем и Знатоком, своеобразной Палочкой-Выручалочкой, способной Разоблачить Все о Гвен для отца.

Не уверена, что это было хорошо.

Я вернула телефон Хоку после разговора с отцом и Мередит, и он стал звонить, отдавая распоряжения. Он отправлял смс-ки, которые не только касались заказа китайской еды. Я поняла это, когда командос приехали втроем. Они принесли еду из Imperial и также принесли пакеты из King Soopers, когда я распаковала их, обнаружила диетическую колу со вкусом винограда, двухпроцентное молоко (для Хока обезжиренное, серьезно, в чем смысл обезжиренного молока? — эту мысль я озвучила ему еще до того, как он позвонил своим командос), яйца, бекон, колбасу, хлеб, различные чипсы, две тубы теста шоколадного печенья, две тубы теста сладкого печенья и множество специй.

Хм.

Они также привезли мое рабочее место, и когда я говорю привезли мое рабочее место, это означает, что они привезли — мое кресло, мой стол, все, что стояло на нем, мой компьютер, в общем все, вплоть до коробки с салфетками. Они упаковали его и привезли, заполонив рабочий стол Хока в противоположном углу, установив коробки и занялись подключением моего компьютера.

Они также принесли мою сумочку и моих пугающих размеров два больших чемодана. Да, именно два. Просмотрев чемоданы, я обнаружила, что они упакованы аккуратно и в них всего полно. Одежда, нижнее белье, ночные рубашки, туфли, и косметические баночки — мой лосьон и гель для душа с запахом душистого горошка и косметика. Я и так была ошарашена, что командос упаковали мое рабочее место, и я сказала об этом Хоку, но Эльвира, которая присоединилась к ним... Я не могла точно сказать свои ощущения от того, что другая женщина рылась в моих вещах, но результат получился отличным.

Когда пришел Лоусон, я ела еду из Imperial, давая свои показания. Вид Лоусона был не счастливым, и было это связано с тем, что я пережила ранее и тем фактом, что Тэк запросто похитил и запер меня у себя в логове после перестрелки. Он записал мое заявление, пока я сидя в кресле Хока в гостиной, скрестив ноги, уминала горячий, кислый суп. Почему я это поняла, не знаю, просто поняла и все.

Когда Лоусон закончил принимать у меня показания, он подошел ко мне и слишком близко наклонился к моему лицу, совершенно не обращая внимания на «каменное изваяние» Хока.

— Выше голову, дорогая, держи глаза открытыми и береги себя, — прошептал он.

— Хорошо, — прошептала я в ответ, поскольку это был хороший совет, и он назвал меня «дорогая».

Он убрал прядь моих волос за ухо и улыбнулся, затем выпрямился и рассерженно посмотрел на Хока. А затем он ушел.

Я провела оставшуюся часть ночи разбирая свои пакеты и чемоданы, пока Хок говорил по телефону. Я не стала распаковывать вещи, но распаковала туалетные принадлежности, и заставила ванную комнату Хока, полки и аптечку девчачьим дерьмом.

Я не спрашивала его, можно ли мне все там ставить. Он хотел, чтобы я жила у него, хорошо, значит я могу заполнить полностью его ванную комнату.

Хотя он не жаловался, не отпускал комментарий и не кидал на меня осуждающего взгляда, поскольку знал, что я делаю это исключительно из-за того, что я женщина во всем и особенно это проявляется в ванной, когда он войдет то, все увидит и все поймет.

Я не знала, что с этим делать, поэтому я решила просто игнорировать и позволить себе чуточку безумства со своим девчачьим бараклом, которое я глубоко похоронила в себе, безумство я имею в виду, которое на самом деле пугало меня.

У меня было двадцать семь пропущенных звонков и четырнадцать разгневанных и взбешенных смс-ок от отца, Мередит, Кэм, Трейси, Лео и даже Троя. Все касались одного и того же, обстрелявших мой дом из проезжающего мимо автомобиля. Я ответила Кэм и перезвонила Трейси, но ничего не стала отвечать Трою. Я не ела еще замороженное тесто для печенья с кусочками шоколада, хотя еда из Imperial была хорошей, но она не сподвигла меня позвонить Трою.

Я решила отправиться спать, пока Хок все еще висел на телефоне. Он был либо действительно занят, либо предоставлял мне личное пространство, и поскольку он был весь в телефоне, мне было это легко сделать.

Я тут же проснулась, как только он присоединился ко мне в кровати и обняв, прижался. Его рука уверенно опустилась мне на живот, и когда он окончательно устроился рядом, я заснула.

Сейчас я не знала, что мне делать. Слишком о многом стоило подумать, а также стоило подумать о себе, но все эти мысли меня утомляли, поэтому я окончательно взбодрилась.

И стоило мне вздохнуть, как тут же зазвонил мой сотовый.

Он настойчиво требовал моего ответа.

Я перевела взгляд на тумбочку, потянувшись, схватила телефон и развернула к себе экран — мне звонила Трейси.

Я открыла крышку и прижала к уху.

— Привет, подруга.

— Привет, как дела, дорогая?

Ее голос выдавал беспокойство, видно наш разговор вчера ночью совсем не успокоил ее. Однако, большинство людей проживают свою жизнь не имея подруги, которую сажают на байк, и она исчезает на несколько часов, находясь в заточении в спальне, в доме, принадлежащем клубу байкеров.

— Со мной все хорошо, я только что проснулась, — ответила я, приподнимаясь и опираясь на изголовье, заметив какое-то движение, когда взглянула вниз кровати. Хок поднимался по лестнице. Снова с обнаженной грудью. Босиком. В тренировочных штанах. Не сводя с меня глаз.

Ммм.

— Ты хорошо спала? — спросила она.

— Да, — ответила я, пока Хок подходил к кровати.

— Ты уверена? — опять спросила она.

— Да, дорогая, уверена. На самом деле, я в порядке, как и сказала тебе вчера, — ответила я, Хок уже стоял у кровати, раздался *свист* и простыни оказались с меня сдернуты. Мое тело замерло от удивления.

О, парень.

— Все нормально с Хоком? — спросила она.

— Хм..., — ответила я, наблюдая, как Хок обхватил меня за щиколотки и дернул к себе, пока моя спина полностью не улеглась на плоский матрас, затем он раздвинул мои ноги.

О, боже!

— Гвенни? — позвала Трейси.

Прежде чем я успела пошевелиться, Хок опустил колено на кровать, затем переместил весь вес своего тела между моих ног.

О, парень!

— Трэйси, я думаю..., — я замолчала, когда руки Хока прошли по моим бедрам, приподнимая вверх ночнушку, его голова склонилась, и он поцеловал кожу чуть выше моих трусиков.

У меня в животе что-то ёкнуло в хорошем смысле.

— Что ты думаешь? — поинтересовалась Трейси, потом быстро, не дожидаясь моего ответа, произнесла:

— Ладно, я все же скажу, хотя знаю, что ты не захочешь этого слушать, но я рада, что ты все у него. Знаю, что ты поставлена в тупик многими вещами, но думаю это о многом говорит, хотя бы то, что он...

Она продолжала говорить, но я не слушала, потому что руки Хока еще выше приподнимали мою ночнушку и его тело касалось моего, и дождь поцелуев оставался на моей коже живота, и оставляя прикрытой только грудь, но его кубы двигались вперед.

— Понятно? — спросила Трейси.

— Хм... Трейси, мне нужно идти, — и мне действительно стоило заканчивать разговор, потому что моя ночная рубашка собралась под грудью, руки Хока были под ней, и мои соски превратились в жесткие и горячие.

— Все в порядке?

Ах да, все было в полном порядке. Все было просто замечательно.

— Я позвоню тебе позже, — сказала я ей с придыханием, потому что Хок в данный момент целовал меня между грудей.

— Звучит как-то забавно, — заметила Трейси.

— Я в порядке, детка, я позвоню тебе позже.

— Хорошо, тогда иди. Увидимся, детка.

— Пока, — я ахнула, потому что обе руки Хока заскользили вверх и его пальцы вызвали покалывание в моих набухших сосках.

Я завершила звонок.

— Хок, — выдохнула я, и он тут же задвигался.

Моя ночнушка поползла вверх, непроизвольно я подняла руки, освободившись от нее. Он отшвырнул ее в сторону, скользнув рукой по моей груди, схватил мой телефон и бросил его на тумбочку, потом он перешел к моему лицу, его пальцы пробежались по моей щеке, большой палец прочертил линию моего подбородка, он приподнял его и поцеловал.

Ох... парень.

Я была опьянена и готова для поцелуя, поэтому позволила ему себя поцеловать и поцеловала его в ответ. Поцелуй был манящим, он однозначно великолепно целовался, что означало, что мой контроль скатился к нулю, но я не жаловалась. Не на все.

Его руки опустились на мои бедра, под мою задницу, приподнимая вверх, потом он скользнул руками под мои колени и тоже их приподнял вверх.

Я держала одной рукой его за спину, другой обхватила за голову.

Он прервал поцелуй и его губы скользнули к моему уху, я приподняла голову и опустила на его гладкое плечо.

— Спорим, от моих действий ты уже готова для меня, — пробормотал он мне на ухо.

Можно сказать, что это была самая невероятно самоуверенная фраза, но он хотел выиграть пари.

— Давай посмотрим, как быстро я смогу заставить тебя кончить, — предложил он, мое тело дернулось, потому что оно явно было заинтриговано таким предложением, затем его рука скользнула вниз по моему животу прямо...

Ах да.

Я выгнулась и всхлип вырвался у меня из горла, превратившись в слово: «*Малыш*».

Его пальцы заскользили по влажным складкам у меня между ног.

— Готова для меня, — прорычал он.

Затем его пальцы начали двигаться, они двигались своеобразным, знакомым способом, который был присущ Хоку, доказывающим, что он может заставить меня кончить очень быстро, а также очень, очень сильно.

Я была как раз на середине очень сладкого оргазма, когда его рука вдруг исчезла, а также исчезло тепло его тела, мои трусики заскользили вниз по ногам, а потом он сам исчез между моих ног.

Ах да.

— Малыш, — задыхаясь произнесла я, скользя пальцами по его остриженным коротким волосам.

В этом он был однозначно хорош, ему это нравилось. Для Хока пробовать меня «там» не было чем-то неприятным. Также это не было похоже, что он зарабатывал передо мной дополнительные очки. Пробовать меня на вкус, было похоже, словно он получал меня всю.

Он присоединил пальцы к своему рту и языку.

Да!

Мои бедра приподнялись вверх.

— Хок, — простонала я.

Боже, это было так хорошо. Я испытала оргазм и второй накатывал на меня, его рот и язык, а также пальцы не останавливались, продолжая свои действия, это могло означать только одно — после второго оргазма я испытаю сразу третий. Это не был одинокий длинный оргазм, это был один длинный, блестящий, впечатляющий оргазм, переходящий в такой же длинный, блестящий впечатляющий.

Он был абсолютным супергероем.

Когда я уже была на середине длинного, блестящего, впечатляющего третьего оргазма, пальцы Хока вместе с его ртом испарились, его тело переместилось, мои ноги были подняты в воздух, и он оказался внутри меня.

Ах да!

Господи мне нравилось. Он был жестким, и это означало, что он мог глубоко входить, быстро двигаться и мог проделывать это жестко, что мне тоже очень нравилось.

Он уткнулся мне в шею, и я крепко обхватила его ногами и руками.

— Малыш, — вздохнула я.

Его рука проскользнула между нашими телами, палец дотронулся до моего чувствительного бугорка и меня тряхнуло.

— Хок, малыш, — простонала я, его палец и его член возбуждали меня, заставляя трепетать все тело.

— Ты собираешься снова прятаться от меня? — спросил он мне на ухо, входя в меня, кружа и надавливая пальцем на бугорок.

— Нет, — ахнула я.

— Обещай, Гвен, — потребовал он.

— Обещаю, — ахнула я.

Он приподнял голову и внимательно посмотрел мне в глаза, я открыто смотрела на него. Я никогда не видела его лицо при свете дня. Я никогда не видела никого похожего на него.

Господи... *Бог ты мой*, он был красивым всегда, но больше всего, когда наполнял меня, двигаясь внутри, прижимая меня своим тяжелым весом к кровати, его смуглое лицо стало еще темнее от страсти, глаза горели и были напряженными.

Бог ты мой!

Он чувствовал себя во мне, как дома, достаточно было взглянуть на него (не говоря уже обо все остальном).

— Ты собираешься пережить оргазм со мной? — прорычал он.

Ах, да. Да, я определенно собираюсь пережить его с ним.

— Да, — прошептала я.

— Ты дашь мне сладость? — продолжал он рыча, двигая бедрами и кружа пальцем.

— Да, — всхлипнула я, потому что почувствовала, что *он* собирался дать *мне* усладу. Снова.

Его губы прикоснулись к моим.

— Я чувствую ее, — прошептал он. — Черт побери, Гвен, прекрасно. Всегда так чертовски прекрасно, там у тебя, Душистый Горошек.

— Да, малыш, — я выдохнула ему в губы, мои бедра приподнялись вверх, руки и ноги крепко сжались вокруг него, спина выгнулась, я еще раз кончила таким же блестящим и впечатляющим еще одним оргазмом, он поцеловал меня, глотая мои стоны своим ртом.

Я кончила, падая вниз, он продолжал удерживать свои губы на мне, потом скользнул к моему уху, я услышала его ворчание, когда он стал двигаться еще быстрее, сильнее и мне, черт побери, нравилось брать все, что давал мне Хок, огромную силу, которая наполняла мои конечности.

Его руки подхватили меня за бедра, и он потянул их вверх, глубже вонзаясь в меня, его рычание превратилось в стоны, затем, он, наконец, замер внутри меня и остановился.

Невероятно великолепный.

Я сдерживалась, как и всегда, потому что мне не хотелось, чтобы он быстро кончил. Но

потом ослабила свою хватку, потому что поняла, что он уже на грани своего оргазма.

Сейчас мы занимались сексом не в середине ночи. Сейчас он был не тайным любовником, чье имя я даже не знала. Сейчас ни один из нас не должен был никуда уходить.

Так что же мне делать?

Я не чувствовала ни рук, ни ног, они были как ватные, он вышел из меня. Я закрыла глаза, когда он опустился рядом со мной.

Это было мне знакомо. Выйти и отступить. Вытащить и отстраниться. Закрывшись.

Я открыла глаза, чувствуя жар его тела, прижатого ко мне.

Его торс был частично приподнят, голова наклонена, глаза наблюдали за рукой, скользящей вверх по моему бедру к талии, к животу, потом между грудей, а затем вверх к шее, где его пальцы остановилась. Затем я почувствовала, как его пальцы отодвигают мои волосы с шеи, его рука двинулась к моему подбородку, он аккуратно повернул мою шею, потом его рука исчезла, но он наклонился, и я ощутила, как его язык коснулся у меня за ухом, и его рука опять заскользила вниз по моему телу. Наконец, его рука остановилась на моем животе, обняв.

Он никогда раньше такого не делал. Сегодня все было по-другому. Гораздо лучше. Серьезно намного лучше.

О, парень.

— Всего лишь два на этот раз, — пробормотал он мне на ухо. — Теряю хватку.

— Что? — прошептала я ему в волосы, он приподнял голову и прижался к моему лбу. — Ртом и пальцами, детка, ты кончила только дважды.

— Хм... ну, я кончила один раз сначала и потом еще один, так что я почти уверена, что охвачена полностью.

Тогда он улыбнулся и прикоснулся губами к основанию моего горла. Потом он отстранился, продолжая в упор смотреть на меня.

Его глаза были напряженными и страстными.

Вот черт.

— Как ты отапливаешь? — спросила я, поправляя подушки и устраиваясь на них поудобнее после прекрасного секса, пытаясь завязать разговор о мирских проблемах. Я не хотела вдаваться в подробности. У меня в голове и так был полный беспорядок, и я не знала, куда он меня приведет, и не могла точно сказать, о чем я думала, поскольку мне было адски страшно из-за своих чувств. И разговор с Хоком о том, насколько замечательный был секс, только бы усилил мои эмоции.

— Что? — спросил он.

— Ты живешь в ангаре с цементным полом, Хок, только чудо может обогреть это место. Вместо ответа он схватил одеяло и потянул его на нас, прикрыв меня.

Он подумал, что я мерзну, поэтому мгновенно решил исправить ситуацию.

Ладно, возможно, я хочу поговорить с Хоком об отличном сексе, потому что он сейчас такой милый и заботливый, а беспорядок у меня в голове огромный, гораздо больше, чем его способность предоставлять мне действительно четыре, охренительных оргазма за тридцать минут.

Затем его рука снова опустилась мне на бедро, и он повернул меня к себе лицом, переплетая ноги с моими, притягивая меня поближе.

Со своей стороны, я уперлась руками ему в грудь, мне нравилось до него дотрагиваться. Это не было похоже на отказ в близости и не было обычным «перепихоном». На самом деле,

это было приятно.

— Все не так плохо, как кажется, — с запозданием ответил он.

— Твои счета за отопление должны быть такими же, как моя ипотека, — заметила я.

Он улыбнулся.

— Неа.

— Ты уверен, — пробормотала я, уставившись на его горло.

— Да, Душистый Горошек, знаю и тебе следует рефинансироваться. Проценты, которые ты выплачиваешь возмутительны. Я собираюсь встретиться со своим финансовым консультантом.

Я подняла на него глаза, почувствовав, что мой живот немного напрягся.

— Ты будешь встречать со своим финансовым консультантом? — спросила я.

— Да, — ответил он.

Ой-ой. Он стал еще более милым и заботливым.

— Это часть твоей Обязанности Защищать Гвендолин Кидд, убедиться, что я не переплачиваю ипотечным кредиторам? — поинтересовалась я.

Он продолжал улыбаться, крепче сжимая руку.

— Есть много аспектов Обязанности Защищать Гвендолин Кидд.

— Не потрудишься объяснить?

— Неа.

Я посмотрела на него, затем пробормотала:

— На «неа» я не согласна.

Его улыбка стала еще шире, я поняла по ямочкам, которые появились у него.

— Точно не согласна? — переспросил он.

— Загадочный мужчина, — ответила я.

Его руки прошлись вверх по моей спине, и он наклонил голову ближе.

— Мне нравится удивлять тебя, Душистый Горошек. Когда я делаю то, что тебе нравится, твое лицо смягчается, — он прикоснулся губами к моему рту и немного отстранился. — Хорошо? — шепотом спросил он.

Вау.

— Мое лицо делается мягче?

— О да.

— Хмм, — пробормотала я.

— Видел, как оно смягчалось сейчас и раньше, в общем дважды.

— Раньше? И дважды?

Его губы скользили по моим, затем передвинулись к моему уху, и он прошептал:

— Да, детка, и оба раза мой рот не находился между твоих ног, перед тем, как ты кончила.

Мой живот просто трепетал, наверняка от его слов.

— Хок...

— Я скучал по твоему теперешнему взгляду при свете дня все полтора года, пока мы занимались сексом, и мне не хотелось бы потерять его снова.

У меня в горле запершило, и я слышала, как сильно колотится мое сердце.

Я убрала руку с его спины и ближе прижалась к нему, немного передвинув голову, чтобы мои губы смогли дотронуться до его груди.

— Ты не даешь делать мне ничего, что я хочу, — прошептала я.

— Ты можешь делать все, что хочешь, — прошептал он, его рука медленно двигалась вниз к моей заднице, а затем сжала ее.

— Все, что я хочу?

— Все, что хочешь, детка.

— О, боже, — выдохнула я, и он усмехнулся мне в ухо.

Мне было приятно от его слов.

Я прижалась еще ближе к нему.

Затем почувствовала, как он приподнял голову и взглянула на него, он прислушивался ко мне.

Затем он вдруг резко проговорил:

— Бл*дь.

— Что?

Он ничего не ответил, подскочил с постели, утягивая меня за собой.

Поставил меня на ноги рядом с кроватью, продолжая молчать, я спросила:

— Что, Хок?

Он взглянул на меня, схватив за руку и потянул к моим вещам в чемоданах.

— Одевайся, детка. У нас гости.

— Мы примем их? — спросила я в тот момент, когда он поставил меня напротив моих чемоданов.

— Да, — ответил он.

Ох, черт побери.

— Хорошие или плохие? — спросила я, он положил свои руки мне на бедра, и притянул мое обнаженное тело в своему.

— В данный момент, Душистый горошек, — прорычал он, — любые гости плохая компания.

Мне пришлось полностью согласиться с ним, потому как его горячее, твердое, обнаженное тело прижималось к моему.

Потом раздался стук в дверь, и я вздрогнула. Я освободилась от его объятий и наклонилась над чемоданами. Хок ринулся к своему гардеробу.

Я похватила пару вещей и влетела в ванную.

Я воспользовалась щеткой и зубной нитью, умылась, надела нижнее белье и собрала волосы в высокий хвост на затылке, дверь в ванную открылась без стука.

Я подскочила на месте, резко развернувшись, на пороге стоял Хок в темно-коричневых тренировочных штанах и облегающей оливковой футболке.

Мне в голову тут же пришла мысль, которая тупо вырвалась на поверхность.

— Сколько у тебя штанов?

Его глаза прошли по моему нижнему белью на мне.

Затем он прямо ляпнул, не собираясь меня как-то подготовить к этому:

— Там моя семья. Неожиданно решили меня навестить. Они слышали о тебе. Джури известный болтун.

Я громко выдохнула.

— Уфффф.

И прошептала:

— Что?

— Ма готовит завтрак.

Его *Ма*? Его мама *готовит завтрак*?

Я почувствовала, как у меня глаза становятся огромными и повторила:

— Что?

— Ей нужно некоторое время, поэтому, когда ты будешь готова, то спускайся.

Я снова переспросила:

— Что?

Но мой вопрос относился к закрытой двери. Он ушел.

Я повернулась к зеркалу, глядя в свои огромные глаза, как я и ожидала мое лицо побледнело.

И мне ничего не оставалось, как прошептать:

— Вот черт.

Глава восемнадцатая

Топорик для разделки мяса

Я продолжала пялиться на себя в зеркало.

Я волнуясь схватила свою одежду, но даже если бы я не волновалась, я не была готова.

При нормальных обстоятельствах встреча с родителями требует тщательной подготовки — поездку в торговый центр, маникюр, педикюр, уход за лицом, за волосами, чуть-чуть их подрезать и как минимум неделю морально себя подготавливать к этому событию.

Однозначно.

У меня ничего этого не было.

Вместо этого я схватила штаны для йоги с широким поясом наверху цвета мокко, сильно приталенную цвета сливки с молоком майку и легкую, хорошо сидящую толстовку с капюшоном, на молнии с супер потрясающим шитьем, и в тот момент мне казалось, что пастельный цвет мега-офигительный с неоновым оранжево-персиковым.

Сейчас я думаю, это выглядело смешно.

Поскольку было утро воскресенья и нормальные люди не раздеваются в пух и прах, и не появляются при полном макияже на неожиданный семейный завтрак, я не стала краситься. Но побрызгала на себя духами.

Я втянула воздух. Я не могла заработать себе дополнительное количество очков и не могла сбежать.

Ну! Что будет, то будет.

Я вышла из ванной и стала спускаться по лестнице, услышав крики детей и приглушенные голоса взрослых.

Я смотрела вниз, спускаясь по лестнице, и заметила прекрасную, пожилую женщину, готовящую бекон на плите, аромат, которого разносился по воздуху, она смотрела на меня. Двое очень красивых, высоких, стройных мужчин, очень похожих внешне на Хока, сидели на барных стульях, раздвинув свои длинные ноги, положив их на внизу подставку, повернув головы в мою сторону. Еще один, мужчина в возрасте, тоже внешне похожий на Хока, красивый, высокий, худой стоял на противоположном конце кухонного островка и тоже смотрел на меня. Хок стоял спиной ко мне, опершись бедром на столешницу, повернув шею в мою сторону. И, наконец, два черноволосых мальчика, неопределенного возраста, наверное, где-то от двух до шести лет, носились по огромному пространству, совершенно не обращая внимание на мое появление.

— Привет, — произнесла я, когда мне оставалось спуститься на пять ступенек (да, я рассчитывала, что мне оставалось пройти пять ступенек и не грохнуться лицом вниз).

— Привет, — ухмыляясь ответил один из мужчин, сидя на барном стульчике, у него не было ямочек на щеках, а у его брата, который сидел на другом барном стуле и улыбался, были. Так же как и у мужчины в возрасте.

Я пересекла помещение, мне показалось, что это был слишком долгий путь, конечно же, ведь за мной наблюдала вся семья Хока.

Я не разбирала направления, ноги сами меня привели к Хоку. Я остановилась рядом с ним, никто не отвернулся. Ни один из них.

Упс.

Затем руки Хока скользнули по моим плечам, он перевернул меня к себе лицом, ближе придвинув к себе, слишком близко, и я готова была уже отойти от него, чтобы увеличить расстояние между нами, но взглянула ему в глаза, которые с теплотой смотрели на меня.

— Ты в порядке? — нежно спросил он.

Нет. Никто не мог сказать, что я была в порядке. Скорее всего, я была в ужасе.

Я кивнула, соглашаясь со своей ложью.

— Хочешь кофе?

— Кофе было бы хорошо, — прошептала я и начала отстраняться, но рука Хока напряглась, он поднял голову и повернулся к матери.

— Ма, ты не могла бы сделать Гвен кофе?

Я вздрогнула, и посмотрела на нее.

— Я могу сама.

И я притихла.

Что-то было ни так. Не просто не так, а *совсем неправильно не так*. Выражение лица матери Хока. Грусть, я не знала его мать и находилась в ее присутствии меньше чем минуту, но ее грусть коснулась моей души.

— Мария, дорогая, можешь сделать девушке Кейба кофе, — спокойно попросил мужчина в возрасте, мать Хока дернулась и выражение грусти пропала у нее с лица.

Хм. Что за черт?

— Да, конечно, Гвен? — сказала она, спеша ко мне. — Я — Мария, мать Кейба.

Она протянула руку, и я пожалала ее, Хок не дал мне передвинуться от него. Ее пальцы обхватили мою руку, и она посмотрела на меня со своего небольшого роста, я улыбнулась, думая, неудивительно, что Хок был таким горячим и сексуальным, она уже была не слишком молода, но до сих пор была несомненной красавицей.

Ее рука сжала мою, она улыбнулась маленькой улыбкой, разомкнула свои пальцы и отошла.

Мда. Не уверена хорошо ли все прошло.

— Я — Вон, — произнес один из мужчин, сидящий на барном стуле, и я повернула к нему голову. У него были ямочки.

— Привет, — ответила я. — Я — Гвен.

Он улыбался, и улыбка была большой, потом пробормотал:

— Я знаю.

Хорошо.

— Жена Вона, Лючия, медсестра, детка, сегодня утром она улетела в Швецию. И самый шаловливый ребенок, который имеет ученую степень по претворению моего дома в бардак,

это его, — сказал Хок, кивая в сторону ребенка, а я кивнула ему в ответ.

— Джури, — произнес другой мужчина, сидя на барном стуле, и я перевела на него глаза.

— Привет, — сказала я.

— Твой ноутбук работает хорошо? — спросил он, и я поняла, что Джури был пожарным, и я также подозревала, что это именно он был на обложке календаря пожарников Денвера в июле, поскольку он был очень горячим парнем. Если пожарные объединились бы с сотрудниками полиции и сделали бы групповой снимок, включая Лоусона и Джури, бумага бы, на которой был бы напечатан календарь, спонтанно бы воспламенилась.

— Да, спасибо, что ты сделал для меня, — ответила я ему.

— Без проблем, — пробормотал он, глядя мне в глаза. На самом деле, они все продолжали смотреть на меня, кроме Марии, которая наливала мне кофе.

— Августин, — прогудел отец Хока с огромной улыбкой на лице, двигаясь ко мне, в его внешности было много всего от Ястреба, с одной стороны, это пугало, с другой — служило хорошим предзнаменованием для будущих детей Хока. Ма Хока была красавицей, его отцу, как в прочем и моему, с возрастом не удалось потерять ни капельки сексуальности. Он протянул руку, и я пожала ее, как только он подошел. — Гус.

— Гус, — я пожала ему руку, — Гвен.

Он отпустил мою руку, продолжая улыбаться, глядя на меня огромными глазами, потом посмотрел на Хока.

— Кейб, хороший вкус. Красивые глаза. Отличные волосы. Фантастическая задница, — заметил он, и я замерла от шока.

— Гус! — закричала Мария, взмахнув рукой в то время, как все мужчины Дельгадо довольно хмыкнули.

Гус развернулся к своей жене.

— Это сущая правда.

— *Madre de dios*, — отрезала она. — Возможно, что это и так, но ты *не должен говорить этого ей!*

Гус стал раскачиваться на пятках, скрестив руки на груди.

— Почему нет?

Глаза Марии стеганули по мне и вернулись к мужу, и она махнула рукой в мою сторону.

— Потому что посмотри на нее, ты оскорбил ее.

— Хм..., — поспешно произнесла я. — Я не оскорбилась, — и я действительно не чувствовала себя оскорбленной, скорее ошеломленной, поэтому посмотрела на Гуса. — Замороженное тесто, — пояснила я. — Мое приобретение — очень вкусное, чрезмерно употребляемое свежемороженное песочное тесто.

— То, что ты делаешь, милая, дает свои результаты, — он усмехнулся и в конце посоветовал: — Не останавливайся.

— Развод. Раз-вод. Завтра же я звоню своему адвокату, — произнесла угрожающе Мария, и мне показалось, что она говорила это часто.

— Женщина, у тебя нет адвоката, — ввернул Гус, казалось, его ответ был в порядке вещей.

Мда. Мария и Гус спорили. Это было так знакомо.

— Ну, так я найду одного! — отрезала Мария и взглянула на меня. — Как ты любишь кофе?

— С молоком и половинкой сахара, — тут же ответила я.

— Половинка сахара не сделает такую задницу, — произнес Гус, и Хок молча затрясся всем телом от смеха.

Мария резко развернулась, схватила пустую кружку и бросила ее в Гуса.

Да, она бросила кружкой в Гуса.

Гус явно уже сталкивался с таким, поэтому пригнулся, и кружка стукнулась о стойку, отскочила в сторону, упав на пол, к счастью, целая и невредимая, на самом деле, кружки у Хока были просто офигительными.

Я застыла на месте с открытым ртом, пялясь во все глаза.

— Женщина! — заорал Гус, выпрямляясь, упершись руками в бедра. — Ты сошла с ума? Теперь *ты* напугала Гвен!

Испуганно Мари перевела на меня взгляд.

— Учись, — предупредила она, указывая пальцем на меня и наклонив голову вперед. — Все они такие же, как он. Не позволяй, чтобы им все сходило с рук. Стой на своем и не откладывай это в долгий ящик, Гвен, ты меня слышишь?

— Слышу, — прошептала я.

— Я не сразу стала настаивать на своем, — сказала она мне. — Поскольку была настолько ослеплена его внешностью. Не будь ослепленной внешностью Кейба, Гвен, послушай меня. Он всего лишь человек. Хотя иногда и может делать такие вещи, которые заставляют тебя думать по-другому, но, поверь мне, он всего лишь просто человек.

— Я не совсем уверена, что он просто человек, — поделилась я. — Я не могу сказать точно, поскольку не видела своими собственными глазами, но мне кажется, что он может проходить сквозь стены.

Мужчины засмеялись, а все тело Хока опять затряслось от смеха, но Мария не разделяла мужского веселья.

— Он не может. Теперь я точно вижу, что ты ослеплена им. Встряхнись моя, дорогая. Чем раньше, тем лучше.

— Хорошо, — согласилась я, поскольку она говорила вполне серьезно.

Ее палец указал на Гуса.

— Веди себя хорошо! — и она вернулась к моему кофе.

Хок придвинулся к моему уху и прошептал:

— Ты ослеплена мной, Душистый Горошек?

Я повернула к нему голову и поймала его взгляд.

— Веди себя хорошо.

Он оскалился и вдруг меня тряхнуло от неожиданности, потому что в меня врезался мальчик.

Я опустила глаза вниз и увидела черные глаза и такие же красивые черты лица, как у Хока, только маленького мальчика, который стоял передо мной, хлопая меня ладошкой по бедру.

— Ну, здравствуй, малыш, — сказала я ему.

Он снова ударил меня по бедру, и Вон резко его одернул:

— Хавьер.

— Оранжевый! — закричал мальчик, затем снова ударил меня по бедру, указывая на мою толстовку.

— Да, оранжевый, — ответила я, указал на мои штаны для йоги. — А это какой цвет?

— Коричневый! — закричал он и захлопал в ладоши.

Я улыбнулась ему.

— Отлично. А это какой? — я потянула себя за хвост.

— Хватит! — крикнул он, и я ничего не могла поделать, поэтому рассмеялась, присев на корточки, чтобы оказаться с ним глазами на одном уровне.

— Я Гвен, а ты кто?

— Хавьер! — прокричал он и снова хлопнул меня ладошкой.

— Санто, — услышала я рядом с собой, и заметила стоявшего мальчика постарше, который внимательно рассматривал меня.

— Санто? — переспросила я, и он кивнул. — Привет, Санто.

Он не ответил, покачиваясь, но его глаза не оставляли меня ни на минуту.

— Ты очень красивый, — сообщила я ему.

Он продолжал покачиваться и изучать меня.

— Нравится ли вам большое логово вашего дяди? — спросила я.

Он наклонил голову в сторону.

— Логово? — переспросил он.

Я обвела рукой вокруг.

— Его дом.

— Мы можем здесь бегать, — был его ответ.

Я улыбнулась ему.

— Но тебе здесь нравится.

Он сделал шаг ко мне и остановился.

— Солнечно, — ответил он.

Я посмотрела на окна, потом снова на Санту.

— Да, детка, в нем много солнца.

— Мы можем бегать и подниматься наверх, — продолжил он.

— Но вы делаете это очень осторожно, верно? Чтобы бабушка не волновалась, да? — спросила я.

— Осторожно, — он кивнул.

Я продолжила улыбаться.

— Сколько тебе лет?

— Пять, — ответил Санто, делая еще один шаг ко мне и показывая мне пять пальцев.

— Три! — закричал Хавьер, я перевела взгляд на него, он с трудом пытался показать мне три пальца, поэтому я протянула руку и аккуратно загнула два лишних.

— Три, — тихо сказала я.

— Три! — согласился Хавьер, радостно поглядывая на свою ручку.

— Ты сможешь их так удержать? — спросила я, и он опять посмотрел на свою ручку, и было видно как напряглись его губы, он кивнул.

Медленно я убрала свою руку, он поднял три пальчика вверх.

Я провела пальцами по его мягкой, еще пухлой щечке.

— Отлично, — сказала я ему.

Его глаза обратились на меня, он снова легонько стукнул меня ручонкой, затем просто впечатался в мое тело со всего маху. Я удержалась на корточках только в самую последнюю минуту, поэтому не упала на задницу, парень оказался чертовски силен. Он обхватил меня своим ручонками и оставил у меня на шеи слюнявый, трехлетний поцелуй, дернув меня за

ХВОСТ.

Так же быстро, как он ринулся на меня, он разжал свои объятия и помчался прочь.

Однозначно, настоящий Дельгадо.

Санто понесся вслед за ним.

Я встала... все не отрывали от меня глаз, никто не улыбался на этот раз, и чувствовалось какое-то напряжение от всей семьи Дельгадо.

Странно.

Рука Хока опять обняла меня за плечи, и он притянул меня к себе. Я посмотрела вверх на него только одну секунду, но не успела подготовиться, его рот опустился на мои губы, запечатлев очень короткий, крепкий и очень сладкий поцелуй.

Он поднял голову, я обвила руками его за талию.

Я смотрела ему в глаза и не могла в них ничего прочесть, он провел костяшками пальцев по моей щеке, обхватив мою шею сзади.

Я забыла, что мы ни одни и у нас есть компания, вновь сосредоточилась на его взгляде, от которого я почувствовала, что что-то не так.

— Ты в порядке? — шепотом спросила я.

— Нет, — ответил он.

— Хок..., — начала я, но толком не знала, что собиралась сказать.

Его рука сжала мою шею.

— Полностью упустил.

Здесь что-то происходило, что-то очень важное. Я не понимала, что именно.

— Хок, — выдохнула я.

— Черт побери, полностью упустил.

— Малыш, — тихо произнесла я.

— Кофе, *querida*, — услышала я рядом с собой, и повернула голову, с удивлением обнаружив Марию, стоящую рядом с нами и протягивающую мне кружку с кофе.

Я забрала у нее кружку.

— Спасибо.

— Без проблем, — пробормотала она, быстро стрельнув взглядом на Хока и вернувшись к бекону, жарящемуся на плите.

— Итак, Гвен, чем ты занимаешься? — спросил Гус, и я с облегчением взглянула на него, потому что он решил задать вполне нормальный вопрос, и атмосфера на кухне сразу же изменилась, перестав быть такой напряженной и тяжелой.

— Я редактор книг, — ответила я, сделав глоток кофе.

— Нравится? — спросил Гус.

— Да, — ответила я.

— А чем занимается твой отец? — стал дальше расспрашивать Гус.

— Строительством, он бывший военный и по совместительству разнорабочий, потому что его дочь купила дом, бездонную бочку, — ответила я ему.

Гус улыбнулся.

— Это и заставляет нас оставаться молодыми, чтобы поддерживать наших детей и совсем не важно сколько им лет.

— Хорошо, я постараюсь, чтобы мой отец оставался как можно дольше молодым.

Улыбка Гуса стала шире.

— Уверен, что он получает удовольствие от каждой минуты, — тут Гус явно ошибался.

— Он потратил пять часов уговаривая меня, чтобы я не покупала свой дом, но я решила обязательно его купить, и когда пол в ванной комнате провалился в гостиную, ему пришлось взять часовой тайм-аут, чтобы не задушить меня своими руками и не стать известным убийцей своей дочери в он-лайн энциклопедии, поэтому я не уверена, что он наслаждается каждой минутой заботясь обо мне.

— Поверь мне, — заявил Гус, все еще улыбаясь, — ему нравится каждая минута.

— Ладно, — решила согласиться я.

— А твоя мама? — продолжал меня допрашивать Гус.

— Мередит — секретарь адвоката по разводам, — ответила я.

— Мередит?! — спросил он.

— Моя мачеха.

— А твоя настоящая мама где? — спросил Гус.

— Хватит, — низким голосом произнес Хок, и глаза Гуса перешли на сына.

— Она исчезла, когда я была маленькой, — охотно ответила я и напряжение Дельгадо опять ударило меня со всех сторон.

— Прости, Гвен, я не знал, — сказал Гус.

— Все хорошо, Гус, это было давно, — спокойной ответила я, но Хок повернул голову в сторону входной двери.

Я взглянула на него, его брови вопросительно приподнялись, и я услышала его бормотание:

— Кто там еще?

Он отпустил меня и двинулся к двери, я отпила еще один глоток кофе, в воздухе так вкусно пахло беконом, что мой желудок сообщил о голоде.

Хавьер забежал на кухню. Он ударил свою бабушку ладонью по ноге и прокричал:

— Бекон! — я ухмыльнулась.

У двери послышалась какая-то возня, я повернулась, чтобы взглянуть и увидела быстро входящую Мередит, с лицом, на котором отражалась паника. Отец шел за ней широким шагом, его лицо превратилось в маску из гранита. А за ним следовала женщина в джинсах, сапогах, свободном топе с серебристым отливом и легкой, потертой кожаной куртке. Она выглядела наполовину хиппи, наполовину подружкой байкера, и видно, что она привыкла добиваться своего, и мне понравилась, ее стиль одежды, я почувствовала какое-то новое направление. Она показалась мне знакомой, но я не могла вспомнить, где ее видела.

Я напряглась и повернулась, поставив свою чашку на столешницу.

Что теперь?

— Гвенни, милая, она мне..., — начала Мередит, ее глаза были прикованы ко мне, она даже не обратила внимание на мужчин семейства Дельгадо.

— Гвендолин! — закричала женщина, которую я не знала и побежала ко мне. — Боже мой, *Боже мой*. Проходите! — она прошла мимо Мередит и обняла меня, а я застыла, уставившись на Мередит. — Мою малышку, чуть не убили! — запричитала женщина, покачиваясь вместе со мной из стороны в сторону.

— Ну, — начала я. — Я вас знаю?

Она резко оторвалась от меня, с силой вцепившись мне в плечи, что я почувствовала ее ногти через материю толстовки.

— Ты не знаешь меня? — прошептала она.

— Гвен..., — начал папа, но женщина меня отпустила и резко обернувшись, посмотрела

на отца.

— *Она не знает меня?* — закричала она в ответ и даже Санто и Хавьер перестали бегать, остановились и уставились на нее.

— Либби, — произнес резко папа, но я почувствовала, как у меня с лица исчезают все краски, поэтому отступила на шаг назад.

— Либби? — прошептала я, и она развернулась ко мне.

— Да! — отрезала она. — Либби! Твоя мать!

О Боже мой! Гус был мастером вуду. Стоило ему упомянуть и *бац!* Вот она!

Я отыскала глазами Хока, который быстро шел ко мне, поскольку меня закачало. К счастью, он вовремя добрался до меня, обхватил меня под грудью, он встал позади и прижал мою спину к своей широкой каменной груди, создавая мне опору.

— Тебе не нужно защищать ее от меня, — зашипела мама на Хока, прищурившись.

— Я заберу мальчиков, — пробормотал Вон, поднимаясь со стула и направившись к сыновьям.

Но я толком не видела, вернее я различала только какое-то движение, не отводя взгляда с мамы.

Моей Мамы.

— Ну, вот и ответ, — зашипела мама, повернувшись к Мередит. — Я так понимаю, ты не отдала ей мои письма и фото, которые я посылала, — обвинила она, от чего рука Хока сжалась вокруг меня еще сильнее, я быстро перевела взгляд на Мередит.

— Я..., — начала Мередит.

— Нет, это *я не отдал*, — продолжил отец, вставая рядом с Мередит и обхватывая ее за талию.

Письма? Фото?

— Мне стоило об этом догадаться, когда я не получила от нее ответа, — парировала мама, вперившись в Мередит взглядом. — *Моя малышка* не оставит меня. *Моя малышка* обязательно бы мне ответила!

— Это было мое решение вычеркнуть тебя из жизни Гвен, не Мэр, так что смотри на меня, Либби, — приказал папа.

— Боже мой! — прошептала я.

Но мама почему-то не стала смотреть на папу, а повернулась ко мне.

— Теперь ты можешь снова сказать! — закричала она.

— Тебе следует успокоиться и поскольку ты видишь, что Гвен и Хок не одни, у них гости, то возможно, нам стоит все обсудить частным образом? — предложил папа.

— Нет! Нет, я не собираюсь частным образом! — закричала мама.

— Точно, а выражаясь другими словами, ничего не изменилось, — произнес отец.

— Пошел ты! — выстрелила в ответ мама и мое тело тряхнуло.

Хок вступил в перепалку.

— Бакс просил вас успокоиться. Сейчас вы находитесь у меня в доме, и я тоже говорю вам успокоиться.

Мама переметнулась на Хока.

— А я разве беспокоюсь?

О Боже мой. Моя давно исчезнувшая мама материлась и по всей видимости желала умереть.

— Видишь, почему я сделал все, чтобы как можно дальше держать эту женщину от моей

дочери? — сердито спросил папа Хока.

— Я не понимаю, — прошептала я.

— Конечно, нет, малышка, — заявила мама.

— Гвен, дорогая, я не отдал тебе письма и фото, — сказал отец. — Первое письмо она отправила вместе с фотографиями, когда умерла твоя тетя Милдред, оставив тебе десять тысяч долларов. В нем она говорила, что работает в Африке с голодающими детьми и ей нужны деньги на еду и лекарства, когда на самом деле она жила в Боулдере и работала барменшей в баре байкеров и нужны ей были деньги, чтобы покупать дурь.

Боулдер? *Боулдер!*? Я думал, что моя мать жила в Рапид-Сити.

Я посмотрела на папу.

Великолепно. Просто замечательно. Моя мама материлась, хотела своей смерти и жила в тридцати километрах от меня и поступала, как Джинджер.

Фантастика.

Все эти мысли бродили у меня в голове.

— Пожалуйста, это не происходит на самом деле, — прошептала я вслух, и другая рука Хока обвилась вокруг моих ребер.

— Второе письмо, дорогая, их было только два, пришло, когда ты окончила школу, и я перевел твой школьный фонд на тебя. Она писала, что стала жертвой наводнения, — папа направился к моей маме, не отрывая от нее глаз. — Что сейчас, Либ? Ты слышала о стрельбе и подумала получить страховку или ты слышала, что она спит с Хоком и решила что-то получить от него?

— Это я, — заявил Хок, и я повернула к нему голову, он был тверд по отношению к моей несчастной матери.

— Я не знаю вас, — накинулась мама на Хока.

— Дерьмо, — ответил Хок, и мое тело опять дернулось.

— Я никогда не видела вас, — возразила она.

— Ты была женой Папы Раунтри, пока он не дал тебе под зад, и ты три раза была рядом с его домом, когда я приходил туда, — ответил Хок.

Мама наклонила голову и немного повернулась в сторону.

То, что сказал Хок, было правдой.

О Боже мой. Моя давно пропадающая мать материлась, желала своей смерти и была алчной!

— Это объясняет, зачем ты выпрашивала у Рика про чертовую гостиную, пока мы охраняли Гвен от тебя, от твоего «смущения и ора». Потому что ты поняла, что мы не подпустим тебя к Гвен и к Хоку, — предположил папа.

Моя мать посмотрела на папу, а затем перевела взгляд на другую жертву.

— *Моя дочь* стала жертвой стрельбы из проезжающей машины, потому что *твоя дочь*, — она со злостью ткнула пальцем в Мередит, — *кусок дерьма*.

Мередит побледнела, папа покраснел как рак, а я лишилась самообладания.

— Не смей, — прошептала я, и мама перевела на меня взгляд, и я увидела, черт побери, как у нее тут же изменилось выражение лица.

— Детка..., — прошептала она.

— Я не твоя «детка», ты жила в *Боулдере*? — я сделала акцент на последних словах, и руки Хока напряглись, сильнее удерживая меня, но я наклонилась вперед. — Ты жила в Боулдере, и ты никогда не приезжала ко мне?

— Твой отец не позволял мне! — ответила она, переходя на крик.

— Это никого не волнует! — крикнула я в ответ. — Если бы ты захотела увидеть своего ребенка, ты бы перевернула небо и землю, чтобы увидаться с ним! Ты хотела поддерживать со мной связь, отправив только два письма! Ты должна была послать две тысячи писем!

— Гвендолин..., — начала она.

— Я не могу поверить, — перебила я ее. — У меня не укладывается в голове, что я не видела тебя почти тридцать лет, а когда увидела всего лишь потому, что ты узнала про Хока, что он может позволить себе купить мне туфли от Джимми Чу!

Прямое попадание, она поморщилась и напряглась.

— Ты чуть не умерла вчера, — ответила она мне.

— Э-э... да, я знаю, поскольку *была там*, — с сарказмом произнесла я.

— Я твоя мать! И волнуюсь!

— Ты не волновалась, когда Брайан Таката разбил мне сердце в десятом классе, и я была в глубоком отчаянии. Мередит волновалась обо мне! И тогда Мередит открыла мне целебные свойства замороженного песочного теста и, позволь сказать тебе, это был хороший урок, потому что тесто прошло долгий путь, чтобы залечить мое разбитое сердце. И, кстати, — мой тон был наполнен горечью, — Мередит научила меня многим хорошим вещам, когда тебя не было рядом.

— Гвен..., — попыталась меня прервать мать, но я продолжила.

— И тебя особо не волновало, когда Скотт Лэйтон чуть ли не уничтожил меня, после чего я поняла, что никогда не полюблю снова. Мередит волновалась обо мне. И у меня не было денег, чтобы нанять хорошего адвоката, когда Скотт грабил меня во время развода, Мередит наняла своего босса, который стал представлять меня в суде, и Скотт перестал выставлять требования! Ты была в Боулдере или где-то еще, достаточно близко, чтобы приехать сюда, но ты ни разу не приехала. А Мередит все время была рядом!

— Да, я не была рядом, но я была в курсе всего, что с тобой происходило, а сейчас я узнала, что у тебя большие проблемы из-за *этой суки*, дочери Мередит, исчадия ада, которая *притягивает к тебе* столько неприятностей, — вставила мама.

Я вырвалась из рук Хока, сделав два быстрых шага, что мать с испугом отступила назад.

— Та, о ком ты говоришь — *моя сестра*, — прокричала я ей в лицо. — И это *семейные проблемы*, а ты... *не моя... семья*.

— Гве..., — начала она.

— Убирайся! — закричала я.

— Я не верю...

— Мне все равно, веришь ты или нет. Ты претендуешь на деньги моего мужчины, — у меня так колотилось сердце в груди, что я положила ладонь. — Ты оскорбляешь *мою сестру*. Ты выводешь из себя *моего папу*. И ты расстроила, — я наклонилась вперед, указывая на Мередит, — *мою маму*!

Она снова отклонилась назад, ее лицо побледнело, но она не двигалась с места.

— Я сказала тебе уходи, иначе я напущу на тебя Хока! — угрожая произнесла я.

Ее взгляд скользнул по Хоку, который, как крутой засранец возвышался за моей спиной, но я не сводила с нее глаз.

Затем она посмотрела мне в глаза.

— Знаешь, — прошептала она, — в тебе я не вижу ничего от себя.

Сказала она как оскорбление.

— И Слава Богу, — ответила я.

Ее рот скривился, она тряхнула волосами, которые, к сожалению, были такими же как у меня (за исключением покрашенных прядей) потом развернулась, и не глядя ни на кого, направилась на выход.

Я подошла к холодильнику, раздраженная и готовая разразиться обильной тирадой.

— Знаете, я предпочла бы, чтобы меня снова взорвали зажигательными бомбами. Нет! — поправила я саму себя, рывком открывая холодильник и потянувшись за песочным тестом. — Обстреляли из машины. Я бы предпочла лучше вытерпеть еще один автомобиль, чем проходить через это снова. — Я захлопнула дверцу холодильника и направилась к висевшим ножам, взяв первый попавшийся наугад. Я вытащила разделочную доску с полки, и подошла к кухонному уголку в виде подковы, где стояла Мередит и с грохотом опустила разделочную доску. — И тебе стоит знать, Мередит, что я не виню тебя. Джинджер — это Джинджер, но мы все семья, все. — Я взмахнула ножом. — Мы не знали, что такое может, в конце концов, произойти. — Я опустила тубу с тестом на разделочную доску и начала нарезать его, сильные пальцы схватили меня за запястья, и я почувствовала сильное тело, прижавшееся ко мне.

Я посмотрела на Хока.

— Брось это песочное тесто, детка, — прошептал он.

— Нет, Хок, это тесто — все, — ответила я, вытаскивая запястье из его руки и снова взмахнув ножом.

Он поджал губы и предложил:

— Хорошо, тогда в твоём нынешнем состоянии будет лучше, если ты не будешь махать тесаком.

— Я не машу..., — замолчала я, опуская нож и заметив, что это был огромный, черт побери, топорик для мяса. — Вот черт, — пробормотала я.

Его рука вернулась к моему запястью, и он медленно забрал у меня топорик и отдал его матери, которая стояла рядом.

Именно в этот момент я вспомнила, что мы ни одни, а также вспомнила, что жизнь на данном этапе потерпела полное фиаско, поэтому я разревелась.

Хок обнял меня, я обхватила его теплую спину и прижала лицо к его груди.

Его рука скользнула вверх и обхватила мою шею сзади.

Наступила тишина, перемежающаяся ропотом разговоров моих родителей, которые беседовали с семьей Хока, но я не обращала внимания на них, потому что присутствие других людей, когда ты распадаешься на кусочки, было возможным, поскольку часть людей является твоей семьей, а часть принадлежит горячему парню, стоящему рядом с тобой, с которым ты спишь, и не смотря на то, что только сегодня я познакомилась с его родителями и братьями, и они только что стали свидетелями неприятной семейной сцены, которую я закончила своими разглагольствованиями и размахиваниям топориком для мяса, это был своего рода моральный долг.

Когда мои рыдания стихли, я автоматически стала искать родные лица.

Я повернула голову и отыскивала глазами Мередит.

— Я знаю, что Мария делает завтрак, но можешь ты сделать мне пончики? — шепотом попросила я.

— Я пойду в магазин за тестом и растительным маслом, — тут же объявил папа, и я скорее почувствовала, чем увидела, как он направился в сторону двери, потому что не спускала глаз с Мередит.

В ее глазах тоже стояли слезы, но она улыбнулась мне.

Да, все стало намного лучше.

Я тоже улыбнулась, прижавшись щекой к груди Хока, его руки по-прежнему крепко прижимали меня к себе.

И я крикнула вдогонку папе:

— Не забудь шоколадную глазурь!

— Будет сделано, — прокричал папа в ответ.

Я ощутила что-то спиной и прижалась другой щекой к широкой груди Хока, повернув голову и увидела Гуса.

Он смотрел на сына.

— Я считаю хорошим знаком, что после семейной драмы, Гвен продолжает заботиться о своей классной заднице, — отметил он.

— Гус! — закричала Мария.

Я засмеялась.

А также засмеялся Хок, хотя очень тихо, я чувствовала, как сотрясается его тело от смеха.

Он чувствовал себя на самом деле хорошо.

Хок перестал смеяться, и я отпустила его, лишаясь его теплого стального тела, Мария пробормотала:

— Она может и ослеплена им, но не боится пользоваться тесаком для мяса. Я научу ее некоторым хорошим вещам, — и я опять засмеялась.

* * *

Когда начало темнеть Хок отправился по делам, ничего не объясняя.

До этого мы — моя семья и его — ели яйца, тосты, бекон и домашние пончики, сделанные из замороженного бисквитного теста, хорошо прожаренные, а затем покрытые глазурью.

Домашние пончики были также хороши, чтобы залечить полученную душевную траву, как и песочное замороженное тесто для печенья, ну, если чуть-чуть не совсем уж настолько хороши, но этим утром они произвели свой исцеляющий эффект, потому что их сделала Мередит.

Папа и Гус тут же нашли общий язык, Мередит и Мария тоже. Вон и Джури оба такие же крутые, как и их брат, относились ко мне со всем вниманием. Но большую часть своего времени после пончиков я провела, играя в прятки с Хавьером и Санто. В логове Хока мест, чтобы спрятаться было и не так уж много, но зато было достаточно места, чтобы искать. Я совершила одну ошибку, начала щекотать их, когда нашла в первый раз, им понравилось, поэтому они все время заставляли меня искать их и находить становилось все легче и легче. В конце концов Хавьер попытался спрятаться, продолжая хихикать и называя меня «Нэнни!», Гвен он не мог выговорить.

Наконец, Мария и Мередит убрали всю посуду, попрощались и ушли, Хок подошел ко мне, сказав, что у него «дела». Он не стал вдаваться в детали, а я не спросила, поэтому он поцеловал меня и ушел.

Я разбирала свое рабочее место, расставляя все на рабочем столе, включила компьютер и села работать, когда проголодалась сделала себе сэндвич с колбасой, добавив приправы и

постаралась не думать о Хоке и его командос, разбирающихся с хаосом и возможно получающих травмы.

Сейчас я развернула свой стул к темным окнам, рассматривая недалекие огни Денвера. Дело в том, что мы жившие в Денвере, не имели такой возможности — лицезреть окрестности города. Как только строители-застройщики поймут всю прелесть открывающегося вида, то будут делать лофты и модные рестораны, предлагая такую возможность.

Я уперлась пятками в сиденье стула, обернула руки вокруг икры и положила подбородок в ямку между коленей.

Я смотрела в окна, стараясь не вспоминать о матерщиннице, золотоискательнице маме, которая не желала меня знать все это время. Мне было о чем подумать — о моей полностью убитой гостиней и сестре, которая имела серьезные проблемы. О моей репутации секс-игрушки. Я жила с мужчиной, благодаря которому и получила свою репутацию секс-игрушки. А также о байкере, который имел неверное представление обо мне. И несмотря на то, что все вокруг рушилось и проблемы только увеличивались, все равно я продолжала мечтать.

Черт побери, как же все это случилось?

Я услышала шорох и повернула голову к двери, Хок со всей своей мужской грацией двигался в мою сторону.

Ммм. Ням-ням.

Он шел ко мне, не отрывая от меня глаз, осуществляя полное сканирование моего тела.

Уже плюс и это хорошая новость, что Хок вернулся домой, и он не изрешечен пулями, не истекает кровью от ножевого ранения, и его тело не набито осколками, и он не потерял ногу от взрыва.

— Эй, — сказал он, когда уже был на кухне, продолжая двигаться ко мне.

— Привет, — ответила я, наблюдая за ним, хотя не подняла головы и подбородок был по-прежнему уперт в колени, но мой мозг наслаждался виденным шоу.

Он обогнул мой стол и подошел ко мне со спины, нагнулся, коснувшись губами, а потом лизнул у меня за ухом.

Ммм. Ням-ням.

Он прошептал:

— Детка, почему ты опять свернулась в клубок?

— Я сижу так уже давно, — ответила я ему.

— Да? — его губы разъехались в улыбке, он повернул мое кресло к себе лицом и опустился передо мной на корточки. — Почему?

— Так комфортно.

Он секунду изучающе разглядывал меня.

Затем спросил:

— Это никак не связано с твоей мамой, которая пришла сюда и закатила сцену?

Мда. Может, это отчасти было связано.

Я решила не отвечать.

Потом вдруг он поднялся, вытащил меня со стула, развернулся и понес меня через свой склад.

— Что ты делаешь? — спросила я, опустив руки ему на плечи.

— Хочу показать, где *более комфортно*, — ответил он.

Ох, у меня появилось такое ощущение, что я знаю, куда он меня несет.

— Мне необходимо сохранить книгу на компе, — сказала я ему.

— Ты можешь сохранить ее позже, — ответил он, продолжая идти вперед.

— Хок, я серьезно, а что если выключится электричество?

— Тогда тебе следовало сохранить все, прежде чем ты свернулась калачиком, Душистый Горошек, — ответил он.

Он добрался до гостиной, опустился в кресло, потянулся к рычагу, и мы рухнули назад, кресло стало плоским, и я была сверху.

Ладно, может, я не совсем поняла, куда он меня нес.

Он обнял меня за талию, и я приподняла голову, оторвавшись от его плеча.

Когда наши взгляды соединились, он произнес:

— Теперь, детка, комфортно.

Он не ошибся.

Я вытянулась всем телом, мои бедра опустились на сиденье, одной ногой уперлась на коленку рядом с его бедром и передвинулась, не выпуская его из взгляда.

Пришла моя очередь изучать его.

Его лицо было расслабленным и, как всегда, красивым. Глаза смотрели с теплотой, но в глубине засела тревога. Ямочек на щеках не было. В нем была чисто мужская красота от кончиков волос до подбородка и ниже.

Он приподнял руку и убрал волосы с моего лица, удерживая их на моей шее, я сказала:

— Я рада, что ты вернулся домой, не изрешеченный пулями.

Он усмехнулся и пробормотал:

— Умница.

— И также не изрешечен осколками от гранат.

На его лице расплылась улыбка, показав ямочки, он стал еще более красивым.

Однозначно, мужчина мечты.

— Я хочу знать, где ты был? — задала я вопрос, который грозился испепелить мою мечту в пух и прах.

— Я нанес парочку визитов, — с готовностью ответил он, и я заподозрила, что наш последующий разговор не напугает меня и мне не придется из-за нового приступа паники бежать к холодильнику.

— Кому? — подсказала я.

— Людям, которые не умеют держать рот на замке и которые обязательно поделятся моими словами, я сказал, что меня на самом деле очень взволновало, что моя женщина стала мишенью для обстрела, проезжавшего мимо автомобиля, и если такое дерьмо случится вновь, виновные почувствуют на себе мое чертовое волнение, и мало того, в первую очередь почувствуют его мое волнение и моих парней, кто это сделал.

— О, — прошептала я, поскольку ничего другого ответить не могла.

— Но мы все еще не знаем, кто за этим стоит, — сообщил Хок. — У Тэка имеются враги, может это они. И Тэк ясно дал понять, что он хочет тебя, может его проблемы и его дерьмо просачивается к тебе.

Это была очередная новость, но не хорошая. У меня и так уже достаточно своего дерьма, которое просачивается в мою жизнь. Мне совсем не нужно еще.

— Правда? — спросила я.

— Правда, — ответил Хок, совсем не радуясь от этой новости. — Тэк стал президентом

«Хаоса» МС байкеров в результате конфликта при смене руководства. «Хаос» начинался как братство «восставшее из ада». Оппозиция не стала скандалить, но это не означает, что они не стремятся ему насолить и сместить его с поста. Клуб всегда имел гараж и поставлял запчасти для байков и авто, но это было всего лишь прикрытие, причем не очень большое. Их преступления сводились к поножовщине с другими байкерами, которые искали неприятностей на свою голову. Раньше они выращивали и продавали «косяки» (марихуану) отличного качества, разбогатели, построили гараж и магазин. Перерождение не помогло, поскольку внутри клуба всегда имелись две фракции, которые сталкиваются лбами друг с другом. Хорошая и плохая. Плохие с трудом, но взяли вверх, и братство всегда остается братством, несмотря на плохого руководителя клуба остальные последовали за ним. Перестали выращивать марихуану и ее стали перевозить. Просто перемещая наркотики из пункта А в пункт Б. Это оказалось намного прибыльнее, намного, чем заниматься только марихуаной. Гараж и магазин стали разрастаться. Но когда ты начинаешь переправлять всякое дерьмо, причем много дерьма, нужно двигаться вперед. Поэтому заключали сделки, союзы с другими, строили бизнес, не только легальный, не выполняли сделки отказывались от союзов, вели войны, черт его знает, что еще делали. Их мир совсем другой, и он находится здесь, в Денвере, в нем нет правил, нет законов, только инстинкты.

Я была в шоке от объяснений Хока, но еще больше меня шокировало то, что он стольким поделился со мной.

— Инстинкты? — спросила я, стоило ему замолчать, мне было интересно, но с другой стороны, все это меня немного пугало.

— Ты становишься очень способным и умным, когда прислушиваешься к своим инстинктам, чтобы выжить. Эти ребята далеко не тупые. Они так долго занимаются этим, что стали уже гениями преступного мира. И я не шучу.

— О, — прошептала я.

— И со всем этим дерьмом, последние двадцать лет Кейн поднимал свой бизнес, обзаводясь клиентурой на байки и авто. Тихо, на первый взгляд, терпеливо, он двигался медленно вперед. Оказывается, у него все эти двадцать гребанных лет был план. Медленно создавать себе репутацию, медленно все больше и больше привлекать к себе внимание, сейчас многим известен его магазин и гараж. Трудно сдерживаться и не втягиваться в серьезное плохое дерьмо, когда журналисты и фотографы пишут статьи в известных журналах и твой гараж посещают известные голливудские кинозвезды. Он объяснил клубу, как получить деньги от Ride, разветвляя сеть магазинов в С. Спрингс, Болдере. Сейчас они почти приносят такую же прибыль, как и незаконное дерьмо, которым они торговали, и ему удалось все повернуть таким образом, когда он сделал свой ход, позаботившись об уровне жизни своих парней, чтобы для них не было таким уж большим ударом, когда они порвали со всем остальным нелегальным дерьмом. Вот, что он провернул.

— Клуб байкеров «Хаос» чист? — спросила я.

— Не могу точно сказать на все сто, детка, но они больше не торгуют плотью и не перевозят наркоту.

— Это же хорошо, — заметила я.

— Да, в том смысле, что Кейн и его парни не столкнутся в будущем с единственным выбором у себя на вешалке — оранжевым комбинезоном. Проблема в том, что они слишком хороши были в транспортировке товара и сейчас, поскольку они больше не предлагают «эту услугу», спрос очень нуждается в снабжении. Это привело некоторых очень опасных людей

совсем не в радостное расположение духа. И Кейн естественно расплачивается за это. Кроме того, у него в клубе есть байкеры, которые бы с удовольствием вернулись к тому, что они делали раньше. В клубе были драки и споры, кроме того, он испытывает еще и внешнее давление, и ему нужно во всем разобраться. Он стал известным человеком, пока не выяснит, кто стоит за бунтом в его клубе, как и снаружи клуба, ему придется разобраться с их дерьмом, чтобы двигаться дальше, поэтому у него имеются проблемы.

— Как это..., — я глубоко вздохнула, а затем спросила: — Джинджер связана? С наркотиками?

— Неа, — ответил Хок.

Ох, черт.

— Она разрешала им торговать своим телом?

— Неа, детка, — он дал протиснуть мне руку между нами, — она была «свой человек» участвовала в краже трех автомобилей покупателей и байка, и фигову кучу еще чего и содержимое сейфа.

— Свой человек? — спросила я.

Хок замолчал, изучая меня, потом его пальцы проšli по моим волосам, как щетка, и я поняла, что он сделал это по той же причине, как и Кэм, когда та глубоко вздохнула. Он сделал это, чтобы подготовить меня.

— Она выбрала эту профессию, Душистый Горошек. У нее имеется один плюс, который работает на нее, никто не воспринимает ее всерьез. Она была достаточно умна, чтобы слушать и учиться на многом. Она продавала информацию, за определенную цену отвлекала внимание и также за награду предоставляла доступ. Но она оказалась недостаточно умна, чтобы не трепать об этом, ей следовало молчать, сделавшись невидимкой, а не на*бывать не совсем хороших людей. Она была не привередлива, сходилась от случая к случаю. Она на*ебала всех и теперь на*ебают ее.

— Сколько человек она...? — спросила я.

— Слишком многих, — ответил Хок.

— И насколько они опасны?

— Невероятно, — ответил Хок. — Кейн и байкеры «Хаоса» — это наименьшая из ее бед и, Гвен, они могут быть чисты перед законом, но это совсем не значит, что будут играть по правилам. Если они поймают ее, они сами расправятся с ней. Они точно не сдадут ее полиции. Они захотят вернуть то, что она задолжала и в этом проявят всю свою фантазию.

Я вздрогнула и сжала его руку, он отпустил мои волосы и прошелся костяшками пальцев по моему подбородку.

— Да, детка, для Джинджер это выглядит нехорошо, — прошептал он.

— Ты найдешь ее ради меня? — ляпнула я и тут же напряглась всем телом. Я не должна была просить, не могла просить Хока и его парней ввязываться...

— Уже пытаюсь, Душистый Горошек. Не ради нее самой, а ради тебя, твоего отца и твоей мачехи.

Эээ... Вау.

— Я... Я не знала, что... ты? — пролепетала я.

— Гвен, я вынес тебя из огня. Завязывай с этим.

— Точно, — прошептала я, и у меня затрепетало в животе, а сердце обливалось кровью, в горле запершило, пока я смотрела на него.

В его глазах появились смешинки.

— Ты можешь мне отплатить, приготовив ужин.

— Приготовить ужин будет расплата?

— Неа, не вся, всего лишь немногая часть того, что ты мне должна.

Я наклонила голову в сторону и решила уточнить:

— Значит ли это, что я должна приготовить овощи на пару?

— А для тебя это проблема?

— Нет, но единственное, что у тебя имеется в холодильнике — фрукты, творог и овощи.

Твоя мама использовала все яйца и бекон, колбасу я съела на ланч, так что овощи на ужин. Я не уверена, что мой организм получит что-нибудь еще, кроме овощей на ужин. Он может отреагировать на это, и я предполагаю, что реакция будет бурной.

Он ухмыльнулся мне, потом сказал:

— В Денвере имеются магазины. Некоторые из них даже продают продукты.

— Ну и кто теперь умник? — промямлила я.

— Ладно, детка, одевай ботинки и давай в Самаго. Мы едем в супермаркет.

— И все-таки ты командир, — пробормотала я.

— Ты хочешь есть? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— А ты хочешь овощи на ужин?

— Черт возьми, нет.

— Тогда поднимай свою задницу, одеваем ботинки и садимся в Самаго.

— К-о-м-а-н-д-и-р, — произнесла я по буквам, как раньше делала его мама, передвигаясь, чтобы выползти из кресла, но его руки внезапно сомкнулись вокруг меня, и я оказалась прижата к его груди, затем он взял меня за затылок и потянулся к моим губам.

Потом он поцеловал.

После этого я встала и сделала то, что он мне приказал.

* * *

— Малыш, — вздохнула я.

— Ты уже, — прорычал мне на ухо Хок, глядя меня по груди и пощипывая мой сосок, другой рукой он кружил на моем самом чувствительном ценном месте, пока его член двигался внутри меня.

Он был прав, я была уже готова. Я запрокинула голову, оттолкнувшись от его плеча и кончила. Сильно.

Его рука была между моих ног, а обе наши руки он завернул вокруг моей талии, другой рукой все еще поддерживая меня за грудь, толкаясь внутрь и зарывшись лицом мне в шею, его рык прошелся дрожью по всему моему телу.

Он продолжал двигаться внутри меня, рыча мне в шею.

— Малыш, — прошептала я, поворачивая к нему голову, его губы тут же нашли мои и его язык скользнул внутрь.

Боже, мне так нравился его вкус.

Он удерживал меня, приближая к себе, целуя, затем его рот отпустил мои губы. Он вышел из меня, приподнялся, положил меня на спину на кровати и опустил сверху. Его тело накрыло мое, его бедра были между моими, я обвернула ноги вокруг него, обняв его задницу.

Его голова опять уткнулась мне в шею, а мои пальцы прошлись по его спине.

— Хок? — позвала я.

— Нет, детка, отвечая на твой вопрос, я не супергерой, — пробормотал он мне в шею, я замерла и поняла, что он шутит.

— Самоуверенный, — заметила я, смеясь.

Он приподнял голову и улыбнулся, и моя рука автоматически опустилась ему на шею, а пальцы передвинулись к щеке, коснувшись его ямочки.

— Гвен? — услышала я, и посмотрела ему в глаза, оторвавшись от созерцания его ямочки на щеке.

— Да?

— Ты звала меня, детка.

— Звала?

Его улыбка становилась все больше, и я увидела, как его ямочка передвинулась под моим пальцем.

— Да, — ответил он.

— Прости, меня загипнотизировала твоя ямочка на щеке.

Он близко пододвинул свое лицо и пробормотал:

— Господи, как прекрасно, когда ты такая милая.

Я почувствовала, как плавится мое тело под ним, и моя рука скользнула к его волосам.

— Я вспомнила, что хотела сказать, — негромко ответила я.

— Так скажи мне, Душистый Горошек, — тихо произнес он.

— Спасибо, что рассказал мне о Джинджер, Тэке и так деликатно отнесся к маме.

Он провел мне рукой по лбу, убирая волосы и продолжал проводить по линии роста волос, затем прошептал:

— Пожалуйста, детка.

— И спасибо, что спасал меня, — прошептала я.

— Гвен, — в ответ прошептал он.

— И за то, что пытаешься найти Джинджер.

— На этом ты можешь уже остановиться.

Я проигнорировала его замечание.

— И за спасение меня из тюрьмы байкером.

— Ты уже благодарила меня за это, хотя при этом во всю спорила со мной.

— Ну, спасибо тебе тогда еще раз, потому что там было грязновато, а я не большой поклонник прикасаться или... садиться на что-то, это еще более неудобно, чем просто быть запертой в комнате для собственной защиты, но против своей же воли.

— Я прослежу, чтобы Джанин не облажалась в этом вопросе, — отметил он.

— Я серьезно, — спокойно ответила я.

Он прижал руки по бокам к моей голове и его большой палец кружил по моему виску.

— Я знаю, — также тихо ответил он.

— Моя жизнь в полном беспорядке, — поделилась я тем, что он и так уже знал.

— Все наладится, Гвен.

Я втянула носом воздух и выдыхая произнесла:

— Надеюсь.

Его рука опустилась ниже и большой палец скользнул по моим губам.

— Одну положительную вещь ты узнала сегодня, и это хорошо для тебя. Твоя мама

запуталась, детка, и она до сих пор еще ребенок.

Я почувствовала, как у меня брови соединились вместе.

— Ты только что назвал мою маму ребенком?

— Ты похожа на нее, — ответил он.

Ну, не так уж это и плохо. Моя мама действительно запуталась в этой жизни, Хок был прав, но стиль в ее одежде был довольно зашибенный.

— Ты же ведешь себя, как Мередит, — отрезал Хок, возвращая меня из своих мыслей.

Я сосредоточилась на нем.

— Я?

— Когда ты такая милая, а не вступаешь в спор или не рубишь тесто для печенья топором.

Я улыбнулась.

— Я не рубила тесто для печенья топором.

Он улыбнулся.

— Это было похоже.

Он был прав, и я почувствовала, как вся затряслась от смеха.

Он засмеялся, наблюдая за мной, потом я просто улыбалась ему, он опустил голову и поцеловал в основание моего горла. Затем скатился с меня, натянул на нас одеяло, потянулся и выключил свет на своей прикроватной тумбочке, развернул меня к себе спиной, которая уперлась в его грудь. Затем он навалился на меня своим весом и потянулся к моей прикроватной тумбочке, чтобы выключить свет. Он убрал волосы с моей шеи и поцеловал за ухом, обернул руку вокруг моего живота, поудобнее устроился сзади, положил на меня свою ногу и лег на подушки.

Это было «спокойной ночи» Хока.

Не обидеть словом, вешая лапшу на уши, и не жить как на ухабах. А вместо этого, разговаривать, смеяться, а потом обниматься и прижиматься друг к другу.

Думаю, я могла бы пережить и бомбы с зажигательной смесью, и стрельбу из автомобиля, и до сих пор запутавшуюся свою маму, появившуюся после стольких лет, если бы так, заканчивался мой день.

Я лежала в темноте необъятного склада Хока, в его большой кровати, прижимаясь к его большому, горячему телу, вспоминая его «спокойной ночи» такое сладкое и яркое.

Да, я смогу пережить все это, если так будет заканчиваться мой день.

И сейчас мне стало интересно, чувствовал ли Хок то же самое.

Глава девятнадцатая.

С поднятой рукой

Мои глаза открылись, уже было светло. В его логове, снизу от лестницы падал свет, я поняла, что он на кухне. Я расслышала монотонный разговор Хока по телефону.

И стремглав опустила ноги на пол, выискивая свою ночнушку. Я нашла ее среди нижнего белья, валяющегося на полу и тут же подняла. Я напаялила ее через голову на себя, продев в рукава, натянув трусики, все еще сидя на постели. Затем я побрела в туалет, сделала обычное дело и стала спускаться вниз по лестнице.

Хок все еще разговаривал по телефону, одетый в облегающую, с длинными рукавами футболку и брюки-карго. Его волосы были слегка влажными, но на нем были надеты его

ботинки.

Он стоял, опершись одной рукой на столешницу, не двигаясь, внимательно следя за мной. Его образ расплылся у меня перед глазами, когда мое тело столкнулось с НИМ — щека прижалась к его груди, и я обхватила его за талию руками. Он убрал руку со стола, обняв и прижав к себе.

— Да, я говорю именно об этом, Лоусон, устрой встречу с Тэком, — произнес Хок в телефон.

Я вздохнула, прижимаясь к его груди. Он не собирался уезжать по своим делам, он собирался решать вопрос по поводу меня.

— Понял, — продолжил он, — буду через двадцать минут.

Он отключился и сунул свой телефон в карманы штанов. Я отклонила голову назад и взглянула ему в глаза, его руки сомкнулись вокруг моих плеч.

— Хорошо спалось? — спросил он, опустив голову и разглядывая меня.

— Мм, хм, — невнятно ответила я.

Он еще больше наклонил голову, и его рот дотронулся до моих губ, пока его руки на моей спине задирали мою ночнушку и опускались на мою задницу, одетую в трусики.

Это было приятно.

Стоило ему прервать свой поцелуй, как я спросила:

— А ты?

— Да, — ответил он.

Я сделала глубокий вдох и опять спросила:

— Что происходит?

Я опустила свои руки ему на плечи, а его — сжимали мне задницу.

— Имеются новости.

— Хорошие новости или плохие?

— Одинаковые.

— Ой-ой, — пробормотала я.

— У меня не много времени, но может тебе стоит выпить кофе прежде, чем ты услышишь их?

— Ты имеешь ввиду, нужен ли мне «Валиум», прежде чем я услышу новости?

Он улыбнулся, и я еще больше вжалась в его грудь.

И он сказал:

— Расстрел дома был связан с Джинджер. Не с Тэком.

— Это хорошие новости или плохие?

— Хорошие, теперь мы знаем, кого искать и почему они это сделали. Поскольку Тэк защищал тебя вчера, а я вчера выкрал тебя у Тэка, они поняли, что у них на двух врагов стало больше, а таких врагов они явно себе не хотели. Джинджер многое знает и разозлила многих людей, создав всем уйму неприятностей, полиция и федералы хотят ее поймать, но она не стоит того, чтобы я жертвовал своими парнями, также, как Тэк своими байкерами «Хаоса». Но те люди купились на это дерьмо, и не хотят войны, а также все усугублять. Скорее всего это всего лишь предположение, которое означает, что ты и твои родители находятся в безопасности.

— Это хорошая новость, — отметила я.

— Да, но это не означает, что нам не стоит играть по-умному. Ты со мной?

Я не совсем была уверена, по-настоящему ли я с ним, но все равно кивнула.

— А какая плохая новость? — поинтересовалась я.

Он буквально секунду колебался, потом объявил:

— Хорхе встречался вчера с Догем. По всей видимости, ты сказала Тэку, что со мной покончено, и он воспринял это, как молчаливое разрешение, чтобы заявить на тебя права. Учитывая, что Тэк не такой человек, который будет ожидать от тебя каких-то знаков, и говорить тебе, что ему нравится твоя улыбка и можно ли купить тебе выпивку в надежде, что ему когда-нибудь что-то обломиться, он поступает в своей обычной манере — запирает тебя у себя в спальне, вполне разумно предполагая, что когда он вернется, разобравшись со всем бардаком и совершив возмездие, ты будешь ожидать его, проявляя свое лояльное отношение к нему, когда он будет чувствовать себя, словно вернулся с войны. Но это не помогло, мои парни одолели его байкеров и захватили приз. Сейчас ему необходимо сохранить свое лицо. Мы отправили переговорщиков, но они не смогли заключить сделку. Теперь должны встретиться капитаны.

О, парень.

— Ты хочешь более подробно рассказать мне о войне? — спросила я, но при этом совсем не была уверена, что хотела слышать о войне более подробно.

— Ты сказала ему, что наши отношения закончены?

— Хм..., — пробормотала я, пытаюсь отступить, но его рука сжалась еще крепче, и я перестала пытаться. — Я тогда была в плохом настроении, — объяснила я.

— Черт, Гвен, — пробормотал он.

— Я также сказала ему, что избегаю мужчин и собираюсь заняться пешими прогулками и поискать спасение.

Он уставился на меня, а потом сказал:

— Детка, позволь мне рассказать тебе кое-что о мужчинах.

Опаньки.

— Хм..., — начала я, пытаюсь остановить его и ничего не узнавать о мужчинах. Хок был не единственным мужчиной для меня — загадкой. В целом мужчины все были для меня загадкой. Я понятия не имела, почему они делали и половину того дерьма, которое они совершали, но давно пришла к выводу, что не стоит и выяснять. Можно было потратить ни одно десятилетие, пытаюсь выяснить это, но результата так и не получить. Я решила, что незнание в этом вопросе было настоящим блаженством, когда дело касалось мужчин. Я научилась плыть по течению с надеждой, что я не слишком много переживала на этот счет.

Хок продолжал говорить:

— Другими словами, ты «оказалась в полной жопе», когда дело касается такого мужчины, как Тэк, которому бросила вызов.

— Что?

— Он президент байкерского клуба. У него имеются деньги, а также у него есть яйца. И мозги. И у него есть харизма... и власть. Мужчинам нравятся доступные женщины. Но такие мужчины, как Тэк, не хотят легкодоступных женщин. Они хотят женщин уверенных и милых. Женщин, которые говорят, что не хотят иметь с мужчинами ничего общего и пытаются насладиться своим освобождением. Мужчины, такие как Тэк, воспринимают это как вызов, а он живет и дышит одними вызовами. И он точно уж не пройдет мимо. Ты сказала, что сообщила это Тэку, когда вы оба шли через бар и там были байкеры. Он отреагирует, причем сильно и лучшей ситуацией для меня будет не знать, что он сделает, чтобы исправить это.

— Это безумие, — сказала я ему, потому что на самом деле так оно и было.

— Это Тэк.

Я уставилась на него, и он продолжил, вгоняя меня в полный ступор:

— Поскольку дело касается тебя.

Его рука сжала мою задницу.

— Ты выучишь урок.

— Что произойдет, если ты не сможешь улучшить ситуацию с Тэком?

— Что?

— Что произойдет, когда это больше не будет для тебя проблемой?

Его рука оставила мою задницу, переместившись вокруг моей талии, и он притянул меня ближе, бормоча:

— Душистый Горошек.

Я отстранилась насколько могла и старалась не спускать с него глаз.

— Это твой ответ? — спросила я.

Он не отвел взгляд, а только спросил:

— Ты собираешься полностью довериться мне?

Теперь была моя очередь произнести:

— Что?

— Детка, вчера ты сказала, что твой бывший придурок буквально раздавил тебя. И я знаю, что это правда, поскольку в течение нескольких дней наблюдал, как ты любую ситуацию, возникшую между нами, готова была отбить рукой, словно надвигающуюся угрозу. Когда я делал, что тебе нравилось, твое выражение лица смягчалось, потому что я каким-то образом удивлял и радовал тебя, и ты не получала от меня очередного дерьма, как раньше от своего бывшего. Ты обнимала меня и была такой сладкой и милой. Я сделал все, чтобы ты испытывала незабываемые оргазмы и был внутри тебя. Ты открывалась и была полна благодарности. Но, Гвен, ты до сих пор стоишь с поднятой рукой, готовая отразить любой натиск с моей стороны. Ты не подпускаешь меня к себе, даже близко. Нет никакого способа, чтобы я взял вверх над этой ситуацией.

Это был ответ, но совсем *не тот ответ*, который я ожидала.

— Хорошо, допустим, ты говоришь, что улучшил ситуацию.

— Я не улучшил.

— Ты сказал улучшаешь.

— Гвен, нет.

— Но ты сказал, что делаешь так.

— Я делаю, но мы оба увидели, чем это закончилось.

Не хороший ответ. Я знала, почему все так вышло. Скотт Лэйтон меня этому научил.

Я посмотрела на его грудь и пробормотала:

— Мне нужен кофе.

— Гвен, — позвал он.

Его руки еще сильнее прижали меня к своему крепкому телу, поэтому мне пришлось упереться руками ему в грудь.

Его руки еще сильнее сжались вокруг меня.

— Гвен.

Я сильнее стала упираться в его грудь.

Он аккуратно встряхнул меня и приказал:

— Гвен, посмотри на меня, — я подняла на него взгляд, и он спросил:

— Ты хочешь, чтобы я пообещал, солгав? — я молчала, его лицо придвинулось ближе. — Детка, я не могу ничего сказать о будущем.

— Я могу, — прошептала я, еще больше упираясь ему в грудь ладонями.

Мне удалось отодвинуться от него на несколько дюймов, пока он не притянул меня обратно, заключив в кольцо своих рук.

— Вот именно, Гвен, именно это ты и делаешь своими руками, отпихиваешь, — тихо произнес он.

— Мне нужен кофе, Хок.

Я наклонила голову и снова толкнула его ладонями в грудь, но он запустил пальцы мне в волосы и оттянул мою голову назад, с нежностью, чтобы я посмотрела ему в глаза.

— Хорошо, детка, — сказал он, — мы оба доиграем до конца. Я в лучшей ситуации, поскольку ты даешь мне всю себя, честно, это не совсем то, что я хочу, но мы оба двигаемся дальше.

Я попыталась отдернуть голову, но он с силой удерживал, продолжая говорить:

— Или я найду сокровище, а мужчина, который найдет сокровище сделает все, чтобы сохранить и защитить его, держа рядом с собой. Не знаю, куда это нас приведет, но я хочу рискнуть, отыскать его и посмотреть. Это не риск, который я испытывал в течение длительного времени, Гвен, это риск, которого я так старался избегать. Но я готов рискнуть с тобой. И если ты сейчас отойдешь от меня, то это скажет мне, что я не представляю для тебя никакой ценности, и ты не готова со мной рисковать.

Я перестала трепыхаться, пытаюсь от него отодвинуться, просто уставилась на него.

— Ты собираешься отойти? — рискнул он спросить.

— Мне нужно подумать, — прошептала я.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Нет, не думай. Ты слишком долго живешь в своих фантазиях, ты свернулась калачиком и закрылась от всего дерьма, тратишь столько времени на свои фантазии, что совершенно забыла, что такое жить настоящей жизнью. Ты не можешь жить полной жизнью в своей голове, фантазируя. Это не жизнь. Поверь мне, детка, я знаю, что говорю. Я был таким же некоторое время назад, даже стал забывать, каково это — быть живым. Ты встретила со мной лицом к лицу впервые в тот день, когда вернулась из Ride, напомнив мне, что такое жить. И это прекрасное чувство, Душистый Горошек, и я не собираюсь возвращаться назад.

У меня запершило горло, но я все-таки успела спросить:

— О чем ты говоришь?

— Ты опустила руку и дала мне отпор, скажу тебе так.

— Теперь скажи мне, может, я уже сейчас опустила руку, — ввернула я.

— Не получится, Гвен.

Я начала злиться и произнесла:

— Ну, конечно.

— Детка, ты не понимаешь.

— Я стараюсь, — ответила я ему. — Это твое мнение, а может и нет.

— Опять твоя рука поднята, и ты стоишь в обороне.

Господи! Как я могла забыть, насколько он может быть раздражающим?

Он хотел ответа? Он его получит.

— Я его любила, — заявила я, тело Хока напряглось, но я продолжила:

— Сильно. Сейчас оглядываясь назад, я не могу сказать за что, но в тот момент я была уверена в своих чувствах. Совершенно уверена. Я знала, что его люблю. Абсолютно. Без всякого сомнения. У меня даже не возникало ни единого сомнения. Это ничего тебе не напоминает?

— Детка...

— Джинджер трахалась с ним в день нашей свадьбы.

Хок, словно одеревенел, а я кивнула.

— Я не шучу. Никто не знает. Даже Кэм и Трейси. Она очередной раз влипла в какие-то неприятности, меньшие, чем у нее сейчас, но ей было необходимо пожить у нас, поэтому я ей разрешила. Я... не помню, куда я ходила, но придя домой, обнаружила их. Потом еще всплыло, что это было не первый раз, Джинджер сказала мне, а Скотт не отрицал. Джинджер, я поняла уже потом, все время делала это дерьмо. Но Скотт, хотя я знала, я блокировала эти воспоминания, делая вид, что ничего не было, как бы притворяясь. Я надеялась, что он повзрослеет и перерастет свою зависимость. Но ты очень быстро просыпаешься и приходишь в себя, появляясь на пороге своего дома, обнаружив своего мужа, трахающего твою сестру.

Хок смотрел на меня во все глаза, а я продолжала:

— Знаешь, самое смешное, мне кажется, что Джинджер сделала это, чтобы меня предупредить. Думаю, она точно знала, каким мудаком он был, и возможно то, что она трахалась с ним, таким образом, защищала меня. Она не ликовала, когда все открылось, и не бросала мне в лицо объяснения. Казалось, что она даже успокоилась. Но я... я любила его, и была так уверена, что не хотела признавать, что ошибалась. А когда ты настолько уверен, и в конечном итоге, получаешь совершенно не то, то теряешь веру в себя, в свою способность принимать правильные решения по жизни. Поэтому, Хок, у меня есть причина, по которой я все время стою в обороне с поднятой рукой. Потому что я не была уверена в тебе, за полтора года ты не рассказал мне о себе ничего, кроме действительно классного секса у нас ничего не было. Теперь ты хочешь большего, но нет, черт побери, теперь я буду действовать крайне осторожно.

Его рука обхватила меня за затылок, притянув поближе к своему лицу, он прошептал:

— Детка...

Нет. Нет. Он не должен быть таким сладким, он не должен так проникать мне под кожу. Ему следует говорить мне совсем другое, ругаться и перечить, но только не быть таким милым и сладким.

— Ты сказал Лоусону, что будешь через двадцать минут, а я хочу кофе, — напомнила я ему. — И мне надо подумать. Может ты и не хотел услышать меня так жестко. Но, уж как есть. Поэтому, можно я отойду.

Он не отпускал меня, крепко удерживая и пристально смотря мне в глаза.

— Хок.

— Ладно, детка, я отпущу тебя, но я скажу тебе кое-что, чтобы ты подумала, когда тебе в голову начнут лезть разные мысли. Восемь лет я был мертв. У меня были люди, верные мне, которые мне доверяли, но я не доверяю никому, ни одному гребаному человеку в этих рядах. Потом я увидел женщину в ресторане, которая смеялась, хихикая со своими подругами за чашкой кофе за столиком. Единственное, что я мог дать этой женщине, я отдал ей. Я знаю все о тебе, Гвен, потому что мои парни получили от меня приказ, докладывать о

тебе ежедневно. Куда ты ходила, что делала, с кем была, как ты тратишь деньги, с кем встречаешься, с кем разговариваешь по телефону, когда гасишь свет в спальне, и они знали, во сколько ты ложишься спать. Я говорил себе, что за тобой нужно присматривать, но это было не так, Гвен, совсем не так. Но тогда я не знал этого. Я не знал этого, пока мне не позвонил Хорхе и не сказал поднять свою задницу и прибыть на базу, потому что ты появилась на экране монитора Ride. Я не поехал на базу, а потребовал видеозапись и пошел домой, так как понял, что дерьмо вокруг тебя стало горячее, но я также знал, что никому не позволю причинить тебе боль. Потом я увидел видеозапись и понял, что на следующий день Лоусон и Тэк будут осаждать тебя, и тогда я также понял, что никто не будет рядом с тобой, кроме меня. Я не позволил никому подобраться к себе за восемь лет, Душистый Горошек, кроме тебя. Теперь, у тебя есть все, что я мог и могу дать, но я не буду доверять тебе до конца, пока ты не доверишься мне. Поэтому, когда ты начнешь обмозговывать все в своей голове, подумай и об этом.

И с этими словами он отпустил руки и ушел. Он не исчез, поскольку его дом был слишком огромен, и я замерла от ужаса, страха и чего-то еще, чего-то совершенно нового — теплого и красивого, и это напугало меня еще больше, поэтому я не повернулась, чтобы посмотреть, как он уходил.

Глава двадцатая.

Занятой

Я сидела в потрепанном старом кресле Хока и осматривала его грандиозное, обширное логово.

Я только что закончила свое путешествие по дому. Сколько я здесь была, кроме его стола, комода в спальни, я почти ничего не видела, и после того как он ушел, я налила в кружку кофе и направилась в то место, которое я точно знала было только его.

Я прошла под платформу, на которой располагалась спальня, и стала рассматривать его полки.

У него имелось много компакт-дисков; он любил музыку, судя по всему. Вкус был разнообразным. Начиная от рок-н-ролла и старых хитов, в основном семидесятых. Тяжелый рок, хорош, но не для меня. Джаз, был милым, того времени, но не новый вид джаза с более жесткой игрой на саксофоне. Блюз, Билли Холлидей и Роберт Джонсон, были неплохи. R&B, рэп и завершала этот набор, даже кое-какая классическая музыка.

Иными словами, здесь не было ничего, чтобы могло меня захватить.

Я подошла к книгам, и хотя их было много, я тоже не получила никакого представления. Он предпочитал не расслабляться в своем кресле с захватывающим триллером или интригующей загадкой бестселлером. Большинство книг, было книгами, о которых я даже не знала, несмотря на то, что я была редактором. Здесь было много — руководства по стратегии войны, рукопашного боя, философии боевых искусств. Биографии генералов. Книги по истории сражений. И ничего, кроме этого. Даже тонкого томика стихов, который мог бы мне дать о нем некоторое представление.

Поэтому поджав ноги, я свернулась калачиком в его кресле и рассматривала его логово, обдумывая увиденное, кроме спальни и его офиса, которые тоже мне ничего о нем не сообщали. Не сообщали, что он за человек этот Хок. Его жизнь была ограниченной, организованной и полностью под контролем. Здесь не проявлялось его личности, как

таковой. У него была семья — братья, племянники, семья, которая заботилась о нем, и они были близки, но здесь не было ни одной фотографии. Никаких вырезок. Не было ни одного ряда фотографий, отображающие его службу в армии. Не было DVD-дисков, говорящих, какие фильмы он предпочитает смотреть, чтобы скоротать время. Не было картин на стенах, которые бы отражали его вкус в живописи. Его мебель и аксессуары были стильными и дорогими, громоздкими, чисто мужскими, прочными. Несмотря на то, что они были привлекательными, все равно практичными.

За исключением этого уголка. Этого кресла. Этого стола. Этого торшера. Чувствовалось, что это его личное, но это тоже мне мало что говорило.

Если честно, наверное, я уже знала то, что он сказал мне прежде чем ушел, и даже то, что он сказал, когда впервые увидел меня, я понимала, что он имел в виду, я имею в виду, по поводу него, я догадывалась еще до того, как отправилась в Ride.

Ежедневные отчеты.

Вы не будете требовать ежедневные отчеты о ком-то, кто вас не интересует, даже если вы не вместе и у вас странные, эмоционально контролируемые отношения.

Я вздохнула и приняла решение. Распрямив ноги, вытащив их из-под себя, я поднялась вверх по лестнице, чтобы забрать свой телефон. Потом я вернулась на кухню, налила себе еще одну кружку кофе и отправилась к креслу Хока, сделав глоток, поставила кружку на стол и опустилась, опять поджав под себя ноги, в кресло.

Я открыла контакты в телефоне и прокрутила их вниз. Замерев.

У меня что-то ухнуло в животе и затрепетало, сердце запело, когда я пялилась на свой телефон, улыбаясь.

С экрана на меня смотрел Хок, а также шли номера телефонов, под определенными названиями. Под «Хок» была «База Хока», под этой «База Хока» личный номер, я предполагала, что он был его прямым номером, а под ним был «Дом Хока».

По-видимому, Хок хотел, чтобы я могла связаться с ним в любой момент, если мне это потребуется.

Решив попробовать, я нажала на «Дом Хока». Через пару секунд зазвонил телефон на втором этаже, на столике в гостиной, на кухне и на столе рядом со мной.

Я снова улыбнулась и нажала на красную трубку телефона, сбрасывая звонок. Затем я прокрутила назад до Хока и нажала вызов.

Раздалось два гудка, прежде чем он довольным голосом ответил, но, безусловно, нахальным: «Вы позвонили Хоку, с вами будет говорить Эльвира. Говорите».

Я не могла вымолвить и слова, находясь в полном удивлении, что она ответила на звонок.

— Слушаю, — подсказала она.

— Простите, я звонила Хоку, — тупо произнесла я.

На том конце провода воцарилось молчание.

Потом пронзительный возглас:

— *Гвен?*

— Э... да... Хок...

— Подруга! — прервала она меня. — Как твои дела? — поинтересовалась она обычным тоном, словно мы были давно знакомы и вместе ходили на маникюр. Но поскольку она упаковывала мои вещи, то, наверное, считала, что достаточно хорошо меня знает.

— ... Хорошо, — ответила я.

— Приятно слышать, — произнесла она. — Дерьмо, которое с тобой случилось, для меня полная шиза. Без сомнения. И то, что Хок собрал своих ребят, направив их на тотальную спасательную операцию на территорию байкеров, как-то успокоило мою задницу, немного.

— Да, это заставило меня почувствовать себя немного в безопасности, — согласилась я.

— Немного! — она ахнула, смеясь, поскольку, со стороны это, наверное, было смешно. Опять же, когда дело касалось Хока и его командос, они предоставляли гораздо больше, чем немного безопасности.

— Эм... спасибо, что собрала мои вещи, — вспомнила я.

— Подруга, спасибо тебе! Перебирая твоё барахло, я словно побывала в сказочной сладкой стране. У тебя тринадцать черных маленьких платьев! — сообщила она мне.

— Я знаю, — ответила я.

— Каждое красивое и сексуальное, настолько горячее, что даже можно обжечься. Твоё барахло нужно снимать на камеру, девушка, начиная, что ты одеваешь на задницу и кончая твоими волосами, но теперь я знаю и о тех маленьких черных платьев, — сказала она.

— Ну... угу, — пробормотала я.

— Итак, зачем ты звонишь? — спросила она.

— Хок на месте?

— Нет, — ответила она. — Он кое-чем занят и не может отвечать на звонки, поэтому они переадресовываются мне.

Мда. Это не совсем хорошо.

— Можешь сказать ему потом, чтобы он мне перезвонил?

— Конечно, но ты можешь сказать мне, если тебе что-нибудь нужно, мне дали зеленый свет на этот счет. Мальчики заняты, но я знаю, что ты в логове Хока и если тебе что-нибудь нужно, дай мне знать, и я сделаю все, чтобы помочь.

— Хорошо, я хотела бы узнать, можно ли мне пригласить к нему сюда своих подруг.

— Ты хочешь, чтобы мы пришли?

Мы?

— Хм...

— Я заканчиваю в пять, в пять двадцать я буду у тебя, — продолжила она.

— Ну... дело в том, что я... эм..., — я замялась, поскольку именно она ходила за туфлями от Джимми Чу, а потом отправилась ко мне домой, чтобы упаковать мои вещи. И положила все самое необходимое. Это было очень хорошо с ее стороны, даже если учитывать, что ей платили за работу, но она сделала все очень добросовестно. Очевидно, она хотела со мной подружиться, и мне не хотелось ее обижать и как-то ранить ее чувства.

— Что? — спросила она.

О, черт. Я ничего не могла сказать.

— Дело в том, что я хотела бы с подругами поговорить о Хоке.

— Понятно, что о Хоке, — продолжила она.

— Да, но он твой босс.

— А то, подруга, поэтому я тебе и нужна.

— Мне?

— Дорогая, может Жанин и делает все тяжелую работу у него по дому, чтобы как-то организовать его жизнь, но кто ты думаешь дает ей список на продукты и посылает ее купить очередные брюки-карго? Я. Нужен компромат на Хока, никто лучше не знает его, как

я.

— А это уместно? — спросила я, и услышала ее всхлип-смех (снова).

— Черт, кого это волнует? — спросила она. — Послушай меня, Гвен. Я работаю на Кейба Дельгада уже семь лет. Когда принесла свою задницу в его офис на собеседование, я подумала, что умерла и попала в рай. Горячие парни были везде. Столько горячих задниц, вот черт! Я готова была работать здесь за просто так. Но в первый же день, за тридцать минут, эти мальчики стали настоящей занозой у меня в заднице. Отсортировывать их дерьмо, это все равно что иметь дело с шипящими кошками. К счастью, удовольствие от работы приносит их вид, который несказанно радует глаз, если и этого бы не было, я бы отправилась в подсобку и взяла бы дубинку и уже давно избила бы некоторых командос по заднице. Но пару дней назад, Хок зашел в комнату и приказал мне поднять свою задницу и двинуться в Nordstrom. Nordstrom! Я не спрашивала зачем, я просто схватила карточку компании и потащила свою задницу туда. Мне нравится все это барахло. Думаешь, я не сделаю все, что в моих силах, чтобы получить время от времени поход в торговый центр, ты... *не права*.

О, парень.

— Возможно, ты не сможешь быть предельно объективной в ходе обсуждения, — предположила я.

— Ты готова поспорить, что я не буду объективной, — согласилась она, затем продолжила. — Я буду у тебя в пять двадцать, что ты пьешь?

— Хм... Cosmo.

— Я за, — заявила она, приказывая:

— Позвони своим подругам, увидимся.

И она положила трубку.

Мда. Не могу сказать, что из этого получится. Но я была уверена в одном — Эльвира собиралась прийти ровно в пять двадцать.

Я позвонила Кэм и Треиси, которые тоже согласились прийти в пять двадцать на «мозговой штурм» по поводу Кейба «Хока» Дельгадо. Я продиктовала им адрес и сказала, что будет присутствовать Эльвира, а потом отхлебнула кофе.

Затем, потому что я могла быть девчонкой-дурочкой, я перевернула экран телефона, чтобы еще раз взглянуть на номера Хока, записанные в моем списке контактов. И дойдя до низа, я обнаружила номер Джинджер.

Я устала на имя своей сестры. Потом подумала, что гораздо лучше было бы для моей сестры, если бы она попала в программу защиты свидетелей, я старательно избегала любых мыслей о худшем, они очень печалили меня.

Потом у меня возникла совершенно дикая идея, и я нажала на вызов и приложила телефон к уху.

— Что? — ответила она.

Срань Господня. Она сняла трубку!

— Джинджер? Это Гвен.

— Я знаю, сука.

Ладно, может мне совсем не стоит волноваться, что моя сестра исчезнет навсегда, благодаря программе защиты свидетелей.

В данный момент меня больше всего волновало — худшее развитие событий.

— Ты в порядке? — спросила я.

— А тебе какое дело?

— Джинджер...

— Послушай, у меня куча дел. Не трать свое время на звонки и лучше продолжай делать вид, что тебе насрать, ладно?

— Мне не насрать, — ответила я.

— Ага, точно.

Послышался отчетливый сарказм.

Думаю, он означал, что у Джинджер, на самом деле, были серьезные неприятности и ей пришло время подумать о своем образе жизни и отношениях с семьей. Почему я совсем не удивлена этому?

— Да, Джинджер. Послушай, я знаю, что мы никогда не будем близки, ты не пьешь Cosmo, а я не курю травку, но ты моя сестра, и я в курсе твоих проблем, поэтому волнуюсь. Ты можешь мне не верить, но действительно это так. Я волнуюсь, также переживает папа и Мередит.

— Почему-то никто из вас не волновался, когда я пришла, чтобы принять гребанный душ, — парировала она.

— Это было до бутылок с зажигательной смесью и обстрелом моей гостиной.

Тишина.

— Может, я могу как-то тебе помочь, — предложила я негромко, прерывая молчание.

— Да, теперь ты хочешь кое-что для меня сделать. Все эти годы, ты обращалась со мной, как с куском дерьма. А как только расстреляли твой дом к чертям собачим, ты проснулась. С чего бы это?

— Все эти годы я не обращалась с тобой как с куском дерьма, — отрицала я, потому что это была, черт возьми, правда.

— Нет, а мне кажется, что именно так и было, — в ее голосе послышалось еще больше сарказма.

Может я схожу с ума?

— Именно так?! — повторила я. — Что с тобой происходит, но если у тебя есть время, чтобы все выяснить, то я сделаю это. Давай вспомним, это не я подстригла волосы у *твоей* Барби. Это не я крала у тебя барахло, чтобы купить наркотики. Это не я засунула руку в штаны *моего парня*. И это не я трахалась с *твоим мужем*.

— Я знала, что ты, в конце концов, бросишь мне все это в лицо, — возразила она.

Она что серьезно?

— Ты трахалась с моим мужем! — закричала я.

— Да, Гвен, а потом ты дала под зад этому мудаку. Тебе перво-наперво, если уж на то пошло, вообще никогда не следовало вступать с этим чмо в брак. А теперь ты живешь с Хоком, бл*дь Дельгадо, из всех бл*дь людей, ты должна благодарить меня за это и целовать мои чертовы ноги.

Этот момент явно заслуживал особого внимания.

— Я поняла, что ты сделала это специально для меня, — тихо сказала я.

— Кто-то должен был разбудить твое дерьмо.

Ой. Мой. Бог.

Была ли у меня вообще сестринская любовь к Джинджер, которую я должна была чувствовать? Я не могу сказать, поскольку не чувствовала ее и не почувствую, видно, вечность.

— Джинджер, дорогая, пожалуйста, послушай меня.

— Нет. Я не знаю, что Конан говорил тебе, но ты не представляешь, что происходит со мной. Однако, я знаю, что у милой Гвенни нет возможности помочь мне разобраться с этим дерьмом. Ни у кого нет такой возможности. Даже у твоего Конана. Я одна и мне пох*й. Я всегда была одна.

— Может, если ты согласишься принять небольшую помощь...

— Х*й тебе, Гвен. Ты не хочешь мне помогать. Ты заботишься о себе, хочешь, чтобы перестали обстреливать твой дом, вот и все.

— Да, хочу. Конечно, хочу, — согласилась я. — Но я также не хочу, чтобы моя сестра скрывалась от плохих парней и разбиралась во всем в одиночку, возможно, я смогу помочь.

— С этим ты мне не поможешь.

— Джинджер...

— Них*я не названивай мне, Гвен. Никогда. Понятно?

И установилась полная тишина на том конце провода.

Я перевернула свой телефон и прошептала:

— Вот черт!

Но он мгновенно зазвонил, и я перевернула его обратно, к себе экраном, думая, что это Джинджер, приложила к уху.

— Джинджер?

— Нет, — слышала я, — Трой.

Ой, вот черт.

— Трой, — спокойно произнесла я.

— Да, помнишь меня?

Ой-ой-ой.

— Трой, я...

— В твой дом стреляли. Я звонил четыре раза, но ты не перезвонила. Трейси сказала, что с тобой все в порядке. Ты звонишь стоит забиться твоей ванной или сломаться крану, а когда я звоню тебе, беспокоясь, ты не перезваниваешь. Я слышал, что твоя гостиная разрушена в хлам?

— Тут был полный дурдом.

— Гвен, *твой дом* расстреляли из *мимо проезжающей* машины, — ввернул он. — Я понимаю, что от этого можно немного свихнуться, даже много, но разве ты не могла позвонить своему *другу* и сказать, что с тобой все в порядке?

— Мама вчера приходила, — сообщила я ему. — Я была немного не в себе.

— Я вижу Мередит..., — психанул он.

— Нет, Трой, не Мередит, мама.

Наступила тишина.

Я сделала глубокий вдох.

— Я сожалею, что Хок так грубо с тобой обошелся. Он... эм... ну... неважно. Он — это он. Не знаю, что еще сказать...

— Ты не знаешь, что мне сказать, потому что скрывала свои отношения с ним от меня целых полтора года. И я как болван, пока ты веселилась с Рэмбо в городе, ремонтировал все на твоей кухне и дома все это время.

— Это было не так, — заявила я, и это было, действительно, не так. Но я не собиралась ему рассказывать, чем конкретно мы занимались все полтора года.

— Черт побери. Это было именно так. Думаю, я заслуживаю объяснений, почему ты играла со мной, Гвен.

Ладно, у меня опять едет крыша.

— На самом деле, Трой, это не твое дело. Я не играла с тобой, и ты не болван. Ты мой друг. Когда что-то случается или происходит не так, всегда обращаешься к друзьям.

— Да, с этим как раз у тебя проблем нет.

— И у тебя тоже, — выстрелила я в ответ. — Не я тебя звонила, когда у тебя начался тот ужасный грипп, *а ты*, и я повезла тебя к врачу, а потом отвезла тебя домой, проследив, чтобы ты принял лекарство, положив салфетки и вымыв тазик с блевотиной. И внимание, Трой, мне не нравится блевотина, во всех ее видах. Мне не нравится, потому что она напоминает мне ужасную кричащую оранжевую помаду, другими словами, которую я всеми силами избегаю. Но я сделала это ради тебя.

— Гвен...

— И не я просила, когда ты захотел произвести впечатление на девушку, и я пришла и приготовила тебе три блюда для вашего романтического вечера, чтобы ты смог произвести на нее впечатление и сказать, что это сделал ты, когда привел ее к себе домой.

— Я...

Я прервала его, выпустив тяжелую артиллерию.

— И конечно же не я бросила все и полетела с тобой в Тусон, чтобы помочь тебе организовать твоей маме перевезти тело твоего отца в Денвер, чтобы захоронить.

— Дорогая...

— Это не улица с односторонним движением, и ты это прекрасно знаешь, — опять перебила я его. — Я поступала точно также, как и ты, и меня расстраивает, что ты сейчас говоришь по-другому. Да, сейчас моя гостиная — полная катастрофа, я не могу вернуться домой, мои родители не могут вернуться домой, моя сестра в полной жопе, и тут еще объявилась моя мать, словно из ниоткуда, как только она услышала, что я встречаюсь с мужчиной, который может позволить себе туфли от Джимми Чу, и она захотела «присоединиться»... называй это как хочешь. Я не видела ее десятки лет, а она все это время жила поблизости. Я узнала, что она всегда была рядом, но никак не собиралась, до вчерашнего дня, обозначить свое присутствие, пока не «кое-что» не высветилось на ее горизонте. Мне жаль, что Хок ранил твои чувства и, я очень боялась, что могу потерять тебя из-за этого. Но мне не нужно сейчас еще и это дерьмо, Трой. Мне нужны мои друзья, и если ты не относишь себя к моему другу, я не знаю, что и сказать, кроме того, что твои слова сейчас убивают все, чем мы были раньше друг для друга.

— Я люблю тебя, Гвен, — прошептал он, не колеблясь, и тем самым всадил свои слова, я втянула воздух и не ответила, уставившись на свои колени, испытывая боль, которая пронзила мое сердце. — Дорогая? — позвал он, пока я молчала.

— Я бы хотела, чтобы ты мне сказал, — прошептала я. — Но я не могу сказать, что произойдет, когда ты сказал, но теперь... теперь, я не могу справиться с этим, Трой. Я люблю тебя, я думаю о тебе, но у меня есть мужчина. Я не знаю, куда нас все это приведет, но я знаю, что то, что он заставляет меня чувствовать, пугает меня до чертиков, какие-то страхи выходят из меня и мне нужно сосредоточиться на них.

— Я знаю, почему он тебя пугает, милая, — мягко произнес Трой.

— Почему?

— Потому что над ним просто светятся слова — такой же, как Скотт Лэйтон.

Я медленно вздохнула.

— Трой...

— Ты опять попала туда же. Ты всегда так делаешь. Симпатичные парни, которые думают, что их дерьмо не воняет, ходят вокруг, да около тебя кругами.

О, Боже.

Трой продолжил.

— Это очень ранит, Скотт носил мокасины. Но ты же чувствуешь страх, хотя парень и надел боевые ботинки?

— Я не уверена, что он такой же, как Скотт.

— Я уже как-то встречался с ним, совершенно его не зная, и он не колеблясь опустил меня перед тобой, Трейси и бл*дь этими парнями. Ему было насрать на меня. Почему ты решила, что если он подумает сказать тебе что-то, что тебе не понравится и что может причинить тебе боль, ему не будет насрать *на тебя*?

— Мне кажется, я знаю его лучше, чем ты, Трой, и он не похож на других. Он, на самом деле, думал, что делает тебе одолжение.

— Ну, Гвен, он ошибался. Ты и я, мы всегда были близки, а теперь мы выясняем отношения. Вот что он сделал. Возможно, он сказал тебе, что сделал мне одолжение, но этот парень из тех, кто метит свою территорию. Ты — его территория, и он увидел во мне конкурента, поэтому пошел на грубость. Не думаю, что это было что-то другое.

— Я не хочу ранить твои чувства, малыш, но мне кажется, что он не видит в тебе конкурента, — мягко произнесла я.

Установилось молчание, затем тихое:

— Хорошо.

— Трой, не разрушай наши с тобой отношения.

— Я не разрушаю, Гвен, Рэмбо все уже разрушил.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но он повесил трубку.

Я посмотрела на экран, а затем, опять-таки, прошептала:

— Вот черт!

Но телефон снова тут же зазвонил у меня в руке.

Я нажала «ответить» и приложила к уху.

— Не хорошо вешать трубку...

— Детка, — прервал меня Хок.

— Хок?

Я была удивлена. Мне казалось, что он был отрезан от внешнего мира.

— Назови мне самую лучшую причину, из-за которой ты звонила Джинджер.

Я оцепенело поняла, что он знал обо мне все, включая и все мои телефонные разговоры.

— Хок...

— Я так понимаю, у тебя нет причины.

— Хок...

— Ты разве не знаешь, что с тем, кого все хотят поиметь, не стоит разговаривать?

— Хок...

— Ты позвонила, кто-то может мониторить ее разговоры, они слышали тебя, они стали тебя разыскивать и выстраивать свои предположения.

Ладно, это было что-то новое, однозначно, это стоило добавить в мой список, Хок имеет удивительную способность раздражать, несмотря на то, что он был прав.

— Я увидела ее имя в списке контактов и у меня возникла шальная идея, — призналась я.

— Нет, ты увидела ее имя в списке контактов, это напомнило тебе, что ты переживаешь о своей сестре, и ты позвонила ей, — предположил Хок.

— Ну, это тоже самое.

Он вздохнул, затем сказал:

— Детка.

— Я думала, что ты был занят, — сменила я тему.

— Я, действительно, был занят, но база запеленговала твой телефон, Мо позвонил Хорхе, Хорхе был в офисе и не занят. Он отправил мне сообщение, что ты связалась со своей чертовой сестрой, и я тут же оказался свободен.

— Ооооо, — пробормотала я.

— Гвен, детка, сделай мне одолжение. Доверься мне, и я сделаю все, что могу для твоей сестры. И поверь мне этого будет достаточно, чтобы я смог справиться с эмоциональным потрясением, касающимся твоей сестры и постараться сделать лучше, как будет для нас. Понятно?

Я посмотрела с его кресла на его книги и компакт-диски.

— Гвен, ты здесь? — позвал Хок.

Он отложил все свои дела ради меня.

Он хотел, чтобы я доверила ему эмоциональное потрясение.

Я еще раз осмотрелась по сторонам в его логове. Но оно ни о чем мне не говорило.

Но даже при этом, я знала, что Трой был неправ.

— Я здесь, — спокойно сказала я, — и я готова сделать тебе одолжение.

— Спасибо, Душистый Горошек, — спокойно ответил он.

— Мои подруги сегодня зайдут, ты не против? — спросила я.

— Нет не против, детка.

— Эльвира решила, что она, тоже моя подруга, — поделилась я.

— Не удивительно, — ответил он.

— Ты должно быть занят? — спросила я, хотя он не выражал тембром своего голоса, что куда-то торопиться, но я полагала, если шла переадресация его звонков, видно, он был занят чем-то действительно важным, что требовало его полного внимания.

Но его внимание переместилось на меня.

Вот черт.

— Да, — ответил он.

— Хорошо, тогда пока.

— Увидимся, детка.

— Увидимся, Хок.

Он отключился.

Я перевернула мой телефон и расфокусировано осмотрелась по сторонам.

Затем я снова взяла телефон в руки и стала пролистывать контакты, в поисках номера моего страхового агента, которому мне следовало рассказать о состоянии своего дома.

21.

Королева полного фиаско

— ОМойБог! Здесь так *круто*! — это была Трейси, которая прохаживалась, покачивая бедрами по бывшему складу Хока, оглядываясь вокруг, как будто она попала в сад конфет с потоком шоколада Вилли Вонки. Ее глаза остановились на Эльвире, которая была на кухне. — Эй, девушка! Что случилось?

— Получаю удовольствие от работы, каланча, что происходит с тобой? — ответила Эльвира с огромной улыбкой, не особо жалея новым прозвищем Трейси (по крайней мере, я надеялась на это).

Если Кэм — Инь, Трейси — Янь, Эльвира была не Янь во всем, начиная с со своего женского начала. Она была ростом пять и четыре фунта. С округлыми формами, фигуристая. Ее кожа была гладкой, безупречного цвета мокко. Ее волосы были коротко подстрижены на затылке и на висках, но спереди была густая копна со светлыми прядями. И она была настолько далека от ношения экипировки коммандос, просто до смешного. Если дресс-код Хока позволял Эльвире так одеваться, я хотела бы у него работать. Короче, ее наряд состоял из горчично-желтого вязаного платья, с открытыми плечами до бедра и ярко-красных на шпильке высоких замшевых сапог.

Эльвира суетилась на кухне, создавая, как она объявила «накрыть поляну», кроме этого она доставала большие, квадратные, темно-синие тарелки из шкафчика Хока. Она накрывала стол, поскольку пришла сюда, обвешанная пакетами из мест Crate and Barrel и Fresh and Wild, которые, она сообщила, смогла посетить во время перерыва. В этих пакетах было абсолютно все — бокалы для martinis (набор из четырех бокалов, с длинной ножкой, ультра-гладкой), шейкер для martinis, огромная головка сыра «Бри», французский батон, виноград, яблоки, ассорти из оливок, корнишоны, красный лук, мармелад, крекеры, ассорти из шоколадных конфет и огромный кусок паштета.

Да, и она принесла еще ингредиенты для Cosmo.

Я тут же прониклась к ней, благодаря бокалам под martinis. От всего остального я просто растаяла, и я испытала, заявив о своей бессмертной любви к ней, что она официально принята в мою девичью компанию.

И я не шутила.

Когда я сообщила ей об этом, Эльвира засмеялась, и я поняла, что она просто смеялась, потому что уже решила, что и так принята в мою девичью компанию.

— Господи, он здесь живет? — спросила Кэм, идя за Трейси, и разглядывая все вокруг с удивлением и совсем немножко, если честно, будто бы она попала в заколдованный мир.

— Ему нравится, чтобы было много пространства, — ответила я.

— Да, здесь другого и нет, — ответила Кэм.

— Ты кто? — требовательно спросила Эльвира, внимательно всматриваясь в Кэм, в тот момент, когда Кэм внимательно смотрела на нее.

— Лучшая подруга Гвен, — ответила Кэм.

Трейси ослепила всех нас неимоверной улыбкой, в отличии от моей, и она немного наклонилась вперед и закричала Эльвире:

— Дааа! Мы разделяем этот титул.

Эльвира через плечо глянула на меня, где я подпирала столешницу задницей.

— Если это правда, подруга, то тебе лучше поторопиться, поскольку двух лучших подруг быть не может. У меня есть подруга, которая попыталась разобраться с этим дерьмом, но оно накрыло ее окончательно, в самый неподходящий момент. Двое ее «лучших подруг» боролись за все. Конечно, сначала казалось все хорошо, потом двое были за новобрачных,

они, двое присутствовали на девичнике, две женщины, готовые выполнить любую прихоть невесты. Но это дерьмо становилось все противнее. Все закончилось чуть ли не дракой в день свадьбы, никто из них ничего не сказал невесте. Хотя на самом деле наступила полная катастрофа. Мне пришлось вмешаться, поскольку платье выглядело ужасно. Они зашнуровали шнурок на спине невесты вместе с кружевом. Невозможно идти по проходу церкви и каким-то образом скрывать такой казус, как шнуровку на спине. Поэтому я попыталась как-то это прикрыть, со стороны это выглядело смешно. А мне не нравится, когда я выгляжу смешно. Теперь я не разговариваю с ней, но это не из-за шнуровки. Скорее потому что она действует мне на нервы, все уже дошло до ручки. Она всегда так делала, все доводила до абсурда, но я все время предполагала, что мне нужно казаться милой до тех пор, пока я не поняла, что милой уже просто больше не могу быть.

Я застряла на ее фразе: *«Двух лучших подруг быть не может»*, у меня перехватило дыхание, потом я глубоко вздохнула и передо мной замелькали картинки свадьбы с коммандос. Хок был в черных штанах-карго, я в белом бронежилете, украшенным кружевом. Потом я несла букет цветов, а Хок нес автомат. А потом у меня вызвала восхищение картинка, когда Хок достал гигантский охотничий нож. Дальше — Ястреб выносит меня из мэрии, объятый пожаром, вокруг свистят и летят пули, огонь разгорается от «коктейля Молотова», танцующий на танцполе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Трейси тоже застряла, но может не на том же, что и я, но перед ней тоже мелькали картинки, отличные от моих, поэтому она захлопала в ладоши и закричала:

— Вот оно! Эльвира инсайдер, и она сказала, что такое произойдет!

— О Боже, я даже не кручусь на стуле и мне на самом деле очень нужен Cosmo, — пробормотала Кэм.

— Хорошо тащите сюда свои задницы и готового мужика, девочки, — сказала Эльвира и посмотрела на Трейси. — Что касается готов он или нет для свадьбы, не знаю, он не из тех, кто женится, если бы вы спросили меня неделю назад, я бы сказала однозначно «нет», но неделю назад он никому не покупал туфли от Джимми Чу, поэтому мне кажется, что он готов жениться.

— Кэм, скорее, Cosmo, — прошептала я.

— Я еще делаю, детка, — пробормотала Кэм.

— Ну, вот видите я всегда говорила, что все будет хорошо, я всегда в это верила, — заявила Трейси, усаживаясь на стул и наклоняясь вперед, чтобы схватить оливку с разделочной доска у Эльвиры.

Эльвира со стуком опустила нож для хлеба на доску и быстро шлепнула Трейси по руке.

— Я еще не доделала, — заявила Эльвира Трейси, которая подхватила свою руку другой и отвела ее в сторону с шоком глядя на Эльвиру. — Речь идет о моем блюде. *Не порть* мне его.

— Ладно, — прошептала Трейси, переводя на меня взгляд, я поджала губы, а Эльвира вернулась к работе своим ножом для хлеба, а также и к разговору.

— Мальчики на базе не любят сплетничать, это не одобряется руководством, им кажется, что это слишком по девчачьи, типа ми-ми-ми, и я не буду выражать неодобрение по этому поводу, но то дерьмо, которое происходит у тебя, равносильно пытки утопления.

Святое дерьмо!

Эльвира на этом не остановилась.

— Они могли бы поделиться, за чьей задницей они следят, но... это собственно и все. Худшая часть работы. Кто-нибудь слышал о работе, где нет сплетен? Но я могу сказать тебе кое-что, — она повернулась и тыкнула ножом для хлеба в мою сторону, — *ты* объект повышенного внимания уже *довольно* длительное время.

Ох, черт.

Эльвира вернулась к готовке.

— Никаких разговоров. Даже шепотом. Хок чертов крутой псих готов надрать им задницы, и никто из парней не хочет связываться с психом Хоком. Но это не значит, что нельзя обмениваться взглядами, которые о многом говорят.

Чтобы успокоиться, я взглянула на Кэм, которая всегда сохраняла здравый смысл в любой ситуации. Кэм продолжала заниматься шейкером, прикусив губы.

Ох, черт.

— Кэм? — позвала я.

Она перестала кусать губы, но так и не оторвала глаз от шейкера с мартини, ответив:

— Да, детка?

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросила я.

— Она вполне может, — добавила Эльвира. — Я слышала доклад. Я знаю все имена ваших девочек. Камилла. Ты работаешь в диспетчерской в полицейском управлении. Копы не против слухов, они-то как раз их очень любят, поэтому она может спокойно рассказать все то дерьмо, которое сегодня произошло.

Я стояла, прислонившись к кухонной столешнице, но при ее словах, передвинулась, встав рядом с Эльвирой, чтобы лучше видеть Кэм.

— А что сегодня произошло? — спросила я.

— Ты ничего мне не говорила в машине, — Трейси тоже посмотрела на Кэм.

Камилла добавила в шейкер водки, но продолжала молчать.

— Кэм, — опять окликнула я ее.

Кэм поставила бутылку водки на столешницу и посмотрела на меня.

А потом она заявила:

— Я не хочу говорить о нем.

Я почувствовала трепет у себя в животе.

Эльвира вскинула голову и удивленно приподняла брови.

— Почему?

— Он..., — она замолчала и потянулась за клюквенным соком.

— Кэм, — в какой раз повторила я.

Она добавила клюквенного сока и посмотрела на меня.

— Ну, хорошо, Лео позвонил мне и рассказал, что произошло. Он сказал, что оказался свидетелем произошедшего. На самом деле, он с трудом сдерживался, чтобы не позвонить раньше.

— А что произошло? — спросила Трейси.

— Хок Дельгадо стал крутым психом, вот что произошло, — ответила Эльвира.

— Чтооооо? — прошептала я.

Кэм кивнула.

— В отношении Джерри Трэверса.

— Кто такой этот Джерри Трэверс? — спросила Трейси.

Кэм перевела глаза на нее.

— Кейб Дельгадо уже давно за ним следил, и он оказался тем парнем, который начал все это дерьмо против Гвен.

«Ох, парень», — произнесла я в своей голове, но в животе по-прежнему чувствовала трепет.

— Ой, парень, — прошептала вслух Трейси.

— О, и Хок был прав, — подтвердила Эльвира.

— Так что произошло? — спросила я у Камиллы.

— Ну, Лео сказал, что Дельгадо оказался не настолько глуп, чтобы идти в полицейский участок и нападать на офицера полиции. Это не значит, что он не смог выразить свое недовольство, но при этом оказался кристально чист, хотя и сделал это *публично*.

— Мне, однозначно, нравится это, — вздохнула Трейси. — Как же он вышел из этой ситуации?

— Лео сказал, что он подошел к нему и ударил его по лицу, разозлив его прямо на глазах у всех, — ответила Кэм, и мой живот закончил трепыхаться и стал совершенно мягким. — И новость заключается в том, что он нанес ему удары по лицу и разбил ему губу. Все говорят об этом.

— Правда? — прошептала Трейси.

Кэм кивнула и посмотрела на меня с усталым выражением на лице. Она, видно, не знала, что с этим делать.

— Лео был вне себя от радости. Он так и сказал, что «обрадовался». Хотя Лео никогда раньше не использовал слово «обрадовался». Во-первых, он не большой поклонник Джерри Трэверса, потому что Джерри Трэверс говорит о тебе гадости, он настоящий засранец. Я знаю, Джерри. Да. Он мудака, и он не сказал мне ничего, потому что знает, что мы дружим с тобой. Я знаю, что он мудака, вот и все. Во-вторых, Лео думает, что ты слишком переживаешь из-за всего этого дерьма, которое свалилось на тебя, и ты знаешь это, девочка, и Дельгадо пришел к нам в отделение, чтобы установить закон над мусором, который несет о тебе всякую чушь, видно, он подумал, что от этого будет немного лучше.

Я решила, что немного лучше, правда, было бы хорошо.

Я посмотрела вниз на столешницу.

— Поспеш, Эльвира, если ты не поспешишь, я воспользуюсь замороженным тестом для печенья, — сказала я ей.

— Песочное замороженное тесто подходит для разбитого сердца и девушки в печали, с какой стати ты решила воспользоваться тестом для печенья? — спросила Трейси.

— Замороженное песочное тесто для печенья имеет много функций. Оно не только для разбитого сердца и девушки, находящейся в печали. Оно подходит также, когда ты начинаешь переживать о своей личной жизни, — ответила я.

— Я вот, что тебе скажу, — объявила Эльвира, нарезаая маленькими ломтиками французский батон на тарелку, на которой уже были всею уложены кусочки яблока вокруг сверкающих гроздей виноград по середине. — Хок следил за мной, за каждым моим движением полтора года и задеиствовал даже парней, когда у меня были проблемы, и не было никакого печенья даже и *в помине*. Я стояла на коленях перед кроватью и молилась, чтобы Господь, возблагодарил его за то, что он услышал мои слова. Затем я надевала маленький фиолетовый тедди, который выглядел просто отлично на моей коже и представляла его у себя в постели и считала минуты, когда «он» мог довести меня до оргазма.

— Я одеваю ночную сорочку в постель, — сообщила я ей. — Хотя, у меня есть, конечно, сексуальный тедди.

Эльвира повернула ко мне голову.

— Я видела твой тедди, милочка, в корзине с грязным бельем. Оно было довольно милое. Но Хок, как, по-моему, мужчина шелка и кружев.

Мда. Оказалось, Эльвира довольно-таки основательно порылась в моем белье, пока упаковывала для меня чемоданы.

— Мужчина шелка и кружев? — спросила Трейси.

— Нет, он явно импровизирующий мужчина, — ответила я. Или, точнее, он импровизирует, потому что любая одежда ему мешает.

Эльвира усмехнулась огромной улыбкой.

— Мм-хмм.

Я посмотрела на Кэм.

— Камилла. Cosmo.

Кэм подняла шейкер из нержавеющей стали и начала трясти.

— Ладно, я просто хочу сказать, что некоторые вещи продвигаются немного медленно, — Трэйси начала уже вопить, как всегда, — но иногда мужчинам нужно немного времени, ну, ты понимаешь, чтобы принять соответствующие обязательства.

— Расскажи мне об этом, — пробормотала Камилла, открыв крышку шейкера и начиная разливать в бокалы.

Я немного скривила губы и скользнула взглядом по Трейси.

Тогда я произнесла:

— Лео хочет быть с тобой.

— Это на самом деле не так, — Кэм продолжала наполнять бокалы.

— Он любит тебя, — продолжила Трейси.

— Мм, — пробормотала Кэм, опуская шейкер и начиная передавать бокалы.

— У тебя есть мужчина с проблемами по обязательствам, девочка? — спросила Эльвира, шлепая паштет в середину нарезанных кусочков хлеба.

— Пять лет и четыре года мы живем вместе, — ответила Камилла.

— Боже! — пробормотала Эльвира, используя свой нож и переходя на сыр «Бри».

— Я думаю все будет хорошо, причем в ближайшем будущем, я чувствую это всеми фибрами своей души, — быстро объявила я, принимая бокал с Cosmo. — Он уже почти готов, Кэм, я знаю это.

— Я тоже знаю! — добавила Трэйси, Эльвира внимательно посмотрела на меня.

Затем перевела глаза на Кэм.

— Я могу читать людей, — заявила она, поднимая свой нож и направляя острием на Кэм, почти в дюйме от ее лица, у меня перехватило дыхание. — По лицу. Они обе не врут. Это прямо настоящее ТВ-шоу. Я удивлена. И твоя подруга не врёт. Я не хочу быть той, кто может омрачить твою радость, поскольку достаточно знаю о фобии обязательств, знаю столько, что, по-моему уже могу написать Справочник по фобиям обязательство Денвера, но она, на самом деле, видит хороший конец, она чувствует его всеми фибрами своей души, и она твоя подруга, которая тебя не обманывает, — она продолжала трясти ножом перед лицом Кэм, — тебе стоит дать этому парню какое-то время и все будет отлично.

Эльвира изложила все, что она думала, Кэм завороченно смотрела на острие ножа, которое маячило в двух дюймах от ее лица, я протянула руку, обхватив за запястье Эльвиру и

опустила ее руку с ножом на столешницу. Как только я сделала это, она перевела на меня свой взгляд.

— У Хока имеются определенные правила, использование ножа у него в доме, — пробормотала я.

— Уверена, что имеются, — ответила Эльвира. — А правило о правильном использовании сюрикенов у него имеется?

— Скорее всего, — пробормотала я, потому что на самом деле, скорее всего это было правдой.

— Я могу выпить Cosmo? — спросила Кэм, закончив переставлять к нам бокалы.

— Нарезка закончена, — объявила Эльвира, шлепая сыр «Бри» рядом с виноградом. — Давайте отправимся в комнату и присядем.

Девочки тут же схватили большие тарелки с едой, а я направилась к шкафчикам, чтобы достать маленькие тарелки, и мы все отправились в гостиную. Кэм и Трейси уселись в кресла. Эльвира и я сели на разных концах дивана. Тарелки с едой опустились на журнальный столик перед нами, и мы все устались на них, частично потому, что никто не хотел ничего трогать без разрешения Эльвиры, а частично потому, что она, на самом деле, была права у нее определенно был талант по «накрытию поляны». Еда выглядела великолепно. Настоялько отлично, что ее можно было даже сфотографировать для кулинарного журнала.

— Ну? — спросила Эльвира. — Чего вы все ждете? Налетайте.

Мы все набросились на еду, как коршуны.

Я затолкала целый ломтик французского батона, смазанный пастой из красного лука, паштета и увенчанный ломтиком огурца, в рот, Эльвира вдруг заметила:

— Я бы все-таки купила те ножи для масла. С эффектными ручками. В Crate and Barrel были одни. У тебя есть сыр «Бри» и паштет и пипец какие глиняные горшочки, тебе необходимы ножи для масла с красивыми ручками.

Я подумала, что железный, кирпичный склад-логово Хока может еще претерпеть изящные бокалы для мартини на тонких ножках, но явно не с эффектными ручками ножи для масла.

Но об этом я Эльвире не сказала.

Вместо этого, я спросила комнату (ну, конечно же Трейси и Камиллу, Эльвира на самом деле меня пока не знала):

— Как вы думаете, я живу в своих фантазиях?

Трейси и Кэм мгновенно посмотрели друг на друга через кофейный столик.

— Это означает «да», — перевела Эльвира, с набитым ртом, жуя «Бри» и кусочек яблока.

Я посмотрела на Трэйси, потом перевела взгляд на Кэм.

— Вы так думаете?!

— Подруга..., — начала Кэм.

— Это вполне нормально, — быстро сказала Трейси. — Мы все живем в своих фантазиях, поскольку нам нужно как-то абстрагироваться от проблем, именно поэтому мы и мечтаем.

— Я не живу в мире грез, — произнесла я, но скорее это было неправдой. Я много времени мечтаю, но не *все время*. — Я живу своей жизнью. Я выхожу в люди. Я получаю удовольствие. Я встречаюсь с людьми.

— Лео называет тебя Королева полного фиаско, — объявила Кэм, и мои глаза остановились на ней.

— Кем?

— Королевой полного фиаско. Ты наряжаешься, выходишь, улыбаешься, общаешься, флиртуешь... и все: *«Привет! Очень приятно было с тобой пообщаться! Пока!»* Никаких номеров телефонов. Ничего. Мужчины думают, что ты заинтересована в них, и они готовы двинуться с тобой дальше, а ты бежишь от них не оглядываясь. Королева полного фиаско.

Эээ... Вау.

— Я так делаю? — поинтересовалась я, но я итак знала, что делаю именно так. До того, как она не обратила на это внимание, я не знала, вернее, наверное, знала, но не обращала на это внимание, но когда она озвучила это вслух, я поняла, что именно так и делаю.

— Точно, — шепотом подтвердила Трейси.

— А Дельгадо сказал, что ты живешь в своих мечтах? — спросила Кэм, я кивнула. — Почему?

— Ну, мы кое-что... обсуждали. Я сказала, что мне нужно подумать, а он ответил, что мне не нужно думать, что я живу в своих грезах, отгораживаясь от всего. Он сказал, что я не подпускаю его к себе. Он сказал, что я все время стою в обороне с поднятой рукой, готовая отразить его атаку в любой момент, — ответила я.

Глаза Трейси и Камиллы вернулись друг к другу.

— И это правда, — отметила Эльвира.

— Я открытый и дружелюбный человек! — объявила я.

Кэм вздохнула, откинувшись на спинку кресла и отхлебнув Cosmo.

Готовясь мне ответить.

Ох, вот черт.

Затем она заявила:

— Детка, я знаю, на прошлой неделе у тебя многое произошло, но зная тебя, у тебя был шанс подумать, что происходит между тобой и Дельгадо?

— Да, — тут же ответила я. — Я думаю об этом все время.

— И что ты надумала, милая? — спросила Эльвира.

— Я не знаю, мне, наверное, следует еще подумать, — ответила я, Эльвира закатила глаза и посмотрела на Трейси. Трейси хихикнула.

Хрень Господня! Я снова пустилась в свои думы.

— Ладно, — сказала я Кэм, понимая, что я совсем запуталась, — скажи, что *ты* думаешь по этому поводу?

— Я скажу, — ответила Кэм.

Здорово.

Ну! Я бы хотела бы, чтобы Кэм ответила мне в своем стиле.

— Тебе не приходило в голову, что после всего, когда он не делал ничего, я имею ввиду кроме секса, ты говорила с ним один раз, *однажды*, и он оказался полностью загружен твоими делами?

Нет. Это не приходило мне в голову.

— Нет, — прошептала я.

— Поэтому скажем так, когда ты открыла свой рот для больше, чем просто издавать стоны в те моменты, когда он посещал тебя ночью, как по твоему мнению, ты не ошибаешься в нем сейчас? — продолжила Кэм.

О, Боже мой.

Я молчала, но Камилла ответила за меня.

— Я бы сказала, что именно там ты и находишься, детка.

Ой. Мой. Бог.

— Я..., — начала я.

— Полтора года, Гвенни, ты удерживала его одной рукой, — тихо сказала Трэйси.

— Мм хм, — промямлила Эльвира в свое Cosmo.

Господи! Я ненавидела это чувство, когда Хок был прав!

— Ты... ты..., — запнулась я, — думаешь, мне стоит опустить руку?

— Да, — тут же сказала Трэйси.

— Однозначно, — подала голос Эльвира.

— Суд присяжных решил единогласно, против тебя одной, — ответила Кэм, вставая и тем самым объявляя, что обсуждение закончилось, давая мне время разобраться в самой себе, и она объявила:

— Я сделаю нам еще Cosmo, — затем она направилась на кухню на своих четырехдюймовых каблуках.

Я наклонилась вперед и схватила гроздь винограда и большую горсть разных конфет. Мне необходимо было обо всем подумать.

Или, может быть, мне не стоило думать.

Вот черт.

Кэм сделала Cosmo, мы выпили, поели, и я, на самом деле, хотела обсудить еще и другие вопросы, которые изложил мне Хок, в основном, поскольку Эльвира была здесь, и она работала на него семь лет, поэтому она могла кое-что рассказать о нем. Однако, Эльвире тоже было нужно держаться своих убийственных вязанных платьев и ярко-красных замшевых сапогах, и я не хотела создавать ей неприятности и перемывать косточки ее боссу, чтобы она сплетничала о нем. Поэтому я оставила вопросы при себе.

Я также сделала это, потому что, по существу мне следовало задать эти вопросы Хоку.

Я услышала оглушительный скрип, поднимающейся двери гаража, и девушки в комнате стали напряженными. По крайней мере, это касалось Трэйси, которая была очень за меня рада, что Хок вернулся домой. Также это касалось Эльвиры, потому что она была рада видеть, что я вместе с Хоком. Кроме того, дело касалось и Кэм, потому что она хотела скрыть свои удивительные умственные способности и задуматься, как ей следует меня судить. И последнее, это касалось и меня, потому что я, как Трэйси, была взволнована и напряжена из-за того, что Хок вернулся домой.

Послышался еще один скрежет, когда дверь гаража стала закрываться, а потом внутренняя дверь в его логово открылась, и он вошел, уставившись на четыре комплекта женских глаз. Я повернула голову через плечо, отметив про себя, что он совершенно не смутился, пока четверо женщин в открытую пылились на него. Он был Ястребом — Хоком, уверенным в себе, даже самоуверенным, эффектным, грациозным и сильным, и благодаря всему этому он первый встретился с моим взглядом.

О, парень.

Он направился напрямик к дивану, на котором я сидела, и я отклонила голову назад, чтобы лучше его видеть.

— Привет, — спокойно произнесла я.

Он наклонился именно в тот момент, убирая волосы с моего плеча, оголив мою шею,

наклонился и я почувствовала его губы у себя за ухом.

Его губы по-прежнему прижимались к коже у меня за ухом, когда он прошептал:

— Привет, детка.

— Ммм... хм, — услышала я мычание Эльвиры, обратив на него внимание, но всего лишь минутку, в основном потому, что мой живот затрепыхался, а укромное местечко стало призывать к себе, потому что я возбудилась.

Он выпрямился, его руки продолжали обвивать мою шею, и взглянул на собравшихся своими черными глазами.

— Дамы, — пробормотал он.

— Привет, — вздохнула Трейси.

— Привет, Хок, — тут же отозвалась Эльвира.

Камилла просто посмотрела на него.

Он отпустил мою шею, обошел диван, и я постаралась отодвинуться подальше, как только он опустился рядом со мной на подлокотник. Одной рукой он обнял меня за плечи, притягивая к себе, а другой — схватил мой бокал с Cosmo. Я повернула к нему голову, он сделал глоток martini из моего бокала. Но мой разум воевал между собой, с одной стороны, мой живот трепетал, потому что он отпил из своего бокала, с другой стороны, мне хотелось вернуть свой Cosmo, до того, как он его полностью осушит.

Неудивительно, что победила первая сторона.

— Ты не хочешь собственный бокал? — спросила я многозначительно.

— Мне подходит и твой, — он проигнорировал мой намек, вернув мне бокал, наклонившись вперед и хватая оставшиеся порезанные кусочки яблока. Потом он откинулся на спинку дивана, небрежно бросив их в рот.

Я повернулась к своей компании девушек и объяснила:

— Тело Хока — святилище. Примерно через минуту, у него начнется анафилактический шок, как только водка попадет к нему в организм. Нет необходимости вызывать «9-1-1», у меня имеется инъекция антидот.

Трейси снова хихикнула. Эльвира открыто засмеялась. Хок издал чисто мужской, глубокий смешок, и даже Кэм ухмыльнулась.

— Мо сказал, что ты ушла в три тридцать, — заметил Хок, когда все отсмеялись, и я посмотрела на него, его глаза были направлены на Эльвиру.

Я перевела взгляд на Эльвиру, она кивнула.

— Должно быть.

Я прикусила губу и посмотрела на Трейси.

— Разве это не творчески замаскированная линия вопроса? — спросил Хок, схватив мелкий виноград и наклонившись вперед к еде на столе.

— Я рассказала Гвен о ее центре ответственности, — ответила невозмутимо Эльвира.

Мои глаза стали большими.

— Хорошая идея, — пробормотал Хок, откидываясь на спинку дивана.

Я сглотнула, но Трейси поставила свой бокал на столик, чтобы прижать руки к бедрам и не захлопать в ладоши от восторга.

Я посмотрела на Хока.

— Хочешь что-нибудь существенного?

— Ты опять будешь говорить о симптомах посттравматического стресса, пока будешь вынуждена есть паровые овощи и творог? — спросил он.

Я почувствовала, как у меня приподнялись брови.

— Ты хочешь это на ужин?

— Да, — ответил он.

— Тогда, наверное, да. Скорее всего мой центр ответственности нуждается к визитам к психологу, ты не находишь?

Он улыбнулся, а его рука быстро и крепко притянула меня к нему. Моя рука с Cosmo скользнула в сторону, чтобы избежать столкновения, как только моя грудь ударилась о его, и он проскользнул пальцами в мои волосы, обхватив затылок, наклонился и поцеловал меня в губы.

Поцелуй был коротким, но любой поцелуй от Хоука был сладким.

Хотя некоторые из них были еще слаще.

Как только он позволил мне отодвинуться от него хотя бы на дюйм, он сказал:

— Детка, — улыбаясь.

— Мне послышалось или ты мне говорил, что будешь целовать меня только, если я заставлю тебя смеяться.

— Да, говорил.

— Я не заставляла тебя смеяться, — уточнила я.

— Нет, но я поцелую тебя, и когда ты заставишь меня смеяться.

— И я не получу никакого словесного предупреждения?

Его рука скользнула вниз по моей шее.

— У тебя есть шанс, Душистый Горошек.

— Душистый Горошек, — выдохнула Трейси, и я вспомнила, что мы не одни.

Я отстранилась и села прямее, всматриваясь в лица подруг. Трейси загадочно улыбалась, видно отправившись в свои грезы, довольная от понимая, что она всегда была права. Эльвира ухмылялась в свой бокал с мартини, скорее всего, сожалея, что она не сможет поделиться с командос такими горячими сплетнями, свидетельницей которых стала. Кэм крутила в бокале остатки Cosmo, открыто оценивая Хока, не желая отпускать полтора года, когда она была уверена, что Хок был конченным мудаком, но по выражению ее лица, я могла сказать, что ее мнение о нем явно претерпевало изменения.

— Мне просто необходимы тушеные овощи, — заявил он. — Кто-нибудь еще хочет тушеные овощи?

— Только не я, — ответила Трейси.

— Мне уже пора собираться домой, — произнесла Эльвира, допивая свой Cosmo.

— Мне тоже, у меня смена утром, — добавила Кэм.

Хок протянул руку и снова конфисковал у меня мой бокал, но Трейси добавила:

— Если Кэм уходит, то я тоже ухожу. Она меня подвезет.

Хок сделал глоток, затем взглянул на Трейси.

— Если ты хочешь еще посидеть с Гвен, то я отвезу тебя домой?

— Ты? — спросила Трейси, глядя на него огромными глазами, его предложение, что он отвезет ее домой, стало для нее еще одним подтверждением, что она была права — никогда не стоит оставлять надежду.

— Конечно, — ответил Хок.

Ее глаза метались между мной и Хоком, прежде чем она сказала:

— Я хочу остаться.

— Тогда оставайся, — заключил Хок, вручив мне мой коктейль и потянувшись вперед,

чтобы схватить последние кусочки нарезанного яблока.

Девушки быстро собрались. Трейси и я попрощались с Кэм и Эльвирой в дверях, я уверила их, что все приберу. Они прокричали свое *adieu*, и Хок попрощался с ними, резко кивнул головой из-за дверцы открытого холодильника. После того как они ушли, Трейси и я пошли на кухню, Хок отправился к своему столу, включив свой ноутбук, и я увидела на экране, как появляется его лицо, прежде чем он включил настольную лампу. Трейси прибралась в гостиной на столе, пока я тушила овощи и выкладывала творог. Хок пришел, когда я перекладывала овощи на тарелку, а Трейси делала в шейкере очередную порцию *Cosmo*. Мы отправились в гостиную, Трейси опустилась опять в свое кресло, Хок сел на угол дивана, и я прижималась к его боку, пока он ел.

С Трейси, Хок был таким же, как он был со мной во время нашего свидания. Он разговаривал. Он был спокойным, иногда забавным, не совсем открытым, и, если честно, в большинстве случаев обаятельным.

Мда.

Потом Хок извинился, положил свою тарелку в посудомоечную машину и вернулся к своему ноутбуку, Трейси практически светилась от радости, хотя для этого нужно было и немного, она выпила три *Cosmo*.

Она и я болтали и хихикали (в основном глупо хихикали) и наконец Хок повез ее домой. Когда они ушли, я закончила убирать со стола и отправилась готовиться ко сну, легла в кровать, собираясь заснуть, когда услышала, что дверь гаража открылась. Потом через несколько минут свет внизу стал гаснуть, почти погас везде, и я уловила, как он поднялся наверх, в спальню, его теплая рука опустилась мне на спину, как только кровать прогнулась под его весом.

Я повернулась к нему лицом, прежде чем он улегся у меня за спиной.

Его руки обвились вокруг меня.

— Итак, каков вердикт? — спросил он в темноту, хотя он точно не мог знать, зачем сегодня ко мне приходили мои подруги.

— По-видимому, я Королева полного фиаско, — ответила я.

— Что-что?

— Лео называет меня Королевой полного фиаско. Я флиртую и оставляю парней в подвешенном состоянии.

— Детка... — ответил он.

— Я как-то не задумывалась над этим, но мне кажется, что все именно так.

— Мои ребята называют тебя Хозяйкой Синих Яиц.

Мое тело напряглось, и его рука скользнула под мою ночную рубашку, стягивая ее вверх.

— Они так говорят? — спросила я.

— Да, — ответил он, продолжая тянуть вверх мою ночнушку.

— Эльвира сказала, что твои парни не сплетничают.

Рубашка закрыла мне голову, и я была вынуждена поднять руки, чтобы он смог ее снять. Он хотел полностью меня раздеть, чтобы ему ничего не мешало.

Он скользнул рукой по моей спине и уперся в мои трусики, обхватив и приподняв ладонями мою задницу.

Мм. Приятно.

— Они не говорят об этом при Эльвире, — продолжил он. — Они уже научились. Она

патологически дружелюбна, особенно к тебе и к любой женщине, которая появляется в жизни или выходит из жизни моих парней. Трудно иметь деловые отношения с кем-то, когда ты работаешь каждый день со своей вновь приобретенной новой подругой.

Мда. Это говорило о многом, именно это она и проделала со мной, и Хоку, по-видимому, было далеко не наплевать на это.

Я решила, что может сейчас самое время все выяснить.

— Хозяйкой Синих Яиц? — повторила я.

— Знаешь, я наблюдал за тобой. Я видел, как все происходит. Ты посылаешь правильные сигналы, показывая насколько ты горяча, что готова пойти на большее, но потом вдруг в какой-то момент ты закрываешься.

Мда.

Его рука у меня на заднице притянула меня еще ближе к его телу, и его колено проложило путь между моих ног, у меня не было выбора, кроме как сцепить щиколотки вокруг его бедер и уткнуться лицом ему в шею.

— Что еще вы решили сегодня вечером? — прошептал он против моей кожи, я вздрогнула, обхватив его руками, еще глубже впечатываясь в матрас под его весом, помогая себе добраться до его гладкой кожи и мускулистой спины.

— Они дали мне пищу для размышлений, — ответила я шепотом и почувствовала его улыбку на своей шее.

— Конечно, — тихо произнес он, потом я почувствовала его язык.

Ммм.

Мои руки сами собой начали двигаться по его спине, в тот момент, когда я приподняла свои бедра, чтобы очутиться ближе к его бедрам.

Ммм.

— Трой сказал, что ты собираешься переступить через меня, — объявила я, до конца не понимаю, почему вообще это сказала. — В военных ботинках, — закончила я.

Он положил голову на подушку.

— Ты разговаривала с Троем?

Я кивнула, сдерживаясь, чтобы ничего не говорить, если я что-нибудь скажу, то скорее всего буду сожалеть об этом.

— После того, как поговорила с Джинджер.

— Детка, он не настолько хорошо меня знает, чтобы говорить подобное дерьмо.

— Он сказал то же самое. Что ты не настолько хорошо его знаешь, чтобы говорить о нем подобное дерьмо, которое ты о нем сказал.

— Вижу, он не воспользовался возможностью, которую я ему предоставил, он не способен проявить силу воли, — пробормотал Хок.

— Это было грубо, Хок, — прошептала я.

— Но зато это правда, Гвен, — ввернул он. — Я был рядом с тобой полтора года, не предпринимая никаких шагов, в то время, когда он тоже был рядом с тобой все это время и мог продвинуть как-то ваши отношения. Сколько времени прошло, когда он молча выжидал и какова вероятность, что он не очнется и не проделает все тоже самое с другой женщиной?

Здесь, Хок явно был прав.

— Он сказал, что влюблен в меня, — поделилась я снова шепотом.

Тело Хока двинулось вперед, и его рука переместилась от моей задницы сначала к моим

ребрам, а потом обняла мою грудь.

Затем он провел пальцем по соску.

Bay!

— Тогда он будет ценить то, что ты скажешь ему — чтобы ни случилось, я пообещал бережно заботиться о тебе, — прошептал он.

Ммм... Ух ты!!!

— Хок, — выдохнула я, но он приподнял мою грудь, наклонил голову и потянул в рот мой сосок.

Вооооот чееееерт!

Я застонала.

Его рот освободил мои груди, он приблизился ко мне, его большой палец кружил вокруг моего соска, делая его жестким.

— Поласкай себя, детка, пока я занят твоими сиськами, — приказал он.

— Хорошо, — согласилась я на одном дыхании и сделала, как он мне велел.

Как только мой палец коснулся золотого местечка, его губы опустились с поцелуем на мои губы, а его палец опустился на мой сосок, и в этот момент я забыла о Трое, и о своей компании подруг с Cosmo, ответы которых крутились у меня в голове. Я отбросила все свои фантазии, перестав сопротивляться Хоку, живя исключительно настоящим.

Глава двадцать вторая.

Все, что я могу спросить

Хок перевернул меня на спину.

— Малыш, — ахнула я. — Я не кончила.

Его член до сих пор был во мне.

— У тебя есть лимит по времени, Душистый Горошек, — хмыкнул он. — Ты не можешь забрать его себе, я возьму на себя руководство.

Это было правдой. Хок мог позволить руководить всего лишь некоторое время. И если я не могла «забрать его себе», это значит, что он просто позволял мне исполнять руководящую роль.

Как сейчас. Он поднял мою ногу под коленом, потянув вверх, положив себе на бицепс, приподняв меня за задницу своими теплыми руками и другой вытянутой рукой уперся в матрас.

Я видела, как склонилась его голова, и он горящими, голодными глазами рассматривал меня. И ему нравилось то, что он видел. Всего лишь наблюдая за ним, я уже почувствовала сильную, предварительную дрожь во всем теле, предвещающую начинающийся оргазм.

Затем он стал делать то, что делал всегда своими бедрами, находясь в таком положении, у меня вырвался стон, потому что мне очень, очень нравилось то, что он делал своими бедрами, он остановился на пару секунд, а потом опять начал двигаться во мне.

— Хок, — выдохнула я, опустив руку вниз и сжав пальцами его член, ощущение нашего соединения с силой ударило по мне. Красиво. Влажно. Жестко. Горячо.

Его глаза вернулись ко мне, и он снова сделал свое движение бедрами, я запрокинула голову, шея выгнулась назад и кончила.

Довольно-таки скоро Хок сделал то же самое.

Он отпустил мою ногу, и его разгоряченное тяжелое тело опустилось на меня. Я с радостью обняла его руками и ногами.

Он уткнулся головой мне в шею, а я стала водить носом по его плечу.

Господи, какой приятный запах исходил от него.

Его рот остановился напротив моего уха.

— Нужно сделать кое-какое дерьмо, детка, — прошептал он.

Это было утром. Утром, после мозгового штурма с девушками. Утром, после того, как он пообещал с осторожностью обращаться со мной, не подгонять и не торопить.

— Ладно, — прошептала я.

Несмотря на то, что у него этим утром были дела, по крайней мере, он ту же не вылез из постели и не сказал: «Спасибо, мэм». Он наклонился и слегка поцеловал меня в губы и опять же прикусил мою нижнюю губу.

Черт, мне понравилось, как он это сделал.

Настолько понравилось, что когда он перекатился с меня, я перекатилась вместе с ним, оказавшись сверху и придавив его к матрасу, упираясь руками по бокам, грудью, касаясь его груди, а мои волосы спадали вниз, прикрывая наши лица.

Он обхватил меня с одной стороны за бедра, а другой рукой собрал мои волосы, завернув их на шею.

— Гвен, — негромко произнес он.

Боже, я, действительно, любила свое имя.

Я подняла руку и опустила ему на лицо, и мой указательный палец прошелся по его лбу, скуле, и ямочке, если бы он сейчас улыбался, опустившись на его губы, и он позволял мне это делать, потом его глаза встретились с моими.

— Пообещай мне, что ты будешь соблюдать осторожность? — прошептала я, пока мое сердце колотилось.

Он крепче обнял меня за талию, притянув к себе, и его рука нажала мне на шею, заставив наклонить голову к нему, наши лица оказались на расстоянии вдоха.

— Обещаю, — прошептал он в ответ.

— Клянешься? — настаивала я.

— Клянусь, детка.

— Ты тоже все время был с поднятой рукой, Хок, готовый к обороне в любой момент, — сказала я ему.

— Оставь, так было какое-то время назад, Гвен.

Вот черт. Это не было, поскольку он так и стоял в обороне и по сей день.

Я кивнула, наклонила голову на четверть дюйма, чтобы прикоснуться губами к его. Его руки крепко сжали меня, и он перекатил меня на спину, губы погрузились в длинный, настойчивый, влажный, но такой вкусный поцелуй.

Он оторвался от меня и спросил:

— Ты откроешься мне?

— Я постараюсь, — ответила я.

— Я могу тебя только попросить, Душистый Горошек, — пробормотал он, снова опускаясь на мои губы, а потом заявил:

— Мы пойдем ужинать сегодня вечером.

Ах. Мне понравилась эта идея.

— Хорошо.

— Надень для меня любимое платье, детка, — попросил он.

— Хорошо, — повторила я.

Он улыбнулся, и у него появились ямочки, и я ощутила запоздалый укус на своей нижней губе.

Приятно.

* * *

— Детка, — ответил Хок по телефону.

Была середина дня, и его морозилка не была забита замороженными батончиками Twix, призывающими меня к себе, не было зажигательных бомб, налета коммандос, устанавливающих самую современную систему безопасности, ничего этого не было, я работала, причем непрерывно целых два дня. Я опережала все сроки. У меня появился другой автор, выславший свои файлы, но срок сдачи был еще не скоро, поэтому работа двигалась, причем стабильно, я была в шоколаде с зарплатой — месяц должен был быть удачным.

— Звонил мой страховой агент, — ответила я в трубку, перебираясь к окну, в котором открывался не очень привлекательный вид — малоподвижный и до некоторой степени привлекательный, залив или бухта, а может устье реки, протекающей мимо. — Мне нужно встретиться с ним у моего дома.

— Когда? — спросил Хок.

— В три, — ответила я.

— Я пришлю одного из моих парней, — произнес Хок.

— Спасибо, малыш, — прошептала я, он ничего не ответил, поэтому я продолжила:

— Я могу спросить насчет сегодняшнего вечера?

— Что именно?

— Ну, стоит ли мне надеть маленькое черное платье и шпильки на выход? Блестящий топ с джинсами? Или футболку и мотоциклетные сапоги?

— У тебя есть мотоциклетные сапоги?

— Нет, но их квадрилион в магазинах Harley Davidson в Денвере. Может, твой парень может по дороге забросить меня туда?

— Квадриллион? — спросил он, и в голосе послышалась улыбка.

— Может, тьма, немного меньше от квадриллиона.

Я услышала мужской, идущий из глубины груди смешок.

— Детка, на женщине не очень важны мотоциклетные сапоги.

— Хорошо, что не очень, — пробормотала я и услышала еще один смешок.

— Что-то между платьем и шпильками, футболкой и сапогами. Так тебя устроит? — наконец ответил он.

— Да, — произнесла я, воскликнув:

— О! Мередит звонила. Она хотела пригласить нас на ужин, но не может приготовить ужин у себя дома, потому что там только начали все прибирать, поэтому она хотела бы узнать, не захотим ли мы встретиться с ними в Rock Bottom Brewery.

— Позвони Эльвире и скажи ей, чтобы она проверила мое расписание и дала тебе номер телефона моих родителей, — сказал он.

— Номер телефона твоих родителей? — переспросила я.

— Им понравилась твоя родня, и они захотят прийти.

Я фактически пялилась в окно, откуда открывался мало привлекательный вид, и протекала река, а может и не река, которую я теперь не замечала, поскольку взгляд мой стал каким-то размытым. И скорее всего потому, что это касалось наших родителей, познакомившихся именно в тот момент, когда развернулась настоящая семейная драма с плачем и обвинениями, но сейчас все было по-другому — случайно организованный ужин с моими и его родителями, словно это было вполне в порядке вещей.

— Гвен? — позвал он.

— Что? — ответила я.

— Думал, ты отключилась.

— Я здесь.

— Ладно, позвони Эльвире.

— Хорошо.

Я поняла, что дальше продолжать разговор была не в состоянии. Меня вдруг, словно осенило — мой таинственный мужчина был знаком с моими родителями, а я познакомилась с его семьей, и он хотел устроить совместный ужин в семейном кругу, хотя мы знали родителей друг друга, не говоря уже о том, что они встретились и познакомились ранее, а я с Хокм практически жила, но мне казалось это ошеломляющим.

Поэтому эта мысль ударила по мне, загнав как бы в чертов тупик.

И все из-за того, что он сказал, если я откроюсь ему, он сможет наконец-то отыскать свое сокровище.

Но он мог обнаружить, что я не совсем то, что он искал.

Поэтому я была в ужасе, я действительно хотела бы быть тем, кого он хотел отыскать. Я очень хотела быть его сокровищем. Причем *на самом деле*.

— Гвен, — позвал он с нетерпением.

О нет! Я заставила его испытывать нетерпение!

— Что? — ответила я.

— Что случилось?

Я не могла сказать.

— Хм..., — промямлила я.

Хок помолчал. Затем вздохнул, еще один признак нетерпения.

Вот черт!

— Гвен, детка, — мягко произнес он. — Что я тебе обещал?

Я закрыла глаза. Он обещал, что несмотря ни на что, будет обходиться со мной бережно. И я предполагала, что Кейб «Хок» Дельгадо был именно тем мужчиной, который держал свои обещания.

— Прости, — шепотом произнесла я, — не обращай на меня внимания. Мимолетное безумие. Иногда случается.

— Детка, — ответил он, слегка со смехом.

— Хок? — по-прежнему прошептала я.

— Да?

Я втянула воздух и выдохнула:

— Частенько случается.

— Да ну? — ответил он, и голос его прозвучал еще более веселее.

Я выдохнула.

Ладно, пойдем дальше!

— Разве у тебя нет никаких дел? — поинтересовалась я, — избиение басурман, пока они не станут покорными или еще какое-нибудь дерьмо типа этого?

— Душистый Горошек, чем ты думаешь, я занимаюсь?

— Ну, — начала я. — Ты летишь на сверхзвуковом самолете в жаркую, с повышенной влажностью страну, с тропическим климатом, раздираемую войной, выполнять свой долг, как солдат по найму, что означает, делать такие вещи, как взрывать мосты и бить басурман, пока не подчинятся.

— Трудно повернуть такое и вернуться домой, чтобы отвезти тебя на ужин, — отметил он.

— Хок, твой самолет *сверхзвуковой*, — напомнила я ему.

Он рассмеялся, и я с облегчением улыбнулась в телефон, слушая его смех.

Когда он закончил смеяться, то сказал:

— Детка, у меня будет сверхзвуковой самолет, и твоя задница будет в нем, и я отвезу тебя в жаркую, с влажным тропическим климатом страну, но только там ты будешь проводить дни в бикини, и я буду трахать тебя на пляже.

Ой. Вау.

— Твоя мечта намного лучше, чем моя, — выдохнула я.

— Это дерьмо произойдет, Гвен, это не будет мечтой, — ответил он, и я втянула воздух, а потом задержала его.

Прекрасно.

* * *

Когда я и парень Хока, Бретт, остановился у моего дома, я увидела, что окна заколочены, вероятно, об этом позаботился Хок или папа.

Раньше я уже видела Бретта. Он был одним из спецназа, устанавливающим в моем доме сигнализацию. У него были светлые волосы и голубые глаза, и со своим внешним видом этот парень мог запросто оказаться парнем, живущим по соседству, особенно если ваш сосед увлекался бы большими штангами и силовыми тренажерами, в отличие от Хока. Другими словами, Бретт был рельефным, с четко выраженной мускулатурой, крупным.

Но Бретт не был похож на Фанга. Бретт любил общаться. Я поняла, что ему нравится вести разговоры, как только он рассказал мне, что работает с Хоком вот уже три года. Бретт также, как и Хок, прошли армию. И у него была девушка по имени Бетси, беременная. Они собирались пожениться, как только родится ребенок, потому что Бетси не хотела фотографироваться в свадебном платье, выглядя при этом толстой. Я сказала Бретту, что тоже не хотела бы иметь фотографии свадьбы, где я буду толстой.

Я подошла к дому, и Бретт остановился у панели сигнализации, ввел код. Для меня это было настоящим облегчением, потому что я забыла код.

Затем я вошла в мою гостиную и огляделась.

— Парень, — прошептала я, глядя на разрушения и остановившись глазами на Бретте, закончив:

— Пули причинили слишком много вреда.

Потом по каким-то причинам, возможно потому, что я находилась именно в тот момент, когда все и случилось, видно ко мне вернулись пережитые эмоции, или потому что

теперь моя гостиная еще менее походила на обжитую, мебель была изрешечена пулями, я расплакалась.

Поразительно, но Бретт привлек меня в свои крепкие объятия, и мне стало так хорошо, что я воспользовалась этой возможностью и обхватила его за талию, прижимаясь к нему.

— Все поправимо, Гвен, — сказал он мне в макушку, я кивнула в его массивную грудь, но не ответила, поэтому он продолжил:

— Все это не важно. Единственная вещь, которая не поправима, но слишком важна, не поймать пулю. Постарайся увернуться от нее, — и его рука перестала крепко прижимать меня к себе.

Я решила, что Бетси повезло, потому что этот парень, совершенно не знавший меня, решил хоть как-то утешить, и потому что совершенно незнакомой мне Бетси так повезло с ним, я прижалась к его телу в ответ.

К счастью у меня имелось вполне достаточно времени, чтобы взять себя в руки и привести свое лицо в порядок перед тем, как прибудет парень из страховой компании, который был сильно потрясен состоянием моего дома также, как и я. Из чего я сделала вывод, что ему не часто доводилось составлять калькуляцию, обстрелянного дома из мимо проезжающей машины. И страховщика, словно прорвало, слова лились из него потоком. Скорее всего из-за произошедшей стрельбы. Но никак не из-за проезжающей мимо машины. Он, не теряя времени, расхаживал по дому, делал заметки и сообщал всю процедуру, тут же передавая мне какие-то формы для заполнения, закончив, он ушел. Я не виню его. Молния не может дважды ударить в одно место, но пули из мимо проезжающей машины — дело случая.

Бретт болтался внизу, а я поднялась наверх, чтобы просмотреть свой гардероб и выбрать наряд для ужина. Я открыла большой холщовый мешок, который использовала, чтобы складывать грязные вещи, когда не было времени постирать и высушить. У Хока была стиральная машина и сушилка в маленькой обшитой панелями комнате под платформой спальни (в этом помещении также была супер глубокая, огромная раковина, к которой прилагался шланг с разбрызгивателем, и мне казалось, что в этой раковине он смывал кровь со своего оружия). Я хотела постирать свой длинный красивый халат, потом надеть и посмотреть оценит ли его Хок. Я также планировала посетить торговый центр, когда кончится вся эта беготня вокруг Джинджер. Мое нижнее белье было сексуальным и элегантным (по крайней мере, я так думала), но оно было куплено в большей части для комфорта, а не в погоне за стилем. Оно не настолько было сексуальным, пижама и подавно. Я подумывала купить что-то шелковое с кружевами и посмотреть реакцию Хока.

Я собрала небольшую сумку, уложив одежду, а также некоторые ювелирные украшения и разную всячину, которая создаст, своего рода, уют у него в логове. Я застегнула молнию, совершив набег на морозилку за Twix-зачаткой, опустила ее в сумку, когда услышала...

Стрельбу в гостиной.

Я замерла на полсекунды, потом всем своим телом ощутила сигнал тревоги, как нечто совершенно живое, моя кожа покрылась мурашками, а сердце забилось быстрее, я стремглав бросилась к телефону, слыша, как кто-то с грохотал, поднимаясь по лестнице, в уме лелея надежду, что это все же Бретт. Я очень надеялась, что это был Бретт.

Я все же добралась до телефона, но не успела набрать 911. Чья-то рука обхватила меня за талию, поворачивая вокруг, также другая рука схватила меня за руки, и отбросила телефон прочь. Я повернула шею, надеясь увидеть Бретта, но уже поняла, что это не он.

И это было так на самом деле.

Я стала пинаться ногами, крича и брыкаясь, царапаясь, ударила локтем человека, который с трудом сдерживал меня.

Потом кто-то еще вошел в комнату, и я услышала странный хлопок и треск, и что-то прикоснулось к моей шее, я впала в забвение.

Глава двадцать три.

Терпение

— Ты уловила в чем дело?

Лежа на грязной койке, в такой же грязной комнате, в неизвестном месте, с кляпом во рту и туго связанными руками за спиной, пластиковые полоски очень больно врезались в кожу на запястьях и щиколотках, я увидела Дарлу, говорившей по телефону, с подбитым глазом, синяком на щеке, разбитой губой и следами на шее. Она сфотографировала меня камерой на телефоне и отправила кому-то, с кем и вела разговор.

— Да, это от меня, сука, — прошипела она в трубку. — Мы захватили ее, и ты можешь ее вернуть за двести тысяч долларов.

Ну, хорошая новость заключалась в том, что я все же стоила двести тысяч, это было много. Плохая новость заключалась во всем остальном. Абсолютно во всем. В том числе, что я была с кляпом во рту и связанными, пластиковыми полосками-наручниками, впивающимися в мои запястья, боясь, что они поранят кожу, по крайней мере, боль была именно такой. Я находилась в грязной, неубранной квартире, где не известно. Меня перевозили в лежачем положении в таком же неприметном фургоне, который был настолько некомфортным, когда он поворачивал, не в силах за что-либо уцепиться, я перекатывалась, врезаясь в стену, и это было больно. Не знаю, что стало с Бреттом, не думаю, что с ним все было в порядке. У него был приказ защищать меня, и я уверена, что он досконально его выполнял, несмотря на стрельбу, кроме того, он ожидал рождения ребенка и был очень хорошим. Как оказалось, Дарла была не одна в комнате.

Здесь присутствовало еще двое мужчин. Один в этот самый момент склонился над зеркалом и кокаиновой дорожкой. Другой был в ванной, оставив дверь открытой, и я услышала, как он справляет свою нужду.

А третий сидел на стуле у моей кровати, с исцарапанными бицепсами, упираясь локтями на бедра, свесив руки между ног и держа в одной из них пистолет, поглядывая на меня совершенно недовольным взглядом.

Находясь на грани истерики, я отметила, что он мог бы быть довольно-таки сексуальным, если бы не был таким грубым и до чертиков устрашающим, и не настолько уж явно хотел меня застрелить.

— Да, ты права, — продолжала Дарла, и я невольно перевела взгляд от ужасающего, чертового похитителя на Дарлу. — Я была твоей подругой, пока меня не поймали и обработали из-за твоего дерьма. Сейчас, черт побери, все по-другому.

Твоей подругой?

О Боже. Она разговаривала с Джинджер.

У Джинджер точно не могло быть двести штук! И даже если бы они у нее были, она бы ни за что, не отдала бы их ради меня.

Черт, я оказалась в полной ж*пе.

— Собачье дерьмо, — рывкнула Дарла. — У тебя есть деньги, ты сперла гораздо больше. Я знаю, что это именно так, тупая ты сука, поэтому не думай, что я тоже *тупая сука*. Сейчас ты возьмешь себя в руки и позвонишь мне, и я скажу тебе, где их оставить. И, «поскольку мы друзья», я дам тебе скидку и право выбора. Если ты не перезвонишь мне в течение часа, я отдам твою сестру людям, которые заплатят гораздо больше и будут гораздо менее вежливыми, чем я и Скал.

Инстинктивно я поняла, что Скал был самым ужасным и самым кровожадным похитителем. Я поняла потому, что кличка Скал идеально ему подходила. (*Skull — скал, череп*)

И пугающим было еще и то, что беспокоило меня гораздо больше, слова «гораздо менее вежливыми», зная Скала и его банду, подразумевались совсем страшные вещи, поскольку Скал не отличался вежливостью.

Дарла отключилась и перевернула телефон, потом тут же стала нажимать какие-то кнопки. Она приложила его к уху, и я поняла, что она принялась за работу, сказав:

— Да, Дог, ты уже понял, что она со мной и Скалом, — рывкнула она в трубку. — Передай Тэку двести пятьдесят штук. У него есть час, или мы продаем ее другим.

Она не стала дожидаться ответа и тут же отключилась. Потом она мимолетно взглянула на меня, развернулась и направилась к столу, где находилась дорожка из кокаина.

Я избегала смотреть в глаза Скалу, поэтому смотрела на грязное одеяло и раздумывала — вели ли по-прежнему парни Хока наблюдение за моим домом, видели ли они, что Скал и Дарла со своими пособниками ворвались ко мне, и объявил ли Хок своим парням повышенную готовность. Также я подумала, что возможно мои соседи, услышав выстрелы, позвонили в 911 и поэтому, что бы ни случилось с Бреттом, кто-нибудь прибудет ему на помощь, и он не истечет кровью в моей гостиной, а, следовательно, его ребенок не будет расти без отца, никогда не познав его голоса, который смягчался, когда он говорил о своей будущей жене, и его будущий ребенок все же увидит своего рельефного, достаточно крупного отца. И еще меня интересовал только один вопрос, если Тэк принесет деньги, чем это закончится для меня?

Из ванной комнаты вышел мужчина, прикурил сигарету, от пламени зажигалки переведя глаза на парня, который нюхал кокаин,двигающегося в мою сторону. Я во все глаза смотрела на него, пока он приближался, а он в ответ окидывал похотливым взглядом все мое тело.

Он не выглядел сексуальным. Ему явно было принять душ и как следует поесть. Он был слишком тощим и на него уж точно никто не будет бросать страстные взгляды, как на крутого рок-н-ролльщика Стива Тайлера, этому парню уж точно стоило завязывать с коксом, поскольку весь его вид говорил, что у него серьезные проблемы.

Он положил руку на кровать и склонился надо мной, его воспаленные от кокаина глаза, вперилась в мою грудь.

— Мне нравится, — пробормотал он, протягивая руку, пытаясь дотронуться, но я попыталась сдвинуться от него на кровати. Мне удалось передвинуться на несколько дюймов, но он наклонился еще ближе. — У нас есть час, — отметил он, — может быть, мы можем использовать ее по очереди.

Я издала небольшой, вынужденный, испуганный звук, который был приглушен кляпом.

— Прекрати, Скит, — низким голосом предупредил Скал.

— Ну же, парень, — задабривая произнес Скит, упершись взглядом в мою грудь, и его

пальцы заскользила по моему телу, приближаясь к моей груди, я судорожно изогнулась в сторону, он опустил на кровать колено и потянулся ко мне. — Эта сучка выглядит такой сладкой п*здой. У меня уже давно не было такой сладкой сучки, чувак, я это заслужил.

О Боже.

Я отдвигалась, изгибаясь, еще дальше, он следовал за мной.

Я выгнула спину и шею, потому что вдруг его тело молниеносно взмыло в воздух и с грохотом, даже с яростным грохотом, ударилось о стену.

— Так придет в бешенство из-за этой п*зды, — прорычал Скал своему длинному и худому другу, прижатому к стене и выказавшему неуважение такому хищнику как Скал. — Ты думаешь, что он не взбесится, оплатив п*зду, которую ты изгадил?

Я точно так не думала, я бы сказала об этом, если у меня во рту не торчал кляп.

— Так не заплатит, — продолжал Скал, — думаешь, мы ему сделали предложение, и он будет готов заплатить за то, чем уже воспользовались? Ты бы купил вазу стоимостью в триста тысяч, которая на самом деле стоит даже больше, чем триста, только лишь потому, что ею никто не пользовался, она не тронута. Как только ты начинаешь ее использовать, ты дебил, бл*дь, она не стоит такого дерьма.

Скит ничего не отвечал. Скит был занят тем, что обхватил руками руки Скала, сжимающие его горло, пока тот читал ему лекцию.

Скал приблизил свое лицо к Скиту.

— Ты меня понял?

Скит кивнул.

Скал немного отодвинулся и со всей силы ударил головой Скита об стену. Он даже не посмотрел на него, отвернулся, прошелся по комнате и снова уселся на кровать, возобновив недовольное созерцание меня.

Я смотрела на него с настоящей радостью. Я надеялась, что меня спасут, и когда меня спасут мне не хотелось быть использованной и ощущать себя грязной, и первого я не хотела намного больше.

Дарла подошла к Скалу, шмыгая носом и потирая пальцами верхнюю десну. Когда она приблизилась, Скал откинулся назад и обхватил ее за талию. Он усадил ее на колени и взглянул на нее.

— Тебе хорошо, детка? — нежно спросил он, и выражение лица Дарлы смягчилось от тембра его голоса.

— Да, малыш, — ответила она, растворяясь в нем.

Потом они начали целоваться.

Я отвела взгляд, решив сосредоточиться на своем нынешнем положении, но на самом деле я была смущена.

Конечно же, понятно, что он был преступником, я почти уверена, что похищение — это преступление. Но он также был очень горячим парнем. В нем присутствовали все ультра крутые рок-н-рольные вещи. Он не был худым, наоборот, он был точеным, мускулистым, у него были огромные накаченные предплечья (если отбросить в сторону мои царапины), выделяющиеся бицепсы. Прекрасная шевелюра темных, удлиненных не мытых волос. Его глаза наводили страх, конечно, но они были интересными — серебристыми, светло-серыми. И на нем потрясающе сидели потертые джинсы.

Даже в теневом мире Денвера кипела жизнь и любовь, я поняла эта, хотя мне и показалось, что он не совсем относится к лиге Дарлы. Она не была уродиной, но шалавой

она была высшего порядка. Я поняла, что Скал имел склонность к жестокости, но если рассматривать Дарлу, то она впадала из крайности в крайность.

Ну, каждому свое.

Они были заняты друг другом какое-то время, затем прервались, и Дарла опять вернулась к столу с кокаином. Скит и похититель с сигаретой молчали и было видно, что они нервничают. Я поняла это, потому что Скит регулярно шастал к столу с кокаином, а похититель с сигаретой с такой же регулярностью курил.

Время летело незаметно, и я попыталась заставить себя представить пляж, бикини и Хока, но вместо этого я не могла перестать думать о кошмаре, случающийся со мной почти каждый день из-за моей сестры, которая явно не имела таких денег или чудом имела, но не имела желания помочь мне, поскольку я неоднократно вмешивалась в ее убогую жизнь. А также у меня появился еще один — дневной кошмар в виде Тэка, поскольку я решила, что он и пальцем не пошевелит, так как он уже имел опыт связаться в одной сестрой Кидд, которая стоила ему более двух миллионов долларов, поэтому он явно, так решила я, не собирался платить двести тысяч за другую.

Пока я постоянно оглядывала комнату, то часто встречалась со взглядом Скала.

И когда Дарла не сидела у него на коленях, я видела, что он не отрываясь смотрел на меня. И у него по-прежнему был недовольный взгляд, кроме того твердый, напряженный и терпеливый. Невероятно терпеливый. Он не нервничал, не посещал стол с кокаином. Он не курил. Он ни разу не покинул свое место, словно сидел возле меня на карауле. Это было не очень хорошо, но все же. И я инстинктивно почувствовала, что Скит и похититель с сигаретой, были непредсказуемы, Скал же посчитал своим долгом оберегать свою вазу, так как чувствовал, что эти двое могут приложить свои усилия, возможно, именно они и приложили свои усилия к Бретту, тем самым вызвав полное неудовольство Хока, оставив их без выигрыша.

Но с другой стороны, мне казалось, что он злился на меня, но при этом совсем не выглядел раздраженным или обозленным. Это было нормальное состояние Скала, именно таким он и был по жизни. Чтобы не делали все остальные его это совершенно не касалось, ему нужно было просто сидеть и ждать.

Наконец, зазвонил телефон. Дарла поплелась к столу, где оставила его рядом с кокаином. Она приложила трубку к уху.

И ответила:

— Лучше бы это были хорошие новости, сука.

Джинджер.

Я закрыла глаза и прислушалась.

— Пошла ты, — отрезала Дарла ледяным тоном, и я зажмурилась. — У тебя имеется такая сумма, я знаю, что она у тебя есть. Что я сделала? Ты предлагаешь сто? Бл*дь... ты. Попрощайся с Гвенни, такой как ты ее знаешь. — И я услышала, как она закрыла крышку телефона.

Ну, хорошая новость — моя сестра предложила все же за меня сто тысяч долларов, для нее это было вполне неплохо. Плохая новость заключалась в том, что мне очень нравился мой внешний вид, и я не хотела бы иметь другой Гвен.

— Я говорила, мы должны отдать ее за ту цену, — произнесла Дарла, и я открыла глаза, она стояла возле Скала, который смотрел на нее.

— Терпение, — пробурчал Скал.

— К черту терпение, — ввернула Дарла. — Джинджер, вероятно, собирается за счет своих денежек, сохранить ее задницу в живых. Может, у нее нет двухсот кусков. И Тэк не отведаст ее тела, и она так и будет жить с Хоком. Может, он не пойдет туда.

— Терпение, — повторил Скал.

— Чувак, — вставил Скит, ближе подбираясь к постели, — я продырявил парня Хока тремя выстрелами. Хок скорее всего перевернет весь Денвер, но я сделал это, и мы получили его киску. У нас нет времени быть терпеливыми.

Я снова закрыла глаза.

Три выстрела.

Бретт.

Я вобрала воздух носом, почувствовав, как начали жечь уголки глаз.

— Терпение, — слышала я ропот Скала.

— К черту, — вступил в разговор похититель с сигаретой, я открыла глаза, он стоял на том же месте, прислонившись всем телом и упираясь ногой в стену, куря очередную сигарету. — Нам не нужно было выпендриваться с гребанной Джинджер и *банным Тэком, в первую очередь. Те мудаки, которые хотят заполучить Джинджер, платят огромные деньги и у них есть средства заставить заговорить эту тупую суку, они вытащат из нее все, что хотят, и откроют, где находится ее сверх секретное место. У нас нет времени больше ждать.

— Терпение, — еще раз повторил Скал, не двигаясь.

— На хрен терпение! — завопил Скит, накаченный коксом по самые уши, и приобретя, естественно, крайнее недовольство Хока.

Скал медленно встал, я обратила внимание, что все в комнате напряглись еще больше. Я поняла, почему. Он просто принял вертикальное положение, но сделал это так, что всем стало страшно. Я не могу описать, но явственно почувствовала исходившую от него физическую угрозу, с которой никто не захочет связываться. Весь его вид говорил, что он не рад тому, что его заставили поменять свое положение, и в комнате никто не рад этому факту.

— Терпение, — прошипел он.

И в этот момент дверь с грохотом распахнулась, оба стекла в оконных рамах разлетелись вдребезги, и через них в комнату ворвались мужчины. Хорхе был одним из них, я не четко видела других, но мужчина, вошедший через дверь, был Хоком, за ним следовал другой, которого я не знала, но почему-то он был мне знаком.

Дарла завизжала, Скип и человек с сигаретой попытались сопротивляться, но было слишком поздно, их подмяли командос. Все произошло настолько молниеносно — все четверо оказались на полу, лицом вниз, с надетыми наручниками такими же, как и у меня, и мужчина, который залез через другое окно, другой мужчина, которого я не знала, также выглядел знакомым, но он явно не был одним из командос Хока, стоял над ними, направив на поверженных пистолет.

Единственное, что я почувствовала — облегчение, если бы я ощутила что-то другое, то нашла бы это странным, потому что во всей этой молниеносной кутерьме Скал не стал оказывать сопротивления. Хотя он внешне выглядел как боец, готовый биться на смерть.

Я следила глазами за Хоком, который быстро уложил Скипа, с такой смехотворной легкостью (нет, я не смеялась), а потом подошел ко мне. Он что-то достал из кармана своих штанов-карго и уперся коленом на кровать.

— На живот, детка, — прошептал он, нежно переворачивая меня. Я почувствовала его

теплые, сильные руки на своих запястьях, которые были освобождены.

Освободив мне руки, я всхлипнула в свой кляп, вытащила его, почувствовав, как иголки стали покалывать мою кожу на запястьях. Хок быстро передвинулся по кровати, освобождая мне щиколотки.

Я перекатилась на спину, и Хок помог мне принять сидячее положение, обе наши руки сомкнулись на моем кляпе. У меня дрожали руки, и я позволила ему забрать его и отшвырнуть в сторону вверх моей головы.

Затем его глаза остановились на мне.

— Бретт, — прошептала я.

— В критическом состоянии, — также шепотом ответил он.

Я никогда не думала, что мне придется беспокоиться о том, какой женщиной я была. Вам никогда даже в мысли не придет, что в какой-то момент вы вдруг станете об этом беспокоиться, вы никогда не можете себе представить, что в какой-то момент жизнь приведет вас как раз к такому моменту, когда вам придется что-то понять, хотя бы таким путем. Яс всегда представляла себя сильной женщиной, способной всего лишь кивнуть и не выплескивать свое дерьмо на всеобщее обозрение, несмотря на то, что душа болела, зная, что этот мужчина именно из-за тебя получил пули.

Но я не была такой женщиной.

Я из тех женщин, которые очень эмоциональны, особенно когда дело касается обретенного нового друга, обладающего мощным, накаченным телом, позволившего уткнуться мне лицом в его грудь, заключившего меня в свои объятия и дав мне выплакаться.

Глава двадцать четвертая.

Скал

Я сидела в приемном покое госпиталя, прислонившись к Мередит, Эльвира сидела с другой стороны, держа меня за руку, ее рукопожатие было твердым и крепким.

Папа стоял в зале ожидания вместе с Хоком и еще несколькими командос, к которым присоединились другие мужчины. Один из них был Ли Найтингейл, другой — Люк Старк, третий — Хэнк Найтингейл, последний — Эдди Чавес. Ли и Люк помогали Хоку во время спасательной операции. Пока я ехала с места похищения, я вспомнила все о них. Ли Найтингейл владел частным сыскным агентством, которое в какой-то момент привлекло внимание СМИ. Я знала все о нем и его друзьях, включая Люка, Хэнка и Эдди. Люк работал с Ли. Хэнк был его братом полицейским. Эдди был его другом и тоже копом. Некоторое время назад газеты пестрели разбитными рассказами о их приключениях и любовных похождениях. За статьями последовала куча книг, в частности, серия под названием *Rock Chick*, открывая миру все интимные подробности их до сих пор наводящий ужас романтических приключений. Книги, кстати, я неоднократно читала и очень хотела бы их редактировать.

Эта компания мужчин пользовалась большим успехом в Денвере.

Достаточно было одного взгляда на них — все они были крутыми и чрезвычайно горячими парнями.

Но в данный момент я не особо обращала на это внимание, потому что я увидела Бетси, которая в настоящий момент прошла в палату своего жениха, находящегося без сознания, и я поняла, что она будет говорить в одностороннем порядке и не только потому, что Бретт был

без сознания, а еще и потому, что у него из горла торчала трубка.

Я закрыла глаза, но тотчас же открыла их, как только ощутила перемену атмосферы в комнате — чувствовалась угроза, я напряглась всем телом, готовясь бежать, когда Скал, а за ним Лоусон, Лео и еще двое мужчин проследовали в комнату.

Скал не отрывал глаз от Хока, выглядя при этом еще *более несчастным*, чем был до моего спасения.

Мои глаза были прикованы к нему, кожа покалывала, а мозг был парализован страхом, и даже присутствие изрядного количества крутых командос и крутых парней в штатском меня не спасало, при первой возможности я готова была рвануть с места.

Что он здесь делал?

— Какого хрена? — отрывисто спросил он Хока, который угрожающе переместился, посылая зловещие волны, и я заметила, как все эти крутые парни придвинулись поближе, как бы готовясь отразить мгновенную опасность.

— Повтори, — тихо ответил Хок, сверля Скала своим взглядом, его выражение говорило, что он был еще больше не счастлив, нежели Скал.

— Полтора года, — ответил Скал, враждебно подходя слишком близко к Хоку. — Я провел полтора года своей гребаной жизни в этом *баном дерьме, притворяясь последний месяц, что влюблен в эту шалаву и чпокая эту дрянь, делая вид, что я наслаждаюсь ее присутствием и стараясь не блевануть, и умоляя свой член оставаться твердым, все время вознося молитвы Богу, пока трахаю ее, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу, и я уже был, мать твою, так близок, чтобы закрыть это *баное дело. — Он поднял палец и указал на Хока, приблизив свое лицо к нему меньше чем на дюйм, отчего лично я подумала, что Скал был явно не слишком умен. — Ты врываешься и полтора года можно спустить в унитаз.

Хок переместился всем телом, мне стало даже страшно, и по-прежнему тихим ужасающим голосом произнес:

— Может, ты объяснишь.

— Он из отдела по борьбе с наркотиками, Хок, — вмешался Лоусон, эта новость заставила меня немного расслабиться, но это не означало, что я не испытывала шок от услышанного.

Но Хок не расслабился.

— Ты участвовал в операции, где подстрелили моего человека, — произнес Хок.

— Я был задействован в операции, и наконец, смог приблизиться к шалаве, которую мог бы использовать, чтобы прижать к ногтю другую шалаву, которую, в свою очередь, мог бы тоже использовать, чтобы прижать к ногтю нужного мне мужчину. Когда это не сработало, она все равно по-прежнему представляет из себя ценность, способную привести меня к другой шалаве, потому что она подруга той сестры стервы, и я мог бы в дальнейшем ее использовать из-за недостатка имеющихся у меня средств обе сестры, и они бы помогли мне выйти на главных игроков, поставляющих половину наркоты, которая циркулирует по Денверу, а может вторую сестру я мог бы использовать непосредственно, и она бы вывела меня на игроков, поставляющих хотя бы четверть чертового дерьма, которым кишит гребанный Денвер, — ввернул Скал.

Я была слегка ошеломлена его заявлением, но больше он ничего не сказал. Заявление Скала была в значительной степени недружелюбным, даже слишком. Его недружелюбие настолько ощущалось, что повисло в воздухе, мне стало даже тяжело дышать.

— Ты хочешь мне сказать, что подстрелил моего парня и собирался использовать мою

женщину в качестве приманки? — тихо прошептал Хок, отчего Эльвира сжала мою руку сильнее.

— Ой-ой, я вижу неуправляемый забияка вернулся, сейчас разразится гроза, — пробормотала она.

— Она была под прикрытием, — выстрелил в ответ Скал.

— Чьим? — поинтересовался Хок.

— У меня есть человек внутри банды Рорка, — ответил Скал.

— Рорка? — переспросил Хок, умудряясь заставить свои губы хоть как-то двигаться, хотя его лицо превратилось в камень, для меня его способность осталась полной загадкой.

— Да, я вижу, ты пропустил мимо ушей, — прорычал Скал.

— Ты использовал Гвен для этого. Рорк бы ее порезал, и Джинджер знала об этом, поэтому не стала лезть, он издевался бы над Гвен и наслаждался своим дерьмом с Джинджер, возможно, хотя мало вероятно, оставил бы кого-нибудь из них в живых, но всю оставшуюся жизнь, они бы сожалели о том, что он их не прикончил, — отрезал Хок.

О, парень. Звучит не очень хорошо. Звучало очень и очень плохо, на самом деле. Мне захотелось тут же поднять свою задницу и потащиться в торговый центр, купить себе сексуальное нижнее белье в качестве награды за такое спасение.

— У нее было бы прикрытие, — ввернул Скал.

— Твоего человека внутри? — спросил Хок с сарказмом, по-прежнему выглядя крайне недовольным.

— Да, — ответил Скал.

— Ты думаешь они его еще не раскусили, они не будут с ним играть, просто перережут ему чертово горло и бросят в Платт, — прорычал Хок. — *Ни в коем случае* под твоим прикрытием.

— Поэтому мне и пришлось воспользоваться Джинджер *или* Гвен, и прежде чем я передал бы их им в руки, я снабдил бы ее микрофоном, поэтому мы бы точно знали, где она находится и могли бы услышать все, если что-то пойдет не так, — нанес ответный удар Скал. — И, кстати, это бы сработало, она была в этом дерьме, но ты и Прекрасный Коп, — он ткнул большим пальцем в Лоусона, — дышали мне в спину, когда той ночью я вломился к ней, чтобы перекинуться парой слов, но она настолько быстро отреагировала, и сирены завывали еще до того, как я смог открыть дверь ее чертовой спальни.

Хорошо, для меня это было своего рода облегчением. По крайней мере, его слова означали, что не было никого другого, кроме него, сломившегося в мой дом той ночью.

У Хока и Лоусона его слова, это было ясно видно, облегчения не произвели.

— Что? — стиснутыми губами произнес Хок.

— Ты слышал меня, парень, с твоим дерьмом рыцаря в сияющих доспехах, ты на х*р каждый раз пох*рил все, — ввернул Скал.

— Возможно, если ты позволишь Хоку и мне разгрести это дерьмо, оно не будет пох*рено, — рассержено предположил Лоусон.

Скал обернулся, и его брови взметнулись вверх.

— Да, если бы я под прикрытием провел бы встречу с Роком и Джоном МакКлейном, — он опять развернулся к Хоку. — Ты скучал по мне, ты знаешь насколько далеко, намного дальше, чем предполагалось, я зашел, чтобы сохранить свое прикрытие, чпокая эту грязную матерщинницу, обдолбанную шлюху?

В его голосе слышался сарказм, но было ясно, что ни Хок, ни Лоусон не оценили его.

— Рорк бы моментальное вычислил микрофон и сыграл бы по своим правилам, — вступил в разговор Ли Найтингейл, оказавшись рядом с Хокком (и передо мной).

— Мой человек был бы к этому готов, — ответил Скал.

— Он ликвидировал бы Джинджер, и никак бы не угрожал Гвен, просто перерезал бы ей горло, вот и все, — продолжил Луки Старк, выглядевший слишком несчастным.

— Я повторяю, — отрезал Скал, — мой человек был готов.

— Ты решил без главного основного игрока, пойти на такой огромный риск, используя ее для этого дерьма? — зарычал Эдди Чавес, указывая на меня.

— Думаю, вы знаете больше, чем кто-либо, Чавес, что улицы Денвера запружены товаром. Вы, парни их полиции полностью увязли в этом дерьме, только голова осталась на поверхности этой жижи, и вам остается только молить Папу о чуде, когда Кейн Аллен уклонился от ведения безопасного бизнеса, — вставил Скал, лицо Эдди напряглось, даже желваки заходили на его скулах. — И Гвендолин Кидд стала второй частью этого чуда.

Ладно, во-первых, если бы мне выдался шанс решить хотела ли я участвовать во всем этом, могу сказать, что не хотела участвовать в этом суде, не потому, что я трусиха, а еще и потому, что я знала, подобную работу должен выполнять человек, обладающий определенной подготовкой, а, во-вторых, не знаю раздражал ли меня или успокаивал тот факт, чтобы все это дерьмо было связано каким-то образом между собой.

— Мы не играем так в Денвере, — отрезал Хэнк Найтингейл.

— Да?! И вот почему все ваши улицы просто затоплены товаром, — резанул Скал, и Хокк передвинулся ближе.

Уменьшив расстояние между собой и Скалом, его действия уже не могли быть неверно истолкованы, он упирался своей грудью в грудь Скала, смотря глаза в глаза.

— Давай-ка вернемся к разговору о том, что ты чуть не застрелил моего парня и сделал из моей женщины приманку, я хотел бы побольше услышать об этом, — тихо произнес он, так тихо, что стало ясно, он, на самом деле, не хотел об этом слышать, а очень хотел проломить голову Скалу.

— Ой-ой, — пробормотала Эльвира.

Но теперь, в данную секунду, я могла с уверенностью сказать, что с меня было всего достаточно. Ко мне вломились в дом, закидали зажигательными бомбами, обстреляли, похитили, держали взаперти, опять похитили, связали и сделали мишенью, в качестве приманки, и в этом был замешан тайный агент по борьбе с наркотиками, который строил из себя плохого парня. И я не могла допустить, чтобы моего парня арестовали за нападение и побои этого тайного агента.

Достаточно, всего было до-черт-побери-статочно!

Я отпустила руку Эльвиры, встала и крикнула:

— Перестаньте!

Хокк и Скал не сдвинулись с места ни на дюйм, но оба повернули ко мне головы.

Я посмотрела на Скала.

— Я понимаю и восхищаюсь вашей миссии, но это Америка, следовательно, это означает, что я имею право выбора — хочу я участвовать в вашей миссии или нет. И, следовательно, у меня есть выбор, и если бы я согласилась проверить это, имела бы право на подготовку, необходимую, чтобы выжить в данной ситуации. Вы не дали мне такого выбора, и это совсем не круто. Но, могу сказать, если бы вы спросили, я бы выбрала «нет». Я предпочитаю шпильки, пью Cosmo и редактирую книги. Это мой выбор по жизни. Я не хочу

быть под прикрытием. У меня нет желания совершить такие геройские поступки. Улицы могут быть затоплены наркотиками, я сожалею, мне правда жаль, я хотела бы, чтобы так не было. Мне хочется пожелать вам большой удачи, чтобы вы смогли изменить эту ситуацию, но я достаточно хорошо знаю себя, я не смогла бы помочь вам в таких обстоятельствах, даже если бы и хотела. Я бы все испортила. Но есть люди *такие*, как *вы*, кто сделал в своей жизни другой выбор, они смогли бы вам помочь, и вам придется найти другой способ, как проверить то, что вы задумали, — я перевела дыхание и продолжила. — Сейчас моя сестра завязла в этом дерьме, я понимаю, что это очень плохо, но теперь я, и кстати, мама Джинджер и моя, знаем, что все могло бы быть намного хуже, если бы вы не обуздали свой тестостерон, я была бы вам очень благодарна, если бы вы покинули это помещение и перегруппировали бы свои силы для борьбы, потому что у меня выдался очень плохой день, но Бретт и Бетси находятся в еще худшем положении, и мы не в состоянии ничем им помочь, помимо того, черт побери, что уже сделано.

Воцарилась полная тишина, все крутые парни и крутые командос смотрели на меня, поэтому я продолжила:

— И малыш, — сказала я, переведя взгляд на Хока, — я понимаю, ты расстроен из-за Бретта и снова меня спасал, но если мы узнаем, что с Бреттом все будет в порядке, ты можешь пообещать мне вечеринку, а не посещение ночью полицейского участка, чтобы поговорить с тобой по телефону через стекло. У меня нет желания посещать полицейский участок... ночью, — я наклонилась немного вперед, — и я не хочу этого делать.

— Говори все, как есть, милочка, — пробормотала Эльвира, и мне послышалась улыбка в ее голосе.

Хок не шевелился и выражение его лица не изменилось, то же можно было сказать и про Скала.

— Отойди от агента под прикрытием, Хок, — приказала я, но он продолжал смотреть на меня, тогда я произнесла совершенно спокойно:

— Малыш, ты нужен сейчас Бетси.

Хок нахмурился, глядя на меня, затем отошел от Скала, но сказал мне:

— Иди сюда.

Несмотря на то, что он отошел в сторону, напряжение в комнате не изменилось, и я в сию минуту отметила про себя свое качество, которое сработало без борьбы с ним, но продолжала стоять на месте, брови Хока поползли вверх, и я решила рискнуть и подойти к нему.

Второе открытие, которое я сделала, как только его рука легла мне на шею, и он притянул меня к себе так, что моя голова уперлась ему в грудь, и он обхватил меня со спины за плечи, а другая его рука обвилась вокруг моего запястья, была именно в этом. Он поднял мою руку, чтобы она оказалась на одном уровне с глазами Скала и показал красные следы, оставшиеся у меня на коже, от наручников.

— Ее следы на тебе, — тихо сказал он и отпустил мои запястья, но его пальцы соскользнули вниз, взяв меня за руку, которую он завел себе за спину, чтобы я обняла его за талию. — Если у нее начнется бессонница, это будет на тебе. Если я потеряю своего парня, это будет на тебе. Любое последствие из-за твоих действий, и я сделаю своей миссией — ты никогда не забудешь, это будет грузом висеть на тебе до скончания жизни. Ясно?

Видимо, к Скалу вернулась способность говорить:

— Если бы ты не прервал мое представление, она бы по-прежнему оставалась в

безопасности, и я бы спас ее сестру.

Хок вытянул губы в тонкую линию и одновременно сжал меня рукой, и я поняла, что этими усилиями он старался удержать контроль над собой. Поскольку Хок молчал, Скал перевел взгляд на меня.

— Тебе бы ничего не угрожало, — повторил он.

— Я бы лучше оценила выбор, на который ты тратишь столько усилий, — ответила я.

— Гвен, работа, которую я совершаю спасает чьи-то жизни, не думаю, что ты понимаешь, о чем я, можешь обвинять меня, думая, что я человек, который не понимает, что жизни, которые я собираюсь сохранить стоят риска обмена одной хорошей женщины, — добавил Скал.

— Спасибо, если за правду, но как ты объяснишь это Бретту? — выстрелила я в ответ, и рука Хока еще крепче обняла меня за плечи.

— Потому что, — мягко произнес Скал, хотя выражение его лица не изменилось, он по-прежнему выглядел грубовато, таким рок-н-ролльщиком, ультра-крутым горячим парнем, но как только выражение его лица изменилось, и голос стал бы более сдержанным, более сексуальным, сожалению, но я готова бы тотчас же рвануть в стратосферу. — Этот парень работает на тебя, поэтому я знаю, что это такое. Каждый день, когда он надевает свои армейские ботинки, он отдает себе отчет, что с ним сегодня может что-то произойти — всегда присутствует, неожиданный поворот событий, и он знает об этом всегда. И я тоже знаю, он работает на твоего мужчину, у него был выбор, ты злишься, что я не предоставил тебе такого выбора, но у него не было даже времени мигнуть прежде, чем он смог бы просчитать свои шансы на выигрыш.

Вот дерьмо. Я думаю, что он прав.

Я решила прекратить этот разговор. Скал ожидал, что я еще что-то скажу, он, на самом деле, тянул время ожидая моего ответа, и я хотела сказать именно то, что хотела, но не желала этого признать, потому что Скал был не моим любимым мужчиной, и мне это нравилось.

И именно в этот момент я поняла, что удерживая меня в этой поганой, грязной комнате, он фактически стоял на страже, защищая меня, но в хорошем смысле. И я еще кое-что поняла, почему он выглядел таким несчастным, не потому, что я исцарапала его руки. А потому что он был хорошим парнем, который, для блага страны, выбрал другую жизнь — притворяться плохим парнем. Он участвовал в операции, где на его стороне был лишь он один, внедрившись в теневое общество города, и какое счастье, что он оказался в сейчас в этих обстоятельствах, я подозревала, что слишком многое он пережил за последние полтора года, чтобы сохранить свое прикрытие. Он должен был принять решение, позволить всему происходить и был бессилён как-то вмешиваться.

И я должна была согласиться, я должна была дать ему свое согласие. И эта мысль сделала меня тоже несчастной.

Я молчала, он оторвал свой взгляд от меня, мгновенно скользнул по Хоку, а потом развернулся и исчез из комнаты.

Лоусон появился передо мной, и я взглянула ему в глаза.

— Милая, я ненавижу это говорить, но я должен взять у тебя показания.

Я вздохнула.

Потом заметила:

— Мы должны прекратить встречаться по подобному поводу.

Хок еще сильнее прижал меня к себе.
Лоусон улыбнулся.

Глава двадцать пятая.

Ты обещал

Я открыла глаза.

Большая часть лофта Хока была окутана темнотой, но откуда-то рядом проходил свет.

Я была в его постели, но его не было рядом. Не было ни его тяжести тела, ни тепла, ни его самого. Хока рядом не было. Я всегда знала, что он рядом, даже когда он до меня не дотрагивался, я просто чувствовала.

А сейчас все говорило о том, что его здесь нет.

До этого мы все сидели в больнице, пока Бетси не покинула палату Бретта. Она выглядела потрясенной и немного не в себе, я поняла это, хотя совсем ее не знала, но мне не составило труда увидеть эти эмоции у нее на лице. Хок, папа, Мередит, Эльвира и я, вместе с родителями Бетси и Бретта, все ждали обхода врачей, они сообщили Бетси, что пока все без изменений, его состояние стабильно, но критическое, и ей следует пойти домой и вернуться утром.

Хотя ее родители были рядом, Хок попросил папу отвезти меня домой, а сам повез Бетси. Ее семья, возможно, хотела высказать ему все, что думала, но Хок, все же был Ястребом, видно, взглянув на него, они не стали этого делать. Эльвира последовала за Хоком, чтобы провести ночь с Бетси.

Отец и Мередит повезли меня к папиному другу Риду, поскольку Мередит и папа жили у них, пока их собственный дом не будет пригодным для жилья.

Жена Рика Джоани и Мередит пыталась заставить меня поесть, но я отказалась, сказав, что буду ждать Хока. Он, наконец, прибыл, Джоани приготовила горячие сэндвичи с сыром под острым, нетерпеливым взглядом Хока, завернула их в фольгу, положила в пакет, мы обменялись объятиями и поцелуями, и Хок помчался вместе со мной в свое логово.

По пути он не произнес ни слова. Думаю, это было потому, что его парня подстрелили, и он лежал на больничной койке в критическом состоянии, и находясь в бессознательном состоянии ему предстояло бороться за свою собственную жизнь. Я предполагала, что Хок надеялся, что Бретт выиграет эту битву, потому что я также надеялась на это. По-моему, именно эти мысли заполняли его голову так же, как они заполняли и мою, и хотя я знала Бретта намного меньше, чем Хока, я посчитала что Хоку необходимо поразмышлять над возникшей ситуацией, поэтому не стала его дергать.

Когда мы вошли в его логово, я неосознанно почувствовала страшный голод, поэтому прямиком отправилась на кухню, пока Хок включал сигнализацию. Я развернула сэндвичи и положила их на тарелки, разрезав по диагонали. Хок подошел к холодильнику и достал бутылку воды.

Когда он закрыл холодильник, я предложила ему сэндвич, тихо сказав:
— Малыш.

Он посмотрел на меня, посмотрел на тарелку, взял тарелку, подошел к мусорному ведру, открыл педаль носком ботинка и выбросил сэндвич. Затем он поставил тарелку на столешницу. Я молча наблюдала, как он крадущейся походкой отправился к своему столу, включил ноутбук, настольную лампу, сел, отвинтил пробку у бутылки с водой и сделал

огромный глоток.

Пока я наблюдала за ним, я поняла одну вещь — я вообще его не знала. Я *знала* его полтора года, но только сейчас начинала *по-настоящему его узнавать* всего лишь неделю назад.

По-видимому, когда один из его парней получает ранение, он становится совсем угрюмым.

Теперь все стало ясно, хорошо, что я это знаю.

Я съела свой сэндвич и старалась всеми силами не нарушать его личное пространство. Немного убралась.

Потом стоя на кухне, крикнула:

— Хок, детка?

Его голова поднялась от изучения экрана ноутбука, но он не сказал ни слова.

— Не возражаешь, если я посмотрю телевизор?

Он только качнул головой и снова уткнулся в экран.

Ладненько.

Я посмотрела телевизор, потом собралась спать. Поэтому выключила телевизор, выключила лампы в гостиной и пошла к Хоку.

Его глаза не покидали экран.

Я стояла напротив него у стола и ждала, когда он обратит на меня свое внимание. После нескольких долгих секунд, он поднял голову, и его глаза остановились на мне.

— Я иду спать, — сообщила я ему.

Он кивнул и снова перевел взгляд на экран. Я прикусила губу, раздумывая, что мне делать.

Тогда я решила сделать именно то, что хотела бы чтобы кто-то сделал это со мной, если бы я была на месте Хока. Я обогнула стол, наклонилась к нему и обняла его за шею. Он повернул ко мне голову, чуть-чуть наклонившись и смотря мне в глаза.

— С ним все будет в порядке, — прошептала больше с надеждой, чем с уверенностью, немного нажимая пальцами на его шею.

Хок не ответил, и когда я говорю не ответил, это значит, что он никак не отреагировал. Не сжал свой подбородок. Даже ни одна мышца не двинулась на его скулах. Не было вспышки в его глазах. Ничего. Тишина.

Поэтому я выдохнула, нагнула голову и прикоснулась своими губами к его, а потом прошептала ему в ухо:

— Скоро придешь спать, да?

Я еще раз сжала пальцы на его шеи, повернулась и ушла. Я приготовилась ко сну, забралась под одеяло, мне потребовалось некоторое время, чтобы заснуть. Я проснулась, когда Хок своим весом придавил матрас, я почувствовала его тепло, он свернулся рядом со мной, его руки обвились вокруг меня, его колено улеглось мне на ноги, я почувствовала, как он нашел свое положение.

Напряжение, которое я чувствовала даже во сне, ушло, я расслабилась в его объятиях, зная, что он свернулся рядом, тепло от его тела просачивалось в меня, а также окутывала его сила, что все будет хорошо.

А сейчас я одна находилась в постели, и это походило, словно я застряла в поле ночью, Хок ушел.

Я отбросила одеяло и выскользнула из его большой кровати, направляясь к лестнице. Я

знала, что свет идет от его уголка с потрепанным креслом, поэтому направились вниз, хотя и не видела его. Я повернула у подножия лестницы, сделала два шага в сторону кресла и остановилась как вкопанная.

Хок сидел под торшером в своем потрепанном кресле. На нем ничего не было, кроме штанов карго, и он согнулся почти в пополам. Локоть лежал на колене, рука свешивалась между ног. Другая рука стояла на колене, и ею он держался за шею. Его голова была низко наклонена вперед, он словно замер в этой позе.

— Малыш, — негромко позвала я, и его голова приподнялась, глаза проšliсь по мне, но он не отпустил руку.

И было что-то нехорошее в его глазах. Очень нехорошее.

— Малыш, — прошептала я и стала к нему подходить.

— Я был неправ, — тихо произнес он, когда я подошла.

— В чем? — спросила я.

— С нами, — ответил он, и я остановилась.

— В чем? — по-прежнему шепотом переспросила я.

— Я был неправ по поводу нас, — ответил он.

Я чувствовала, как мое сердце сжимается и, о, Господи, это было больно.

— Ты ошибся насчет нас?

Он опустил руку со своей шеи, немного выпрямившись, но продолжая упираться локтями в колени.

— Не могу этого сделать, Гвен, — заявил он.

— Не можешь..., — мои слова прозвучали, словно меня душили, поэтому я прочистила горло и закончила: — что?

— Не могу сделать это дерьмо.

— Это..., — я замолчала, потому что мне трудно было заставить себя сказать то, что сказал он, но я все же выдавила: — *Дерьмо?*

— Да, это дерьмо, — ответил он, совершенно не испытывая проблем произнося это слово.

Я отодвинулась в сторону, к счастью, там был большой, железный столб, и я ухватила за него, опираясь всем телом, чтобы за что-то держаться.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я с трудом дыша, в основном потому, что мое сердце застряло у меня в горле.

— Ты и я, я был неправ. Я думал, что смогу это сделать, но я не могу сделать это дерьмо.

— Ты..., — мой голос звучал приглушенно, я сглотнула и продолжила: — *Заканчиваешь отношения?*

— Да, — его ответ был мгновенным и бесповоротным.

— Ты бросаешь меня? — переспросила я, чтобы удостовериться.

— Да, — повторил он, также мгновенно и непоколебимо.

Я почувствовала, как слезы стали скапливаться в глазах.

О, парень, Трой был прав. Это намного больнее, когда мужчина проходится по тебе в военных ботинках.

— Ты обещал, — прошептала я. Он действительно обещал. Даже не двадцать четыре часа назад он. черт побери. *клялся* мне, что поможет справиться со всем постепенно.

Хок встал, и я отпустила колонну, отступив назад.

— Речь и идет о том, что я сохраняю это обещание, Гвен.

— Ты настолько полон дерьма, — прошептала я.

— Лучше сейчас, чем когда ты привяжешься ко мне еще крепче, детка.

— Ты... — я наклонилась вперед, сделав паузу и прокричала: — *Насколько полон дерьма!*

— Душистый Горошек..., — начал он, но я прервала его, продолжая кричать:

— Не называй меня так, ты *мудак!*

Затем я развернулась на пятках и опрометью понеслась вверх по лестнице.

Хок последовал за мной, хотя и не медленно, но когда он добрался до спальни, я натягивала уже джинсы.

— Гвен, послушай меня, — потребовал он.

— Пошел ты, — выплюнула я, застегивая молнию на джинсах.

Он схватил меня за плечо и осторожно развернул к себе, но я вывернулась из его рук, обеими руками упираясь ему в грудь и толкнув.

Он поймал меня за руки и держал их между нами.

— Гвен, посмотри на меня.

Я посмотрела на него и прошипела:

— Ты тщательно планировал это. Работал в поте лица. Можно считать, что я отдала себя тебе, *за день до этого* ты не имел этого, а теперь *выбросил* то, что я отдала навсегда.

— Послушай меня, детка, и ты...

Я вцепилась в мои предплечья и рявкнула:

— Пошел к черту, Хок.

— Детка, послушай, — прорычал он, еще раз хватая меня за руки, но я снова дернулась, и его рука скользнула по моим синякам и порезам на запястье, острая боль пронзила меня, и я невольно вскрикнула, он тут же меня отпустил.

Я воспользовалась моментом, и обойдя его, бросилась к своему чемодану. Только я наклонилась над ним, он поднял меня, обхватив рукой вокруг талии, прижав спиной к своей груди, и сделав захват второй рукой, наклонившись к моему уху, прошептал:

— Детка, послушай меня.

Что-то внутри меня разорвалось, все, разорвалось мгновенно в клочья. Я с яростью вырывалась из его рук, извивалась, и даже ткнула пальцем ему в лицо, сказав:

— Не называй меня деткой. За пять минут мы разошлись, Кейб Дельгадо, даже *не* *вздумай* называть меня *деткой*.

И я поняла, что это было. Я поняла, что уничтожило меня..., то, что я любила. Я с первого раза знала, когда он назвал меня «детка» у меня на кухне — это была моя мечта, та, которую я не позволяла себе чувствовать полтора года, реальные полтора года, когда я мечтала об этом, хотя и знала, что это невозможно.

Все так же, как и со Скоттом, *точь-в-точь* как со Скоттом, я опять все сделала неправильно, выбрав *путь, маршрут, дорогу, направление неправильное*.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, потом остановился, его тело напряглось, превратившись в изваяние, потом он разъяренно пробормотал:

— *Мать твою.*

И тогда я услышала гул. Рокот. Рев труб Харлеев. И этот рев исходил ни от одного, даже не двух. А множества Харлеев.

Хок повернулся, наклонился, готовый дать отпор. Потом дернул головой и помчался

вниз с голым торсом, по дороге указав на меня пальцем и приказав:

— Оставайся здесь.

Я не ответила, и я не собиралась оставаться здесь. Поскольку я переживала свое расставание, кавалерия прибыла, поэтому я собиралась очень быстро свалить отсюда.

Я наклонилась, выуживая из чемодана носки и ботинки, затем схватила трусы, бюстгальтер, футболку, и побежала в ванную комнату, забрав необходимое мне дерьмо и помчалась вниз по лестнице, засовывая его в сумочку, которую повесила на плечо, так я выбежала из дома.

Перед домом я увидела Хока, полное воплощение Ястреба, стоявшего в штанах карго и футболке, босиком, напротив Тэка в противостоянии, если это так можно назвать, перед кучей Харлеев, фары которых освещали всю сцену. Некоторые байкеры стояли у своих мотоциклов, некоторые сидели на них. Только Тек стоял лицом к лицу к Хоку.

Я стала искать глазами Дога и побежала прямо к нему, даже не глядя на Хока и Тэка.

Дог посмотрел на меня сверху-вниз.

— Детка, может, тебе стоит вернуться в дом.

— Возьми меня с собой, — умоляющее произнесла я, он дернулся и спросил:

— Что?

— Возьми меня с собой, — повторила я, схватив его за руку, чтобы показать серьезность своих слов.

Он уставился на меня, немного ошарашенно, потом поднял голову и резко свистнул. Я даже не оглянулась назад. Я дрожала всем телом и со всей силы держала его за руку. С такой же силой я сдерживала слезы, что даже сжала зубы.

Я увидела, как он резко кивнул, потом перекинул ногу на байк. Я догадалась, что это означало — он согласился взять меня с собой, и я не собиралась терять времени и упускать такую возможность. Я села позади него, крепко обхватив руками, положила голову щекой ему на плечо и закрыла глаза.

Я чувствовала рев Харлея и поняла, что мы двинулись, он проехал по широкой дуге по огромному, потрескавшемуся цементному настилу перед бывшем складом, в котором раньше хранились полузаготовки и это место служило для парковки работников склада, а сейчас здесь был дом Хока, и парковка была пустой. Дог выпрямил байк, и мы понеслись прочь.

Я не сразу открыла глаза, ветер гудел вокруг, мое тело совсем заиндевелось, пытаюсь удержать боль, и я только поняла через какое-то время, что плакала.

Вдруг Дог остановился и нежно разжал мои руки.

Он повернулся в пол оборота, заглянул мне в глаза, и я, наконец, их открыла.

— Детка, смена байков, — произнес он.

— Что?

Он кивнул подбородком, я повернула голову и увидела рядом с нами Тэка, который смотрел на нас, и не смотря на темноту вокруг я поняла, что его глаза были на мне.

Дерьмо.

Я хотела остаться на байке Дога, но я не хотела очередных разборок. Нет, я просто уже не могла справиться с очередными разборками. Мне хватило драм за сегодняшний день, спасибо, больше нет. На самом деле, мне хватило уже разборок и драм за последнюю неделю на всю оставшуюся мою долбанную жизнь.

Поэтому я слезла и пересела на другой байк, поправив свою сумочку на плече и обхватив Тэка за талию, соединив руку у него на прессе.

В ту же минуту, как только мои руки соединились у него на животе, и моя голова прижалась к его лопатке, мы рванули с места.

Глава двадцать шестая

Не стоит рисковать

Я почувствовала, как кровать прогнулась под весом, открыла глаза и посмотрела вверх.

Тэк сидел на краю кровати, одетый в обтягивающую футболку и потертые джинсы. Его волосы были влажными после душа. Его голубые глаза были на мне.

Я лежала в его постели, не в лагере байкеров «Хаоса», в довольно хорошем доме на холмах, недалеко от Денвера. Он был построен наверху холма, одноэтажный, длинный, с пандусом, в виде террасы перед ним. Я поняла, что отсюда будет открываться отличный вид днем, но я ничего не замечала, когда прибыла сюда, в основном потому, что была в оцепенении, истощена и отчаянно сопротивлялась накатывающей истерике, слезам и желанию совершить убийство.

Тэк привел меня в свою комнату, бросил мою сумочку на тумбочку и приказал:

— Ложись спать, дорогая.

Потом он ушел.

Я сняла ботинки, носки, джинсы и так как мне удобно было спать в ночнушке, надела, залезла в его неубранную постель и сделала так, как мне сказали.

Теперь я свернулась калачиком, положив руки, соединив ладошками, под щеку.

Тэк сказал:

— Доброе утро, красавица, хочешь позавтракать?

— Ты приготовил или у тебя есть малыш-байкер, который готовит тебе завтрак? — спросила я автоматически. Умно, ничего не скажешь.

Я когда-нибудь чему-нибудь научусь?

Тэк усмехнулся.

— Я готовлю. Лучшие блинчики, которые ты когда-либо ела, только вытащи свою задницу из постели, — ответил он.

Впервые в жизни я не хотела есть.

Нет, не правда. Не впервые. Я не ела три дня, когда обнаружила своего мужа в постели с моей сестрой и надрала ему задницу. Я не думала тогда о еде вообще, но Трой думал и заставлял меня есть. Но это был единственный раз, когда я потеряла аппетит.

— Звучит хорошо, — соврала я, но не сдвинулась с места.

Тэк протянул руку, сжав мое предплечье и осторожно вытащил мою руку из-под щеки. Он поднял ее и его взгляд упал на запястье. Его рука осторожно скользнула вверх, сжимая мою ладонь, я наблюдала, как он поднимал мою руку все выше... выше... до уровня своих глаз, потом наклонился и его губы коснулись синяков и порезов у меня на коже.

У меня перехватило дыхание.

Хок должен был так сделать, но Хок был занят, обдумывая ситуацию с Бреттом, а может, скорее всего обдумывая, как порвать со мной, поскольку он уже завоевал меня и был готов двигаться дальше, поэтому прошлой ночью он совершенно забыл, что меня похитили, связали, заткнули рот и хотели использовать в качестве приманки.

Тэк поднял голову, подавшись вперед всем телом, он прижал мою руку к своей груди.

— У моей девочки вчера был плохой день, — тихо произнес он.

Хок должен был сказать мне эти слова.

— Да плохой и еще хуже, но я обнаружила в себе новые нюансы, но, да... вчера день вышел на новый уровень плохого дня.

— Тебе точно нужны блинчики.

Наконец, я встретила мужчину, который понимает целебные свойства еды.

— Блинчики будет неплохо, — ответила я.

Его рука сжала мою.

— Вытаскивай свою задницу из кровати, детка, я буду на кухне.

Затем он прикоснулся губами к костяшкам моих пальцев, положил мою руку на одеяло, поднялся с кровати и медленно вышел из комнаты.

Я не спеша встала, порылась в сумке, нашла свою зубную щетку и лосьон для лица, вошла в ванную комнату в его спальни и сделала все, что необходимо. И я не стала беспокоиться, чтобы сменить ночнушку на что-то другое, поскольку она прикрывала меня гораздо больше, чем большинство моих платьев. Поэтому вышла из комнаты в коридор, в котором открывался потрясающий вид, поскольку дом был построен на холме, и все комнаты находились с одной стороны, имея выход в этот коридор.

Хорошей новостью был крутой обрыв сразу за пандусом, поэтому трудно было осуществить обстрел этого дома, проезжая мимо на машине. Еще одной хорошей новостью было то, и это было невероятно. Впервые за неделю, не было плохих новостей.

Я двигалась по коридору, заглядывая в комнаты по левую сторону. Ванная комната и две спальни, в одной из них была кровать и комод, и там было не прибрано. Затем я очутилась на открытом пространстве. Открытая кухня с баром, разграниченная, с одной стороны, внутренним проходом, ведущем к раздвижным стеклянным дверям, выходящим на террасу-пандус, а с другой стороны, кухня плавно переходила в просторную гостиную, которая немного выступала вперед в передней части дома.

Тэк стоял у плиты.

Я двигалась к нему, подходя не слишком близко, прислонилась к стойке. Я опустила глаза и увидела шесть, замечательных, точной округлой формы, как серебряный доллар, блинчиков, жарящихся на сковороде.

Он повернул ко мне голову.

— Похоже, ты хорош в приготовлении блинчиков, — заметила я.

Он ничего не ответил на мое замечание. Вместо этого он спросил:

— Хочешь кофе?

— Неужели я Гвендолин Кидд, дышу этим утром? — воскликнула я.

Дерьмо! Вот опять. С умничала.

Тэк усмехнулся. Затем кивнул головой в сторону столешницы позади меня.

— Чувствуй себя как дома, красавица, — предложил он.

О, парень.

— Тебе нужно еще долить кофе? — спросила я.

— У меня еще есть, детка, — ответил он.

Я передвинулась и нашла кружку, пока мы мило беседовали.

— Не хочешь мне рассказать, что это было прошлой ночью?

— Кажется, мы получили то, что и ожидали, как по мне.

Я обхватила кружку руками, повернула голову, чтобы взглянуть на него, когда закрыла дверцу шкафа.

— Что?

— Детка, ты сломя голову выскочила из дома Хока, словно это было гребанное место с привидениями, и вскочила на байк Дога.

— Хм..., — ответила я, наклонив голову, схватившись за ручку кофейника и начиная наливать кофе. — Почему бы тебе не ответить на мой вопрос?

Он, не раздумывая, сказал:

— Я был у его дома, желая получить объяснения, почему тебя похитили и даже не по истечении часа готовы были выставить на аукцион. Хок и я заключили сделку, и сделка состояла в том, что он пообещал полностью прикрывать твою спину, сказав, что больше с тобой *не случится* никакого дерьма, но оно произошло. Он не справился со своим заданием.

Я посмотрела на Тэка.

— В его парня стреляли три раза, и он защищал меня, — тихо произнесла я.

Глаза Тэка уставились на меня.

— Как я и сказал, он не справился с заданием.

Мда. Это было несправедливо, и в то же время душераздирающей правдой.

Я подошла к холодильнику и отыскивала молоко.

— У тебя есть сахар?

Тэк закончил жарить блинчики, протянул руку к шкафам и достал оттуда наполовину полный мешок сахара, положив его рядом со своей кружкой. Я занялась поиском ложки, налила молоко, положила сахар, убрала в холодильник молоко и стала размешивать. Потом я отложила ложку в сторону и отхлебнула кофе.

Тэк делал очень хороший кофе.

Мда.

— Красавица, — позвал меня Тэк, я подняла на него глаза, он наблюдал за мной.

— Да?

— Я ответил на твой вопрос, теперь ты ответь на мой.

Я сделала еще один глоток и стала изучать край своей кружки. Его глаза не покидали меня, я вздохнула.

А потом сказала:

— Хок порвал со мной, поэтому мне, на самом деле, действительно нужно было уехать.

— Хок завершил отношения? — прошептал он и, хотя я внимательно наблюдала за ним, все равно чуть не пропустила изменений в выражении его лица, но когда я его увидела, то напряглась всем телом.

Дерьмо!

— Хм...

— Он порвал этой ночью, когда тебя похитили, когда твои *баные запястья в порезах и синяках, и твою фотографию, связанную, с кляпом во рту, выставили на торги.

Его слова звучали не очень хорошо, и мать твою это было чертовски не хорошо.

— Хм..., — проямлила я.

Тэк повернулся к своим блинчикам.

— По крайней мере, он бл*дь все закончил. Путь открыт.

Тэк перекладывал блинчики со сковороды на тарелку, я спросила:

— Путь открыт?

Его голова крутанулась ко мне.

— Путь открыт. Для тебя. Он теперь вне твоего внимания, и мне не придется больше иметь дело с его дерьмом.

Ой-ой.

— Тэк..., — начала я, не зная, как сказать, что я так устала от мужчин. Серьезно, от всего этого беспорядка с ними. Я решила навсегда завязать с мужчинами. Я не собиралась больше вляпываться в это опять. Проблема заключалась в том, что по мнению Хока, Тэк принял вызов со всей этой кутерьмой, а это мне, на самом деле, совсем не было нужно.

Тэк бросил лопатку, которой он укладывал блинчики, на столешницу, развернулся и сократил расстояние между нами, прежде чем я успела моргнуть.

И он сказал:

— Гвен, люди говорили на прошлой неделе и большинство уличных сплетен касается не твоей сестры, бл*дь, а тебя и Хока. Я знаю, что какое-то время ты была связана с ним. Я знаю, что ты отличаешься от всех остальных. Но я видел твое лицо прошлой ночью, детка, и понял, что ты чувствовала глубоко внутри и, поверь, мне не доставляет никакого удовольствия говорить тебе об этом, но я также знаю, что, когда он сказал, что он закончил, а он сказал, что закончил с тобой, он... закончил.

Я почувствовала, как в носу засвербило, потому что в глазах стали собираться слезы.

Тэк продолжил:

— Я также знаю, когда ты впервые увидела меня, я почувствовал что-то, когда увидел тебя, и я знаю *точно*, что ты почувствовала, когда я впервые прикоснулся к тебе. Что сказать, я не дурак и не мудака. Ты еще не готова. Это не значит, что я не готов ждать. Поэтому, — он передвинулся ближе, подняв руку и обхватив меня за шею, наклонив ко мне голову, его лицо было напротив моего, а его голос стал мягче, — не торопись, дорогая, когда ты залижешь свои раны, а я буду прикрывать твою спину, пока они не заживут. Ты будешь испытывать огромную потребность стереть о нем воспоминания, я буду рядом в этот момент. И когда ты распрямишься и шагнешь к чему-то другому, я буду ожидать тебя.

— Тэк..., — начала я на одном дыхании, глядя в его глаза, я почувствовала слезы, готовые пролиться у меня из глаз, слезы, оплакивающие конец моей жизни, мечты с Хоком, слезы, потому что Тэк, стоящий передо мной, судя по всему, был хорошим парнем. Опасным, но хорошим и до сих пор, не было никакого чертового способа, мне как-то ответить на его слова.

Склонив голову ниже, его губы дотронулись до моих, поскольку мои были приоткрыты, и он воспользовался этой возможностью, скользнув своим языком мне в рот. Рефлекторно, кончик моего языка двинулся ему навстречу, вызвав электрический разряд удивления и множество разных искр прошло через меня, а одна выстрелила куда-то еще.

Хотя он не упустил свою возможность, он не воспользовался продолжением, отстранившись, подняв голову и внимательно посмотрел мне в глаза.

Его рука у меня на шее ободряюще сжалась, и он ласково приказал:

— Теперь ешь свои блинчики, детка.

Я сделала, как мне сказали. Я взяла тарелку с блинчиками, он достал масло и кленовый сироп. Я уселась на барный стул у стойки бара, поливала, мазала и ела, пока он ел свои.

Он оказался полностью прав, я была удивлена.

Блинчики были лучшими, которые я когда-либо ела.

Это было сразу после полудня.

Тэк спустился вниз с холмов, чтобы забрать мои вещи. Он постановил, что я остаюсь в его доме. Думая об этом, я вспомнила людей, которые похитили меня. Папа и Мередит были бездомными, поскольку в их дом кинули бомбы с зажигательной смесью. Лео был полицейским и у него была работа, ему приходилось много работать, чтобы зарабатывать, это означало, что он не мог проводить дни рядом со мной, охраняя. Я до сих пор брезгую покупать пистолет, во всяком случае, я уверена, что даже если я его куплю, мне придется подождать какое-то время, чтобы получить лицензию на разрешение оружия.

У Тэка имелась группа крутых байкеров под его командованием и убежище в горах.

Поэтому я выбрала Тэка.

Когда он ушел, я позвонила и оставила сообщение папе, рассказывая ему, где я, чтобы он не волновался и что все объясню позже. Я также сказала ему, что ужин, который Эльвира утрясала с расписанием Хока, с Гусом и Марией не состоится, и я также сказала, что объясню позже. Я не стала звонить Мередит, потому что она не могла принимать звонки на работе, а я не готова была ей начитывать снова сообщение. Я позвонила Кэм и Трейси. Кэм тут же сказала, что она всегда говорила мне по поводу Хока, что *она знала*, что Хок был *банным мудаком. Голос же Трейси звучал с сожалением, которое я и сама чувствовала.

Я не стала звонить Трою. Он бы позлорадствовал, хотя я знала, что он добрый парень. Он тут же бы предложил мне свой дом, Трой — отличный парень, но под его командой не было группы крутых байкеров и убежища в горах. У него была вилла и все его друзья мужского пола были в основном банкиры.

Я сидела на огромной, не презентабельной, удобной лежанке для загара и смотрела на открывающийся вид, в голове крутились нерадостные мысли, попутно меня сморила легкая дремота, которая я надеялась продлится около пятидесяти лет, но вдруг я увидела Тэка, лавирующем с ревом на своем мотоцикле по дороге. Он был один, на его Харлее не было моих чемоданов.

Дерьмо.

Я встала, решив встретить его у входной двери.

Он выглядел несчастным.

— Ты в порядке? — поинтересовалась я.

— Нет, — ответил он, входя в дверь, открыл какую-то дверь рядом и вынул кожаную байкерскую куртку. Он бросил ее мне, я поймала.

— Надень, красавица. Я ненавижу говорить тебе об этом, но Хок настоящий придурок. Он не отдаст твоё барахло, пока не увидит тебя. Мои парни стоят в противостоянии с его командос на его гребанном складе, они вынесут твои вещи без лишних хлопот, и это может означать что угодно от мелких повреждений до кровопролития, которое может кончиться больницей. Мне нужно, чтобы ты показалась перед ним.

Все мое тело оцепенело, но рот все равно продолжал говорить:

— Что?

Тэк вторгся в мое пространство, одной рукой обхватив меня за талию, другую — обернув вокруг моей шеи.

— Дорогуша, он требует тебя увидеть. Поэтому, — я протиснула между нами руки, — мы должны позволить ему увидеть тебя. Он встретится с тобой, я буду стоять у тебя за спиной, а потом мы уедем, и мои парни пойдут и заберут твоё барахло.

— Он держит мои вещи в качестве выкупа, пока не увидит меня? — прошептала я.

— Да, — ответил Тэк.

— Зачем? — по-прежнему прошептала я.

— Черт, если бы я знал, — ответил Тэк.

Я стояла, он удерживал меня своими руками, а я пялилась в его глаза.

Потом, я словно взбесилась.

Я отступила на шаг и рванула на себя куртку.

— Черт побери этого *мудака*! — закричала я. — Господи! О чем я *думала*! Должно быть, я сошла с ума, *связавшись с ним*. Временное помешательство рассудка!

Затем я вытащила свои волосы из-под воротника, уверенно направилась напрямик к двери и к его байку, натягивая короткую куртку на свой живот, я готова была уже сделать шаг с пандуса на дорожку из гравия.

Тэк поднял меня, мои ноги оторвались от деревянного покрытия и повернул к себе лицом, аккуратно поставив на доски.

Я отодвинулась от него, все еще чувствуя кружение, он сказал:

— Детка, ботинки.

Я посмотрела вниз на свои ноги... в носках. Я опять посмотрела в лицо Тэку, уголок его рта подергивался.

Я также уверенно отправилась в дом, чтобы надеть свои ботинки.

* * *

Тэк был прав.

Перед домом Хока, безусловно, было противостояние, я увидела это, как только мы прибыли. Большой черный минивен был окружен около десятка байкеров и десятков байкеров стояли лицом к лицу напротив такого же количества командос. Хок похоже привел весь свой рабочий арсенал.

Он стоял среди них.

Тэк въехал на своем Харлее на «линию огня» между стоявшими друг напротив друга байкерами и командос, остановился перед Хоком и нажал на тормоз, опустив ногу на землю.

— Ты видишь ее, теперь позволь моим парням войти в дом, — прорычал он.

Хок посмотрел на меня. К счастью, всю дорогу спуска с холма, я разжигала свою ярость, от чего мне было не плохо, и я была чертовски зла, так что ему не посчастливится увидеть мои слезы или что-нибудь столь же унижительное.

— В дом, — отрезал Хок, глядя на меня.

— Как бы не так, — тут же ответил Тэк.

Хок не сводил с меня глаз.

— В дом, — повторил он.

Тэк стал слезать с байка, и я поняла, что сейчас его терпение на исходе, поэтому тоже быстро соскочила с мотоцикла.

— Гвен..., — начал Тэк.

Я крутанула головой и волосы быстро перелетели через мое плечо.

— Круто, я в порядке, я буду через минуту, — заверила я его.

— Красавица...

— Все хорошо, Тэк, честно, я буду через минуту.

Я не стала дожидаться его ответа, обогнула Хока, протолкнувшись через ряд его командос, если быть более точной, между Фангом и Хорхе, и уверенно направилась в его дом-склад.

Как только я очутилась под его платформой, на которой стояла кровать, я увидела, что слухи и Тэк были правы. Если Хок завершал что-то, то он завершал. Мои два чемодана стояли у моего стола, мой компьютер был отключен и мой рабочий ящик стола превратился в полную жопу.

Зачем он хотел, чтобы я сюда приехала, не знаю. Может, потому, что он был мудаком. Но большинство мужчин, которых я встречала были такими же.

Я схватила свои чемоданы, развернулась и побежала напрямик на выход... к Хоку.

Я запрокинула назад голову.

— Отойди с моего пути, — сорвалась я.

Он наклонился вырвал чемоданы у меня из рук, и его руки уже были на мне. Я едва получила шанс бороться, как уже оказалась в комнате, декорированной панелями, под платформой, с его рукой на моей груди.

— Теперь, детка, ты позволишь мне объясниться.

— Убери свою руку.

— Ее звали Симоной, — как-то странно произнес он.

— Кого, твою новую игрушку? — выстрелила я в ответ.

— Нет, мою погибшую жену.

Мой желудок сжался, сердце перестало биться, я посмотрела на него и прошептала:

— Что?

— Мою дочь звали Софи.

Его дочь. *Его дочь*. Его чертову дочь.

Звали.

Он сказал *звали*.

Он продолжил говорить:

— У нее был брат, у Симоны был брат, он был похож на Джинджер. Но была причина, почему он был полным *банным мусором и говнюком. Их родители — это был просто один большой ночной кошмар. Сделай свою мать в кандидаты матери года. Симона была умной, она старалась вылезти из этого дерьма всеми силами. За исключением этой веской причины, и причины, побудившей ее принять решение, когда она облажалась, она была очень жесткой со своим братом. Очень строгой, хотя они были очень близки. Я сказал ей, раз она со мной то, не должна навещать его. Но его женщина забеременела, я был на задании, и он позвонил ей потому, что его женщина должна была вот-вот родить. Симона любила детей, она также любила своего брата, ей нравилась его женщина, она так чертовски волновалась, что станет тетей. Поэтому она пошла к ним вместе с Софи. Они встретились по дороге, и его женщина пошла вместе с Симоной и с Софи к ним домой, чтобы встретиться с братом. Он был не один, а со своими парнями. Все они были на лужайке. Легкие цели. Симона не знала, что он находился в разгаре войны банд, и умерла так и не узнав этого. Неважно, что весь район был зоной военных действий, она привыкла к этому, она же выросла в нем. Враги расстреляли их из своих машин, проезжая мимо, не стесняясь добавить сопутствующий ущерб к своей игре. Застрелили Симону, Софи, Джулиана, брата Симоны, его женщину. Она умерла прежде, чем смогла родить, но врачи успели спасти ребенка. Этот парень единственный, кто выжил в той

резне.

Я слушала, одновременно дрожа всем телом, у меня мелькнула мысль, не кровоточат ли мои уши, но я точно знала, что мое сердце кровоточит, по крайней мере, так казалось.

— Хок, — прошептала я.

— Я не могу снова пойти на это. Я не могу... снова. Поверь мне, детка, я обещал тебе руку помощи, когда я говорю, что я действительно тебе помогу, я не вру. Теперь все закончилось, прежде чем ты еще больше привяжешься ко мне.

Я во все глаза смотрела на него и это убивало меня.

Он был настолько полон дерьма.

Поэтому я сообщила ему об этом факте.

— Ты настолько полон дерьма.

Его лицо стало жестким, рука тут же оставила мою грудь и полезла в карман штанов карго. Он вытащил бумажник, большим пальцем перебрал содержимое и выдернул из кармана сложенную бумажку. Он развернул ее и поднял к моим глазам. На ней был Хок только моложе в форме, он улыбался в камеру, обняв двух девушек. Одна — очень красивая темноволосая женщина, тоже улыбалась в камеру, положив голову ему на плечо, одну руку она держала за спиной, другую — на его прессе. Другая, которую он держал на руке, была двух или трех лет очень красивая девочка, она была заснята в профиль, она была идеальной, все самое лучшее и прекрасное взяв от мамы и своего отца. Она была одета в восхитительное платье. Розовое. Ее маленькая ручка покоилась на шеи Хока. Она не улыбалась в камеру. Она смотрела на своего отца и хихикала.

Да, мое сердце наверняка кровоточило.

Но он все еще был полон дерьма.

Он убрал от меня фотографию, сложил и засунул обратно в бумажник, а потом также засунул в свои штаны карго, сказав:

— В тот день я как раз ушел на задание и это был последний раз, когда я видел их.

— Я поймала своего мужа, трахающим мою сестру, — напомнила я ему.

Его глаза встретились с моими.

— Да, детка, это хреново, но ты должна проснуться и закончить с этим.

Он что *рехнулся*?

— Ты невероятен, — зашипела я.

— Моя жена и ребенок были убиты проезжающей мимо машиной, Гвен, когда я находился за тысячи километров. То, что случилось с тобой отстой, да, но не хера стоять здесь и бросать мне в лицо это дерьмо, когда это никоим образом, мать твою, не сравнимые вещи.

— Ты прав, это не сравнимые вещи. Абсолютно. Да. Это не значит, что то, что ты сказал мне, не может быть верным.

— А что я сказал тебе, детка?

— Ты сказал мне, я не стал рисковать, отдавая себя тебе, что означает, ты не оценил ценность риска. Это справедливо и наоборот. То, что произошло, Хок, полный отстой, даже больше чем отстой. Несмотря на то, что я злюсь на тебя, мое сердце все еще кровоточит по твоей утрате. Но даже если и так, ты стоишь здесь и открыто мне говоришь, что ради меня рисковать не стоит.

Я знала, что сделают с ним мои слова, когда я посмотрела на его лицо, оно превратилось в застывшую пустую маску, я воспользовалась этой возможностью, обошла его

вокруг, взяла свои чемоданы и решительно направилась к двери.

У двери я обернулась и заметила, что он смотрит на меня, его лицо по-прежнему было маской.

— Байкеры Тэка находятся здесь, чтобы забрать мои вещи, не останавливай их. Ты хочешь, чтобы это закончилось, так отдай *все* мое.

Его лицо уже не выглядело такой маской, а стало более мягче, и я, смотря на его красивое спокойное лицо, получила словно удар в живот.

Придурок!

— Гвен... — начал он.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, ты сказал то, что хотел. И ты доказал свою точку зрения. Понятия не имею, как мне жить. Я оказалась *не особенной* для тебя, и сколько бы мои инстинкты и бабочки в животе не говорили мне обратное, каждый раз, когда я видела тебя, когда мы стали «мы», оказалось все не так, после того, что ты мне сказал. И ты тоже не особенный для меня, именно потому, что заставил меня почувствовать себя дерьмом... опять, а я слушала свое сердце, следовала своим инстинктам и опять позволила этому случиться. Все решения, которые я принимаю, разбиваются в пух и прах. Точка поставлена. Урок выучен. Я не буду доверять своему животу, теперь я буду жить своей головой. К счастью для тебя, мы закончили и тебе не придется наблюдать, как я делаю это.

Затем я развернулась, поставила чемодан, схватила ручку, приоткрывала дверь, подняла чемодан и ногой распахнула дверь шире, выскользнула через нее, неся свои чемоданы и оставив Кейба «Хока» Дельгадо позади.

Глава двадцать семь

Разочарована в тебе

— Можно с уверенностью сказать, Тэк, я немного испугалась, — объявила я, дотрагиваясь до своей повязки на глазах.

— Еще немного, красавица, — ответил Тэк.

Я была во внедорожнике. Тэк не только имел Харлей, у него был еще и большой Ford Expedition. Пять минут назад, мы покинули шоссе, выехав из его дома и двинулись в Денвер, он вытащил и уговорил меня надеть повязку на глаза. Он подготовил для меня сюрприз, он был так добр последнюю неделю, что я согласилась, хотя меня это и пугало.

На прошлой неделе Тэк взял мини-отпуск. Может показаться, что я эгоистка и идиотка, но когда тебе требуется время собраться с мыслями после того, как твое сердечко разбил командос, зависнуть в горном убежище с байкером хороший способ, чтобы исцелиться.

Во время его мини-отпуска я также взяла тайм-аут от отца, Мередит, Кэм, Трейси и Лео. Я коротко объяснила им, и они отступили, хотя и без особой радости. Трой звонил, но я не брала трубку. Я поняла либо Кэм, либо Трейси проинформировали его о состоянии дел, и я поняла, что он сочувствовал мне, но я не смогла бы это выдержать. Эльвира тоже звонила несколько раз, но я также не отвечала на ее звонки, понятно по какой причине, объяснять не нужно.

Байкеры Тэка забрали мой рабочий стол, отвезли его ко мне домой, который на данный момент превратился в полное дерьмо, но мой компьютер и чемоданы привезли к нему. Они поставили мой компьютер у него в кабинете. Я проводила свои дни за работой и уборкой его

кабинета. Затем я убрала весь его дом. На днях Тэк меня два раза возил в продуктовой магазин, мы затоварились горой продуктов в его горном убежище, и я начала готовить фантастические блюда к его приходу, когда он возвращался домой, это заняло целую вечность, чтобы подготовиться. Блюда включали десерты... много десертов.

Если я не работала, то готовила или читала. В продуктовом магазине я купила пять любовных романов и в доме Тэка, сворачивалась на его большом, объемном диване, терялась в чужих мечтах. Я не ладила со своей головой, постоянно крутились мысли, просто еще крутились. Это и понятно, последние полтора года все мои мечты были связаны с Хоком, и я не знаю, куда мне деваться, потому что я уже не надеюсь, что встречу еще раз своего идеального мужчину. Поэтому мне стоит как-то изменить свои мечты и надежды остаться в одиночестве, начать планировать пешие прогулки и спасать хорька, но это явно как-то не по мне.

Я начинала свои дни, сидя на пандусе Тэка на прохладном воздухе, тепло одевшись и смотря на открывающийся вид, попивая кофе и сражаясь с болью в сердце.

А заканчивала свои дни в постели с Тэком.

День или два я спала одна. На третий день, когда я поужинала в одиночестве и пошла спать, дома никого не было, он вернулся поздно ночью и пришел ко мне. Он не был Хоком, поэтому делал все по-другому. Он не прижимался к моей спине, укутывая меня своими объятиями и целуя. Он не укладывался рядом со мной, прижимаясь ко мне и закидывая свою ногу на меня. Вместо этого, он перевернул меня к себе лицом, лежа на спине и прижал к боку.

Я должна была по идеи психануть и уйти на другую кровать. Но ведь я была Гвендолин Пейпер Кидд — глупой идиоткой, поэтому даже не двинулась с места. Я положила голову ему на плечо, согнула руку у него на животе и уснула.

Тэк спал со мной каждую ночь после этого и приходил домой каждый вечер на ужин. Не спорю, я не вдавалась в полемику по этому вопросу, просто плыла по течению. Не могу сказать, что умничала, когда он был рядом, я была просто самой собой, и я чувствовала, что ему это нравилось, но я так и продолжала быть самой собой. Я также старалась не подавать ему никаких сигналов, которые он мог истолковать не так. Я не кокетничала, просто была собой, такой, какая есть.

За исключением, конечно, позволяя ему спать со мной.

Мда.

В основном он предоставлял мне полное пространство, все дни были моими, он появлялся только к ночи, и то вел себя не как захватчик или грабитель. Он поцеловал меня один раз, разбудив утром. Это был не глубокий поцелуй с языком, а поцелуй с языком, жаром и руками, когда все соединилось друг с другом. Его поцелуй послал сильный электрический разряд по всему моему телу, и еще не менее сильные острые разряды по определенным частям моего тела. Этот поцелуй не был похож на поцелуй Хока, который заставлял меня терять голову и лишаться контроля, но это был чертовски великолепный поцелуй.

Затем он поднял голову и прошептал:

— Сегодня нужно уехать пораньше, красавица, но спасибо, что сделала удачным для меня этот день, — потом он поцеловал меня в нос, его ультра-крутая бородка щекотала мою кожу, и встал с кровати. Никакого давления, просто завуалированное обещание.

Поцелуй был великолепен, настолько великолепен, что несколько дней назад он

заставил бы меня размяться. Но я уже дала себе обещание.

Теперь он вез меня в Денвер, не объясняя причин, но какими бы они ни были, эти причины почему-то требовали от меня повязки на глазах.

Внедорожник остановился, и я спросила:

— Могу я снять повязку сейчас?

— Через минуту, — ответил Тэк.

Я с нетерпением ожидала в машине, потом моя дверь открылась. Тэк осторожно помог мне выйти из внедорожника, продолжая вести меня куда-то, пока мы шли, потом остановился, прижал меня спиной к своей груди, обнял за талию, стянул вверх повязку.

Мы стояли перед моим домом, в котором были новые окна, новые двери и нигде не было дырок от пуль. Большие кирпичи, которые раньше были покрашены в темно-бордовый цвет теперь заполняли всю переднюю часть моего дома, выкрашенные темно-бордовой краской. Сейчас дом был похож на дом, а не субпродукт после битвы.

— Сюрприз, дорогая, — прошептал мне Тэк на ухо.

— Боже мой, — прошептала я в ответ.

Я услышала его тихий смех, затем он взял меня за руку и повел вверх по ступенькам. Он вставил ключ в замок, потом в еще один замок, а затем распахнул дверь. Он пропустил меня вперед, и мы вошли, и я увидела то, что было сделано снаружи, было также сделано и внутри. Нигде на стенах не было видно следов от пуль. Стены были зашпаклеваны, и ровно покрашены белой краской, видно недавно, потому что я чувствовала запах шпаклевки. Но это было не все. Моей испорченной мебели тоже не было. Полы были отшлифованы и отполированы. С каждой стороны был облицован камин. Все было вычищено и сверкало и даже появилась кое-какая мебель, пригодная для жилья.

— Это твое, — сказал Тэк, повернув мою руку ладонью вверх и опуская в нее ключи.

Я посмотрела на ключи. Тэк продолжил:

— Ты можешь покрасить в любой цвет стены, в какой захочешь, они просто загрунтованы.

Я задрала голову, чтобы взглянуть ему в глаза и почувствовала, как начинают пощипывать мои глаза от слез.

— Тэк... — прошептала я, — не знаю, что и сказать.

Он ухмыльнулся.

— Добро пожаловать домой, детка.

Не думая, я потянулась к нему, обхватила его руками и крепко обняла.

— Спасибо, — прошептала я, прижавшись к его груди.

Он крепко сжал меня в своих объятиях.

А потом сказал:

— Не думаю, что ты сделаешь то, что я скажу тебе, красавица.

Я запрокинула голову назад, но не отпустила его.

— Что?

Его пальцы заскользили по моим волосам, убирая их на плечо, а затем он обхватил мой затылок.

— Если ты не будешь чувствовать себя здесь в безопасности, ты можешь остаться у меня, на сколько захочешь. Но мы расспрашиваем людей, копаем, твоя сестра залегла на дно. Постепенно все успокаивается, это значит, что тебе ничего не угрожает, и ты можешь вернуться домой, если, конечно, хочешь.

Я, конечно, была рада, что все успокаивается, хотя и немного беспокоилась о Джинджер, которая «залегла на дно», но я поняла, что если Тэкс это говорил, то значит так оно и есть.

— Ты хочешь предоставить мне личное пространство? — тихо спросила я.

— Я хочу, Гвен, так должно быть, когда ты приедешь ко мне, ты приедешь ко мне по своему желанию, потому что хочешь этого, а не потому, что должна приехать ко мне. И это должно работать не только с моей стороны, но и с твоей тоже.

Боже, он был хорошим парнем.

Я опустила голову, лбом уперлась в его грудь, он обхватил меня за шею.

— Спасибо, — повторила я ему в грудь.

— Я видел, что ты хотела вернуться домой, — сказал он, и я кивнула ему в грудь. — Ладно, дорогуша, ты пока тут обустройствайся. Я съезжу за твоим компьютером. Шейла поможет собрать твоё барахло. Я привезу их тебе.

Я опять задрала голову и посмотрела ему в глаза.

— Я что-нибудь придумаю. Тебе не нужно ездить туда и обратно ради меня.

— Успокойся, детка.

Он был прав. Я должна успокоиться, так и сделала. Я так долго была выбита из колеи нормальной жизни, что сейчас нужно о многом подумать и принять решение.

А он был таким хорошим парнем.

Я потянулась к нему.

— Спасибо.

Он наклонил голову, и я поцеловала, его губы раскрылись. Идиотка, глупая, бестолковая, я открыла свои губы, и его язык скользнул ко мне в рот, и наши языки двигались на ощупь.

Приятно. Очень приятно.

На вкус он был очень хорошим.

Его губы отпустили мои, он поднял голову и поцеловал мой кончик носа.

Потом посмотрел мне в глаза и мягко сказал:

— Все для тебя, Гвен.

Настолько хороший парень.

Я зарылась лицом в его шею и еще сильнее сжала его в своих объятиях. Он позволил мне сделать это, пока его руки не отпустили меня. Я поняла, что мне стоит от него оторваться и отпустить.

— Увидимся, детка, — пробормотал он.

— Увидимся, Тэк, — ответила я, он повернулся и вышел из дома.

* * *

Пару часов спустя Тэкс доставил мой компьютер и подключил его. Он также привез мои чемоданы. Потом он ушел, у него была своя жизнь, и я должна была принять решение, и, хотя моя жизнь в бешеном темпе вращалась, это не значит, что все остальные должны тоже крутиться вокруг меня.

Я распаковала свои чемоданы, загрузила стиральную машину, потом составила список покупок. Потом написала Мередит, Кэм и Трейси сообщив, что я вернулась домой, но мне нужно обустроиться, хотя бы сегодня. Кэм ответила, что собираемся у нее завтра с Cosmo, не

принимаются никакие отказы. Я написала в ответ, что буду у нее. Не уверена, что была готова к встрече с ними, но я же должна начинать жить своей жизнью, поэтому почему бы не начать сейчас?

Я спускалась со второго этажа на кухню, когда услышала звонок и стук в дверь.

Я застыла, как вкопанная, неожиданный страх резанул по мне.

Последний раз мне звонил и стучал в дверь Хок, когда приходил за мной, чтобы отвезти на ужин. Папа тогда сказал, чтобы Хок не беспокоился о звонке, который не очень хорошо работал. Потом Хок подарил мне туфли. После этого моя надежда расцвела.

Я задержала дыхание, чтобы как-то на минимум свести страх и уставилась на дверь, зная одно, что это не Хок.

Кэм, Трейси и Мередит согласились предоставить мне личное пространство на сегодня. Папа и Трой видно с этим были не согласны. Папа мог потерять терпение, и поскольку он чувствовал свою ответственность, пытаясь меня защищать, после всей этой перестрелки и похищения, и уже известного факта, что я больше не была с Хоком, скорее всего он хотел проявить свою заботу и все выяснить. Трой был неотъемлемой частью моей жизни и, видно, тоже решил проявить заботу. Поскольку Хока теперь не было со мной рядом, он решил сделать свой ход.

Я не была готова встретиться с любым из них.

Но я все-таки направилась к двери, несмотря на то, что была не готова, я любила их обоих, и я не могла заставить их стоять за дверью. Это было не красиво.

Я заглянула в боковое окно и замерла, уставившись на того, кто стоял перед моей дверью.

Ладно, я не была готова встречаться с папой и Троем, но я совсем *не была готова* к неожиданному визиту Марии Дельгадо.

Она заметила меня в окне, внимательно разглядывая.

Я дернулась, отскочив от окна.

Дерьмо!

Опять позвонила и ударила в дверь.

Дерьмо. Вот дерьмо. *Полное дерьмо!*

Ну, она уже заметила меня. Я не могла сделать вид, что никого нет дома.

Вот дерьмо.

Я открыла дверь.

— Привет, Мария.

Она уставилась на меня. Не произнесла ни слова, она протиснулась через мою дверь, внутрь дома.

Я тупо смотрела на свой двор и внутренне молилась, чтобы мне хватило сил выдержать ее визит. Я пережила расставание с Хоком, в конце концов. Хотя это разрывало меня в клочья внутри, но я все же выстояла. И ее приход я тоже смогу пережить.

Я закрыла входную дверь и повернулась к ней.

— Вот так сюрприз, — отметила я, заставив себя улыбнуться.

Она прищурившись посмотрела на меня, потом резко произнесла:

— Что *происходит*?

— Что..., — я замерла, осмысливая ее слова, потом спросила: — *Происходит?*

— Да, — ответила она. — Неделю назад ты была без ума от моего сына. Неделю назад я со своими мальчиками пришли к нему домой утром, и ты была в его ванной комнате.

Неделю назад ты играла в прятки с племянниками. Неделю назад ты обратилась к нему, чтобы он защитил тебя, когда у тебя сердце разрывалось от визита твоей мамы. А сейчас Эльвира сообщает мне, что ты закончила с ним отношения. Что, — она наклонилась вперед, — происходит?

Эльвира. Великолепно.

— Мария, — тихо произнесла я. — Это он порвал со мной.

— И что с того? — тут же спросила она, я тупо уставилась на нее.

— *И что с того?* — так же тупо повторила я.

— Да, — она выбросила руку вперед, — и что с того?

— ... Когда Хок заканчивает отношения, он их заканчивает.

Она скрестила руки на груди.

— Его зовут Кейб, Гвен.

Было что-то странное в том, как она мне это сказала.

Но я отрицательно покачала головой.

— Нет, Мария, он сказал мне, что этот человек исчез. Сейчас он стал Ястребом.

Она покачала головой, глядя на меня.

— Нет, Гвен, этот человек не исчез. Когда я пришла к нему домой в то утро со своими мальчиками, впервые за восемь лет, я увидела, что мой сын Кейб вернулся.

О Боже.

— Мария...

Она сделала шаг ко мне и направила на меня палец.

— Послушай меня. Ты не мать, поэтому скажу тебе, когда твой ребенок испытывает боль, ты испытываешь ее вместе с ним. Мой сын испытывал мучительную боль восемь лет. И ее было не мало, к ней невозможно привыкнуть, к такой боли нет, она ставит на колени. Восемь лет. Восемь лет я наблюдала, как он мучился и терпел, я мучилась и терпела вместе с ним, мы все — Гас и мои сыновья пережили это вместе с ним. И впервые за восемь лет в то утро я увидела, что боль отошла, когда он был с тобой.

О Боже.

Я не могла это слушать, не могла, потому что все было совсем не так.

— Он продолжает испытывать эту боль, Мария, он не закончил с ней, — спокойно объяснила я.

— Нет, и она никуда не денется, — согласилась она. — Очевидно, ты даже не задумывалась, но ты заставила его увидеть жизнь вокруг, что несмотря на то, что он потерял Симону и Софи, он не потерял себя. Он чувствует их потерю, но ему все же удалось излечиться. Ты проделала эту работу, так не отпихивай его от себя.

— Он бросил меня, — сказала я ей, потому что это сделал именно он!

Она покачала головой.

— Я вижу, ты не понимаешь, насколько важна для него.

— Если что-то и важно, Мария, мне жаль, очень жаль говорить это, но вы воспринимаете это не так, как относился ко мне и воспринимал ваш сын. Многое что произошло, чего вы не знаете, и я могу вам рассказать за спиной вашего сына, я уже как-то справилась с этим, но вы не знаете всего, что произошло.

— Ты права, я не знаю всего, что произошло, но кое-что я знаю наверняка, как любая мать я хочу видеть своего ребенка счастливым. Ты даже не осознаешь этого, но ты дала ему обещание сделать его счастливым, а если ты дала ему обещание, считай ты дала это

обещание и *мне*.

— Вы не понимаете, — прошептала я, она отрицательно покачала головой, поправила сумку на плече и двинулась к двери.

Положив руку на ручку двери, она обернулась.

— Я понимаю, Гвен, прости, я вижу, что ты расстроена, и я также вижу *из-за чего* ты расстроена, и это приводит меня к мысли — я разочаровалась в тебе.

Господи! Выстрел в самое сердце. Я едва ее знаю, а она просто убила меня тем, что разочаровалась во мне.

И прежде, чем я успела сказать хоть слово в свою защиту, именно как делали, наверное, все Дельгадо, прямо у меня на глазах она исчезла.

Вот дерьмо!

Глава 28

Бостон

Теплая рука коснулась моей поясницы, матрас прогнулся под весом, я распахнула глаза, вокруг было темно, меня развернули, и я ударилась в жесткую стену-грудь Хока.

Какого черта?

Он накрыл меня своим телом, я почувствовала тяжесть его веса, не имея возможности произнести ни единого слова, потому что его губы оказались на моих.

Что. За. Черт?

Прежде чем я успела потерять голову и свой контроль от его поцелуя, я уперлась руками ему в плечи и толкнула. Я отстранилась от его рта и повернула голову в сторону.

— Отвали! — потребовала я, снова толкая его.

— Он тебя трахал? — зарычал мне на ухо Хок, его руки поползли вниз, спускаясь к подолу моей ночнушки и собирая ее кверху.

Что происходит? Почему он вообще здесь?

— Что? — огрызнулась я. — Кто?

Его руки продолжали поднимать мою ночнушку вверх.

— Тэк, детка, ты разрешила ему себя трахнуть?

Наконец, в моей голове все выстроилось, и я скосила на него глаза в темноте.

— Это не твое дело!

— Ты позволила ему поцеловать себя прямо в гостиную, мать твою!

Эм... что?

— Что? — прошептала я.

— У тебя камеры стоят по всему дому.

Все мое тело напряглось.

— Когда ты...?

— С момента похищения, Гвен.

О Боже мой. Я не знала, что мне делать. Что же мне делать со всем этим?

— Ты не можешь устанавливать камеры у меня в доме! — закричала я, снова толкая его в плечи. — Ты больше не имеешь права следить за мной! — продолжала я кричать. — И ты не имеешь права находиться здесь! — последнее, что я прокричала.

— Я здесь, — зарычал он, моя ночнушка была уже на моих ребрах.

— Вижу и *чувствую*, но я хочу, чтобы ты ушел.

Он оставил мою ночнушку, взяв за подбородок и повернув к себе мое лицо, навалившись на меня всем своим весом, вжав в матрас, мои руки, отпихивающие его, были совершенно бесполезны, я напоминала спичку, борющуюся с гигантской силой, он продолжал удерживать меня за подбородок, наклонил голову и поцеловал.

Снова со мной этого не произойдет. Только не снова. Он же не думает, что может вот так запросто начать все сначала. Взять то, что ему хочется, а потом вернуть все назад.

Нет. Ни в коем случае.

Поэтому я продолжала сражаться с ним. Я боролась с его ртом, его руками и его тяжелым телом.

Но он был слишком силен, и он это знал, поэтому делал то, что хотел. Но он также знал, что был намного сильнее меня, поэтому у меня было одно преимущество — он боялся причинить мне боль.

Я же воспользовалась своим преимуществом, поскольку совсем не боялась причинить ему боль.

Поэтому я боролась не в пол силы. Я боролась ожесточенно и была полна решимости, поэтому использовала все, что могла.

К сожалению, когда я укусила его, я почувствовала его кожу на вкус и ощутила его запах. Тогда, к сожалению, он перестал удерживать меня и начал делать кое-что другое. Поэтому во время своей борьбы, я осталась вдруг без ночнушки. Затем у меня пропала моя решимость. Мой бой превратился во что-то более сильное и подавляющее, и это чувство было сродни голоду.

Я была сверху, он лежал на спине, но я не прыгнула на него. О нет, я не совершила такой глупости, не я.

Я использовала свои руки, губы и язык, прикасаясь к его коже, пробуя на вкус его грудь, его соски, ниже, его кубики пресса, еще ниже, я взяла в руку его твердый член и покружила кончиком языка по головке.

Ммм.

В долю секунды я оказалась в воздухе, потом тут же лежала на спине, мои трусики куда-то исчезли через секунду, и мои ноги были высоко подняты вверх и широко разведены. И между ног оказался его рот. Он не алчно совершал свои действия, а растягивая, как будто у него было настроение продлить свое удовольствие. Он смаковал меня, и я не только позволяла ему это делать, я зарылась пальцами в его волосы, и подвигая его голову к себе поближе, настолько было хорошо.

Пока он вылизывал меня, Господи, я была уже так близко, невероятно, я хотела кончить, хныча и шепча:

— Малыш, — но его рот исчез, он перевернул меня на живот, поставил на колени и опять широко развел мои ноги, приподняв мою задницу.

Он вошел, загоня глубоко. Восхитительно.

Я опустила грудь на кровать и вытянула вперед руки, ладонями упираясь в изголовье кровати, отталкиваясь ему навстречу, встречая его толчки. Боже, как мне нравилось это. Чертовски нравилось.

— Поласкай себя, детка, — приказал Хок, его голос был низким, и я передвинула одну руку к себе между ног. — Вот так, — прорычал он, — помоги мне.

Я помогла ему, совершая круговые движения вокруг клитора, пока он совершал свои толчки, мои стоны потонули в подушке, это не заняло много времени, я кончила и кончила

жестко.

Мой оргазм заставил Хока пойти дальше, он крепко сжимал мои бедра, вбиваясь, подтягивая к себе, мне нравилось его чувствовать.

Потом он застонал, его толчки увеличились, стали более глубокими, он тяжело задышал и кончил.

Но он продолжал двигаться, хотя его движения были более медлительными, более успокаивающими, он интимно ласкал мое самое сокровенное место. Он перестал с силой сжимать мои бедра и нежно погладил мою задницу, поясницу, бедра, бока и заднюю часть моих бедер, это было приятно. Сладко и приятно.

Я закрыла глаза, до сих пор уткнувшись лицом в подушку.

Я была такой..... *иллюхой*.

Насколько унижительно все это было? Невозможно высчитать. Не существовало такой диаграммы на сегодняшний день. Ученым следовало создать такую новую диаграмму, чтобы по ней можно было измерять уровень унижения.

Наконец, он вышел из меня и завалился на бок, и я тут же почувствовала, как он обхватил меня за талию, притягивая к себе, но я все же выбралась из его захвата. Соскочив с кровати, наклонилась, подхватила свою ночнушку с пола, надевая на бегу, выбежала из комнаты.

Я влетела в ванную комнату и заперла дверь. Потом включила свет.

Что со мной *не так*?

Слезы угрожали пролиться из глаз, но я пару раз глубоко вздохнула, чтобы их остановить. Потом я выхватила полотенце из шкафчика, повернула кран, ожидая пока вода не станет горячей, и вымылась, чтобы смыть его запах с себя.

Он ушел. Он ушел. Он всегда уходил.

Мне нужно переехать. Нет, не сменить дом, а в другую страну. Я могу работать везде. Я свободна. Это, конечно, отстойно бросить всех — родных и друзей, но я была готова к приключениям. Папа возил нас в Бостон, когда я была еще маленькой, мы посетили парусник «Конституция» в гаване. Мы поехали в Лексингтон Грин. Ели суп из моллюсков, и мне понравилось. Также мы ели лобстера, и это до сих пор моя самая любимая еда. Мне нравится изучать историю страны, я полюбила лобстеров. Я могла бы переехать в Бостон.

Я сидела на унитазе, думая о Бостоне, прислушиваясь, но я не слышала, как он ушел. Но он уйдет. Он оставит меня. Я знала это.

Я ждала и прислушивалась к тишине.

Затем я глубоко вздохнула и подошла к двери. Я держала руку на выключателе и открывала дверь, остановившись как вкопанная, потому что Хок по-прежнему находился в коридоре. На нем были только его штаны карго, его задница прижата к стене, ноги были вытянуты перед ним и наклонив голову, он размышлял о чем-то, глядя на свои ноги.

Дерьмо. Он не ушел.

Он резко повернул голову, и его глаза прошли по мне.

— Ты должен уйти, — объявила я, наконец нажав на выключатель и выйдя в коридор.

Я тут же оказалась прижата спиной к стене, приперта всем телом Хока. Его рука покоилась на моей шеи, а большой палец приподнимал мой подбородок, заставляя меня смотреть ему в глаза, другая его рука лежала на моем бедре. Я обхватила его за талию и попыталась отодвинуть, но безрезультатно.

— Должен уйти, — повторила я.

— Я выполнял задание, важное, когда они нуждались во мне. Поэтому, когда моя жена и дочь погибли, мне никто не сообщил об этом, потому что им необходимо было, чтобы я сохранял спокойствие и был сосредоточен на задании. Они были мертвы уже два дня, когда я узнал.

О Боже.

— Я не хочу этого слышать, — сказала я ему. — Я не заинтересована это слушать, — в большей степени я произнесла последние слова, пытаясь убедить саму себя.

Хок полностью проигнорировал меня.

— Я был за тысячи километров. В тысячи миль отсюда, когда я потерял свою семью, Гвен.

— Ты должен уйти, — опять повторила я, толкая его и пытаясь отстраниться.

— Я любил ее, — говорил он, я перестала пытаться вырваться.

— Хоук, на самом деле, я не...

— Но я так злился на нее. Господи Иисусе, я так чертовски злился. Насколько, мать твою, нужно быть совсем тупой? Шла бы одна, но зачем она взяла нашу дочь?

Я закрыла глаза и отвернулась.

— Тебе стоит рассказать об этом, — сказала я, взглянула на него, — Эльвире. Она хороший слушатель.

Он снова проигнорировал мое замечание.

— Я был на базе, когда Лукас, Дарла и их шайка вошли к тебе в дом. Я был в комнате наблюдения и один из моих парней свистнул мне, я взглянул на экраны. Я позвонил, приказав всем двинуться к твоему дому, экипировался во все дерьмо и отправился к тебе домой, но прежде чем я добрался до твоего, я увидел, как Лукас вынес тебя на своем плече. Ты не двигалась.

— Лукас?

— Брок Лукас, ты знаешь его под именем Скалл.

— О, — прошептала я.

— Ты не двигалась, Гвен.

— Они оглушили меня чем-то, — ответила я ему.

— Я не знал, — сказал он мне. — Единственное, что мне было известно, что кто-то из твоих соседей позвонил 911, потому что он услышал выстрелы у тебя в доме, а он нес тебя на плече, и ты не двигалась. Это все, что мне было известно.

— Они вырубili меня чем-то, Хок, — повторила я.

— Я не знал этого, Гвен, — повторил он снова и продолжил:

— Я был в машине, когда пришел вызов, что у Бретта три пулевых ранения в грудь. Я знал этих игроков. И я мог просчитать их игру. Они забрали твое тело как доказательство смерти, и это было только начало, сначала ты, потом твоя мачеха и твой отец. Они пойдут на все, тебя и Джинджер необходимо было ввести в игру, чтобы остановить то, что происходит.

— Но все случилось не так, — сообщила я ему, но он уже это знал.

— Да, но в течение двух часов, я не знал о тебе ничего. Ли наконец удалось установить твое место нахождения, мы выдвинулись, я понятия не имел, что меня там ожидает, когда я вошел в ту комнату.

— Со мной все было хорошо, — соврала я.

— Ты была связана и с кляпом во рту, Гвен.

— Да, — вернула я, — но в остальном все было нормально.

Он продолжил:

— За день до этого твой дом расстреляли из проезжающей мимо машины. Твой автомобиль стоял у дома, твоя сумка валялась на диване, а тебя нигде *не было*. За чертовый час, детка. Единственное, что меня успокаивало, что парни увидели, что попали из проезжающей мимо машины в другую женщину, а не *в мою*, крови нигде не было ни у тебя в доме, не у дома, и мои парни заметили, как Тэк вытаскивал тебя из дома. Ракурс камеры не очень хороший, поэтому мы не видели пострадала ты или нет, но, по крайней мере, ты шла.

Черт, это не приходило мне в голову. Почему это не приходило мне в голову?

— Я потом пришла в себя, — напредила я ему.

Он надавил своим телом еще больше на меня.

— Да, Гвен, но я... не... *знал об этом*.

Все правильно. Я должна была ему это сказать.

Раньше.

— Ты говоришь мне все это, потому что...? — подсказала я.

Его рука отпустила мое бедро, и он взял мое лицо в ладони, сказав:

— Господи, Гвен, я говорю тебе это, чтобы ты знала, сколько я всего передумал за это время.

— Хорошо, теперь я знаю. Спасибо за историю, Хок, теперь ты уйдешь?

Его руки сжались, и он прошептал:

— Не делай этого, детка.

— Чего не делать? Быть бесчувственной стервой перед лицом твоей боли? Попросить прощение, что все было так плохо? Потому что, видишь ли, в день, когда меня похитили и твоего парня подстрелили, а он защищал меня, после недели с кучей настоящего ужасного дерьма, ты в это же время подошел ко мне, заставив меня довериться тебе, а потом разорвал меня в клочья, Хок. Решительно и непоколебимо. Ты разорвал меня напроць, оставив в ужасно плачевном состоянии, и даже при этом, черт побери, не *моргнул*.

— Теперь ты знаешь почему я сделал это дерьмо и что творилось у меня в голове.

— Нет, теперь я знаю, что ты увидел Тэка, который оказался рядом с твоей чертовой игрушкой для секса и тебе не захотелось делиться.

Его тело замерло, а пальцы согнулись. Я чувствовала его ярость, но меня это не волновало. Я еще не закончила. Боль, которую он мне причинил, засела очень глубоко и мне пришлось защищать себя любой ценой.

— Хорошо, малыш, — прошептала я. — Меня хватит на всех. Но существуют правила, ты приходишь, заставляешь меня кончить, а потом ты *уходишь*.

Он не пошевелился, и я почувствовала, что его злость бьется в меня, пока он удерживал прижатой к стене. Затем вдруг его тело расслабилось, злость куда-то делась, его пальцы сильнее сжали мой подбородок.

— Я разорвал тебя в клочья, напроць, — пробормотал он.

— Ничего, немного замороженного теста для печенья поможет залечить и это, — вернула я.

— Полное дерьмо, Сладкий Горошек.

И мое тело опять среагировало на его слова.

— Не называй меня так, — огрызнулась я.

Он снова проигнорировал меня.

— Мы были «мы» неделю, чертову неделя, а я причинил тебе такую глубокую боль.

— Господи! — Воскликнула я, снова отталкивая его от себя. — Ты когда-нибудь уйдешь?

Он удивил меня, отойдя на шаг назад. Затем он снова удивил меня, подхватив, перегнув и закинув меня себе на плечо.

— Хок! — заверещала я, молотя ногами, пока он нес меня в мою спальню. — Опустименя!

Он отпустил, наклонившись и скинув меня с плеча, я летела, приземлившись на спину, подпрыгнув на своей кровати.

Я поднялась на локтях и открыла рот, чтобы что-то сказать, точнее заорать, но увидела в темноте, как он расстегивает свою ширинку.

Дерьмо!

Я перевернулась, пытаюсь бежать, и почти добрался до другой стороны кровати, когда была поймана за талию и отброшена назад.

— Ты не можешь оставаться здесь на ночь, — сообщила я ему, но моя спина уже была прижата к его груди.

Он отпустил меня только для того, чтобы накрыть нас одеялом, но этого времени мне не хватило, чтобы совершить побег. Затем он свернулся рядом со мной, придвинувшись намного ближе, чем обычно, прижав меня своим телом, заблокировав мои ноги своей, положив сверху, и крепко обернув свою руку вокруг моего живота.

Затем он поднял голову и произнес мне на ухо:

— Давай спать, Гвен.

О Боже мой!

— Ты что *обкурился*? — взвизгнула я.

Его ответ на мой вопрос — его язык слегка коснулся кожи у меня за ухом, а потом он положил голову на подушку.

Он точно обкурился. Полностью.

— Я не могу поверить, что ты..., — зашипела я.

— Спи, детка.

Я боролась с его рукой, но она была словно из металла, поэтому я перестала и сказала:

— Я... *не... верю* тебе.

— Детка, давай спать.

Я слегка утихомирилась на его слово «детка», мне пришлось. Малейшее движение, я знала разобьет меня вдрызг.

Но я не могла также успокоить свою боль, поэтому объявила:

— Я переезжаю в Бостон.

Он усмехнулся, глубоко по-мужски, и я почувствовала, его теплое дыхание у себя на волосах, на затылке, когда он сказал:

— Детка.

Господи!

Я попробовала еще раз.

— Ты не можешь оставаться здесь, Хок.

Его рука сжалась, он приподнял голову и прошептал мне на ухо:

— Ты живешь в Крутом Мире, детка. Предупреждаю, пока я не исправлю то, что разорвал в клочья, ты останешься здесь.

Ох.

Вот дерьмо.

Глава двадцать девятая

Я была неправа

Я проснулась перед рассветом, небо начало уже светлеть, я чувствовала горячее тело Хока, прижимающееся к моей спине.

Черт.

Я осторожно, чтобы не разбудить, выбралась из-под него, откинула одеяло, отыскала свои трусики и бросилась в ванную комнату. Я уселась на унитаз, натянула трусики и отправилась к своему термостату. Температура была низкой, для ночи не особенно комфортной. Я подкрутила реле вверх и пошла в свой кабинет. Я бросила диванные подушки на подлокотник, а потом накрылась сверху пледом из синели. Потребуется некоторое время, чтобы дом нагрелся. Синель была на ощупь мягкой и приятной, всегда приятно было ее накидывать на себя во время просмотра телевизора, но она не была ультра теплой.

Я лежала и раздумывала над очередной стратегией, как мне выйти из нынешнего затруднительного положения. Я могла бы поехать к Тэку, но он бы неправильно истолковал мой приезд, в любом случае, мне сначала нужно было разобраться самой в себе. Я могла бы пожаловаться Лоусону на Хока, но мне будет трудно ему объяснить, почему, после того, как мы закончили наши отношения с Ястребом, я все же позволила ему себя трахнуть.

Мда. Звучит как-то не хорошо.

Хок сказал, что придет за мной, даже если я уйду к Лео и Кэм. Мередит и папа вернулись в свой дом, но Хок уже доказал, что он может спокойно проникнуть и в их дом тоже. Трой жил на седьмом этаже в охраняемом кондо, но мне почему-то казалось, что эту систему безопасности Хок тоже победит, не обратив внимание на высоту.

Мда. Еще больше становилось все не хорошо.

Потом совершенно против моей воли, мои мысли вернулись к Симоне Дельгадо, которая любила своего брата, волновалась за него, а особенно за племянника, который должен был вот-вот появиться на свет.

Я понимала ее чувства.

Я также понимала весь тот гнев, перемешанный с горем, со стороны Хока, когда она взяла с собой дочь, как мать ей не стоило этого делать, она же знала, что тот район опасен. Я также понимала, почему он испытывал чувство вины из-за своего экстремального характера работы, он любил ее и его скорбь от потери перемешалась с гневом. Казалось бы, невинное решение с ее стороны, но он знал, что там опасно и предостерегал ее от этого, но она не послушалась, и в результате, счастливой, красивой семьи, фото которой он мне показывал, не стало. Пуф! У него осталась только на память фотография и их прощание тем утром, когда он ушел служить стране, не догадываясь, что эти слова станут последними.

Он был за тысячи километров. Симона и Софи были уже мертвы несколько дней, а он был за тысячи километров. Хок, который контролировал каждый нюанс в своей жизни, оказался полностью бессилен, находясь от них за тысячи километров.

Я постаралась не думать об этом. Я попыталась заставить мой разум подумать о чем-то другом, стараясь вычеркнуть его из моей жизни, чтобы он снова не причинил мне боль, но в моей голове напрочь засел он, когда говорил мне:

«Ты не шевелилась, Гвен».

Бутылки с зажигательной смесью. Обстрел из мимо проезжающей машины. Похищение. Он прошел через все это вместе со мной.

А потом он увидел Брока-Лукаса, выносящего мое неподвижное тело из моего же дома, и он решил, что с него хватит, пропади оно все пропадом, больше он не может этого выносить и кто может обвинить его в этом?

— Дерьмо, — прошептала я, подложив руки под щеку, свернулась, прижав колени к груди и почувствовала, как в доме становится теплее.

Я погрузилась в сон.

* * *

Сквозь сон я почувствовала, будто кто-то аккуратно выпрямляет мои ноги, что меня и разбудило.

Я открыла глаза, бедро Хока плотно вписывалось в мой изгиб, потом он поднялся, и когда я взглянула на него, он сидел на краю моего дивана.

Он убрал волосы с моего плеча, и его рука обхватила меня сзади за шею.

— Я не большой поклонник причины, из-за который ты свернулась калачиком, детка, — пробормотал он вместо доброго утра.

Он был полностью одет, и его лицо было несчастным.

Я промолчала, потому что была еще сонной и держалась настороже.

Он изучающе смотрел мне в глаза, я мысленно боролась с собой, стараясь не поддаваться его взгляду. Потом вдруг он передвинулся, и я была оторвана с дивана, усажена ему на колени, а его руки взяли меня в круг.

— Хок, — прошептала я.

— Если бы ты захотела чего-нибудь в этом мире, детка, чтобы это было? — спросил он.

Я моргнула.

— Что?

— Все, что угодно, это твое. Чтобы это было?

— Я не...

Он сильнее сжал мне талию.

— Нет ответа ничего, Гвен.

— Чтобы Джинджер ничего не угрожало и закончились ее неприятности, — ответила я. Некоторое время его глаза внимательно изучали мое лицо, затем он сказал:

— А еще.

— Еще? — в замешательстве переспросила я.

Одна из его рук оставила мою талию и переметнулась к моим волосам, которые он убрал с шеи.

— Еще, Гвен, что еще является для тебя самым важным, чтобы ты хотела получить, если бы смогла.

— Хок, я не понимаю.

— Все, что угодно, неважно, что это.

— Хок...

— Ответь мне, Душистый горошек.

— Хок, я не...

— Гвен, ответь мне.

— Чтобы Симона и Софи были живы, и ты был бы с ними счастлив, как на той фотографии, — ляпнула я, его лицо тут же превратилось в пустую маску.

Глядя на него сонно и растеряно, я вдруг поняла, что эта за маска. Она появлялась, когда он пытался от меня скрыть что-то важное.

— Это же, конечно, означает, — продолжила я болтать, — что ты никогда ночью не будешь больше проникать за мою дверь.

Маска с его лица мгновенно исчезла, он улыбнулся, огромной улыбкой, отчего появились ямочки, и черт побери, они меня просто убивали эти ямочки, но должна признаться, что я не могла не отреагировать на них. Затем он моментально перевернулся, и я оказалась на спине, а он был сверху, мои бедра упирались в его бедра, но мои ноги почему-то оказались у него на спине.

Он перебирал мои волосы, потом заправил прядь за ухо и спросил:

— А следующее?

Я почувствовала, как мои глаза прищурились.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Что еще, Гвен?

— Я еще сонная, — заверила я.

Его лицо приблизилось, и он большим пальцем провел по моему подбородку, прошептал:

— Детка, что еще?

Господи!

Ладно, он хотел поиграть в эту игру, пожалуйста. Я сыграю.

— Чтобы Мередит стала моей настоящей мамой, а не мачехой.

Он кивнул и большим пальцем прошелся по моей нижней губе.

— Еще?

— Не хочешь меня просветить, Хок, зачем ты спрашиваешь? — спросила я.

— Дальше?

Видимо, он не хотел мне ничего объяснять.

— Нет ничего дальше, — заявила я.

— Дерьмо, Душистый горошек, женщина, которая хочет туфли за семьсот долларов, должна хотеть что-то еще.

— Бриллиантовый браслет от Тиффани, — ответила я, потом остановилась. — Нет! Поймай. Чтобы Лео преподнес Кэм обручальное кольцо, а потом бриллиантовый браслет от Тиффани.

Он моментально прикоснулся к моим губам, а потом пробормотал:

— Хорошо, детка, именно это сейчас и сделаем.

Именно это сейчас? Сделаем?

Нет. Нет. Я не хотела знать, как.

Пришло время мне двигаться дальше.

— Так ты будешь здесь и не собираешься уходить, тогда я же тоже могу спросить, — озвучила я и получила от него еще одну ухмылку. — Тэк сказал, что все успокоилось с Джинджер. А твоя разведка разве не подтвердила, что мне ничего не угрожает?

— Джинджер залегла на дно, — Хок повторил слова Тэка. — И были предъявлены обвинения в похищении Дарле, Скиту и Фрешу и, к счастью, они сознались и дали показания, поэтому какое-то время будут находиться в изоляции. Это отлично, потому что

это хорошо. Это также хорошо, потому что их показания являются дополнительным сдерживающим фактором, если кто-то захочет с тобой еще лишний раз связаться с тобой, сначала подумают об этом. Ли вошел в игру, предоставляя дополнительный стимул для некто, чтобы, черт побери, он обходил тебя стороной. Но, нет, ты не в безопасности.

Черт!

— Я так понимаю, это означает, что я не могу даже отправиться в супермаркет.

— Ты можешь отправиться в супермаркет только в сопровождении одного из моих парней, который будет следовать за тобой.

Я замерла под ним, сердце подпрыгнуло к горлу.

Потом я все же с силой выдохнула:

— Нет.

Его рука сзади на моей шее двинулась, и его палец слегка шлепнул меня по горлу.

— Бретт восстанавливается, детка, — прошептал он. — Это займет какое-то время, но он полностью восстановится.

— Больше не будут твои парни следовать за мной.

— Гвен.

— Нет, Хок, — я отрицательно покачала головой, приняв окончательно решение и объявив:

— Я собираюсь купить пистолет.

Он рассмеялся, не задумываясь, хотя ничего смешного в своих словах я не видела, поэтому рассерженно зыркнула на него.

— Я не шучу.

Он попытался не смеяться и заявил:

— Детка, если ты хочешь получить пушку, я дам тебе одну, но ты не будешь использовать ее на ничего не подозревающее население Денвера, пока я тебя полностью не обучу, как стоит пользоваться пистолетом, и ты к нему не привыкнешь, так что нет нужды его покупать.

— Я не нуждаюсь в твоём разрешении, чтобы купить себе пистолет, Хок.

— Нуждаешься, Гвен, видя, как ты живешь в Крутом Море сейчас.

— Хорошо, я беру отпуск от Крутого Мира и покупаю пистолет в Zip's Gun Emporium, — выстрелила я в ответ.

Он улыбался мне во все зубы, и ямочки делали со мной свое дело. Затем он сменил тему:

— Мы выйдем куда-нибудь сегодня вечером.

О нет, мы *не* выйдем.

— Нет, мы некуда не пойдем. Сегодня мы собираемся у Кэм с Cosmo.

— Тогда я отвезу тебя туда и привезу обратно домой.

Вот, когда я приняла решение.

— Нет, я проведу ночь так, как хочу, напившись.

— Детка, предупреждаю тебя по поводу этого дерьма.

И меня что-то взбесило в данный момент. Вероятно, это было напоминание о том, что такое «мы» и чем у нас все закончилось. Потому что он вел себя так, словно он ничего не сделал и было совершенно нормальным продолжать со мной отношения, но для меня это было совсем не нормально.

Другими словами, это было именно то, когда я открыла свой рот прежде, чем смогла

себя остановить:

— Да, предупреждал, но ты предупреждал прежде, чем меня уничтожил. Видишь ли, Скотт унизил меня, но *ты* меня просто уничтожил. Это произошло неделю назад, теперь я знаю, чего ты боялся. Ты ошибся, говоря, что я не должна привязываться к тебе, поскольку тогда прошла только неделя, а я уже привязалась к тебе. Я уже очень сильно привязалась к тебе. Всего лишь неделя, но это случилось со мной, ты этого не заметил, поэтому решил меня уничтожить, убив, таким образом. Я согласна у тебя был шанс многое переосмыслить. Но лично для меня, ты не увидел во мне чего-то особенного — сокровища, которое я тебе дала, и даже для своего собственного самосохранения, чтобы не испытывать больше жуткую боль, когда об тебя вытирают ноги, в твоих словах был тревожный сигнал, Хок. И тревожный сигнал говорит мне, что это может повториться, а в моей жизни было достаточно всего, я не хочу больше получать такое дерьмо.

— Я не твой бывший придурок, детка, мое дерьмо не связано с траханьем с любой женщиной, чтобы доказать, что я мужчина, — ввернул он, и я заметила, что он разозлился также, как и я.

— Знаю, Хок, но это не меняет того факта, что ты вытер об меня ноги.

— Гвен, я ничего такого не делал, я объяснил тебе вчера вечером, что со мной происходило тогда. И я сообщу тебе одну новость, Душистый горошек, — ты единственная в Денвере, кто ничего не знает о трагедии в моей семье.

Вау. Интересно.

Очень интересно, я на секунду задумалась, но не все равно сдалась.

— Ладно, я понимаю, куда ты клонишь, но ты можешь хотя бы на секунду понять, куда *клоню я*?

И похоже моя ответная реакция, которая потребовала от меня столько сил, чтобы оставаться в здравом уме, не позволяя достаточно вдумываться в его слова, и похоже в связи со всем этим я сильно недооценила, насколько Кейб «Хок» Дельгадо разозлился.

— Я знаю, куда ты клонишь, Гвен, я понял, что ты отбросила «нас», но ты никогда не делала так. Я все рассказал тебе начистоту, а ты используешь все это болезненное плохое дерьмо против меня, пытаюсь защититься. Этот мудака научил тебя сворачиваться в кокон и держать все дерьмо в себе. Ты бросаешь мне в лицо подобное дерьмо, будто я сказал, что из-за тебя не стоит рисковать. Сейчас ты просто ослеплена тем, что я натворил, но я признал свою вину и готов все исправить. Но ты, детка, словно не ты. Ты с дьявольским упорством продолжаешь стоять на своем. Моя жена и дочь были убиты, Гвен, и восемь лет я словно не жил, а потом, когда глотнул свежего воздуха с тобой, я очутился в таком же бардаке с женщиной, у которой есть сестра, чьи действия вызывают повышенную опасность. Я пошел на этот риск, не прошло и недели, как я привязался к тебе, увяз в тебе по самые уши, я снова столкнулся с тем же дерьмом, столкнулся с маячившей потерей, я не хотел этого.

Он неожиданно принял вертикальное положение, подняв меня с собой с дивана, поставив меня на ноги перед собой.

Да, наверняка, он был взбешен, но если бы я могла избавиться от тех колотых ран, которые он мне нанес своими словами, но вот так быстро я не могла, хотя и пришла к выводу, что он в чем-то прав.

К сожалению, он продолжал говорить:

— Да, я понимаю, куда ты клонишь, Господи, я понимаю, что ты защищаешь себя от боли. Но стоящая передо мной женщина, которая не видит ничего кроме себя и своих

личных проблем, должна, в конце концов, понять мужчину, которого она привязала к себе и иметь к нему какое-то понимание или, если это не слишком круто для тебя, бл*ть, сострадание, в конце концов.

Я поймала себя на мысли, что не дышу, просто смотрела в его лицо, он был прав. Черт, он, однозначно, был прав.

Я не просто шлюха, а еще и стерва.

— Так что спасибо, что предупредила, детка. Все, что ты делала на той неделе, когда мы были вместе, все твои действия в ответ на дерьмо, которое крутилось вокруг тебя и всех, все, что ты говорила о людях, которые любят тебя, указывали на то, что я нашел свое сокровище. Лучше раньше, чем никогда, понять настолько я ошибался.

После того, как его слова, словно кинжалы вонзились мне в тело, и я почувствовала их силу, потому что схватила его за руку и сжала, но Хок исчез, как всегда.

Глава тридцатая.

Слишком много информации

Была середина дня, когда я очень глубоко вздохнула, раскрыла телефон, зашла в список контактов, прокрутила его вниз и нажала кнопку вызова.

— Говорите, — раздался голос Хока, и я начала говорить и тут услышала звуковой сигнал, оказывается со мной говорил автоответчик Хока.

Весь день я боролась с подкатывающей истерикой. Столкнувшись со своей собственной стервозностью в лице мужчины, которого я хотела, чтобы он был моим мужчиной, готового оставить свое трагическое прошлое и двигаться со мной дальше, единственная причина, почему я не съела все четыре порции печенья, потому что у меня закончилось масло.

И его автоответчик отправил меня к очередной грани.

Это было неуместно, учитывая его последние слова, которые, на самом деле, подразумевали «до свидания», но я ничего не могла с собой поделать, поэтому захихикала.

И сквозь смех, я попыталась выдавить из себя:

— Малыш, твои слова «Говорите», — внезапно мой смех угас, и я прошептала:

— Это *настолько* твое. — Я зажмурила глаза, потому что именно это мне нравилось в нем больше всего, и закончила:

— Пожалуйста, позвони мне, чтобы я могла сама сказать тебе, что сожалею.

Потом я отключилась и положила телефон на кухонную столешницу, прижав ладони к моим щекам. Я закрыла глаза и попросила Вселенную, чтобы Кейб Дельгадо вернулся ко мне.

Я схватила мою сумку и телефон, пакет и направилась на выход к своей машине, которая все еще была припаркована на обочине с того момента, когда мимо проезжающая машина обстреляла мой дом. Она простояла всю неделю. Я уже на половину спустилась по ступенькам, когда детектив Митч Лоусон вдруг остановился в своей машине позади моей Hyundai.

Я пялилась на него в машине.

Почему?

Почему я?

Его присутствие у моего дома могло означать только одно — во-первых, что-то случилось с Джинджер и/или мне опять угрожала какая-то опасность или, во-вторых, он

услышал, что с Хокком покончено, я не согласилась на предложение Тэка, и он решил попытаться сделать свой ход.

Почему... я?

Я запихнула подальше свои опасения и подошла к нему, всеми фибрами души желая, чтобы он не был так чертовски горяч.

— Привет, Митч, — произнесла я.

— Гвендолин, — улыбнулся он.

Я засмотрелась на его улыбку.

Поэтому, повторяю, *почему я?*

— Целую неделю меня не похищали и не подстреливали, — с воодушевлением произнесла я.

— Это не плохо, — он все также продолжал улыбаться.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты приехал ко мне не для того, чтобы сообщить, что я зря радуюсь и мне грядет что-то очень страшное.

Он отрицательно покачал головой.

— Конечно, нет, дорогая.

Я наклонила голову в сторону.

— Тогда зачем ты приехал?

— Потому что Лео сообщил мне этим утром, выдав как-бы приглашение-сюрприз на девичник с Cosmo.

Я смотрела на него во все глаза.

Я *просто убью* Кэм.

— Митч, — прошептала я.

— Дорогая, я сказала «нет», — мягко ответил он.

Я почувствовала облегчение и какую-то потерю, но облегчение я почувствовала больше, нежели потерю, но все равно чувствовала потерю, хотя бы потому, что он был очень сексуальным, горячим, также относился ко мне с какой-то особой нежностью, а еще и потому, что мне очень нравились его глаза.

Он приблизился, и я едва устояла на ногах, когда его нежный взгляд соединился с моим.

Потом он произнес:

— У меня имеются инстинкты, которые мне говорят, что я обязан защищать тебя не только от того, что происходит с твоей сестрой, но также от двух мужчин, которые я уверен, не совсем хороши для тебя.

Я закусила нижнюю губы и, на самом деле, ее прикусила, больно.

— В то же время, — продолжил он, — я чувствую, что тебе необходимо личное пространство, чтобы во всем разобраться.

Я отпустила свою губу и кивнула.

— Тем не менее, я был бы полным глупцом, если бы не высказал тебе свою точку зрения.

Опаньки.

— Я совсем другой мужчина, нежели они, я не буду колебаться и доставлять тебе головную боль.

В этот момент я почувствовала, что мне стоит ответить.

— Хок... ну, Хок, — запинаясь произнесла я, защищая его. — И Тэк предоставляют мне личное пространство.

— Заперев тебя в своих собственных домах, это не личное пространство, дорогая.

Ну, на самом деле, это была полуправда.

— Но...

— Они сами устанавливают правила игры, — твердо произнес Лоусон.

— Да, — согласилась я, чтобы уверить его, что он был другим мужчиной, поскольку я не совсем была уверена... что он был другим. — Но теперь я у себя дома.

— Да, — согласился Лоусон. — В доме, каждый раз, когда ты будешь из него выходить или заходить в гостиную, ты будешь вспоминать о Тэке.

Мда. Это тоже была правда. Хотя я так глубоко не задумывалась об этом.

Но Тэк все равно был очень хорошим.

— Мич...

Он перебил меня.

— Помнишь, что я сказал тебе, Гвендолин. Иди с поднятой головой, держи глаза открытыми, и я закончил — будь счастлива. А теперь я хочу сказать, что не говорил тебе, ты можешь предоставить мне шанс, потому что я смогу сделать тебя счастливой, для этого ты меня и позовешь.

Вау.

— Митч, — повторила я, и он поднял руку к моему подбородку, поэтому я ляпнула:

— Пожалуйста, не целуй меня. Мне нравится целоваться, если ты хорошо целуешься, это создаст окончательную путаницу у меня в голове. Я не шучу. И, клянусь Богом, мне этого совсем не нужно на данный момент.

Он наклонился к моим губам, я уже приготовилась, но его лицо остановилось в дюйме от моего.

— Хорошо, дорогая, — прошептал он, — я не буду целовать тебя, но просто для информации, еще никто не жаловался.

Я была полностью уверена, что на его поцелуи никто не жаловался.

— Отлично, — пробормотала я. — Мне просто интересно.

Он ухмыльнулся, его палец вычерчивал дорожку по моей щеке.

— Когда ты захочешь развеять свое любопытство, найди меня. Хорошо?

— Ты еще больше вносишь сумбур в моей голове, — предупредила я.

Его ухмылка стала шире, и я поняла, что он понял, что я все поняла, поэтому вся его речь была, своего рода старой игрой.

— Твои глаза говорят, что ты душевный человек, но, на самом деле, опасный, — прошептала я.

— Мужчина одновременно может быть и тем, и тем, — ответил он, и его пальцы заскользили по моим волосам, он наклонил голову, поцеловал мои волосы у лба, я подняла на него глаза, он подмигнул мне и ушел.

Я видела, как он отъезжает, а потом вспомнила о камерах Хока, стала переживать, что он видел или увидит в записи, села в машину и проверила свой телефон.

Ничего.

Я собиралась заехать в супермаркет, но учитывая все несчастья за последнее время, которые обрушились на меня, я стала очень внимательной и осторожной, поэтому, стоило мне отъехать, блестящий черный внедорожник тут же последовал за мной в сторону магазина, и на водительском месте сидел Мо.

Вот дерьмо. Даже, если камеры и не заметили меня, Мо обязательно все доложит Хоку.

Дерьмо!

Но по крайней мере у меня появился проблеск надежды по поводу Хока, который послал Мо прикрыть мою спину, а это означало «не прощай навеки» с его стороны, несмотря на то, что я была бездумной, эгоистичной коровой.

Но он так и не сказал не, что простил меня.

* * *

— Я глупая, эгоистичная корова, — объявила я Кэм, Трейси и, убейте меня, Эльвире.

После этого я наклонилась вперед и ударила головой о кухонный стол Кэм.

— Я думаю, это означает, что все окончательно закончено, — пробормотала Эльвира.

Я выпила уже четыре Cosmo, я пила без перерыва, во-первых, потому что Хок не перезвонил, во-вторых, потому что я провела весь день, раздумывая о том, почему он мне не звонит, может стоит мне оставить ему еще одно сообщение, и, в-третьих, потому что Эльвира пришла на девичник.

К счастью, устроив мне нагоняй, что я не отвечала на ее звонки, Эльвира все же была как всегда Эльвирой. Она не заинтересовалась моими отношениями с Хоком, она не давила, не задавала любопытствующих вопросов, она просто «вгрызлась» в потрясающее блюдо из острых красных бобов и риса, которое приготовила Кэм (ну, на самом деле, рецепт не Кэм, а ее прабабки, и я пыталась заполучить у нее этот рецепт, но она сказала, что он передается по наследству в ее семье, и вопрос передавать ли тем, кто прибывает в семью рассматривается особо, поэтому она не может мне его рассказать, я мола съела и посчитала, что мне повезло), поэтому продолжала потягивать свой Cosmo, поскольку была одержима тем, что Хок до сих пор мне не позвонил. Я едва участвовала в нашем общем женском разговоре, пока не совершила свое безумное заявление.

— Я действительно удивлена, что до сих пор не случилось никакой катастрофы, — заметила Кэм.

— Кэм! — запричитала Трейси.

— О, черт, женщина негодует, — пробормотал Лео, и я подняла глаза на него, вероятно он пришел за пивом.

Не самое удачное время.

— Я снова переспала прошлой ночью с Хоком, — сказала я Лео, избегая открыто говорить об этом Кэм, Трейси или Эльвире.

Глаза Лео стали огромными, и он издал какой-то странный звук.

— Ты что? — завизжала Кэм.

— Ну, хорошо, — заявила Эльвира.

— Господи, — пробормотала Трейси.

— Переспала, — сказала я Лео, который напоминал мне оленя, ослепленного фарами машин. — Он пришел ко мне домой в середине ночи, и...

Руки Лео взметнулись вверх.

— Стой, дорогуша, — прервал он меня. — Последний раз, когда я смотрел на себя, у меня все еще был член.

— Лео! — Кэм зыркнула на него, и взгляд Лео прошелся по ее телу.

— И в последний раз, когда ты смотрела на меня, мой член был на месте.

— Мы все знаем, что у тебя есть член, Лео, — произнесла Кэм.

— Я говорю, что у меня есть член и пришел за пивом, это значит, что я для вашего обсуждения просто невидимка. Ясно? — Он достал свое пиво и вышел.

— Простите моего мужчину, — вежливо произнесла Кэм Эльвире.

— Я не парюсь на этот счет, подруга. А — он горячий, В — у него есть член и С ни одной частью своего тела он не хочет участвовать в девичьих разговорах, потому что знает, как использовать эту часть тела по назначению. Сейчас, — ее глаза перешли на меня, — вернемся к нашей отпадной новости. Ты же сказала, что все закончено?

— Ну, было все закончено, потом оказалось не совсем, а сейчас я думаю, что снова уже совсем все кончено.

— Э... что? — спросила Эльвира, ее брови соединились.

Я опять сделала глоточек Cosmo и рассказала им все. Кэм и Трейси знали уже первую часть, поэтому я не стала ее пересказывать, а рассказала только то, что произошло прошлой ночью и этим утром.

— А теперь я думаю, что он думает, что я глупая, эгоистичная корова, — завершила я свой рассказ.

Наступила гнетущая тишина, они все молча смотрели на меня, а потом, как водится, первой заговорила Кэм.

— Ненавижу тебе это говорить, — она прямоком обратилась ко мне, но как бы осторожно, — но, детка, похоже, даже для меня это слишком.

Здорово. *Просто чертовски здорово.*

— Боже мой, я понятия не имела, — заявила Эльвира, и голос у нее был немного ошарашенный, Трейси кивнула в ответ.

— На самом деле, всю эту неделю я думала о том, что он тебе сказал, и пришла к выводу, что все это было высосано из пальца, но я поняла, почему он это сделал — из-за трагедии, которую он ранее пережил, — добавила Трейси.

— Ты поняла? — спросила я ее.

— Да, Гвенни, но ты хотела заполучить свое личное пространство, поэтому я не могла тебе этого сообщить.

Я уставилась на нее, а потом опять ударилась головой об стол.

— Гвен, успокойся, если он в тебя влюблен, а это очевидно, он переживет и это, — сказала Камилла.

Я подняла голову.

— Я звонила ему в час тридцать.

— Может, он был занят, — предположила Трейси.

— Он занят, — подтвердила Эльвира. — Мне не разрешается соединяться с ним, когда он работает, особенно совершенно секретно, он забрал с собой своих лучших бойцов и был в течение всего дня вне доступа сети.

У меня появился луч надежды.

— Я думала, что он переадресовал свои звонки на тебя, — произнесла я.

— Не сегодня, он был полностью в офф-лайне, — ответила мне Эльвира.

— Почему он не переадресовал на тебя свои звонки? — поинтересовалась я.

— А почему земля вращается вокруг Солнца? Потому что он Хок, Ястреб. Хоку не задают вопросов. Он делает то, что считает нужным и как считает нужным, и ты просто принимаешь это, — ответила Эльвира.

— Эта операция настолько серьезная, что он не может перезвонить? — продолжала я

выспрашивать.

— Не знаю, дорогая, прости, — ответила Эльвира и мне показалось, что она действительно не знает.

— Может мне стоит еще раз ему позвонить? — спросила я. — Может он проверит автоответчик?

— Конечно, если я не сообщу ему, что у него есть сообщения, — ответила Эльвира.

Мой луч надежды умер.

Я бы сказала, что мне жаль. Я не большое представление имею о том, чем он занимается, но мне кажется можно найти время за целый день, чтобы проверить свою голосовую почту и услышать мои слова, что я сожалею. Если бы мне кто-то был не безразличен, и я бы слышала, что мне выразили сожаление по голосовой почте, я бы обязательно перезвонила, чтобы человек не мучился. Прошло уже семь часов, а он так ничего и не сделал, чтобы я перестала страдать.

А может, его еще больше разозлило мое хихиканье.

Я снова опустила голову на стол.

— Гвен, — нежно произнесла Кэм.

— Я влюбилась в него, — произнесла я чуть ли не в свои колени и слышала три быстрых женских вдоха. — Очень сильно, — закончила я шепотом, потом подняла голову, — и я так облажалась.

— Он занят, детка, не спеши с выводами, — тут же заявила Кэм.

— Каждый раз, когда я его вижу, каждый раз, когда он прикасается ко мне, во мне начинают порхать бабочки, — прошептала я.

— Господи, — пробормотала Эльвира.

— Скотт даже не вызывал во мне таких чувств, — поделилась я.

— Кто такой Скотт? — тут же спросила Эльвира.

— Ее бывший муж и Покровитель Денвера Членом вместо Головы, — пояснила Трейси.

— Ах, — произнесла Эльвира, и в этом слове было сосредоточено все ее понимание.

— Ты не говорила мне про бабочек, — прошептала Кэм.

— Я старалась не обращать на них внимания, — также прошептала я в ответ. — Они боятся меня.

Лицо Кэм стало спокойным.

— О, детка.

— Да, он властный, настырный и навязчивый, живет своей ограниченной жизнью и при этом требует эмоциональной близости, и для меня по-прежнему загадка, но эта последняя часть относится к тому, что он потерял свою жену и маленькую дочь, — произнесла я, рассказывая дальше. — Она была очень симпатичной. Он показывал мне фотку. На ней было розовое платье. Она была на него похожа и не могла отвести от него глаз. Она взяла лучшее от них обеих, — Кэм, Эльвира и Трейси смотрели на меня чуть ли не со слезами на глазах, а я продолжала:

— Но он думает, что я смешная, папа и Мередит его просто обожают, мы иногда спорим и мне это нравится. Наши отношения веселые и безопасные, хотя тогда я не знала об этом, и когда мы спим, он берет меня в кольцо своих рук и офигительно целуется, а в постели он вообще самый лучший. Он может предоставить мне четыре оргазма за тридцать минут, я даже не могла предположить раньше, что такое вообще возможно.

— Четыре оргазма за тридцать минут? — выдохнула Эльвира.

— Четыре оргазма за тридцать минут, — подтвердила я.

Эльвира положила руку на стол и начала раскачиваться, постоянно бормоча:

— Господи.

— Может, ей дать нюхательной соли? — спросила Трейси, тревожно наблюдая за Эльвирой.

— Детка, у меня нет нюхательной соли, — ответила ей Кэм.

— Мне нужно выйти, — вдруг объявила Эльвира. — Мне стоит написать заявление об уходе. Я не могу работать с мужчиной, зная о его способности предоставить четыре оргазма. Я хочу сказать, что я могу работать с мужчиной, представляя, что он может подарить такое удовольствие, но не зная об этом наверняка. Но сейчас я просто в ауте. Я никогда не понимала, что есть такого в разговорах по душам. На мой взгляд, сколько бы ты не узнала — это ничто, не может ничего такого слишком сильно повлиять на тебя, но сегодня... я попала именно в эту ситуацию — это для меня перебор. И я оказалась в этом месте в это время.

— Ты не можешь от него уйти из-за меня! — зашипела я. — Я просто чувствую, что Хок во многом зависит от тебя. Это также, как если бы у тебя был кто-то, кого бы ты не хотела потерять. Он не может лишиться тебя только лишь из-за того, что я сообщила тебе, что он может предоставить мне множественные оргазмы!

— В этих четырех оргазмах были еще? — спросила Эльвира.

— Нет, они были не связаны. Он может удовлетворить три раза и каждый раз по-разному, — ответила я.

— Святое дерьмо, — выдохнула Трейси.

— Ты серьезно? — спросила Кэм.

Эльвира встала, поэтому я схватила ее за руку, пытаясь остановить, чтобы она, на самом деле, не надумала написать заявление об уходе и посмотрела на Кэм. — Почему ты думаешь, я позволила ему приходить по ночам? Я говорила, что он хороший, но он не хороший, он просто офигительный.

— Замолчи, — прошептала Эльвира. — Где шейкер с мартини? Мне нужна перезагрузка.

Кэм встала и побрела к столешнице.

Потом меня словно осенило.

— Боже мой, а если он не простит меня, я же буду потеряна для всех остальных мужчин.

— Гвенни, дорогая, не волнуйся. День еще не закончился, — успокаивающе произнесла Трейси.

Кэм налила водку в шейкер и провозгласила:

— Все нормально, видно для тебя все серьезно, очевидно же, что у него имелись причины, чтобы быть *баным мудаком, которым на самом деле, он никогда и не был. Поэтому ты позвонила, оставила сообщение и извинилась. Теперь жди. Если он не перезвонит в час тридцать завтра, ты снова ему позвонишь. Голосовые сообщения могут затеряться. Если он сам возьмет трубку, ты опять объяснишься и еще раз извинишься. Если он опять отправит тебя на автоответчик и не перезвонит, скажем, в течение двух дней, ты же знаешь, где он живет, поэтому делаешь тесто для печенья, звонишь нам, и мы все приезжаем и съедаем его.

Слава Богу у меня появился план.

План — это именно то, что мне было необходимо.

Я сделала глубокий вдох, посмотрела на Эльвиру, убедилась, что она уже не собиралась

писать заявление об уходе, видно ее отпустило и взглянула на Кэм.

— Спасибо, детка.

Камилла кивнула и добавила в шейкер клюквенный сок.

— Он позвонит, — прошептала Трейси, и мои глаза метнулись к ней. Она улыбалась своей оптимистической улыбкой.

Я улыбнулась ей в ответ, хотя и неуверенно.

Глава тридцать первая.

Она моя сестра

Я лежала на боку, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди, в гостевой спальне Лео, перевернулась на другой бок, открыла свой телефон, зашла в контакты, прокрутила вниз и нажала кнопку.

Я тут же услышала голос Хока: «Говорите».

— Привет, — прошептала я. — Не знаю, получил ли ты мои другие сообщения на автоответчике, но я хотела, чтобы ты знал, что я у Кэм и Лео, немного перебрала Cosmo, поэтому вести машину не безопасно, я собираюсь провести ночь у них, — я помолчала. — Я просто... хотела, чтобы ты знал, где я нахожусь. — Потом я снова помолчала и прошептала:

— Надеюсь, даже после того, что случилось этим утром, твой день удался, малыш.

Я замолчала и отключилась, уставившись на пустой экран.

Боже, я выглядела полной идиоткой.

Сначала я приложила телефон ко лбу, а потом положила его на тумбочку.

Уже было поздно. Я бы сказала, уже перевалило за десять вечера.

Дерьмо.

Я засунула руки под щеку и закрыла глаза, задумавшись, может мне стоило написать ему.

Потом я услышала, как кто-то скребется в окно.

Я тут же распахнула глаза, приподнялась на постели, упираясь на локоть. Я уставилась на не зашторенное окно, сердце сжалось.

В окне я увидела очертание Джинджер, частично освещенное уличными фонарями, вся ее левая сторона лица распухла, виднелись синяки, кровоподтеки и порезы.

— Гвенни, — услышала я ее страдальческий шепот.

Не задумываясь, я отбросила одеяло и вылетела из комнаты в сексуальной, атласной ночной рубашке, которую заставила бы Мередит исходить слюной, потому что у нее были разрезы с каждой стороны практически до бедра, и эти полотна путались у меня под ногами. Я бегом напрямик рванула к входной двери, открыла замок, распахнула и побежала к окну. Я завернула за угол дома и тут же врезалась головой во что-то большое, каменное и твердое.

Я подняла голову и уставилась в лицо Хока.

— Гвен, — тихо произнес он, — вернись в дом.

— Джинджер, — с беспокойством прошептала я, обойдя его, побежала вперед, в какой-то момент остановившись, как вкопанная.

Джинджер сидела на свой заднице, под окном гостевой спальни. На колени опустив подбородок.

Я подбежала к ней, приподняла свою ночную рубашку и опустилась рядом с ней на

колени.

— Милая, посмотри на меня, — прошептала я, но она не подняла головы, а всего лишь как-то странно дышала. — Джинджер, дорогая, пожалуйста, — умоляюще произнесла я, протянув к ней руку, чтобы аккуратно приподнять ее подбородок.

Когда я увидела ее лицо, у меня перехватило дыхание. Она выглядела ужасно. *Слишком ужасно.*

Хок тоже присел на корточки рядом с ней, аккуратно взял ее подбородок из моей руки, повернув ее лицо к себе. Он держал телефон у уха и говорил, пока разглядывал лицо моей сестры.

— Мне нужно, чтобы Гвен забрали от Фрименов, и с ней оставались мои ребята, пока я не вернусь домой. Мы оказались правы, Джинджер пришла к ней, и она сейчас здесь. Позвони доку, пусть выезжает, ей досталось немало. В безопасное место. Позвони Лоусону, пусть приедет. — Он замолчал на минуту, потом сказал:

— Отбой.

Он отключился и засунул телефон в свои штаны карго.

— Тебе тяжело дышать? — спросил он Джинджер.

— Ребра, — ответила она.

— Черт, — пробормотал Хок. — Ты выдержишь, если я отнесу тебя в дом?

Джинджер проигнорировала его вопрос.

— Никаких копов.

— Твоя игра не сработала, Джинджер, теперь ты будешь играть по моим правилам.

— Никаких копов, — повторила она, и я схватила ее за руку, причем крепко.

— Ты любишь свою сестру? — вдруг спросил ее Хок, и Джинджер убрала свой подбородок из его руки, всхлипнув. — Я задал тебе вопрос, — подталкивал он ее.

— Она моя сестра, — ответила Джинджер, и у меня на глазах появились слезы, на этот раз без предупреждения, она была тому причиной, и они готовы были выплеснуться наружу.

И слезы появились потому, что ее ответ означал «да».

Я еще приблизилась и еще крепче сжала ее руку.

— Тогда доверься мне ради нее, — произнес Хок, четко считав ее ответ.

— Ты не сможешь уже ничего исправить, — ответила ему Джинджер.

— Уверен, бл*дь, что смогу попробовать, — ввернул Хок и посмотрел на меня. — Отпусти ее, я должен занести ее в дом.

Я отпустила ее руку, и Хок поднял ее на руки. Она не за хныкала, а скорее застонала. Я побежала вперед, открыла входную дверь, чтобы он смог войти, включила свет в комнате. Хок вошел и положил Джинджер на диван, я выбежала в коридор. Лео показался из спальни, и я бросилась к нему.

— Мне очень жаль, она нашла меня, Джинджер здесь, — спокойно сообщила я ему.

— Черт, — пробормотал он и взглянул на Кэм.

— Джинджер здесь, — пояснила я ей.

— Вот черт, — пробормотала она.

Я помчалась в комнату, Лео и Кэм последовали за мной. Джинджер лежала на диване, Хока нигде не было.

Это меня насторожило, но я сразу же подошла к сестре и встала на колени возле дивана. Я снова взяла ее за руку, она отвернулась.

— Мы разберемся со всем, дорогая, обещаю, — прошептала я.

— Не приплетай сюда маму и папу, Гвен, — произнесла она, отвернувшись к спинке дивана.

— Сейчас я больше переживаю за тебя, Джинджер.

Она повернулась ко мне лицом.

— Не говори маме и папе.

— Не буду, — пообещала я.

— Обещай по-настоящему, а не как тогда, когда я ночью улизнула, чтобы встретиться с Дарреном Петри, а потом ты узнала, что у него был триппер и накапала на меня родителям. По обещай по-настоящему, а не как тогда.

Господи. Даррен Петри был давным-давно.

— Джинджер, ты спала с ним, а он был болен триппером, — напомнила я ей.

— Он был милым, — напомнила она мне.

Она была права. Он, на самом деле, был очень милым. Но... он был, черт побери, заражен триппером, а она сказала мне, что они не предохранялись. Что мне оставалось тогда делать?

Вдруг рядом со мной появился Хок, склонившись над Джинджер.

— Гвен, вы встретитесь позднее, если повезет. Иди собирай свое барахло, — приказал он, и положил кухонное полотенце со льдом на опухшее лицо Джинджер.

Я увидела, как она медленно закрыла глаза, как только полотенце осторожно коснулось ее лица, и я поняла, что ей немного стало лучше.

— Я останусь с Джинджер.

— Иди собери свое барахло, — повторил Хок, и я перевела на него взгляд.

— Малыш, мне просто необходимо остаться с сестрой, — прошептала я.

— Нет, Гвен, ты должна доверить ее мне и отправиться собирать свое барахло, — заявил он немного пугающе. — Мои ребята будут здесь через пять минут, чтобы отвезти тебя ко мне домой, я же позабочусь о ней. Я выследил ее, и кое-кто другой также может выследить меня. Она должна уехать, чтобы твоим друзьям ничего не угрожало, а тем более тебе. Понятно?

Ой мать твою. Он вернулся ко мне.

— Ты спрячешь ее, и она будет в безопасности? — спросила я.

Хок посмотрел на меня таким взглядом, я поняла, что моей сестре не будет ничего угрожать.

Не знаю на каком этапе находились наши отношения, но я обхватила его за шею, наклонив его голову к себе, чтобы прикоснуться к его губам, в знак благодарности.

— Мать твою, меня сейчас стошнит, — застонала моя сестра, и я оставила губы Хока, убрала свою руку с его шеи и перевела взгляд на Джинджер.

— Тебе принести ведро? — спросила я, сжимая ее руку, которую все еще держала.

— Нет, Гвен, бл*ть, *от тебя*, — ей не опухший глаз и не покрытый полотенцем со льдом скользнул к Хоку. — Она всегда была такой сентиментальной. До тошнотиков. Даже плакала над какой-то глупостью, смотря телевизор, свернувшись калачиком рядом со мной. Мать твою.

Хок ничего не ответил.

— Мне казалось, ты любишь обнимашки, — вставила я.

— Да, когда мне было пять лет, — ответила она, я глубоко вздохнула и приготовилась что-то возразить.

— Гвен, — низким голосом произнес Хок, и я посмотрела на него.

— Точно, — прошептала я, повернулась к Джинджер и притянула ее руку к своим губам. — Чтобы ни случилось, дорогая, давай все оставим позади, я люблю тебя и всегда буду любить. Веришь ты мне или нет. Меня это совсем не волнует. Я должна была это тебе сказать. Ты выбирай — доверяешь мне или нет.

И поцеловала костяшки ее пальцев, а потом промчалась мимо Кэм и Лео в комнату для гостей.

Глава тридцать два.

Все в порядке?

Моими охранниками были Фанг и мужчина по имени Суарес.

Суарес был мини-коммандос в том смысле, что он был моложе остальных, но совсем не в том смысле, что он казался менее пугающим, чем остальные. Его тело было таким, что его можно было спокойно выставлять на уроках анатомии для изучения мускул.

Когда мы добрались до дома-склада, Фанг занял свою позицию на улице у входной двери, Суарес провел меня внутрь и встал также у входной двери, но только с внутренней стороны.

Я поинтересовалась не желает ли он кофе. Он ответил нет.

И это был весь наш разговор. Скорее это объяснялось тем, что Суарес был явно более многословный собеседник по сравнению с Фангом, но я не имела представления о чем могла еще его спросить.

Потом я стала шагами мерить комнату. Через какое-то время я вдруг поняла, что меня бьет дрожь, причем не от холода, дрожала я — мне было страшно. Поэтому я чуть ли не взлетела вверх по железным ступенькам и остановилась у шкафа Хока. Мне необходимо было одеться во что-то теплое. Поскольку я одевалась наспех, сложив куртку, ботинки в пакет, чтобы выполнить приказ Хока, я слишком нервничала, чтобы думать об одежде. Я нашла его рубашку из темно-синей фланели в шкафу. Надела на себя и перестала дрожать.

Супергеройские суперспособности Хока передавались и на его одежду.

Хорошо, что теперь я знала об этом.

Я спустилась вниз и опять стала мерить шагами комнату.

Я не замечала времени, но видно долго уже расхаживала, потому что Суарес сказал:

— Может, вам стоит попробовать поспать.

Да, похоже может и стоит попробовать, хотя...

— Не думаю, что засну, — сообщила я ему, а потом спросила:

— Можно я посмотрю телевизор?

— Лучше, чтобы я слышал, что происходит за дверью, — ответил он.

Точно. Вероятно, это было лучше, если бы сюда прибыли плохие парни, он заранее бы их услышал.

Я кивнула, соглашаясь.

Я еще немного походила.

Время двигалось вперед, адреналин зашкаливал и истощал мои силы. Я легла на диван Хока, свернувшись калачиком, и смотрела на лунный свет, который скользил по маленькой реке, или возможно по огромной бухте, раздумывала может стоит нарушить свое обещание, данное Джинджер, и все же позвонить нашим родителям. У меня тут же предстало лиц

Джинджер перед глазами. Я подумала о том, что никогда не смогу его забыть и понадеялась, что увижу ее лицо когда-нибудь без кровоподтеков, не побитое и не опухшее.

А затем я уснула.

Внезапно я проснулась, как только услышала отчетливый скрип двери гаража. Сон тут же испарился, я вскочила с дивана и прошла вперед, увидев Суареса, стоящего лицом к двери, казалось, что это его обычное состояние — ноги широко расставлены, руки на бедрах и его рука лежала на кобуре с пистолетом.

Опять раздался скрип гаражных дверей и открылась внутренняя дверь в дом, Хок увидел меня и у меня сердце ухнуло, живот сжался, но он тут же взглянул на Суареса.

— Свободен, — пробормотал он, и Суарес ушел, не оглядываясь.

Хок направился ко мне. Я побежала ему на встречу.

Остановилась и положила руки ему на груди.

— Как она? — спросила я.

Он остановился, положив руки мне на плечи. Затем он поднял меня в воздух и тут же поставил на землю, я находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Но видно для него этого расстояния было недостаточно, поскольку сам он отпустил на шаг назад.

Я не могла отвести от него взгляд, все мои внутренности парализовало.

И я увидела в его взгляде — ответ. Он не перезвонил мне, потому что он не простил меня. Он до сих пор не простил меня, поэтому он не хотел, чтобы я до него дотрагивалась и стояла так близко.

Я схватилась за сердце, почувствовав жгучую боль, прожигающую меня насквозь.

— Она находится под охраной в больнице, — ответил Хок. — У нее сломаны некоторые кости на лице, сотрясение мозга, а также переломаны семь ребер. Никаких внутренних повреждений, но побои на лице потребуют пластической хирургии.

Я с трудом сглотнула, новая боль пронзила меня, и кивнула.

— Она..., — я опять сглотнула, — она в безопасности?

— Она под охраной Лоусона, — ответил Хок, скрестив руки на груди. — Я передал Джинджер ему, с условием, что он заключит сделку с федералами. Она выкладывает все и ей предоставляют защиту свидетелей. Мы отвезли ее в мое безопасное место, Лоусон нас там встретил, мы поболтали с ней, пока док ее осматривал. Нам потребовалось какое-то время, чтобы уговорить ее дать показания. Но потом все это дерьмо заняло еще больше времени, потому что федералы захотели узнать ценность ее информации, поскольку она не совсем лояльна, как свидетель, за ней тянется длинное уродливое прошлое, если учесть на какие затраты пойдут федералы, чтобы включить ее в программу защиты свидетелей. Ей зачитали ее послужной список правонарушений, сколько раз она привлекалась, что она известная наркоманка, которая не раз задерживалась с не очень хорошей компанией, активно участвовала в некоторых не очень хороших акциях и самое главное — на работе она не задерживалась больше, чем на четыре месяца в каком-то магазине. Это явно не туз у нее в рукаве, определенно адвокаты съедят ее с потрохами, даже не подавятся.

К сожалению, это была правда.

Я прикусила нижнюю губу.

— Для меня было сюрпризом, что оказывается Джинджер не так глупа, как мы думали. Она не только слишком много знала, но она собрала инфу для страховки. Она сказала, что вела журнал, сделал пару фоток, украла кое-какие документы и даже смогла записать пару разговоров. Она не может быть хорошим свидетелем, имея свое слово против «их», но у нее

имеются доказательства. Рурк и другие знали это, и именно поэтому они бесились. Она попыталась воспользоваться своей инфой, чтобы купить себе свободу, но они не пошли на сделку, потому что она, считай, в открытую на*бала их по полной, несмотря на все то дерьмо, которое в ней было, она все же оставалась «живым свидетелем» против них, который слишком много знает, поэтому Джинджер представляла для них настоящую живую угрозу. Она кое-что рассказала, по крайней мере, где она скрывает весь копромат, но при этом сообщила, что может сказать намного больше, но желает сохранить свою информацию для сделки с федералами. Лоусон и федералы отправились в то место, которое она назвала и нашли все дерьмо, полчаса они изучали и перебирали его, только потом федералы согласились на сделку. Я передал ее им, и они отвезли ее в больницу. Это значит, что в больнице она будет вплоть до разбирательства в суде, ты не увидишь свою сестру, она просто испарится в воздухе.

Я еле перевела дыхание, Хок продолжил:

— У нее собрано дерьмо на трех крупных игроков — двое занимаются наркотиками, третий — оружием. Считай, что сегодня Джинджер Кидд и Митч Лоусон значительно очистили улицы Денвера. Но эти люди не одиноки, у них есть силовые структуры, подвластные им. И прежде чем их посадят и начнется процесс, они сделают все возможное, чтобы добраться до нее. И даже, если их удастся посадить, они захотят возмездия. Джинджер Кидд должна исчезнуть.

Я спокойно приняла этот удар и кивнула.

Хок продолжил:

— Я помню, что ты пообещала ей не говорить Баксу и Мередит, и пусть они спокойно выспятся сегодня ночью, но потом ты позвонишь им и все расскажешь. Они должны знать.

Я снова кивнула и прошептала:

— Благодарю тебя, Хок.

Он приподнял свой подбородок и приказал:

— Иди спать, спокойной ночи. Я отвезу тебя домой, как только немного отдохну. Ты ляжешь на кровать, а я посплю на диване.

Я даже не вздрогнула, когда он произнес эти слова, но это не означало, что мое тело не сжалось от страданий такого мощного удара.

— Я вызову такси, — тихо предложила я, — и уеду.

— Иди в кровать, — ответил он.

— Хорошо, я...

— Гвен, я устал. Иди в кровать.

Я снова кивнула, и мне хотелось поймать его взгляд, но я боялась. Я боялась увидеть там пустоту. Я поняла по его настроению, по его голосу, то, что он не назвал меня «деткой» или «Душистым горошком», означало, что наши отношения закончились.

Поэтому я отвернулась, пробормотав:

— Спокойной ночи, — и быстро стала подниматься по ступенькам.

Я услышала биинииип на его телефоне, пока поднималась, но сама находилась в тумане, в тумане боли и с силой пыталась заставить мое тело не впасть в ступор. Я сняла его фланелевую рубанку и тут же мне стало жутко холодно. Я нацепила на себя ночнушку Кэм и скользнула в его большую кровать под одеяло, губы дрожали, нос пощипывал от слез, когда я услышала, как он внизу с кем-то разговаривал по телефону. Я натянула на себя одеяло и свернулась калачиком, прижав подушку к согнутым ногам, уткнувшись в нее носом, мое тело

отпустило, оно не стало цепенеть, потому что все свои силы я кинула на то, чтобы не разразиться громкими, неудержимыми слезами, которые бы явно услышал Хок.

Моя сестра была «помеченной женщиной», но, по крайней мере, под защитой. Тем не менее, до суда она не будет в безопасности, вернее никогда не будет в безопасности всю оставшуюся жизнь.

Это был полный отстой.

И я все профакапила с Хоком. Разрушила так, что исправить уже было невозможно. Когда он что-то разрушал, он мог починить, но на этот раз он не собирался этого делать со мной. Да, я очень сильно привязалась к нему, очень глубоко, но это я отшила его, а не он, а теперь ему было все равно.

Я закрыла глаза и слышала, как установилась тишина. Я глубоко вдохнула, задаваясь вопросом, при этом чуть ли не плача, — неужели все сыщики между собой накоротке?

Потом я слышала его шаги по лестнице. Это было невозможно, поскольку Хок передвигался всегда очень тихо, но, видно, не сегодня...

Я решила, что он захотел воспользоваться ванной комнатой и, опять в истерично подумала, почему он не может воспользоваться ванной на первом этаже. У него же там была комната. Если бы это была я, я бы обосновалась в противоположном конце его логова, позади его стола, который бы передвинула поближе к кухне и установила бы стол для пинг-понга, бильярдный стол и аэрохоккей, чтобы создать такую баррикаду.

Я сосредоточилась на хоккее, а не на появившемся Хоке в спальне на платформе, стараясь не шевелиться.

Я слышала несколько пришедших смс-ок у него на телефон, звук исходил совсем рядом с кроватью.

Я оставалась неподвижной.

Затем я слышала, как он закрыл крышку своего телефона и со стуком бросил его на тумбочку, я зажмурилась и распахнула глаза. Не прошло и секунды, как у кровати включился свет. Я перевернулась к нему лицом, он стоял у кровати, стягивая с себя футболку.

У меня дыхание замерло в горле.

И я вынуждена была спросить:

— Все в порядке?

Он бросил футболку на пол, повернулся и сел, спиной ко мне, на кровать. Наклонился вперед, и я слышала, как сначала упал один ботинок, затем другой. Он поднялся, повернувшись ко мне лицом, потянувшись к своим штанам-карго.

У меня мгновенно перехватило дыхание, и я не знала, что и думать, потому что он снимал свои брюки.

— Хок, — прошептала я. — Все в порядке?

— Было не совсем, — ответил он, схватив одеяло, я напряглась, он очутился рядом, развернул меня к себе, я прилипла к его телу, и прошептал мне на ухо:

— Сейчас уже хорошо, — крепко прижав меня к себе. — Только что получил твои сообщения, детка.

Он только что получил мои сообщения. *Он получил мои сообщения, и я была в его объятиях.*

Я испытала такое облегчение, такое глубокое и потрясающее облегчение, что не могла сдержать слез, нерешительно пройдясь руками по его груди.

— Хок, — всхлипнула я сквозь слезы.

Он наклонился, перевернув меня на спину, его торс упирался в мой и наклонил ко мне голову. Слезы продолжали катиться из моих глаз, он стал их вытирать с висков.

Его взгляд прошелся по мне.

— Детка, — прошептал он.

— Я оказалась глупой, эгоистичной коровой! — застонала я, подняв голову и уткнувшись ему в шею, обхватив его руками.

— Душистый горошек.

— Прости. Мне, на самом деле, очень жаль. Я испытывала боль, что ты отказался от меня, больше ни о чем не могла думать, — сказала я ему, опустив голову на подушку и взглянув в его черные глаза. — Ты оказался прав. Я не смогла понять тебя до конца, я не смогла разглядеть, через что ты прошел. С моей стороны, это было бездумно и эгоистично, и...

Он перевернулся на спину, обхватив меня руками и усадив на себя, как только я оказалась сверху, он потянул меня за волосы, поддерживая за спину, притянув мое лицо к своему и коснулся моих губ. Затем он позволил мне отстраниться от него на дюйм и произнес:

— Я разодрал тебя в клочья, — совсем тихо. — Ты так вела, чтобы защитить себя. Это естественная реакция, детка.

— Это было жестоко с... и... можно сказать, что я вела себя как сучка, — ответила я, продолжая плакать.

— Да, детка, ты можешь десять часов быть подлой и стервозной, а потом позвонить и извиниться. Мне кажется, что я смогу справиться с этим. Я же оставлял тебя в этом ужасном состоянии целую неделю.

Это была правда.

— Это правда, — пробормотала я сквозь слезы и увидела появившиеся ямочки на его щеках.

Потом они моментально испарились, его левая рука лежала у меня на затылке, поэтому ему легко было приблизить мое лицо, его большой палец заскользил по моей щеке, перешел на подбородок, потом на губы, его глаза следили за движением пальца. Они становились прямо напротив моих глаз.

— Я удержу тебя, детка, — прошептал он, и слезы, которые кончились, опять навернулись у меня на глазах и побежали вниз по щекам, его пальцы мгновенно переместились, чтобы стереть их. — Я сделаю все, чтобы ты не проходила через это снова, — пообещал он.

— Хорошо, — прошептала я в ответ, и моя рука непроизвольно потянулась к его щеке, и тут отчего-то я вспомнила визит его матери. — И я сделаю все, что в моих силах, если ты вдруг испугаешься и будешь испытывать внутренний дискомфорт, я не сдамся, не буду злиться, не стану стервой, глупой и эгоистичной коровой.

Он запустил пальцы в мои волосы, притянул мою голову к своим губам, коснувшись их и пробормотал:

— Все будет хорошо.

Его прикосновение было настолько мимолетным, легким поцелуем, как перышко, потом он отодвинулся от меня на дюйм.

— Рад, что все закончилось, Душистый горошек, — прошептал он.

Я убрала свои руки от его лица и постаралась забыть свои собственные слова,

соглашаясь:

— Да, — но я так и не смогла сказать «рада», поскольку в этом звучала бы огромная недосказанность.

— Итак, все разрешилось, но мы не закончили наш разговор, — сказал он мне, при этом изменился даже тон его голоса.

Я внимательно следила за выражением его лица, которое тоже поменялось. В нем не было нежности, скорее оно стало каменным, твердым.

Ой-ой.

— Хм..., — промямлила я, пытаясь найти слова, чтобы как-то избежать разговора, который я точно поняла, мне не понравится.

— Я хочу тебе напомнить, что ты живешь в Крутом Мире, — заявил он, и я поняла однозначно, что это ничего для меня хорошего не предвещало.

— Хм..., — опять пробормотала я, гадая, что же последует за этим, хотя мое любопытство тут же пропало, на самом деле, у меня окончательно пропал запал что-либо выяснять.

— И в Крутом Мире, даже когда между нами происходит полный бардак, ты не должна встречаться на тротуаре перед своим домом с другим мужчиной и разрешать ему дотрагиваться и чуть ли не целовать себя.

О, парень!

— Мо тебе все рассказал, — догадалась я.

— И еще птичка на хвосте принесла.

Дерьмо.

— Он поцеловал меня в лоб, — защищаясь произнесла я. — У меня нет брата, но мне кажется, что он поцеловал меня, как брат.

— Митч Лоусон совершенно не испытывает к тебе братских чувств, поверь мне, детка, — выстрелил Хок.

На самом деле, так и есть.

Вот дерьмо!

— Хм...

— Гвен, ты позвонила мне, сказала, что сожалеешь, тем самым ты упала в мои объятия, и как бы вернулась назад ко мне. Это означает, что ты вошла в Крутой Мир с добрыми намерениями, ты сделала это по своему собственному желанию, и должна понимать, что существуют правила. Ты должна придерживаться этих правил или нести ответственность за последствия. Понятно?

Ой-ой. Оказывается, он был очень властным, и это сводило меня с ума.

— Не я же бросилась на него и ничего такого не делала с ним на тротуаре, Хок.

Он полностью проигнорировал мои слова.

— Никаких рук и, *однозначно*, никаких губ, Гвен, ни единого мужчины, кроме меня, только я могу встать у тебя на пути или твой отец. Больше никаких мужчин. Это касается всего. И никаких оправданий. Да?

— Хок...

— И ты больше не запрыгиваешь на чей байк, кроме как на мой, — продолжил он.

— Хок...

Его рука обхватила меня за талию, а другая рука опустилась мне на голову.

— Детка, тебе нужно подтвердить то, что я сказал, что *ты поняла меня*.

— Господи! — взорвалась я. — Да, хорошо, я поняла тебя. Господи!

Опять появились у него ямочки на щеках, своей тяжестью тела он прижал меня к кровати, уткнувшись мне в шею, но его руки начали сползать вниз к подолу атласной ночной рубашки Кэм.

Хм. Думаю, мы закончили наш разговор.

— Хок, мне показалось, ты сказал, что слишком устал, — заметила я.

— Да, устал, но эта вещица такая мягкая, а то, что под ней еще мягче, и твое тело прижимается ко мне, поэтому, когда я сказал, что я слишком устал, я не подумал об этом, — прошептал он мне в шею.

Ммм!

И прикоснулся своим языком за моим ухом.

Ой!

Я пробежалась руками по его спине, которая совсем не была мягкой, скорее, жесткой и накаченной, но приятной на ощупь, хотелось по ней провести руками.

Затем он прошептал:

— Твоя сестра была в беде, детка, я сделал все, чтобы она была в безопасности, насколько мог.

Я замерла, последние его слова ударили меня.

Вот о чем говорила Эльвира. Вот о какой секретной операции. Когда он взял с собой своих лучших ребят. Он вышел в офф-лайн и не проверял голосовую почту весь день. Он оказался рядом с домом Лео и Кэм, когда там показалась Джинджер. Он следил за ней, точно зная, что она придет ко мне.

Он провел весь день, несмотря на то, что я так ужасно отнеслась к нему, подвергая себя и своих парней опасности ради меня, чтобы дать мне то, чего я больше всего хотела в этой жизни.

О Боже мой.

Он наклонился и посмотрел на меня.

— Я бы заключил сделку с самим дьяволом, чтобы вернуть свою жену и дочь, — шепотом произнес он, и у меня остановилось дыхание. — Но у меня нет такой возможности, поэтому здесь я бессилен. Но я в темноте заходил в твою дверь, детка, и ты снова озарила мою жизнь, поэтому я не согласен даже пытаться вернуть их.

О Боже мой.

Но он продолжал:

— И Мередит уже является твоей настоящей мамой. Если ты хочешь, чтобы это было юридически оформлено, я готов позвонить адвокату. Но, могу тебе сказать, факт остается фактом, тебе остается только принять его. Я не могу сделать ее твоей настоящей мамой, потому что она и так уже является ею.

Слезы снова полились у меня из глаз.

— Хок... — прошептала я, крепко обнимая его своими руками.

Он продолжил:

— Не знаю насчет Фримена, думаю, он не особо будет рад, если я влезу в его личные дела, но если ты очень хочешь, я поговорю с ним, чтобы он сделал предложение своей женщине.

— Постой, — умоляя произнесла я.

Но он как будто не слышал меня.

— Завтра мы пойдем в бутик Тиффани, и ты выберешь все, что захочешь.

Я сжала крепко ноги вокруг его талии, соединив щиколотки у него за спиной.

— Остановись, Хок.

Его руки скользили по атласным чашечкам моей груди, он еще ближе приблизил свое лицо ко мне.

— Это как-то исправило то, что я разрушил? — прошептал он. — Или ты хочешь огласить мне новый список?

Это не исправило, потому что исправлять было уже нечего, он все исправил, когда простил меня.

Я обхватила его за затылок и притянула к своему лицу, приподняв голову я потянулась к его уху и прошептала:

— Да, малыш, ты все исправил, но видно я вгоню тебя своим заявлением в полный ступор, — он начал поворачивать голову ко мне, но я быстро продолжила, боясь лишиться храбрости. — Я влюбилась в тебя, Кейб.

Он замер на полпути, поворачиваясь ко мне лицом, его тело словно оцепенело, я затаила дыхание.

Возможно, слишком рано. Возможно, мне не стоило говорить, слишком рано, нужно было бы подождать, когда наши отношения окончательно наладятся, а так, казалось, что я подталкивала его.

И возможно, мне не следовало называть его Кейбом. Я не специально назвала его Кейбом, у меня случайно вырвалось. Скорее всего потому, что мужчина по имени Кейб оказался столь же потрясающим, как и мужчина в моих объятиях.

С другой стороны, я теперь познакомилась с совершенно другим Хоком, милым, добрым.

Вдруг он резко перевернулся на спину вместе со мной, я возвышалась над ним, он так же резко снял с меня ночную рубашку Кэм, отбросив ее в сторону, а потом я опять оказалась с такой же скоростью на спине, и его рот опустился на мой.

Ночная рубашка Кэм стояла на пути этого мужчины, и он просто ее убрал, как и все, что делал этот человек.

Мне достаточно было буквально наносекунды, чтобы понять, что он, на самом деле, не возражал, что я назвала его Кейбом, я уверилась в этом окончательно, когда он пробовал мои губы на вкус, помогая себе руками, исследуя мое тело. Потом я потеряла способность мыслить.

Он отстранился, его губы заскользили по моей шее, его руку массировали мою грудь, пальцы сжали мои соски, и я ахнула.

Я уперлась о кровать ногами и попыталась его перевернуть на спину, но мне не удалось.

— Я хочу, чтобы ты был на спине, — прошептала я ему.

— Нет, — пробормотал он мне в шею, и его язык заскользил по моему горлу.

Я сжалась, потому что его действия вызвали у меня мурашки по коже.

— Хок, в прошлую ночь ты так и не кончил. Это не честно.

Его пальцы тут же сжались на моих сосках, и я снова вздрогнула, поскольку мои бедра двинулись, а голова запрокинулась назад.

Затем он перевернулся на спину, водрузив меня на себя, но его руки с двух сторон обхватили мою голову, и он наклонил ее к себе.

— Твой рот, детка, может заставить кончить меня, но ты не будешь это демонстрировать мне сейчас. Я хочу кончить в тебя, понятно?

— Хорошо, — мгновенно согласилась я, не в состоянии отвести взгляд от ямочек на его щеках, прежде чем он приблизил мой рот к своему и снова меня поцеловал, крепко, долго и красиво. Потом его хватка ослабла, и я воспользовалась этим — на нем, над ним, наслаждаясь, пока не добралась до приза.

Мне потребовалось больше времени и очень понравилось, хотя могла с уверенностью сказать, не настолько, насколько понравилось Хоку.

Но, как и договаривались, я ничего не стала демонстрировать ему сейчас. Как обычно, Хок готов был сделать для меня все.

И, как обычно, он был невероятно *хорош не только в этом, но и во всем*.

Глава тридцать три Аерохоккей

Я проснулась одна в постели Хока.

Солнце ярко светило во все окна, и я отклонила назад голову, чтобы взглянуть на будильник. Было почти одиннадцать. Я не спала до такого времени с тех пор, как перестала быть подростком.

Я слышала шум из кухни и улыбнулась. Приподнялась, потянулась к ногам кровати, схватила фланелевую рубашку Хока и надела на себя. Потом я опустила ноги на пол, отыскивала свои трусики на полу и быстро их натянула.

Дальше я направилась к железным перилам и взглянула вниз, Хок смотрел точно мне в глаза, на нем была белая футболка и черные спортивные штаны с широкой белой полосой сбоку.

— Привет, — произнесла я, и даже на таком расстоянии увидела его небольшую улыбку.

— Доброе утро, детка.

Я улыбнулась ему, спускаясь вниз по лестнице. В ванной комнате мне пришлось открыть упаковку с новой зубной щеткой, но я знала, что Хок не будет возражать. Я переживала, что не могу воспользоваться зубной нитью, поэтому плеснула теплой водой в лицо, вытерла его насухо и вышла из ванной, заметив его штаны-карго, валяющиеся на полу.

И у меня ту же возникла шальная мысль, прежде чем я отступила, я подошла к его штанам-карго и вытащила из кармана его бумажника фотографию. Я бросила штаны на пол и бумажник, развернув фото.

Софи на самом деле была восхитительным ребенком. Невероятно красивым. Симона тоже была потрясающей. И разглядывая ее, я поняла, что Хок выбрал другой тип женщины, потому что я совершенно не была похожа на его первую жену. В ней присутствовал намек на их общую расу, я же явно принадлежала к белой англо-саксонской расе.

Я положила фотографию обратно в бумажник, и в карман штанов карго, направившись к лестнице.

Хок стоял у плиты, но тут же повернулся ко мне, как только я показалась в полный рост, продолжая спускаться, пока не столкнулась с его упругим телом, он обнял меня за талию, и я прислонилась щекой к его груди.

Его рука поднялась выше, и он обнял меня за плечи.

— Хорошо спала, детка? — спросил он мне в волосы.

— Да, малыш, а ты? — в ответ спросила я.

— Тоже, — ответил он.

Я подарила ему широкую улыбку, и он вернул мне ее назад. Тогда я сосредоточила свой взгляд на сковороде на плите. На одной стороне у него жарился омлет из яичных белков, на другой — грибы и различные зеленые овощи.

Тэк наслаждался едой, которую я с удовольствием поглощала, подозреваю, что еда для Тэка была равносильна жизни. Он с удовольствием и самозабвенно закидывал ее в себя, единственное, что он был не в состоянии контролировать. Тэк также имел убежище в горах с потрясающим видом. Тэк потрясающе целовался. Тэк не прессинговал меня, пригвоздив к кровати, и не требовал близости, взамен обещая свою защиту, он ждал, что близость придет, но другим образом.

С ним была хорошо, но я до конца не была уверена, пока жила у него в доме, что он тот мужчина, который мне нужен.

Потом я вспомнила Лоусона, который был ласковым со мной.

Я наблюдала за Хоком, как мастерски он перевернул омлет на другую сторону, отложив лопатку, выключив плиту, схватив сковородку одной рукой, чтобы переместить омлет на тарелку. Другой рукой он по-прежнему удерживал меня, не давая мне возможности отодвинуться.

— Ты не использовал желтки, — сообщила я ему.

— Детка, — ответил он, передвинув меня на несколько шагов, чтобы открыть ящик, достать вилку и придвинув меня назад к себе. Я наблюдала, как он отрезал кусочек омлета, подцепил его вилкой и поднес ко рту. Я молча смотрела, как он прожевал, проглотив, и только потом взглянул на меня. — Хочешь? — спросил он.

Я сжала губы, едва улыбнувшись и отрицательно покачала головой.

Он усмехнулся как-то по-мужски и вернулся к своему омлету.

Я высвободилась из его рук и подошла к холодильнику, на котором сбоку висел большой, прямоугольный магнит с крошечным календарем (и, кстати, этот календарь был рассчитан на два года). Вверху календаря было написано: «Zip's Gun Emporium», дальше шла надпись курсивом: «*Все необходимое для твоего пистолета и боеприпасов*». Именно об этом магазине я ему и говорила, и Хок украсил свой холодильник этим милым магнитом, а также фотографией своей семьи, а не тем тупом дерьмом, как я.

Я решила купить себе тоже нормальные магниты в виде пластиковых рамок, или возможно, более лучшую рамку, но прежде чем, я готова была психануть, я сняла фотографию и положила ее на холодильник вместе с календарем-магнитом.

Затем я медленно повернулась к Хоку лицом и приготовилась к его реакции.

Он не сводил глаз с фото, которое я положила наверх холодильника, его лицо превратилось в пустую маску.

— Сбрось маску, Кейб, — ласково сказала я, и он скользнул по мне взглядом.

— Я ценю то, что ты пытаешься сделать, Гвен, но я не готов к этому дерьму, — ответил он.

— Ты носишь их фотку в бумажнике, — заметила я, стараясь говорить спокойно.

— Я не готов к этому дерьму, Гвен, — повторил он.

— Тогда тебе придется подготовиться, — спокойно заметила я, — потому что, видишь ли, прошлой ночью, когда я находилась в Крутом Мире, и ты меня простил, ты вступил в Мир Девушек Cosmo, а в Мире Девушек Cosmo существуют свои правила. Ты не живешь

однообразной жизнью, которая ничего в себя не включает, кроме работы и досуга, который опять же посвящен твоей работе. Ты не вычищаешь свой дом от личных вещей, которые отображают твою личность. И ты не сдерживаешь свои эмоции мертвой хваткой. Ты ходишь в кино. Ты выходишь в хорошие рестораны. Можешь не в самые хорошие, но где фантастически кормят. Ты проводишь вечера с друзьями, ничего не делая, только пьешь, ешь, смеешься и проводишь время в компании. Ты проявляешь свою индивидуальность и ощущаешь вкус окружения, и когда люди, которые переживают из-за тебя, приходят к тебе в гости, чувствуют твое присутствие рядом с собой. Мы начинаем с того, что, — я указала пальцем на фотографию, — выносим Симону и Софи на свет, потому что твои близкие тоже потеряли их, и они тоже переживали, но они так не поступают. Ты скучаешь по ним, и они не заслуживают того, чтобы их складывали в бумажник и прятали, эта фотография должна стоять у тебя на видном месте. — Я делаю паузу, втягивая воздух и заканчиваю:

— Мы закончим с помощью настольного аэрохоккея.

Его маска треснула, губы дернулись, брови поползли вверх.

— Настольного аэрохоккея?

— Я голосую сначала за него, потом за бильярдный стол, а затем пинг-понг. Можно поставить у задней стены. Другими словами, после этого, может быть на первом этаже в ванной комнате ты сделаешь сауну, а также гидромассажную ванну, — добавила я, как бы само собой разумеющееся.

Он проиграл свой бой с улыбкой и тихо приказал:

— Иди сюда, Душистый горошек.

Я подошла к нему, и он обхватил меня руками.

Я запрокинула голову назад, и его губы прикоснулись к моим.

Оторвавшись от меня, он прошептал:

— Хорошо, они могут выйти на свет.

— Спасибо, малыш, — прошептала я в ответ. — Но они уже вышли, не так ли?

Его брови соединились вместе.

— Что-что прости?

— Это кресло, ковер, стол и светильник, — ответила я. — Они из той твоей жизни с ними.

Его руки крепче меня сжали, очень крепко, и я близко-близко прижалась к нему, было видно, что он сражался сам с собой, а потом расслабился и кивнул.

— Ее родители были ужасными родителями, поэтому она практически выросла с бабушкой и дедушкой. Они из их дома. Они переехали во Флориду, когда мы уже были вместе, поэтому отдали эти вещи нам, и Симоне нравилось, что они остались с нами, она так и не смогла выкинуть их. Когда она кормила грудью Софи, всегда садилась в это кресло, а если я кормил ее, я всегда брал мою девочку и тоже садился в это кресло. Мы тогда жили не в Денвере, а в Южной Каролине, когда они погибли, и я вернулся из армии, при первой же возможности я сделал все, чтобы вернуться в Денвер. Я продал все, все вещи, которые как-то связывали меня с ними, за исключением кресла, ковра, стола и торшера.

Я закрыла глаза, положив руки ему на грудь, и вздохнула.

Думаю, если он хотел что-то от них сохранить, то он выбрал правильные вещи. Вещи, напоминавшие о Симоне, окружали его своими воспоминаниями о жене, и как он растил дочь.

Господи.

— Я не могу представить всю тяжесть твоей потери, малыш, — прошептала я ему в грудь, и он взял меня сзади за шею.

— Надеюсь, что Бог никогда не позволит тебе этого испытать, — прошептал он.

Я кивнула, поскольку тоже очень надеялась.

Его рука отпустила мою шею и двинулась к моему подбородку, приподнимая его вверх. Я посмотрела на него, он провел костяшками пальцев по моей щеке.

И мне очень понравилось, как он это сделал.

— Кстати, Душистый горошек, тебе нужно позвонить родителям.

Я снова вздохнула, затем кивнула.

— Но, сначала, — заявил он, когда я начала отстраняться.

Я замерла и посмотрела на него, наклонив голову в сторону.

Он усмехнулся и провозгласил:

— Мы начнем с гидромассажной ванны.

Я прижалась опять к нему и улыбнулась.

34.

Полностью завяз

— Детка, ты серьезно?

Я подскочила на месте и резко развернулась, Хок стоял в дверях ванной комнаты, одетый в темно-серый костюм и темно-красную рубашку с расстегнутым воротом, выглядя невероятно сексуально.

— Господи, Кейб, ты напугал меня до чертиков.

Его взгляд прошелся по всему моему телу.

— Я опоздал на двадцать минут, а ты еще не готова?

Я повернулась к зеркалу в ванной комнате, подняла кисточку туши и перестала обращать внимание на его возгласы.

— И тебе добрый вечер, дорогой.

— Гвен, милая, нам пора уже выходить. Почему ты копаешься? Ты даже еще не одета.

— Ну, я решила поменять свои туфли, — я еще раз провела кисточкой туши по ресницам. — Я решила не одевать туфли Джимми Чу. Я надена Валентино.

— Решение поменять туфли задержало тебя более чем на двадцать минут?

— Джимми Чу — серебряные. Валентино имеют розоватый оттенок. Конечно, Валентино также имеют кристаллы, но к ним я предпочла нечто серо-дымчатое и более броское. Оттенок розового требует более мягкие тона, лучистые и блестящие. Поэтому мне потребовалось смыть предыдущий макияж и все нанести по новой, — объяснила я.

Хок молчал, поэтому мой взгляд переметнулся к нему.

Неа, он совсем не успокоился, несмотря на мои объяснения.

Тогда я попробовала другую тактику.

— Я долго не задержусь, — уверила я его, хотя понимала, что лгала.

Он достал свой телефон из внутреннего кармана пиджака, открыл и нажал какие-то кнопки, поднеся к уху. Его глаза внимательно следили за мной. Я же перевела взгляд на зеркало, внимательно следя за своей кисточкой туши, делая очередной взмах по ресницам.

Потом я поняла, что он отошел от двери ванной комнаты, но услышала, как он сказал:

— Бакс, Гвен закопалась. Мы все еще дома, но выедем через пять минут.

Я закончила свой макияж и направилась в спальню. Хок испарился в неизвестном направлении. Такое случалось довольно часто, хотя мой дом не был огромным особняком, заполненным различными приведениями и тайными коридорами. Я поняла, что Хок мог исчезать также, как и легко появляться, словно материализовавшись из тонкого воздуха.

Сначала меня это нервировало, сейчас же я привыкла.

Я попрыскала на себя духи, вдела бриллиантовые сережки в уши, которые папа и Мередит подарили мне на окончание университета, выскользнула из халата и начала одеваться.

Поскольку это был особый случай, конечно же я прошлась по магазинам и кое-что прикупила. Я совершила немыслимое, изменив черному маленькому платью. Я купила маленькое, поблескивающее платье серого цвета. Оно имело маленькие лямки, удерживающие драпированный лиф и остальную часть платья на моей груди. Спина была открыта. Почти полностью. Маленькие складки ткани внизу спины прикрывали верхнюю часть моей задницы. Оно было коротким, облегающим бедра, материал утягивал все тело.

Оно идеально подходило для туфель Джимми Чу. Но дело в том, что три недели назад, я прошлась с Эльвирой по магазинам, и я померила туфли от Валентино. Эти туфли были мечтой, туфли из страны грез и фантазий. Розового оттенка, из сатина. Четыре и три четверти дюйма шпилька с платформой. С открытым носком и с огромным прозрачным, многослойным бантом с подкладкой из атласа и кристаллами, кристаллы также шли вокруг ноги, соединяясь у бантика на мыске. За такие туфли можно было умереть. Они были просто убийственными. Они были нереальной мечтой.

Пока я благодарила продавца, который укладывал их обратно в коробку, Эльвира достала свой телефон и позвонила Хоку, и расплатилась за них картой компании.

Эльвира действовала явно в порыве экстаза. Я позвонила Хоку и сказала ему, что он, наверное, не совсем представляет их стоимость, потому что они стоят в два раза дороже, чем туфли Джимми Чу.

Его ответ был:

— Детка, — и он отключился.

Итак, Эльвира купила туфли. Тридцать минут спустя, я накупила кучу сексуального нижнего белья, настолько сексуального, что я облачилась в него, чтобы Хок смог его лучше изучить, словно я представляла для него подарок, который он мог развернуть. Когда он развернул подарок и увидел, его зрачки мгновенно расширились и ему потребовалось примерно три ноль двадцать пять сотых секунды, чтобы его снять.

В этот момент я решила, что мне придется найти другую форму благодарности.

Я все еще нахожусь в поиске.

Я натянула на себя платье и присела на край кровати, открыв коробку и сняв бумагу с туфель Валентино.

Я поклялась себе вернуть их в магазин.

Но я передумала.

Тогда я поклялась себе, что никогда ни разу их не одену. Я не могу ходить в туфлях, которые стоили больше, чем ежемесячные выплаты по кредиту у большинства людей.

Однако, я опять передумала.

Я надела туфли, когда Хок вошел в дверь моей спальни.

Я опустила ноги на пол и взглянула на него, вставая.

— Рада, что ты пришел, малыш, ты должен помочь мне с браслетом.

Я подошла к комоду и открыла ящик с ювелирными украшениями, достав браслет от Тиффани.

Он подарил мне бриллиантовый браслет, как и сказал, буквально на следующий день после того, как мы вновь стали парой... повторно. Я же сказала ему в магазине, что не в состоянии выбрать, поэтому он сделал это сам.

Я достала браслет из коробочки и закрыла ящик, и вдруг почувствовала руки Хока на своей коже, на спине, где начинался материал. Его пальцы заскользили вверх под мое платье, прошлись по моим ребрам и остановились на груди. И он прижал меня к своему торсу.

— Хок, — прошептала я, когда моя голова опустилась ему на плечо, а его большой палец покружил по моему соску, я опять повторила:

— Ястреб.

— Держись за комод, детка, — пробормотал он мне на ухо.

— Что? — выдохнула я, когда он потянул вверх подол моего платья.

— Держись, — повторил он.

— Мы уже опаздываем, — напомнила я ему, и втянула воздух, как только он ущипнул мой другой сосок.

— Мы будем позже, — ответил Хок.

— Но...

— Стой, — повторил он, и его рука скользнула в мои трусики.

О Боже.

Он попал в золотую сердцевину.

О Боже.

Я развернула голову, прижавшись лбом к его шее.

— Сейчас все будет быстро, — прошептал он. — Но позже, я покажу тебе, что я думаю об этом платье.

— Хорошо, — согласилась я, но произнесла это со стоном, потому что обе его руки задвигались.

* * *

Я забралась в Сагаро, поглядывая на свои туфли и поправляя браслет на запястье, потому что мне нравилось напоминать себе, что все эти вещи были от него.

— Хорошо, нам стоит придумать оправдание. Тебе необходимо было задержаться на работе, а мне нужно было по новой сделать макияж. Мы опаздываем уже намного, — сказала я в машине.

— Детка, нам не нужны оправдания. Любой, кто увидит тебя в этом платье и в этих туфлях, точно поймет почему мы опоздали.

Я почувствовала, как побледнела, на самом деле почувствовала, повернув к нему голову, произнесла:

— Это неправда.

— Хорошо, я немного поясню свои слова. Любой человек, который увидит тебе в этом платье и в этих туфлях, точно поймет почему мы опоздали. В том числе и твой отец.

— Эх! — пробурчала я, затем заткнула уши руками и начала петь:

— Ла-ла-ла.

Сквозь свое пение я услышала смех Хока.

Когда он перестал смеяться, я перестала петь и опустила руки.

Хок произнес:

— Сегодня раздался интересный звонок.

— Да? — подтолкнула я его к продолжению, поскольку он замолчал.

— Покупатели, — ответил он, и я повернулась, взглянув на него. — Они позвонили уже в четвертый раз за один месяц. Они хотят купить мой дом-склад и землю вокруг него, короче все, чем я владею там. Раньше они предлагали слишком мало, но сегодня их предложение привлекло мое внимание.

— И что? — прошептала я.

Прошло четыре месяца, когда мы вернулись с Хоком к «нам». Четыре совершенно прекрасных месяца. Сейчас было начало июля. Погода была хорошей. Дни длинными. Наша страсть (очевидно же) не охладела друг к другу. Но многое изменилось.

Теперь я привязалась к нему накрепко, я была полностью уверена, что никогда не смогу от него освободиться, да и не хочу. Я настолько глубоко была в «нас», что мне не хотелось всплывать на поверхность.

Но, даже утопая полностью в Хоке, я не потеряла себя.

Я жила своей жизнью, редактируя книги, встречалась со своими подругами, ходила по магазинам, мы вместе ужинали, ходили в кино, иногда сами по себе, иногда с друзьями, Хок стал частью всей этой жизни.

Хок работал, причем много. Но стоило ему оказаться со мной, и все его внимание фокусировалось только на мне. Мы вдвоем посмотрели несколько фильмов, часто выходили ужинать, в основном потому, что я не ела то, что предпочитал он (и не собиралась менять свои вкусы), хотя он мог заказать еду на вынос, любую какую ему нравится, и мне не пришлось бы готовить два блюда (хотя, при случае, я готовила, и причем даже много). Когда у него было время, он зависал у меня, или я зависала у него.

Несмотря на нашу разную деятельность в течение дня, мы все равно спали вместе каждую ночь. Иногда, когда он возвращался раньше, мы вместе шли в постель. А иногда сквозь сон я чувствовала его теплую руку у себя на поясице в середине ночи. Иногда он звонил и просил приехать к нему домой, я приезжала. У меня был ключ от его дома, хотя у него не было ключа от моего (я так думала, хотя точно сказать не могу), но он был ему и не нужен.

Наши отношения не всегда были легкими. Не такими уж выдержанными, спокойными и сдержанными. Он был слишком властным, а я была слишком заумной. Мы подтрунивали друг над другом, иногда даже ругались. Но я вдруг поняла, что совершенно не могла переносить, чтобы Хок на меня злился, а еще я заметила, что Хок испытывал тоже самое по отношению ко мне. Обида проходила, испарялась сама собой, поэтому затаенной злости не было. Мы ругались так, что летели искры, но огонь, способный нанести нам ущерб, не полыхал. Мы старались, чтобы он не полыхал, поэтому тушили его совместными усилиями и двигались вперед.

И мне нравилось. Все было хорошо. Мне нравилось, что Хок присутствовал в моем личном пространстве, а ему нравилось, что я была рядом с ним. Мой лосьон и гель для душа с запахом душистого горошка стоял у него в ванной. И мой собственный твердый дезодорант находился в его аптечке. Он стоял на своем месте, рядом с его бритвой. Я купила милую рамку для фотографии Симоны и Софи, а также купила еще две рамки для других фоток. На

одной был Хок и я, когда нас сфотографировала Трейси на день рождения Лео. Я смеялась, обнимая и прижимаясь к Хоку, моя голова была запрокинута назад, а мой нос был прижат к его подбородку. Хок обнимал меня за плечи, немного опустив голову, смотрел на меня и тоже смеялся. Это фото теперь висело на его холодильнике. Другая рамка-магнит висела у меня на холодильнике, эту фотографию сделала Эльвира. Мы шли через комнату слежения на его базе, моя рука была обернута вокруг его спины, он обнимал меня за плечи. Его голова была повернута в сторону, поскольку он внимательно слушал Хорхе. Я же смотрела на Эльвиру и смеялась над тем, что она сказала. Мне очень понравилось это фото, не знаю почему, может из-за того, что мы были настолько открыты и сфотографированы случайным образом, а главное то, что мы были вместе, держась за руки, шли вместе, Хока засняли в профиль, и он, однозначно, был красавчиком, я же выглядела настолько довольной. И, конечно же, я отлично уложила свои волосы.

Он не мог продать свой дом-склад. Мы же жили в нем. И у нас все было распланировано. Дом-склад был нашим, поскольку у нас были отношения.

И где еще мы можем поставить стол с аэрохоккеем (если учесть, что он его купил)?

— Ты думаешь продать своей дом? — спросила я.

— Да, их предложение слишком заманчивое, похоже, что они, на самом деле, хотят его заполучить, поэтому предложили больше. На самом деле, они предлагают гораздо больше, чем больше, и, детка, нужно быть полным дураком, чтобы отказаться от такого предложения.

— Но мне казалось, что ты любишь свой дом-склад. Мне казалось, что тебе необходимо пространство. Существует совсем не много мест, где можно иметь такое пространство, Кейб.

— В какой-то момент я понял, что больше не нуждаюсь в таком пространстве, Душистый горошек, ты не сможешь растить детей в таком месте, как мой дом-склад.

Я втянула столько воздуха, сколько смогла, сама себе удивляясь, что Хок не грохнулся в обморок из-за недостатка кислорода.

— Гвен? — окликнул он меня.

— Дети? — выдавила я.

Он молчал. А мне приходилось в этот момент бороться за каждый вдох, потому что видения темных волос, ямочек на щеках детей командос в миниатюрных брюках карго танцевали прямо перед моими глазами.

Наконец он пробормотал:

— Мать твою.

— Что? — переспросила я.

— Черт побери, детка, я видел тебя, и Хавьер сказал, что ты любишь детей.

— Я...

— Мне казалось, что ты их настолько любишь, что захочешь их иметь.

— Я...

— Бл*дь, Гвен.

— Что? — мой тембр голоса возрос, поскольку я сходила с ума, и кроме того, он не позволял мне и слова сказать.

Он направился в обочины, остановился, повернулся ко мне и его глаза, наконец, встретились с моими.

Он еще раз пробормотал:

— Бл*дь.

— Бл*дь! — я почти уже кричала.

— Видно время еще не пришло, чтобы заводить такие разговоры.

— Хок, ты нужен...

— В конце концов, сегодня юбилей твоих родителей.

— Хок! — огрызнулась я. — Ты должен сию же минуту сказать, что тебя так разозлило?

— Я хочу детей, — ответил он.

Я во все глаза уставилась на него, и мое сердце билось с такой скоростью, что я могла бы поклясться, что мое платье поднималось и опускалось.

Он никогда не говорил раньше, что хотел детей, но он *хотел детей со мной*.

Я имею в виду, что он хотел детей, но он не говорил, *что он хотел детей со мной*.

Кейб «Хок» Дельгадо хотел детей от меня!

Ура!

Хотя, ох, черт побери. В этот момент я собиралась зарыдать и полностью испортить свой макияж.

— Это для меня очень важно, детка, — нежно произнес он.

Я сглотнула и спросила:

— И сколько ты хочешь?

— Двоих или троих.

— Мальчиков или девочек?

— Мне без разницы.

Мне тоже было без разницы, по крайней мере, это меня совершенно не волновало. В данный момент мне было плевать на всех.

У меня перед глазами тут же возник Хок, и несмотря на то, что видение было размытым, но он стоял у меня перед глазами — с младенцем на руках, кормящим его из бутылочки.

И мой живот стал настолько мягким, что просто плавился.

А потом я почувствовала, как он костяшками прошелся по моей щеке, и я все внимание перенесла на него, когда он спокойно сказал:

— Я был бы счастлив и с одним, Гвен.

— Только дети могут разбаловать родителей. Самое меньшее, что ты можешь иметь — это двух. Иметь брата или сестру — это очень важно. И если первыми у нас появятся два мальчика, то потом у нас должна появиться девочка, потому что у братьев должна быть сестра. Но если первыми у нас появятся две девочки, мы должны родить мальчика, потому что девочки, однозначно, должны иметь брата. Я всегда хотела брата. Если бы у меня был брат, то он смог бы выбить дерьмо из парней, которые разбили мое сердце. Мне не пришлось бы прибегать к замороженному тесту, чтобы как-то спасти ситуацию. Скотт до сих пор в коме, от того количества денег, которые отсудили у него мои адвокаты.

Я замолчала и ощутила, что сама атмосфера в Самаго стала наэлектризованной.

— Ты это для меня говоришь, или ты на самом деле хочешь детей? — спросил он.

— Для вас обоих, — ответила я.

Мой ремень безопасности выстелил, словно в него ударила молния, и я очутилась у него на коленях, отчего громко вскрикнула от удивления. Я была вырвана со своего сидения и сейчас находилась между его рулевым колесом и им самим, устроившись задницей на его коленях, запустив руки ему в волосы, его рука обхватывала меня за талию, и его губы опустились на меня в очень жарком и требовательном поцелуе, очень горячем поцелуе,

который подразумевал некое его брожение рук по моему телу. Он отпустил мои губы, удерживая меня напротив себя, отчего я моргнула, Хок сказал:

— Я согласен на все, что ты предлагаешь.

— Ладно, — выдохнула я.

— Ты испытываешь какую-то проблему, что я выдернул тебя с твоего места?

— Нет, — мгновенно ответила я, мое сердце стучало в груди, живот стал мягким, мысли пустились в круговорот от радости.

— Хорошо, — прошептал он.

— Ты уверен, что тебе больше не нужен твой дом-склад?

— Не такое большое пространство, поскольку рядом со мной есть ты, и мне совсем не хочется находится от тебя настолько далеко среди этого огромного помещения, он мне больше не нужен.

О, Боже мой.

Я чувствовала, что он говорил правду. Я понимала, что он имел в виду, и я подняла руку и провела по его подбородку.

— Ты со мной, не так ли, малыш? — прошептала я свой вопрос просто, чтобы удостовериться.

— Полностью увяз в тебе, — прошептал он в ответ.

О Боже мой. Он чувствовал то же самое, что и я!

— Я люблю тебя, Кейб.

Как только я произнесла эти слова, он прижал меня к себе, мы были единым и его лицо зарылось мне в шею.

— Я тоже тебя люблю, Душистый горошек.

Он любил меня.

Слава Богу, он меня любил.

Я расслабилась у него на груди и обняла его за шею.

— Да, — прошептала я ему на ухо, почувствовав его улыбку у себя на шее.

Потом он поцеловал меня, его язык слегка коснулся кожи у меня за ухом, а потом он поцеловал меня в губы, тоже слегка, один раз, два, потом прикусил слегка мою нижнюю губу и помог передвинуться на мое прежнее место.

Он пристегнул ремень, и я последовала его примеру, чувствуя радость.

Подняла с пола клатч, достала блеск для губ, опустила вниз козырек, закрывающий от солнца, посмотрела в зеркальце и пробормотала:

— Уже дважды за сегодня ты испортил мой блеск для губ, а мы даже еще не подъехали к ресторану.

Он вырулил на дорогу пробубнил в ответ:

— Детка.

* * *

Мерedit с папой отмечали свою годовщину, словно это был национальный праздник. Ничего особенного не делалось, просто каждый год устраивалась вечеринка по этому случаю.

Когда я была еще ребенком, и денег было не так много, и годовщина свадьбы выпадала на будний день, Мерedit всегда брала выходной, готовя всевозможные блюда, устраивая

вечеринку для друзей и родственников за огромным столом. Когда мы подросли, и каждый из нас, я имею ввиду Джинджер и я, стали жить своей жизнью, празднования переместились в различные ресторанчики и клубы по всем районам Денвера.

Сегодня был McCormick's Fish House and Bar в Oxford Hotel. Фантастические стейки и блюда из морепродуктов, элегантное место, по-прежнему сохраняющее атмосферу старого западного Денвера. Здесь был отличный бар и совсем рядом был Cruise Room отеля «Оксфорд», самый крутой бар в Денвере из-за своего стиля арт-деко и потрясающего таланта барменов управляться с шейкерами с мартини.

Хок и я вошли, обняв друг друга, в отдельную комнату и предстали перед всеми.

Поскольку Мередит дружила со всеми моими друзьями, я была уверена, что Трейси тоже будет здесь, хотя я и не видела ее с одним из ее нелепых бойфрендов. Мне не нужно было выискивать глазами Кэм и Лео, они-то уж точно будут здесь. Эльвира тоже присутствовала. Здесь же были Гас и Мария, Джури с пышной, великолепной американкой, у которой явно были мексиканские корни, в сказочном красно-черном платье, а также был Вон со своей женой Лючией.

И я сразу же поймала себя на мысли, что Трой со своей надоедливой девушкой Ханной тоже должен быть здесь.

Последние четыре месяца мы почти с Троем не общались, поскольку он не обрадовался, что я снова сошлась с Хоком, выдав мне мрачное предупреждение, что если такое случилось однажды то, может случиться и снова. Я подумала, что Трой хотел в глубине души остаться моим другом, я тоже хотела.

Но удавалось ему это с трудом.

Однажды мы встретились, и он опять решил выяснить все до конца. Но, когда он пришел ко мне, то Хок тоже был дома, поэтому Трой ушел, не скрывая своего отношения к Хоку. После этого он стал предварительно звонить, чтобы быть уверенным, что Хока поблизости нет. Я говорила ему, что у нас все хорошо, хотя поведение Троя меня и раздражало. Да, согласна Хок поступил с ним грубо, даже очень грубо, но недели переходили в месяцы, а Трой не собирался встречаться с Хоком, который продолжал делать меня все счастливее и счастливее, и не собирался давать Хоку шанс, как всем остальным, показать себя с хорошей стороны. И поскольку Трой был мне хорошим другом, он явно переживал об этом, обо мне и моих отношениях с Ястребом.

Я имею в виду, что я же мирилась с его Ханной, не говоря ему ни слова, несмотря на то, что она была надоедливой и все время цеплялась за него, и я была не единственной, кто так думал.

К сожалению, однажды я заверила Троя, что Хока нет, и в ближайшее время он не покажется, но насколько же я была удивлена, когда через несколько минут (Трой только успел открыть пиво) появился Хок, Трою ничего не оставалось, как поставить свою открытую бутылку пива на стол, взглянуть на Хока соответствующем взглядом, сказать мне увидимся и уйти.

Во всей этой ситуации меня больше всего удивлял не Трой, а Хок. Потому что Хок стал точь-в-точь, как Камилла. Если он считал должен что-то сказать, он обязательно говорил. Он был прямолинейным, хотя и мог быть нежным, но он ни минуту не колебался, если что-то было у него на уме. Но он оставил меня разбираться с Троем самой, не выдавая своих комментариев. Я решила, что это говорит о многом, в основном, Хок знал, что Трой для меня значит очень многое, и он решил отступить, не пытаясь меня перетянуть на чью-либо

из сторон, видно, он хотел посмотреть, как будут разворачиваться события и чем все закончится. Я выяснила свои отношения с Троем, Хок продолжал хранить молчание, не собираясь извиняться перед ним.

— Ты надела Валентино! — взволнованно воскликнула Трейси, пританцовывая, как всегда, при этом захлопав в ладоши, Эльвира двигалась за ней.

Я обняла ее, потом Трейси передвинулась к Хоку, поцеловав его в щеку, а я обняла Эльвиру. Эльвира не стала целовать Хока в щеку, просто кивнула и отступила на шаг, повернувшись ко мне.

— Подруга, ты выглядишь так сексуально! — заявила она. — В этом платье... а в этих туфлях, ты просто огонь. И твое лицо говорит, будто ты только что занималась сексом!

Я замерла. Хок усмехнулся и притянул меня ближе к себе.

— Говорил тебе, — прошептал он мне на ухо.

Прежде чем я успела ответить к нам подошли Мередит с папой, Гас и Мария шли за ними.

— Привет, детка, — произнесла Мередит, как только приблизилась и обняла меня.

— Прости, мы опоздали, — ответила я ей, обнимая в ответ, она отступила, продолжая удерживать меня за плечи.

— Сейчас час коктейлей. Мы не сядем за стол еще двадцать минут, так что ты не опоздала, — она улыбнулась и повернулась к Хоку, а папа перешел ко мне.

Я получила обнимашки сначала от папы, потом от Марии и Гаса, мы стояли полукругом и Гас посматривал на меня с хитрой ухмылкой.

— Красивое платье, — заметил он с коварным подтекстом, я на мгновение прикрыла глаза, а Хок снова хмыкнул.

Пора продвигаться дальше!

Я повернулась к отцу и Мередит.

— Мы можем сейчас вручить вам подарки? — спросила я.

— Конечно, милая, — ответила Мередит, и я открыла свой темно-серый, атласный клатч с застежкой, усыпанной кристаллами, и вытащила большой конверт.

Из него я извлекла небольшой, белый конверт и протянула его отцу.

— Билеты на игры сезона Бронкос, — объявила я, папа уставился на меня. — С сорока ярдов. Хоук знает, что это такое. — Отец перевел свой взгляд на Хока. — С годовщиной, папа, — закончила я. *(Дэ́нвер Бро́нкос — профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге. Являются членами Западного дивизиона Американской футбольной конференции Национальной футбольной лиги, — прим. пер.)*

— Черт побери! — пробормотал он.

— От меня и Кейба, — ответила я, хотя Хок хотел приобрести их сам, но билеты все же купила я, в результате огромной перепалки и боя с ним, который я все же выиграла. Хок таким образом, мог испортить меня, но я настояла на своем, что должна сама сделать подарок своему отцу. Я хотела заплатить за него сама, потому что папа стоит каждого цента, который я могла на него потратить.

— У меня нет слов, — прошептал папа.

— Ничего не говори и давай я тебя обниму, — улыбнулась я ему.

Он перевел взгляд на меня, но даже не улыбнулся. Он взял мое лицо в ладони и от его взгляда у меня в глазах защипали слезы. У него была дочь, которая в данный момент была под стражей и другая дочь, которая прошла через муки ада из-за нее. Тем не менее, я была

жива, дышала, была одета в великолепное платье и сногсшибательные туфли, и я так сильно любила своего отца, что достала ему билеты на Бронкос, он всегда мечтал посмотреть их игру. Его глаза были прикованы к моим, и я поняла, что он подсчитывал их стоимость, и я также поняла, что билеты на игры Бронкос в его списке стояли не на самом верху списка, на самом верху его ценного списка стояла я.

Затем он опустил свои руки и хлопнул Хока по плечу в знак благодарности.

Ладно, пошли дальше.

Я протянула Мередит конверт.

— Это для тебя.

Ее брови сошлись на переносице, папа не сводил с нее глаз, когда она открывала конверт.

— Это просто формальность, — заявила я, вдруг занервничав. — И это была идея Кейба. Я имею в виду, для меня все было понятно в день вашей свадьбы, когда ты вела меня с собой к алтарю. Я всего лишь официально закрепила это.

Она вытащила бумаги и посмотрела на меня.

— Что это за официальные документы?

— Это документы на удочерение. Если ты их подпишешь, я по праву, юридически буду считаться твоей дочерью.

Окружающие затаили дыхание, у Мередит отвисла челюсть, а глаза стали огромными. Обычно я запросто могла считывать реакцию Мередит, Хок тем более, да кто угодно мог, но сейчас я не могла. Я не знала, чего ожидать, когда отдала ей документы, но я мечтала об этом очень много раз. Я знала, что она очень меня любила, но в данный момент мы находились в шикарном отеле, праздновали их совместную годовщину свадьбы, я понимала, что она не сделает сальто-мортале на четырехдюймовых каблуках, но я надеялась хотя бы получить от нее радостную улыбку.

Поэтому я так разнервничалась, что выпалила:

— Понимаю, что это немного странно, удочерить тридцати трехлетнюю женщину, но... почему бы и нет? — она молча пялилась на меня, и я вдруг подумала, что, наверное, ее оскорбили мои действия. — Я имею в виду... я хотела сказать, что я всегда думала о тебе, как о своей маме, но я хотела просто... не знаю, чтобы ты знала, что... я чувствую, и так было всегда.

Мередит не двигалась и не проронила ни слова.

— Ты не обязана их подписывать, — заверила я ее. — Это нормально. Между нами ничего не поменяется. Я...

Я заткнулась, потому что она наконец вышла из транса и дернулась всем телом к отцу, с трудом прошептав:

— Бакс, срочно найди мне ручку.

Она обращалась к отцу, но Гас протянул ей ручку, а рука Хока свернулась вокруг моей шеи, притянув меня к своему боку, когда мои глаза наполнились слезами.

Мередит посмотрела на меня.

— Сейчас, милая, ... я не знаю, что сказать.

— Подпишите бумаги, и этим будет все сказано, — ответил за меня Хок нежным голосом, поглаживая меня по шеи пальцем.

Мередит взглянула на бумаги, и когда она подняла глаза на меня в них виделись слезы.

— Это лучший подарок, который я когда-либо получала, — прошептала она.

Трейси издала приглушенный вскрик, я отошла от Хок и обняла Мередит, слеза скатилась у меня по щеке.

— Я так тебя люблю, — тихо произнесла я ей на ухо, и она обхватила меня руками. — Думаю, я влюбилась в тебя сразу же, как только увидела.

— Ох, дорогая, — прошептала она в ответ, сжимая свои объятия.

Мы долго так стояли, потом я отстранилась от Мередит и подошла к Хоку, обняла и поцеловала его в щеку. Гас все еще протягивал ручку, Мередит подписала документы, положила их обратно в конверт и протянула их мне, я передала их Хоку. Он сложил вдвое конверт и засунул его во внутренний карман. Его адвокат составил документы и, наверное, Эльвира, вернет их ему подписанными.

— Мне нужна перезагрузка, — объявила Эльвира, и я посмотрела на нее, она адресовала свои слова Хоку.

— Твоя женщина здесь уже больше пяти минут и у нее нет в руках бокала с мартини. Что?! Думаешь, купив ей туфли за двенадцать сотен доллара, дает тебе право расслабляться и не быть джентльменом?

Трейси хихикнула.

Я повернулась и взглянула Хоку в глаза.

— На самом деле, просто к твоему сведению, купив мне туфли за двенадцать сотен долларов дают тебе *абсолютное право* расслабиться и не приносить мне выпивку.

И я увидела ямочки Хока, которые тут же исчезли, я больше их не видела, потому что он опустил голову и оставил легкий поцелуй у меня на губах.

Затем он поднял голову и спросил:

— Кто еще хочет выпить?

— Я, — ответила Трейси.

— Я уже сделала заказ, — добавила Эльвира.

— Белое вино, дорогой, если тебе не трудно, — заявила Мередит.

— Куба-либре, *querido*, — пробормотала Мария.

— Я пойду с тобой, — предложил Гас, и они ушли, а ко мне подошла поближе Мария, но она приблизилась еще ближе, и я с удивлением взглянула на нее.

— Мои мальчики, — произнесла она, глядя им вслед, — такие же, как их отец, также ведут себя как их отец, но он привил им и еще кое-что, — она вдруг замолчала, а потом произнесла с огромной улыбкой, — чувство отменного вкуса.

Я секунду смотрела на нее во все глаза, а затем закинула голову и громко рассмеялась.

* * *

Ужин закончился, но вечеринка (другими словами, выпивка) не закончилась.

Я сидела рядом с Лео, но прислушивалась к словам миссис Мэйхью и Эммы, обе были навеселе, поэтому весело щебетали, рассказывая Эльвире о прошлогоднем юбилее Мередит и отца.

Вдруг Лео взял меня за руку, привлекая к себе мое внимание, я взглянула на него, и он указал мне глазами через комнату.

Мои глаза последовали за ним и у меня тут же потеплело на душе. Кэм стояла рядом с Мередит и показывала свое кольцо на пальце, поэтому они и опоздали сегодня на вечер, потому что он попросил Кэм выйти за него замуж.

Вот вам и причина, по которой они опоздали.

— Вечеринка нижнего белья, дорогая, — услышала я Лео, как он прошептал мне на ухо, я улыбнулась и повернулась к нему лицом. — Ты обещала, — закончил он, поймав мой взгляд.

Я сжала его руку и шепнула:

— Ты счастлив?

— Она счастлива, да, и я, — ответил Лео.

Это был великолепный долбанный ответ.

— Люблю тебя, детка, — негромко произнесла я.

— Нижнее белье, — опять повторил он.

— Попался, — прошептала я улыбаясь.

— Гвен, можно тебя на минуту?

Лео и я повернули головы назад, перед нами стоял Трой и выглядел при этом несчастно.

Вот дерьмо.

Я кивнула, еще раз пожав руку Лео, а затем поднялась из-за стола. Трой обнял меня за спину и стал выводить из комнаты. Я поискала глазами Хока, мне хотелось, чтобы он знал с кем я и где, но его нигде не было.

Как только мы вышли в коридор, я повернулась к Трою.

— Трой, я...

— Всего лишь минуту, Гвен, ты можешь мне уделить? — спросил он, и я подумала, что он в таком плохом настроении, потому что у него идет что-то не так. Не трудно было догадаться. Хок не стеснялся проявлять свои чувства на публике, он был альфа-самцом по жизни, просчитывая шаги заранее плюс его чувство собственности, например, как положить руку на спинку моего кресла, пока мы сидели или провести рукой по моей заднице, когда он замечал глаза другого мужчины, который пялился на мою задницу, все в таком же духе.

И то белье, которое я надевала на ночь, Трою все это нравилось не очень.

Мы повернули за угол, и оба замерли, когда увидели Хока, стоящего к нам спиной, примерно в восьми шагах впереди по коридору. Женская рука покоилась у него на шеи, когда он склонил голову, а другая женская рука обхватывала его за спину.

Я открыла рот как в немом кино, почувствовав обжигающее дыхание, мне казалось, что я схожу с ума, Трой крепко обнял меня за талию, наверное, я пошатнулась на своих каблуках.

Буквально через наносекунду Хок передвинулся, руки женщины исчезли с его тела и до меня дошло, что он оттолкнул ее от себя, причем грубо.

— Какого хрена? — прошипел он, его голос звучал грозно, обдавая женщину кислотой, было удивительно, что обои на стенках не отвалились.

— Я..., — начала она.

— Ты сказала, что хочешь поговорить со мной о моей женщине и твоём бойфренде, — прогремел Хок.

— Я..., — повторила она.

Хок снова ее прервал:

— Господи, бл*дь, что с тобой такое?

— Я..., — попробовала она еще раз, но ей так и не удалось закончить фразу.

— Назови мне хоть одну хорошую причину, чтобы я не вернусь в комнату, чтобы сказать твоему парню, что ты лапала меня руками и своим ртом, — потребовал Хок.

— Он не поверит тебе, — наконец, она пришла в себя, и мое тело навалилось на Троя,

он же проделал тоже самое.

Этот голос я узнала, он принадлежал надоедливой, *алчной* подруге Троя — Ханне.

— Ты права, — ответил Хок. — Он не поверит, потому что я скажу тебе кое-что, ты дермовая женщина, он хороший парень и достоин намного бл*дь лучшей, чем ты.

О Боже.

Я должна поставить точку в этой ситуации, ради Троя, поэтому произнесла:

— Кейб, милый, — позвала я его и Хок резко развернулся к нам. Я увидела, как он прищурился, подбородок напряжен, когда он скользнул взглядом по Трою и мне.

— Черт, — пробормотал он.

Ханна не сводила глаз с Троя, ее глаза были огромными, лицо бледное.

— Трой, — прошептала она.

— Надеюсь, у тебя есть деньги на такси, — только и сказал Трой.

— Хм... — она сделала шаг вперед, но я встала между ней и Троем, можно сказать прикрыв его своим телом, поэтому она остановилась. — Трой, это не то, что..., — попыталась она.

Трой прервал ее.

— Хватит, Ханна, я все видел. Не добавляй всякой х*йни, чтобы я не назвал тебя шлюхой.

Ханна поморщилась. Я позволила Трою встать рядом с собой. Хок внимательно разглядывал Троя, поскольку все молчали, он повернулся к Ханне.

— Думаю, ты поняла намек, что тебе лучше свалить отсюда, — она взглянула на него, ее лицо по-прежнему было бледным, но мне показалось, что оно еще больше побелело, но она кивнула.

Затем она направилась ко мне и Трою, я смотрела на нее таким взглядом, словно готова была проткнуть острыми, смертоносными кинжалами, но, к сожалению, с ней ничего не случилось. Она молча обошла нас, поскольку не я ни Трой не собирались освободить ей путь, и скрылась за углом.

Хок подошел к нам, не отводя глаз от Троя.

Посмотрел на меня и тихо спросил:

— Ты справишься, детка?

Я утвердительно кивнула. Он вскинул подбородок, еще раз взглянул на Троя, обошел нас вокруг, скользнув рукой мне по бедру.

Видишь. В этом и был весь Хок — альфа-самец с замашками собственника, которые проявлялись в нем постоянно, даже когда никто их не видел!

И Хок исчез.

Я встала перед Троем и взглянула в его каменное лицо.

— Может нам взять пиво, текилу или поехать на стрельбище? — спокойно поинтересовалась я, и рука Троя вокруг моей талии рефлекторно сжалась.

— Бл*дь, Гвен, — прошептал он.

Я прижалась щекой к его плечу и еще крепче обняла его.

— Дерьмо, — повторил он мне в макушку.

— Хок был прав, дорогой, ты действительно достоин намного лучшего, чем она.

Его другая рука обняла меня, теперь пришла его очередь крепко сжать свои объятия.

Мы молча стояли, обнявшись какое-то время, потом Трой пробормотал:

— Возможно, он не такой уж и мудака...

Я сжала губы, пытаясь подавить улыбку, и расслабилась в его руках.

Затем я подняла голову и прошептала ему на ухо:

— Я так скучала по тебе, — прошептала я. — Сильно, Трой. И так сильно волновалась.

Хорошо, что ты вернулся, детка.

Трой уткнулся лицом мне в шею, я закрыла глаза и ощутила пьянящее чувство — рядом со мной были все, все, кто был для меня дорог (спасли мою сестру, и она будет в программе защиты свидетелей, хотя я все время себя успокаивала тем, что она будет защищена) и получается, что моя мечта осуществилась и стала настолько абсолютной, самой превосходной мечтой. Лучше, чем я могла себе даже представить, и не только потому, что моя мечта была настолько превосходной, а потому что она стала реальностью.

Я не стала дожидаться ответа Троя, улыбнулась своей самой потрясающей улыбкой и объявила:

— Значит текила.

Трой оторвался от моей шеи, слегка улыбнулся не очень счастливой улыбкой и прошептал:

— Точно.

Я вздохнула и развернулась вместе с ним под руку, направляясь в сторону бара.

* * *

О Боже.

Дома мне пришлось постараться!

— Малыш, — прошептала я, уткнувшись лицом в шею Хока, обнимая его за плечи, пока его руки были у меня на бедрах, а я сидела на нем верхом.

Его голова повернулась, и он прорычал мне на ухо:

— Рот, — я мгновенно повернула голову к нему, мои губы тут же опустились на его, у него вырвался стон. — Жестче, детка, ты почти уже у цели.

— Хок, — захныкала я ему в рот, резче скача на нем, обхватив его за голову обеими руками.

— Кейб, — поправил он меня своим густым голосом. — Ты называешь меня Кейбом, когда мы дома.

— Кейб, — прошептала я и ахнула, выгнув спину и шею, потому что меня накрывала волна оргазма.

Его руки запутались в моих волосах, он нежно потянул, заставляя меня выгнуться еще больше, и я ощутила его губы у себя на соске, он глубоко взял его в рот и начал сосать, продлевая мой оргазм, новая волна жара устремилась по всему моему телу. Он выпустил мой сосок, другой рукой жестко дернул меня вниз на свой член, зарывшись лицом между моих грудей и застонал.

Красиво.

Мы стали приходить в себя, его губы скользили вдоль внутренней стороны моей груди, где он меня целовал. Я прижала его голову к себе, смотря на него сверху-вниз, его рука по-прежнему была в моих волосах, а потом он направил мою голову к своей, подарив мне сладкий, горячий, влажный, вкусный поцелуй.

Когда он отстранился, я хвастливо прошептала:

— Я потрудилась дома.

Я почувствовала, как его губы расплылись в улыбке.

— Да, детка, ты потрудились.

Я оторвалась на дюйм от его лица, обхватила его рукой за шею, а другой за подбородок.

— А для тебя разве это работа? — тихо спросила я.

И увидела ямочки на его щеках, которые становились все больше.

— Ты серьезно спрашиваешь про это дерьмо?

— Хм..., — ответила я.

Он притянул мою голову, оставляя свою руку у меня в волосах, легко поцеловав и ответил:

— Да, Гвен, — он подарил мне еще один легкий поцелуй, затем опустив голову, поцеловал в ложбинку на шеи, пробормотав: — Да.

— Ура, — прошептала я.

Он провел носом по моему подбородку, затем слегка отстранился, его руки покоились на моем платье, которое было задрано до талии. Он потянул его вверх, я подняла руки, и он, сняв, отшвырнул его в сторону.

Нормально, я так заботилась о дорогом, атласное платье, а он просто бросил его на пол.

Но я промолчала.

Хок упал на спину, утягивая меня вместе с собой, перекатился, я оказалась на спине, к сожалению, он вышел из меня, но смогла пережить эту потерю, потому что теперь чувствовала его горячую кожу и вес сильного тела.

Его губы находились у меня на шее, и он сказал:

— В следующий раз, когда ты наденешь эти туфли, детка, я возьму тебя, поставив на колени, и ты не будешь снимать их.

Я повернула к нему голову, чтобы взглянуть на выражение его лица.

— Тебе правда очень нравятся эти туфли?

— Очень, Душистый горошек, эти туфли очень сексуальные.

Я моргнула, глядя на него. Я еще могла понять платье, которое открывало мое тело, и давало намеки на те части, которые можно было назвать интимными, но я была поражена, что такой задира может оценить идеальную обувь для Золушки.

— Правда? — спросила я.

— Почему тебя это удивляет?

— Хм... они атласные и усыпаны кристаллами, и если бы братья Гримм могли предвидеть, они бы поняли, что наступит такой день, когда, на самом деле, в реальности появятся туфли для Золушки. Это не та обувь, которую любят командос.

— Конечно, нет, это обувь, которую носят женщины парней командос. Высокий каблук, у тебя отличные ноги, детка, и идеальная задница, но эти туфли сделали невозможное, они сделали твои ноги и задницу бл*дь, еще лучше.

Это была правда.

Хотя я бы не сказала, что моя задница настолько уж замечательная, но от слов Хока мой живот сделался мягким и внизу стало тепло.

— Итак, — я скользнула руками по его спине, обхватив его за талию, — ты хочешь сказать, что купил мне эти туфли, потому что они тебе понравились?

— Нет, милая, я купил тебе эти туфли, потому что, когда я увидел их на тебе, в ту минуту, когда ты подняла на меня глаза, я понял, что ты очень их хочешь. На твоём лице было написано восхищение, — он прошелся по виску, затем убрал локон, а потом его рука

обхватила меня за шею, и когда он снова заговорил, его голос звучал нежно. — Я сделаю все, чтобы ты смотрела на меня таким взглядом, Гвен, и я буду делать это долго, насколько смогу, удивлять тебя, знаю, что тебе нравится меня баловать, и мы сохраним эту нашу способность, и я буду баловать тебя до тех пор, пока хватит моих сил.

Господи. *Бог мой. Я любила этого мужчину.*

— Хок, — прошептала я.

— На меня произвело эффект, что ты надела потрясающее нижнее белье в знак благодарности.

Я улыбнулась ему в ответ и спросила:

— Ты оценил?

— Детка, вид твоего тела в красивом белье до сих пор выжжен у меня в мозгу. Бл*дь, я все еще вижу тебя перед глазами.

Я хихикнула, и у Хока появились ямочки.

— Ну, я хорошо это знаю, — сообщила я ему. — Думаю, ты снял его потому, что оно мешало тебе. Я рада, что мои усилия были оценены по достоинству.

Он наклонился и прикоснулся губами к моим, шепча:

— Я все в тебе оценил по достоинству, Гвендолин.

Мой желудок растаял, у меня екнуло сердце, и я почувствовала першение в горле.

— Кейб, — прошептала я в ответ, и мои руки оставили его талию, обхватив с обеих сторон его голову. — Ты должен знать, я живу в мечте. Настоящей. Я никогда не была так счастлива. Ни разу, малыш, за всю свою жизнь. — Я подняла голову, обхватила его за плечи и поцеловала в подбородок, прошептав на ухо: — Спасибо тебе, Хок, за все.

Он перекатился на бок, обняв, уткнувшись головой мне в шею, прошептал:

— Пожалуйста, Душистый горошек.

Я вздохнула, почувствовав его запах.

Он коснулся языком мне за ухом, затем перевернул меня, прижав мою спину к своей груди, он передвинулся, только чтобы выключить свет, затем прижался ко мне опять, укладываясь, таким образом говоря мне «спокойной ночи».

Я же решила сказать вслух:

— Спокойной ночи, малыш, люблю тебя.

Он положил мне руку на живот, потом приподнял голову и прошептал мне в волосы:

— Люблю тебя, Гвен, — приказав: — Давай спать.

Такой командир.

А если серьезно, меня это разве волнует?

Ответ был — большое, толстое нет!

Поэтому я прижалась своей задницей к нему, он положил на меня свою ногу и ответила:

— Хорошо.

И примерно через пять секунд, я сделала то, что он мне сказал.

Глава тридцать пятая

Сделка?

Я чувствовала губы Хока на своем бедре, потом они исчезли, но его рука двинулась вверх, снимая одеяло, и я открыла глаза, уже рассвело.

Я повернула голову, он склонился над кроватью полностью одетый.

— Мне нужно разобраться с некоторым дерьмом, Душистый горошек, — пробормотал он, опуская голову, чтобы оставить легкий поцелуй.

— Хорошо, — пробормотала я, когда его губы оставили мои.

— Увидимся вечером, — продолжал он, опять натянув на меня одеяло до плеч.

— Да, — ответила я, поворачиваясь на бок и засовывая руки под щеку, закрывая глаза.

Он отодвинул мои волосы с шеи, и его губы прошли по моему уху, прошептав:

— Люблю тебя, детка.

— Я тоже тебя люблю, Кейб, — сонно ответила я.

И он ушел.

* * *

Мой телефон пискнул, сообщив об смс-ке, я вновь открыла глаза и посмотрела в окно, уже полностью рассвело.

Была пятница. И мне предстояло сделать работу, потому что крайний срок наступал в понедельник. Я почти уже закончила, и если мне удастся все завершить сегодня, то смогу выходные посвятить себе и делать все, что захочу. Мне было необходимо выполнить работу и иметь полноценные выходные, чтобы сделать то, что я хотела, у меня были большие планы. Должно было состояться предварительное слушание дела Джинджер, поэтому Мередит, папа и я собирались посетить здание суда. Это означало, что мне необходимо свободное время, чтобы бы я смогла там побывать, а также означало, что мне не стоило перед этим испытывать стресс, хотя бы по поводу моей работы.

К счастью, хотя это было необычно, вторую часть плана изменить уже было невозможно. Поэтому мне было необходимо, закончить свою работу, чтобы я смогла осуществить вторую часть.

Поэтому я повернулась в постели и взяла свой телефон, который лежал рядом со снежным шаром Kitty.

Затем я увидела фотографию поларойда, которую Хок должно быть вытащил из кармана пиджака и положил на тумбочку.

Я взяла ее в руки и внимательно стала рассматривать. Скорее всего девушка Жури, Глория сделала ее прошлым вечером. На ней была изображена я — в своем сказочном платье и в своих бесконечно более сказочных туфлях, я сидела на коленях у Хока, обхватив его руками за плечи, а его руки обвивались вокруг моей талии. Моя голова запрокинулась назад, я так хохотала, видно, что-то сказала Эльвира. Хок тоже смеялся, но не так, как я, но его лицо смотрело прямо в камеру.

Мне так понравилась фотография, что захотелось поставить ее на камине в рамку, а не просто иметь какой-то полароид.

Я отбросила фотографию, улыбка играла у меня на губах и взяла свой телефон. Я открыла сообщение и мое тело заморозилось, жар опалил мои легкие, а каждый дюйм кожи покалывал, как будто был закован в лед.

Это было текстовое сообщение с изображением. В сообщении было сказано: «Обмен на Джинджер». Фотография была крошечной, но я все равно разглядела ее с дрожью в теле, у меня дрожали руки, когда я приподнялась на кровати и коснулась экрана, чтобы увеличить фото.

Я всхлипнула от страха.

Хок.

О Боже. О Боже мой. О Господи. Хок.

Он на чем-то был подвешен, его руки были за кадром подняты высоко над головой. Сфотографировали только его голову, наклоненную вперед, взгляд был бессознательный, устремленный куда-то вдаль. Была видна кровь, текущая из уха, вниз по щеке, а также кровь, которая сочилась из разбитой губы, скула с этой стороны тоже была красной и припухлой.

Телефон пискнул у меня в руке, пока я заворуженно смотрела на фото, пытаюсь дышать, но у меня с трудом получалось, поэтому я вскочила с кровати. Закрыла фотографию и перешла к смс-ке.

Мне пришла новая смс-ка, в которой было всего лишь одно слово: *«Сделка?»*

Я начала дышать через нос, но мне все равно не хватало кислорода, и мои глаза сами по себе двинулись к полароиду.

Смеющийся, рядом со мной, счастливый.

«Ты со мной, не так ли, малыш?»

«Полностью увяз».

О Боже.

Я закрыла глаза и увидела его, как он смеялся на полароиде, этот образ был словно выжжен у меня в мозгу.

Таких чувств и ощущений Хок не испытывал восемь лет. Именно тогда, я это поняла. Я получила его полностью. Он постоянно видел свою жену и дочку, фото, которых носил у себя в бумажнике, которое просто запечатлелось у него в голове, и каждый раз, когда он закрывал глаза, каждый раз, когда он отправлялся кого-то защищать, все время он видел только их и все совершал только ради них. Именно поэтому он спрятался от этого мира. Именно поэтому его мир стал таким маленьким и тусклым. Он старался все контролировать, потому что его погибшая семья все время напоминала ему об этом, и он уговорил себя, что счастья у него ничего уже не будет.

Я открыла глаза и нажала ответить.

И набрала *«Сделка»* и ударила *«отправить»*.

* * *

Тэк выходил из одного из трех больших отсеков гаража, которые располагались с задней стороны Ride. Он видел мою подъезжающую машину.

То, что произошло с Хоком, соединило нас опять с Тэком, мы снова с ним стали «мы». Конечно, это не подразумевало, что я могу спать в его постели или позволять ему дотрагиваться своим языком до моего, но первым делом я написала ему, мне показалось, что ему очень важно и необходимо было узнать об этом, наверное, это главная черта умника, и Тэк ответил именно так, как отвечает байкер, который тоже не дурак, выдавая соответствующий комментарий девочке Cosmo.

А еще было нечто совсем из ряда вон выходящее — я и Треиси приехали на вечеринку Хаоса, чертовски забавную и веселую вечеринку, и большую часть времени провели с Тэком и его малышом байкером, выпивая с ними текилу и поедая великолепные сэндвичи из свинины.

Хок не возражал, поскольку он точно знал, что я была полностью влюблена в него, и не

возражал еще и потому, что сам отвез нас на эту вечеринку, а потом забрал домой. Он отнесся спокойно к вечеринке, потому что Суарес сидел в черном внедорожнике через дорогу от Ride, направив бинокль на огромного борова, жарящегося на вертеле, а также на нас, хотя сама вечеринка проходила в огромном ангаре за зданием Ride.

Я вышла из машины и захлопнула дверь, Тэк улыбнулся мне.

— Красотка, — произнес он.

Я побежала к нему, быстро сократив расстояние, он прошелся взглядом по моему лицу, его улыбка тут же пропала.

— Говори, Гвен, — велел он.

— Они забрали Хока, а взамен хотят Джинджер, — сказала я ему.

Все его тело напряглось.

— Кто? — прошипел он.

Я стащила сумочку с плеча и, отрицательно качая головой, стала рыться в ней, выискивая телефон.

— Не знаю, — я, наконец, достала телефон, открыла смс-ку и развернула экран к его лицу.

Его взгляд упал на фотографию на экране, и у него заходили желваки на скулах.

— Рорк, — выплюнул он.

Я закрыла глаза.

— Дог! — гаркнул Тэк, и у меня распахнулись глаза, он стоял и смотрел через плечо на отсеки.

— Тэк, — прошептала я, и положила руку ему на грудь, он повернул голову ко мне. — Я знаю, что ты и Хок... ты и я... Я знаю... я..., — я снова покачала головой. — Я должна его вернуть.

— Что я говорил тебе? — пророкотал он хриплым голосом.

Я моргнула.

— Что?

— Что я говорил тебе, Гвен?

— Я... Я не знаю, — прошептала я.

Он поднял руку и обхватил меня за шею, он крепко держал меня, потом нежно уткнулся в мою шею, и тут же поднял голову, глядя мне в глаза.

— Я говорил тебе все, Гвен. А это что-то да значит. Да?

Мои глаза наполнились слезами, я поджала губы и кивнула.

— Ты готова отказаться от Джинджер?

О Боже.

— А это необходимо? — спросила я.

— Ты должна сказать мне, что ты хочешь, чтобы я сделал.

Я закрыла глаза и рванула головой вперед, чтобы избавиться от хватки Тэка.

— Красотка.

Неужели я это скажу?

Я на самом деле собираюсь это произнести.

— Все, — прошептала я, мое сердце разрывалось.

Он посмотрел мне в глаза, потом кивнул.

Отпустил меня и приказал:

— Иди домой. Я позвоню, — я кивнула, но не сдвинулась с места, но заметила, что мы

были окружены Догем и другими байкерами. — Сейчас же, Гвен, — резко произнес он.

Я снова кивнула, потом бросилась к своей машине.

Но я не поехала домой.

Потому что, если я хотела обменять свою гребанную сестру, которая до сих пор была мне дорога, на своего мужчину, я была готова на все.

* * *

— Ты с ума сошла? — завизжала Кэм.

Мои глаза тут же метнулись на командос, которые сидели за своими станциями слежения в командном центре Хока, за пределами приемной Эльвиры. Я позвонила своим подругам, созвав их на экстренное заседание, включая Кэм и Трейси, Эльвира работала и не могла отойти, поэтому я подумала, что мы выбрали правильное место — ее офис, вернее базу Хока.

Я всего лишь сказала Кэм, что я хочу.

— Потише, — приказала Эльвира, и я снова посмотрела на Кэм.

— Мне необходимо, чтобы ты сделала это, — зашептала я.

— Во-первых, детка, эту информацию *не легко* найти, во-вторых, даже если мне повезет, я скажу тебе, что если федералы потеряют своего главного свидетеля, это будет огромное дело, огромное дело в кубе, я не только поджарю свою задницу, а скорее всего мне будет маячить тюрьма, — ответила Кэм.

Дерьмо. Я не подумала об этом. Почему я не подумала об этом? *Вот дерьмо.*

Кэм не могла найти информацию о местонахождении Джинджер.

Эльвира передвинулась к компьютеру.

— Давай-ка я попробую заняться этим, — пробормотала она.

— Заняться чем? — спросила Трейси.

— Я попробую порыться в файлах, о которых говорили парни, посмотрю там, куда мне не разрешено заходить. Вообще-то не так много файлов, куда я не могу получить доступ, но Хок держал все дерьмо на Джинджер в отдельном месте, также как и на Рорка, под сложным паролем. Нулевой доступ, кроме него и Хорхе. Это не значит, что парни не в курсе всего этого дерьма, но Хорхе исчез сегодня утром, он в офф-лайне. Поэтому он не знает, что я пытаюсь взломать их пароль.

Я посмотрела на спецназовцев. Казалось, они все занимались своим обычным делом. Они не знали, что их босс был подвешен за руки и находился фактически без сознания, и у него шла кровь из уха.

А кровь из уха — это серьезно?

Я потрясла головой, прогоняя эту мысль, и посмотрела на Эльвиру.

— Давай, сделай это, — попросила я. — Но действуй осторожно, и если ты решишь, что они могут помочь, ты сообщишь информацию, чтобы они мобилизовались, *но только* если ты думаешь, что командос не подставит Хока в еще большую опасность. — Эльвира кивнула в ответ, но она по-прежнему продолжала смотреть на экран компьютера, я повернулась к Кэм. — Не Лоусон, не Лео не знают.

— Детка, я люблю тебя и знаю, что ты сильно переживаешь о Ястребе, но ты должна позволить во всем разобраться копам, — посоветовала Кэм.

— Нет! — огрызнулась я. — Никаких копов. Я уже достаточно получила шансов, хватит

и того, что ты здесь. Они, наверное, следят за мной.

— О Боже, ты думаешь, они правда следят за тобой? — спросила Трейси.

— Да, — тут же ответила я и повернулась к Эльвире. — Если ты что-нибудь найдешь, позвони мне, я должна идти.

— Куда? — спросила Эльвира, ее глаза не отлипали от экрана компьютера.

— Найти Нейтингейла, — ответила я.

— Дерьмо, — пробормотала Кэм.

— Я пойду с тобой, — предложила Трейси, я посмотрела на нее.

— Нет, детка, — ответила я.

— Я пойду с тобой, — повторила Трейси.

— Нет, Трейси, это опасно. Останься здесь, может, ты поможешь Эльвире, — предложила я, зная, что это вряд ли.

Пальцы Эльвиры летали по клавиатуре.

— Я пойду с..., — снова заявила Трейси.

— Трейси..., — начала я, но остановилась, когда она схватила меня за руку.

— Я... пойду... с... тобой.

Я посмотрела в ее глаза.

И прошептала:

— Хорошо.

— Дерьмо, — снова пробормотала Кэм.

* * *

Трейси сидела в моей машине рядом со мной. Я ехала и пыталась сосредоточиться на дороге, ощущая подкрадывающуюся панику. Мобильник Трейси зазвонил, издавая своеобразный писк.

Она поднесла трубку к уху.

— Трой? — услышала я, почти сбиваясь с трассы.

Я тут же повернула в ее сторону голову.

— Трейси! Что ты...?

Она махнула на меня рукой, я уставилась в лобовое стекло на трассу.

Трейси продолжала говорить:

— Да, послушай, сейчас не лучшее время. Ты же в курсе тех злодеев, которые охотились на Джинджер? — наступила пауза. — Ну, сейчас они заполучили Хока.

— Трейси! — завопила я.

Она проигнорировала мой вопль.

— Да знаю я, знаю, что они хотят обменять его на Джинджер, но мне нужно, чтобы ты занимался своими делами и нашел какую-нибудь его компанию, связанную с Нельсоном Рорком или любую собственность, которая каким-то образом была связана с ним.

Это была хорошая идея.

А также, пожалуй, это был своего рода сигнал ФБР, управляющему супер компьютером в цокольном этаже федерального здания.

— Трейси, — попробовала я еще раз.

— Нет, конечно, мы не собираемся совершать никаких глупостей, — солгала она сквозь зубы.

Я закрыла глаза, потом быстро их открыла, потом завернула на Шпее, двигаясь в направлении 15-й Стрит.

— Ладно, если ты не хочешь помогать, не помогай. Но если что-то случится с Хоком и Гвен наберет еще семьдесят фунтов, перейдя на диету только из печени, не приходи в Nordstrom и не пользуйся своей скидкой для сотрудников! — произнесла она и отключилась, заявив:

— Он нароеет все, что сможет, поскольку любит костюмы от Армани.

— Я не могу поверить, что ты сделала это, Трейси, у него же могут быть неприятности.

— Не хорошо, конечно, но Хок тоже может умереть.

Это было правдой.

Я заскулила.

Голос Трейси стал более мягким.

— Все будет хорошо, детка.

Я сжала губы и повернула на 15-ю Стрит.

* * *

Мой телефон зазвонил, когда мы остановились, и я увидела, что это звонил Тэк, поэтому я взглянула на Трейси.

— Ты не принесешь нам кофе? Я должна ответить на вызов.

Она посмотрела на мой телефон, потом на меня, потом кивнула и направилась в сторону Рынка Лаример.

Я нажала принять звонок и приложила трубку к уху.

— Тэк.

— Красотка, как давно они звонили тебе? — спросил он.

— Они не звонили, — ответила я.

Наступила тишина, потом:

— Хорошо, детка, есть плохие новости и это все, что мне удалось добыть.

Мое сердце сжалось с такой силой, что я даже зажмурилась, пытаюсь заглушить боль.

— Какие плохие новости? — прошептала я.

— Мы мягко немного покопали и обыскали каждое место, где мог быть Рорк. Но ничего не обнаружили. У нас нет ни одной зацепки.

Дерьмо!

Я открыла глаза.

— Я знаю одного брокера. Он проверяет базы данных сейчас. Если он что-нибудь нароеет, я могу тебе об этом сообщить?

— Не пытайся разрешить ситуацию своей задницей, детка, позвони мне.

— Спасибо, — прошептала я.

— Созвонимся, — ответил он и повесил трубку.

Я посмотрела на улицу, Трейси нигде не было.

И я приняла решение.

Я еще раз прочитала пришедшую ранее смс-ку.

Потом набрала свою: *«Я не могу до нее добраться, но если вы готовы обменять Хока, то может я могу попросить мне помочь, чтобы узнать о месте ее нахождения Тэка, байкера из «Хаоса», парней Хока и, наверное, Митча Лоусона, который точно сможет*

отыскать Джинджер для меня. Я не лгу. И это не шутка. Сохраните его живым, чтобы передать мне, и вы получите Джинджер. Идет?»

Я нажала «отправить» и продолжала стоять на тротуаре в ожидании. Если бы даже кто-то прошел мимо, я бы не заметила. Я тупо стояла и смотрела на экран своего телефона.

Он защебетал.

Я открыла пришедшую смс-ку.

«Она на 83 Бэннок. Ты получишь ее, езжай туда и жди инструкций. Согласны на сделку».

Дерьмо! Каким образом я заберу свою сестру с конспиративной квартиры ФБР?

Полное дерьмо!

Мой телефон снова пискнул, и я посмотрела на экран.

«Позвонишь в «Хаос», и получишь тело своего парня».

Я закрыла глаза.

Потом открыла, перевернула свой телефон и направилась к машине, набирая номер Тэка.

Трейси самостоятельно может добраться домой. Конечно, она разозлится, но дорогу к себе домой найдет. По крайней мере, она не окажется в тюрьме, которая явно мне светила.

Если мне повезет, то возможно и нет.

Я получила голосовое сообщение от Тэка, чтобы он перезвонил, поэтому положила свой телефон, села в машину и направилась к 83 Бэннок.

* * *

Я сидела в своей машине на Бэннок через два дома от 83 улицы, рассматривала этот дом и думала, что он выглядит довольно презентабельным, совсем не похожим на дом, в котором могут быть явочные, потайные квартиры. Нет, конечно, я понимала, что в этом доме находится ФБР, поэтому он полностью безопасный, но все равно.

Я перевернула телефон и отправила очередное сообщение.

Я набрала: «Прежде, чем я пойду к ней, я хочу получить доказательства, что Хок жив и здоров. Не его фотку. А я хочу услышать его голос».

И нажала «отправить».

Я снова сидела и смотрела на экран своего телефона.

И он зазвонил, номер был неизвестным, я глубоко вздохнула, нажала на кнопку «ответить» и поднесла телефон к уху.

— Привет, — прошептала я.

— Детка, не делай это дерьмо, — прорычал мне в ухо Хок, мои глаза наполнились слезами и сами собой закрылись.

— Я сделаю это, Кейб, — прошептала я в ответ, пока слезы текли у меня по щекам.

— Не делай этого, Гвен.

— Я слишком глубоко увязла в тебе, — по-прежнему прошептала я.

— Гвен.

— В тебе... и я не хочу всплывать, чтобы глотнуть воздуха.

— К черту, детка...

Я услышала в телефоне какой-то шорох, потом мужской голос сказал: «Сделай это. Будут дальнейшие инструкции».

И в телефонной трубке установилась тишина.

Я ударила головой о рулевое колесо, но я не почувствовала боли. Глаза все еще были закрыты, а слезы продолжали течь.

«Детка...»

Эти слова, словно были выжжены у меня в мозгу.

«Детка...»

— О Господи, — прошептала я, открыв глаза и уставившись на свои колени. — Если я не справлюсь, Джинджер, пожалуйста, прошу тебя, прости меня.

У меня сбилось дыхание и стало больно в груди, горло просто горело.

«Детка, не делай это дерьмо».

Еще один всхлип вырвался у меня из горла.

«Не делай этого, Гвен».

Руки сами собой потянулись к рулю и крепко его сжали.

«Не делай этого...»

Костяшки пальцев побелели, ухватившись за руль, но я не чувствовала его, я ощущала пальцы, обхватывающие меня за шею, мои руки словно уменьшились и стали маленькими ручками ребенка. Я словно вернулась на много лет назад, взглянув вверх и увидев Мередит в фате, улыбающуюся мне, смотревшую на меня сверху вниз.

Ее пальцы сзади на моей шеи были теплыми и родными.

Я чувствовала только слезы, сбегающие вниз.

Дерьмо. Я не могла этого сделать. Я не могла поменять свою сестру, дочь Мередит и моего отца, на своего мужчину. Я не могла.

Я с трудом отцепила руки от руля и закрыла лицо руками, рыдания вырвались наружу, и они были настолько сильными, что мои плечи сотрясались.

— Малыш, — рыдала я и передо мной стали проплывать фотографии нас двоих, которые я поставила в рамочки. — О Боже, малыш, — прошептала я, пока мои плечи тяжело тряслись от рыданий.

Вдруг распахнулась пассажирская дверь рядом с водительским креслом, я вздрогнула всем телом и повернула голову, сквозь слезы ошеломленно, как в замедленной съемке, я увидела Джинджер, которая запрыгнула на сидение рядом со мной.

— Как? — выдохнула я.

— Гони! — закричала она.

— Что? — шокировано переспросила я.

— Гони, сука, *давай!* — завопила она.

Я моргнула, выпрямилась, повернула ключ в зажигании и рванула с обочины.

Глава тридцать шестая

Первый урок для женщины командос

— Не мое шоу, Гвенни, но эти туфли отпадные, — сказала Джинджер с полным ртом Чикагского хот-дога с горчицей, венской говядиной с острым сыром из Mustard's Last Stand.

Хот-доги из Mustard's Last Stand всегда были любимым блюдом Джинджер, и это было первое место, в которое она захотела заглянуть после побега из тайной квартиры ФБР, когда оказалась в моем автомобиле, хотя я уже была явно на грани психического расстройства. Поэтому я направилась на бульвар Юниверсите, купила ей хот-дог с сыром, а потом поехала к автостоянке на бульваре Колорадо, чтобы она могла его спокойно съесть. Джинджер постоянно оглядывалась и проверяла нет ли за нами хвоста, но все было спокойно... хвоста не было.

Я подумала, что она бы точно его заметила, по крайней мере, это было облегчением.

В одной руке она держала свой хот-дог, в другой — фотографию, где была изображена я и Хок, и внимательно ее изучала.

— Джинджер, нам нужен план, — сказала я ей. — И мне кажется, что лучший план — отвезти тебя прямо в полицейский участок. Ты скажешь, что тебе безумно хотелось хот-дога из Mustard's, я случайно оказалась поблизости, борясь со своим нервным стрессом.

Ее взгляд скользнул по мне, и она спросила с набитым ртом:

— Ты сбрендила?

Ладно, понятно же, что выбора не было.

— Как насчет того, что я дам тебе свою машину и немного денег, мы поедем ко мне домой, я снабжу тебя своей одеждой, а потом ты уедешь в Канаду, — предложила я.

— Гвен, *твою одежду*..., — она замолчала и покачала головой.

— Хорошо, тогда мы отправимся в ближайший байкерский магазин, детка, или магазин для стриптизерш и купим тебе одежду.

Она зыркнула на меня и заявила:

— В Канаде холодно.

— Здесь тоже бывает холодно, — напомнила я ей.

— Да, несколько месяцев, а там холодно все время.

— На самом деле, это не так.

— Там слишком холодно.

— Не совсем так.

— Я не поеду в Канаду, — отрезала она, откусил хот-дог и, засунув фотографию в мою сумку.

— По аккуратней с моим полароидом! — закричала я, схватив фотографию, проверяя не согнула ли она ее и не поцарапала. Я вытащила, внимательно осмотрела фото, глубоко вздохнула через нос, убедившись, что все нормально, а потом посмотрела на другую, на которой смеялся Хок.

Мать твою.

— Гвенни, — прошептала Джинджер, я аккуратно, боясь повредить, положила фотографии в сумочку и только тогда взглянула на нее.

— Как насчет отправиться к папе? Папа всегда знает, что делать.

— Я не могу пойти к родителям. Я не должна быть здесь, с тобой, а они уже не молоды. Это дерьмо должно остаться между нами. Оно не должно затронуть их.

Вау. Кажется, Джинджер не зря провела свое время на тайной квартире, она изменилась.

Интересно.

— Мы пойдем к Тэку, — заявила она, и я во все глаза уставилась на нее.

— Джинджер, дорогая, ненавижу тебе напоминать, но ты должна байкерскому клубу «Хаос» два миллиона долларов.

— Да, ну, моими партнерами в этом деле были Фреш и Скиит, но они оказались таким тупыми ослами, что даже не смогли тебя похитить, они просто были не способны проделать это дерьмо. Было жаркое время. Тэк и его парни были повсюду. Мы не могли ничего предпринять, пока у них не спадет зщапал, я имею ввиду те, автомобили и байки, которые они делали по специальным заказам, пока они не разобрались со всем этим дерьмом. Это всплыло и было бы все возвращено, никто не знал, что произошло, и они облажались. У Фреша и Скиита количество клеток мозга — ноль, ни один из них не смог открыть сейф, хотя они сказали мне, что у них есть мозги, чтобы открыть сейф. *Я не знала*, как открывать сейф, и как разобраться со всем этим дерьмом, но я сделала кое-что, мне удалось перевести эти деньги на счета Эванс, сестры Скиита.

Это, однозначно, было хорошей новостью.

— Это хорошая новость, — сказал я ей.

Она запихнула в рот последний кусок хот-дога, смяла испачканную бумажную упаковку, воспользовалась салфетками и снова заговорила с набитым ртом:

— Я называю тебе координаты, ты звонишь Тэку, он присылает своих парней, они проверяют это дерьмо, и вывод — мои отношения с Тэком в ажуре. Потом мы встречаемся с ним, и ты пишешь смс-ку Рорку. И ты сообщаем им, что Тек их просто вырубит, — я глубоко вздохнула, потом сглотнула, но прежде чем успела что-либо сказать, Джинджер продолжила говорить:

— Если он сможет забрать меня к себе, после того как вырубит, будет просто отлично. Если он не может..., — она замолчала и пожала плечами.

Я уставилась на нее и спросила:

— Ты спятила?

— Нет, не спятила, Гвен. Ты не должна попасться в поле зрения Рорка.

— Ты тоже! — выстрелила я в ответ, она дернулась в мою сторону.

— Звони Тэку, пусть настроит интернет, — приказала она.

— Нет, Джинджер, мне больше нравится идея с Канадой, — ответила я. — Если ты не готова отправить в полицейский участок, то нам следует изучить план с Канадой.

— Сука, у них твой парень, — напомнила она мне, и у меня опять стало жечь горло, а слезы полились из глаз.

— Я знаю, — прошептала я, — но они не получают тебя.

— Ты забыла, что у них твой любовник, — повторила она.

— Хватит, Джинджер, я знаю это, ладно? Они не смогут добраться до тебя.

Она выхватила из моей сумочки фотографию поларойда и поднесла к моему лицу.

— Гвен, твою мать, у них...

Я вырвала фотографию и истерически закричала на нее:

— Я знаю!

И зажмурилась, отвернувшись к окну.

Джинджер молчала, пока я все еще боролась со слезами.

Потом я услышала ее шепот:

— Гвенни, позвони Тэку.

— Нет, — прошептала я в ответ.

Затем она сделала то, чего не делала уже очень давно. Я даже забыла, что это была ее привычка, по крайней мере, когда она была маленькой. Она всего лишь выражала таким образом свою сестринскую любовь ко мне.

Я вдруг почувствовала, как ее рука обвилась вокруг моей шеи, она уперлась лбом в голову и начала петь глупую, бессмысленную песню, которую сочинила, когда ей было всего лишь три года,

— Гвенни, Гвенни, хенни, фэнни, Гвенни, Гвенни, ленни, бенни, люблю свою сестренку... Гвенни.

Рыдания разрывали мне горло.

Я почувствовала, как она аккуратно вытащила полароид у меня из руки и прошептала:

— Ты не потеряешь его из-за меня.

Я повернула голову и мои глаза находились в дюйме от ее, мы не сводили друг с друга глаз.

— Я люблю тебя, детка, — прошептала я.

— Я знаю, — прошептала она мне в ответ. — Позвони Тэку.

Я втянула воздух носом и спросила:

— Тебе необходимо это сделать, не так ли?

— Я не могу даже толком выглянуть в окно, Гвен, они следят за мной, как..., — она закрыла глаза, потом открыла, но не стала заканчивать фразу, — во время пересменки, у них появился парень халявщик, он халявил во время пересменки, я была предоставлена сама себе, честно, я не могла поверить в свою удачу. Я пыталась найти хоть маленькую возможность в течение всего времени, чтобы воспользоваться и выбраться оттуда, и я не могла поверить своим глазам, когда увидела тебя. Естественно я воспользовалась. Я воспользовалась этим шансом, потому что они не смогли..., — она отрицательно покачала головой. — Но они доберутся до меня, Гвен. Рано или поздно они доберутся до меня. Они не могут удерживать меня, чтобы сохранить мне жизнь, это же очевидно, что они не могут сохранить даже тебя в безопасности. Я заварила всю кашу, и я хочу с ней закончить.

Я устала на нее. Она была права.

Вот дерьмо.

— Я позвоню..., — начала я, но вдруг неожиданно двери с моей и со стороны Джинджер распахнулись.

Мы моментально повернули головы, и я увидела перед собой красивого родного, если можно так сказать, американского мужчину, который тут же вытащил ключи из зажигания. У него были длинные волосы, сзади собранные в хвост, и я узнала его. Вэнс Кроу, один из парней Ли Нейтингейла.

Дерьмо!

Он отстранился, но его глаза ощупали меня сверху донизу, я услышала, как закричала Джинджер и поняла, что ее заставили выйти из машины.

— Ли хочет поговорить, — заявил Кроу. — Ты пойдешь сама или мне вытащить тебя?

— Я пойду сама, — прошептала я, вернув фотографию в свой клатч и отсоединив ремень безопасности, я вышла из машины.

Джинджер и я в сопровождении Вэнса Кроу и Люка Старка вошли в офис детектива Найтингейла.

Офис был шикарным, весь из полированного дерева с бронзовыми статуями.

Очень красивыми.

— Я не могу поверить, что ты бросила меня там! — с визгом кинулась ко мне Трейси, как только я сделала два шага внутрь помещения. Я повернулась к ней, она со всех ног ринулась ко мне, потом остановилась, как вкопанная, увидев Джинджер. — Святое дерьмо! Ты вытащила ее! — завопила она.

— Я не вытащила ее. Она сбежала, — ответила я.

— Полное дерьмо, — произнесла афроамериканка с прической афро, множеством мелких завитков, и прекрасными желтовато-карими глазами, сидя за стойкой регистрации и пляясь на Джинджер. — Крошка, похоже ты стала причиной всей этой суматохи? Федералы, копы, крутые командос — все ищут. Полиция Денвера, крутится, как волчки, везде рыская. — Она улыбнулась огромной улыбкой и кивнула, прежде чем закончить: — Иди, девочка.

Джинджер улыбнулась ей в ответ.

Я посмотрела в сторону двери, которые были открыты, и оттуда выходил Ли Найтингейл вместе с Хорхе.

— Смоки, — прошептала я.

— Думаю, что нам несказанно повезло, что ты не имела ни малейшего понятия о том, что Хок по-прежнему следил за каждым твоим шагом, детка, — сказал Хорхе, обращаясь ко мне. — За каждым твоим передвижением. Он установил устройство слежения у тебя на автомобиле.

Дерьмо.

— И в телефоне, — добавил Хорхе.

Дерьмо!

— И мы отследили *все твои звонки и сообщения*, — закончил он.

Полное дерьмо!

— Ладно, — пришла я наконец-то в себя. — Если вы отследили все мои сообщения, значит ли это, что вы с утра уже разыскиваете его?

— Ищи да найдешь, Гвен, — ввернул мне Хорхе. — И сейчас нужно действовать быстрее, мы не можем долго прикрывать твоё дерьмо, пока ты рыскала по всему Денверу, ища неприятности на свою голову.

Мое облегчение было настолько сильным, что я почувствовала даже головокружение.

— Вы нашли его? — выдохнула я.

— Спасательная операция уже подготовлена и все пришли в движение, у нас не получилось запереть тебя с сестрой в каком-нибудь безопасном месте, чтобы ты держала своё дерьмо подальше от неприятностей.

У меня тут же прошла радость облегчения, я прищурившись посмотрела на него.

— А что вы ожидали от меня?

— Не знаю, возможно примчаться к нам на базу и сказать, что Хоку угрожает опасность? — тут же выстрелил в ответ Хорхе.

Это правда, что я слышала сарказм в его голосе?

— Я не хотела, чтобы ты и все командос ринулись его спасать и его убили бы! —

закричала я.

— Часть бизнеса Хока включает в себя П и В, детка, — сообщил мне Хорхе.

— Я даже не знаю, что означает эта аббревиатура, — в ответ произнесла я.

— Похищение и выкуп, хотя для Хока, выкуп означает помощь, — просветил меня Хорхе.

Вау. Это было круто.

— Правда? — шепотом спросила я.

— Господи, — пробормотал Люк Старк.

— Ширлин, размести наших гостей с комфортом, — произнес Ли, явно с трудом сдерживаясь от моей перепалки с Хорхе, и направляясь к дверям на выход.

— Я пойду с вами, — объявила Джинджер.

— Ты возвращаешься к федералам, — констатировал Ли.

— Они разве хотят меня вернуть? — ввернула Джинджер.

Ли остановился рядом с ней.

— Они не всегда получают то, что хотят.

— Ее любовник может пострадать, — сказала ему моя сестра.

— Женщина, ты знаешь, кто я такой, ты знаешь, кто такой Хок, ты знаешь, что его парни прошли определенную подготовку, так что не говори ерунды, — предупредил ее Ли.

— Любовник моей сестры не может..., — начала Джинджер, но Ли ее перебил:

— Прямо сейчас он подвешен на крюке, Джинджер. Я что должен стоять здесь и выслушивать, как ты теперь сожалеешь, чтобы он еще больше там провисел. Заткнись, я смогу его вызволить и вернуть любовника твоей сестре. Ты еще что-то хочешь мне сказать?

— Мне кажется, нам стоит пройти в другую комнату, где мы будем в большей безопасности, — быстро заявила я, осматриваясь по сторонам и остановившись взглядом на Ширлин с желтовато-кариими глазами, по-прежнему сидящей за стойкой регистрации. — Ширлин? Вы не покажите нам, куда идти?

Она моментально подскочила со своего кресла.

— Это часть моей работы.

— Отлично, — ответила я, но голос звучал у меня неуверенно.

Ширлин обогнула стойку и взглянула на Джинджер, пока мужчины направились к двери. Она обхватила ее за плечи и потянула за собой.

Я все еще смотрела, как уходили мужчины, пока за последним из них не закрылась дверь, но он оглянулся и встретился со мной глазами.

— Будьте осторожны, — прошептала я, он кивнул, — и верните его мне.

— Меньше, чем через час, Гвен, он недалеко отсюда, — прошептал Ли в ответ, и слезы навернулись у меня на глазах, скатываясь по щекам.

— Спасибо, — прошептала я в ответ еле слышно.

Трейси обхватила меня за талию, я по-прежнему смотрела на Ли, который поднял вверх голову, выставив подбородок вперед, и скрылся за дверью.

* * *

Трейси, Джинджер, Ширлин и я находились в другой комнате.

Она была не очень большой, мы похрустывали печеньем и смотрели фильм 300 на плоском экране телевизора. Я подозревала, что Ширлин смотрела его много раз, в основном

потому, что она постоянно его цитировала, выдавая все реплики актеров. Я также подозревала, что она смотрела его ни один раз, поскольку этот диск уже находился в DVD-плеере. И, наконец, мои подозрения окончательно укрепились, потому что она не спрашивала нас, что мы хотели бы посмотреть, она просто включила, и мы стали смотреть.

В комнате находилась двуспальная кровать, кресло и полки с DVD-дисками. Джинджер обосновалась в кресле. Я свернулась в кокон на кровати, прижавшись к стене. Трейси сидела рядом со мной, держа меня за руку. А Ширлин полулежала сбоку на кровати.

Джинджер и Ширлин смотрели фильм. Не уверена, что Трейси тоже следила за ходом событий на экране, не могу точно сказать, поскольку для меня время словно остановилось.

Внезапно дверь открылась, мои глаза метнулись в ту сторону, и я увидела входящего Хока.

У меня остановилось дыхание, а сердце перестало биться.

Его волосы все еще были мокрыми от душа, на лице не было видно крови, он был одет в чистые черные штаны карго и темно-синюю обтягивающую футболку. Губа была рассечена, такой же свежий ужасный порез был на щеке и припухлость, видно от побоев, у глаза. Порез на щеке был заклеен тремя тонкими белыми полосками пластыря. И я увидела красные следы от наручников у него на запястьях.

Помимо всего это, с ним было все в порядке. Он стоял передо мной, дышал, передвигался.

И смутно в глубине моего сознания у меня появилась мысль, что похоже он на что-то злился, меня это слегка поразило.

Но мало заботило, если честно.

Я подскочила с кровати, вскочив на ноги. Я перепрыгнула через полулежащую Ширлин, уперлась в край кровати и прыгнула вперед к нему.

Он поймал меня, заворчав, но устоял на ногах.

Я обхватила его ногами и руками, и просто начала покрывать бесконечными поцелуями, любой кусочек его кожи, который попадался под мои губы.

— Детка, — пробурчал он, подхватив одной рукой меня под задницу, другой — обхватив за спину.

Я проигнорировала его, продолжая целовать шею, подбородок, горло, скулы...

— Душистый горошек, — позвал он, он передвинул свою руку с моей поясницы в мои волосы.

Я все еще продолжала игнорировать его, продолжая покрывать поцелуями.

Он дернулся головой назад, и накрутил мои волосы себе на руку.

— Гвен, Душистый горошек, со мной все в порядке, — прошептал он, и я посмотрела ему в глаза.

Я смотрела на него так, словно не могла напиться, чувствуя его силу, его теплое тело, чувствуя всего его, обхватывая своими руками и ногами. Потом я почувствовала, как его лицо начинает расплываться у меня перед глазами, поэтому зарылась ему в шею с правой стороны, громко всхлипнув, дыхание сбилось, и дала волю слезам.

Он повернул ко мне голову, и его рука сильнее сжала мне волосы.

— Детка, — прошептал он мне на ухо.

Я подняла голову, взглянув на него и закричала:

— Я не могу поверить, что ты сначала принял душ, а потом появился передо мной!

— Гвен...

— В следующий раз я переешлю тебе страшную смс-ку с фоткой, где у тебя *идет кровь из уха* и ты *подвешен на чем-то*, это будет новое правило! — прорыдала я. — Ты *немедленно* идешь ко мне, сразу же, как тебя спасли!

— Это не совсем было спасением, — произнес Люк Старк, я повернула голову, он стоял в двух шагах от меня и Хока. — Больше походило на зачистку кое-кого, — закончил он.

— Что? — спросила я.

— Рад, что я работаю на Ли, — пробормотал Вэнс Кроу, посмотрев в противоположную сторону, где стоял Ли. — Ли не любит такой беспорядок. Гребанный ад. — Вэнс наклонился вперед к Люку. — Ты видел Хорхе? Он убрал его, даже не моргнув.

— Ему не ведом запах, — проворчал Люк, шокировано качнув головой, — страха.

О, парень!

Я посмотрела на Хока.

— Что ты сделал?

Хок взглянул на меня.

— Я не большой поклонник шокера, и подвешивания на крючке, когда парень использует меня как грушу, для своих кулаков, детка.

Это был не ответ.

— Что ты сделал? — повторила я.

— Да, что ты сделал? — спросила у меня из-за спины Ширин, и в ее голосе послышалось любопытство, но на самом деле, она была очень взволнована.

— Мне казалось, что мы договорились, чем меньше знаешь, тем... — сказал Хок.

— Что, — начала я. — Ты сделал? — закончила я, он ухмыльнулся, тут же появились ямочки на щеках, и увидев его ямочки, меня испугала мысль — я думала, что больше никогда не увижу их, и у меня екнуло сердце.

— Первый урок командос, — ответил Хок. — Если ты стал заложником, но знаешь, что хорошо обучен и сможешь вывести охрану из строя. Им следовало чем-нибудь опоить меня, чтобы я не смог этого сделать, но они... Они связали мне щиколотки и подвесили за руки. Щиколотки, детка, не обладают «тайной» силой. Вся сила, детка, заключается в моих ногах. Поэтому я подтянул ноги и опустил голову между коленями, вытянул шею...

— Хорошо, — быстро произнесла я, — закончим урок командос. Это был первый и последний.

Опять появились ямочки на щеках Хока, он поставил меня на ноги, и ямочки исчезли.

Ой, опаньки!

— Отлично, Душистый горошек, *урок для женщины командос* — ты получаешь смс-ку, ту, которую тебе прислали и тут же звонишь на базу и пересылаешь ее, и делаешь это *немедленно*.

Я была права, насчет опаньки, это был еще не конец.

— Хок...

— И ты *не направляешься* в дружелюбный мотоклуб байкеров, прося о помощи.

— Хок...

— И ты *не привлекаешь* свою подругу Cosmo из диспетчерской полицейского управления в это мужское дерьмо, во-первых, потому что ее могут за это уволить, но особенно потому, что она получит дерьмо на свою задницу.

— Кейб...

— И ты *не просишь* своего друга банкира рыскать по всем базам, собирая информацию,

задницу которого притащили в местное отделение ФБР для допроса, отчего ему стало чертовски неудобно.

Ой-ой!

— Кей...

— И ты *не будешь*, — он подался на меня всем своим телом, его серьезное лицо стало каменным, — *никогда* предлагать себя в качестве обмена.

— Малыш...

— И ты не будешь прятаться со своей сестрой свидетелем, которая находится под арестом.

— Я...

— Скажи мне, что ты все поняла, так и сделаешь, детка.

— Но...

Он наклонился в дюйме к моему лицу.

— Скажи... мне... что... так... и сделаешь.

Я уставилась на него.

Потом, видно все накопившееся напряжение, словно кислота пронзило меня, и я просто потеряла здравомыслие.

— Да, я сделаю, — я уперлась руками в бедра и уставилась в его черные глаза, — но, в первую очередь, я должна убедиться, что ты в безопасности, а во-вторых, когда я хотя бы примерно буду знать, что ты в безопасности, я сделаю все, чтобы у меня еще были моменты, о которых я смогла бы потом вспоминать вместе с тобой, поэтому согласна, я позвоню на базу, а потом я буду делать все, мать твою, что смогу, чтобы у меня и дальше были воспоминания, связанные с тобой, и нет, Хок, *я тебя не понимаю!*

— Гвен...

— Я весь день не находила себе места! — закричала я, взмахнув руками и отступая от него на шаг. — Ты не преподавал мне урока для женщины командос сегодня утром. Ты всего лишь поцеловал меня на прощание, сказав, что увидимся сегодня вечером, и я готова была заняться вычитыванием рукописи, в полной уверенности, что сегодня вечером увижу тебя дома!

— Гвен...

— А потом эта фотка.... У тебя из уха шла кровь! — закричала я.

Он поймал меня в свои объятия и крепко прижал к себе, прошептал:

— Детка.

Я уперлась руками ему в грудь, пока он гладил меня по спине.

— Мне стоило выбрать — ты или моя сестра. Знаешь, что происходит с твоей головой, когда ты пытаешься принять такое решение?

— Все хорошо, Душистый горошек, я понимаю, — нежно сказал он.

— Да, Кейб, — я взглянула ему в глаза, — тебе никогда не приходилось проходить через такое. Знаешь, с чем я столкнулась сегодня. Знаешь? — Я видела, как он прикрыл глаза, я перестала хвататься за его рубашку, и обхватила его за шею, он посмотрел на меня, и по его взгляду я поняла, что он все понял. Поэтому тихо сказала:

— Я понимаю, почему ты злишься, милый, но сделай мне поблажку. Я пыталась сделать лучшее, что могла, чтобы у меня не осталось всего лишь воспоминаний — твоя фотография на моем гребанном холодильнике.

Он наклонился и прислонился ко мне своим лбом, затем его щека коснулась моей, и заскользила вниз, и его лицо зарылось мне в шею, а его руки крепко сжали меня.

Я обняла его за плечи, сильнее прижалась к нему.

— Давайте оставим их вдвоем, — услышала я голос Люка.

И в комнате все закопались, я услышала, как закрылась дверь. Я повернула голову и прошептала Хоку на ухо.

— Как ты думаешь, ты не мог бы позвонить федералам, чтобы они отпустили Троя? — спросила я.

Хок поднял голову и посмотрел на меня.

— Да, — ответил он, его губы подергивались.

— А как ты думаешь, прежде чем Джинджер заберут федералы, не могли бы папа и Мередит повидаться с ней?

В его глазах светилась теплота, и он повторил:

— Да.

— Ладно, — кивнула я, расслабляясь всем телом. — А теперь как ты думаешь, поскольку ты достаточно близко и уже пять минут сжимаешь меня в своих объятиях, находишься в безопасности и здоров, и злишься на меня, может ты, наконец, поцелуешь меня?

Его глаза потеплели, и он выдохнул более резко:

— Да.

Я взяла его лицо в ладони.

— Тогда поцелуй меня, малыш, — прошептала я.

Он посмотрел мне в глаза, потом моргнул, наклонился и дал мне то, что может дать мне только Хок, что я хотела больше всего на свете.

Эпилог

Покажи мне ямочки

Кейб Дельгадо ждал, пока откроется дверь гаража, потом въехал внутрь на своем Camaro, остановившись рядом с Mustang Гвен. Он выключил мотор, схватил спортивную сумку с соседнего сидения и вышел из машины.

Обошел спереди Mustang и заметил Expedition, стоявший с другой стороны Mustang. Гвен называла его «микроавтобусом» и ненавидела ездить на нем, поскольку он был огромным. Однако, у Хока был с ней уговор. Как только она собиралась куда-нибудь отправиться с детьми, она брала Expedition. Если же она отправлялась по своим собственным делам, она могла использовать Mustang. Она поцеловала его, сказав, что он слишком властный, на этом ее спор с ним и закончился. Она прекрасно понимала, что внедорожник Expedition более безопасный, а Гвен предпочитала делать все, когда вопрос стоял о безопасности ее мальчиков.

Он обошел спереди Expedition, вошел в двери, ведущие в дом, по дороге забросил свою спортивную сумку в подсобку, стоя в огромной кухне. Над столешницей она оставила гореть свет для него. Он прошел вперед и выключил свет, направляясь к широкой лестнице, покрытой паласом, которую тоже освещал ночник. Ему не нужно было освещение, чтобы добраться наверх, но Гвен все равно оставляла включенным свет, если один из мальчиков просыпался, она не хотела, чтобы он передвигался в темноте, а еще она оставляла

включенным свет, чтобы муж, возвращаясь домой, знал, что она думает о нем.

Он обманул Гвен, хотя тогда даже не подозревал об этом, сказав, что ему не нужно большое пространство. Ему необходим был простор. Или, точнее, ему необходимо было иметь свое собственное пространство, пространство для Гвен, а также для детей, и кроме того помещение, где могла бы собираться вся семья. Поэтому он перевез свою семью из дома Гвен в этот дом с пятью спальнями и гаражом на три машины, который Гвен окрестила «чудовищным». Она согласилась на переезд только с одним условием, что Джанин продолжит убираться в доме. Гвен заявила, что существует правило в ее жизни, которое гласит, что она отказывается жить в доме на уборку которого требуется больше двух часов. Теперь она жила в доме, на уборку которого уходит больше, чем два часа, но Хок сделал так, что она его не убирала.

Он молча поднялся по лестнице, повернул направо, пересекая большое открытое пространство, которое являлось одним из многих семейных комнат. Он не видел фотографии на стенах, но знал, что они висят на своих местах. Гвен оформила фотографиями стены. Спасибо, мать твою, что она не относилась к женщинам, любящим антикварные вещицы.

Хоку нравилось, как его жена декорировала дом. Фотографии были везде, почти на каждой поверхности, на всех стенах, черт возьми, с трудом даже была видна поверхность холодильника из-за количества прикрепленных фотографий. Они все были разные — она, он, их двое мальчиков, их родители, семьи, друзья — парами, по одному, сидящие, стоящие, но почти на каждом фото все улыбались.

Или смеялись.

И были еще фотографии Симоны и Софи. Гвен вступила в сговор с его матерью и развесила их фото в разных местах, которые вписались в декор, а, следовательно, и в их семью.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к этому, потребовалось время, встречаясь с ними каждый день, чувствовать боль. Но потом она стала притупляться. Потом глядя на фотографии, вместо боли он стал воспринимать их как свою потерю. А потом, фотографии превратились в воспоминания. Горькие воспоминания, но, со временем, и под руководством Гвен, что-то хорошее пересилило эту горечь.

Хок еще раз повернул направо, войдя в первую дверь.

Он вошел в комнату и увидел Эшера, спящего на животе, одетого в свободные шорты и футболку, его черные волосы были в беспорядке, ноги разведены в разные стороны, занимая огромное пространство на кровати, этому четырехлетнему ребенку требовалось гораздо больше места в кровати, чем обычным детям. Одеяло было скинуто. Даже будучи совсем маленьким, он скидывал одеяло. Эшу нравилось чувствовать себя свободным. Никаких ограничений. Даже во время сна. Мама сказала Хоку, что он делал то же самое, поэтому Хок не удивлялся.

Эшер был копией его самого. Как только он покинул утробу Гвен, был неугомонным и подвижным. И если Хок был дома, Эшер всегда был с ним рядом. Как только Эш слышал, как открывалась входная дверь, он полз в ту сторону, садился на задницу, в ожидании, когда отец подойдет к нему. Он не был капризным, требуя к себе повышенного внимания. Будучи совсем маленьким, Эшер мог развлекать себя сам.

Ему нравилось сидеть и играть рядом с отцом.

Хок подошел к нему, наклонился, и сделал то, что он делал все время, фактически

каждый вечер, когда он возвращался домой, а сыновья уже спали. Он положил руку на спину сыну и прислушался к его дыханию. Хок общался и чувствовал все, что происходит с его сыном, своей рукой, затем он провел по его густым волосам. И вышел из комнаты, пересек холл, войдя в другую дверь.

Бруно спал на спине, широко отведя в сторону руку, с согнутой ногой, другая была прямая, рука покоилась на животе. Он был наполовину прикрыт одеялом. Его рука покоилась на голове медведя команды Бронкос полинявшей футболки.

Бруно тихо сидел на коленях у бабушки во время каждой игры Бронкос, когда они играли на родном поле. Было чертовски жутко, но Хок готов был поклясться, что его двухлетний сын следил за игрой гораздо внимательнее и переживал намного больше, чем Бакс. Если же игру показывали по телевизору, Бруно замирал, садился на задницу и смотрел на экран. Если он не спал, а играл во что-то, на нем все время был шлем для американского футбола, когда Хок и Гвен попытались с него его снять, ребенок стал биться чуть ли не в истерике. Поэтому ему разрешили носить шлем, кроме, когда он садился за стол и когда ложился в постель. Это было хорошее решение, учитывая, что когда Бруно не ел, а смотрел футбол по телевизору или боролся со своим братом, он серьезно относился к этому дерьму.

Хок наклонился, положив руку на грудь Бруно, он ощущал взглядом лицо сына, а его рука почувствовала биение маленького сердца.

Оба его сына были его копией — черные волосы, черные глаза. У Бруно еще были ямочки на щеках, за которые Гвен громко и весело прославляла Господа, что он услышал ее молитвы, и делала она это часто. Почти каждый раз, как только она видела их у сына, а видела она их тоже часто. Бруно, как и его мать, любил смеяться и также, как его мать, делал это часто.

Хок невольно улыбнулся, глядя на сына.

Гвен нравились ямочки, появляющиеся у мужа на щеках. Хок любил своего сына.

Он вышел из комнаты и направился в спальню, вытащив телефон из кармана. Он посмотрел на экран и нахмурился, на лбу пролегли морщины.

Звонок шел от Гвен.

Он посмотрел вверх, на дверь спальни, заметив слабый свет.

Она не спала. Странно. Было уже поздно.

Черт.

Она была почти на девятом месяце беременности, как Гвен сказала, «их последнем ребенком». Она так сказала потому, что УЗИ показало — мальчик. Она созрела окончательно и сказала: «Хватит!» Ей итак предстояло всю жизнь стирать с их носов кровь от драк, смотреть на блевотину после выпивок и страшиться неожиданной беременности, каких-нибудь их подружек. Она не собиралась продолжать в том же духе.

Именно поэтому Хок позволил ей дать имена детям. Дикон находился еще у нее в животе. Хоку *не нравилось* имя Эшер, до тех пор, пока не появился Эшер на свет. Ему *очень не нравилось* имя Бруно, пока он не увидел Бруно. И ему, *на самом деле, не нравится* имя Дикон, но он посчитал, что оно ему понравится, когда родится сын.

Его мать приложила руку к выбору имен его сыновей, но Хок не жаловался. Он явно видел в Эшере характер и вспыльчивость, а в Бруно серьезность к любому делу. Как Гвен это сделала, он не знал.

Он сбросил звонок и спрятал телефон в карман, повернув ручку двери и открыв двойные двери в спальню.

Хок дошел до середины комнаты и замер.

Комната освещалась ночником на прикроватной тумбочке Гвен. Одеядло было откинута. Кровать пуста. На простынях виднелась кровь, и кровавый след вел в ванную комнату.

— Кейб, дорогой, мне нужно в больницу, — услышал он голос жены, который вернул его в чувство, и он рванул в ванную комнату. — Со мной что-то не так. Я звоню...

Она замолчала, увидев его на пороге. Гвен в ночной рубашке сидела на полу, обнимая одной рукой свой выпирающий живот, выпрямив одну ногу, другую согнув под себя, ее длинные, густые, светлые волосы были взъерошены, в ее голубых глазах поселился страх, красивое лицо стало пепельно-белым, и на черно-белой плитке виднелась кровь.

В тот момент, когда она увидела его, ее глаза наполнились слезами, она опустила руку и та безвольно упала на колено, прошептав:

— Ребенок.

Пять минут спустя, даже меньше, Кейб «Хок» Дельгадо выруливал свой Expedition, с пристегнутой женой рядом с его водительским креслом, и сыновьями, сидящими в своих детских креслах, на трассу, пытаясь дозвониться Баксу.

* * *

— Сынок, — услышал Хок позади себя, оторвав взгляд от окна, и повернувшись к Бакстеру Кидду. Их глаза встретились, Бакс вздрогнул, и Хок понял, что он чувствовал, это было написано у него на лице.

Он схватил Хока за плечо.

— Такое было у Либби, — тихо произнес он. — Все тоже самое, Кейб. То же самое. Я ничего тогда не сказал, поскольку Эшер и Бруно легко родились, и всю беременность, она перенесла легко, и я подумал... — он остановился, закрыл глаза, втянул воздух носом, потом открыл глаза и не отводил их от меня. — У Либби все кончилось хорошо, родилась Гвен, с которой все было в порядке. И с Гвен и Диконом тоже все будет хорошо.

Хок кивнул и снова посмотрел в окно. Бакс еще раз сжал его плечо, а потом Хок почувствовал, как он отошел.

Мерedit и его мать пытались уговорить Хока, чтобы он согласился отпустить мальчиков переночевать к Трейси, но Хок отказался. Хотя возможно, он принял неправильное решение, но его это совершенно не волновало. Он не хотел расставаться с сыновьями. Ему необходимо, чтобы они были рядом с ним.

Врач тут же осмотрел Гвен, а потом быстро начал отдавать приказания, они моментально переложили ее на каталку и в быстром темпе покатали ее по коридору в отделение. Гвен не произнесла ни слова, но ее глаза ни на секунду не оставляли его, пока у него не осталось выбора, поскольку они ее увозили куда-то. Они с силой заставили Хока выйти из отделения и отправиться в зал ожидания, где были Мерedit и Бакс вместе с Эшером и Бруно.

Прошло уже два часа, как они увезли от него его жену. Пришли его мать с отцом, Вон с Люсией, Жюри с женой Глорией, Трейси со своим мужем Ури, Кэм и Лео, Эльвира со своим бойфрендом Маликом, Трой с женой Килли, миссис Мэйхью, за два часа о состоянии Гвен они не слышали ничего.

Ни единого гребаного, мать твою, слова.

Хок не отрывался от окна, но видел перед собой только испуганное лицо Гвен, глаза, в

которых поселился страх.

Стоило ему прикрыть глаза, и дерьмо стало крутиться у него в голове... воспоминания.

Гвен прижалась к нему, он чувствовал шелк ее платья под своей рукой, ее губы на своих, от нее пахло глазурью, она засмеялась, и ее смех прокатился вибрацией по его горлу, как они разрезали свадебный торт и откусили вдвоем от одного куска. Она потянулась к нему, остановив свое лицо в дюйме от него, и заверила: «Не волнуйся, малыш, кусочек торта не сделает тебе завороток кишок». После чего он притянул ее к себе и крепко поцеловал, так сильно и так долго, что присутствующие стали улюлюкать и кричать, и он услышал, как Эльвира, угрожающе сказала, что охладит его пыл кувшином холодной воды.

Он вспомнил Гвен, выходящей из ванной, когда они были в свадебном путешествии на Бермудах. Окна были открыты, ветерок колыхал тонкие шторы, слышался шум океана, наполняя комнату. Она спрятала одну руку за спину, на ней была сексуальная ночная рубашка, и улыбка играла у нее на губах. Он следил за каждым ее шагом, пока она подходила к кровати, поднялась и уселась на него, а потом взмахнула рукой и показала ему белую палочку с розовым плюсом. Затем она отбросила палочку на пол, и уложила свое потрясающее тело на Хока, полностью впавшего в ступор, поставила локти ему на грудь и опустила подбородок на соединенные руки, с огромное улыбкой провозгласив: «Если будет мальчик, Мария и я решили, что назовем его Эшер. Если это девочка, то ты дашь ей имя». Когда она закончила говорить, Хок обхватил ее за талию, перевернул на спину, накрыв своим телом и удерживал в таком состоянии в течение следующих двух часов, за это время она не могла ничего произнести, только стонала и повторяла: «Малыш».

Вернувшись как-то поздно домой, он застал Гвен в кресле Симоны, ее ноги свешивались с подлокотника с одной стороны, голова прислонилась к спинке в другую сторону, Эшер лежал у нее на руках, и пока он нес их в кровать, не его сын и не его женщина не проснулись.

Гвен с уже слегка округлившимся животиком с Бруно (она все еще предпочитала носить шпильки), рассматривала Чудовищное сооружение, которое выбрал Хок под их дом, пока он держал Эша на руках, а агент по недвижимости щебетала о достоинствах этого дома. Гвен подошла к нему, положила руку на его пресс и провозгласила: «Это чудовище намного больше, чем в твое прошлое логово». Он обхватил ее за шею, притянул вплотную к себе и с силой поцеловал, Эш стал стучать по ним своими крошечными кулочками, впритык приблизив к ним свое маленькое личико, Хок отстранился от Гвен, взглянул на агента и заявил: «Мы возьмем этот дом».

Он вспомнил как наблюдал за Гвен, когда она перекинула ногу на ногу в его Самаго, проводя блеском по губам, глядя в зеркальце на козырьке от солнца и бормоча: «Мне кажется, годовщина Мередит с моим отцом нравится мне все больше и больше, чем им самим». Хок поддразнил ее в ответ: «Это дает тебе повод надеть дорогую обувь?» Гвен повернула к нему голову, он почувствовал, как ее взгляд, словно ударил его по лицу. «Нет, потому что это тоже наша годовщина, потому что именно в этот день, ты сказал мне, что любишь меня, и даже несмотря на многое другое прекрасное, что ты подарил и дал мне за все эти годы, этот день самый лучший день в моей жизни, Кейб «Хок» Дельгадо». Хоку пришлось остановить машину, чтобы поцеловать ее, и это означало, что ей снова пришлось накладывать блеск для губ.

Он жил в кошмарах восемь лет, спрятавшись от всего мира, отказавшись от чувств, кроме боли, но ему стоило только дойти до чертового ресторана, в окне которого он увидел

женщину своей мечты, на которой было сексуальное, маленькое черное платье, и она так самозабвенно смеялась. Потом полтора года он трахал ее. Полтора года. Каждую ночь он оставлял ее одну, говоря себе, что он никогда больше к ней не вернется, но наступала ночь, и он ничего не мог с собой поделать, он проигрывал битву с самим собой, ему необходимо было попробовать ее снова, прикоснуться к ней, услышать ее мягкий, сладкий голос шепчущий: «Малыш», почувствовать, как ее ноги крепко обвивают его талию, как она кончала под ним, чувствовать, как следила за ним взглядом, пока он одевался, борясь с собой, чтобы не запрыгнуть обратно к ней в постель, сжать в своих объятиях и увидеть как зарождается новый день, и солнечные лучи будут освещать ее спящее лицо.

Она была в его руках, но он не знал, что он поселился в ее сердце, и отрицал сам себе, что она слишком глубоко добралась до него за эти полтора года, черт побери.

Он никогда не вернется к прошлому, и сейчас он точно знал, что он тогда упустил и не готов был теперь, черт побери, ничего терять.

— Мистер Дельгадо? — услышал он и открыл глаза, врач зашел в комнату.

Все, кроме Трейси и Эльвиры встали. Трейси не встала, потому что она обнимала спящего Эшера, Эльвира, потому что держала спящего Бруно.

Хок не двинулся с места, пока доктор Хантер подходил к нему, он не сделал ни единого движения, даже видел улыбку на его лице.

— С вашей женой все хорошо, — заявил доктор Хантер, остановившись в полуметре от Хока, — также и с вашей девочкой.

— Девочкой? — услышал свой вопрос Хок, как бы со стороны, его мать заплакала, потом все начали всхлипывать, поздравлять, атмосфера в комнате разрядилась.

Он продолжал пялиться во все глаза на врача, потребовав:

— Я хочу увидеть свою жену.

— Конечно, — кивнул доктор. — Она спит, — но Хок не остановился.

— Я хочу увидеть свою жену.

Доктор Хантер снова кивнул.

— Следуйте за мной.

Хок взглянул на своих спящих сыновей, больше ни на кого в этой комнате, и последовал за врачом.

* * *

Он увидел, как ее глаза открылись.

Она с просонья в замешательстве пару секунд смотрела перед собой, он протянул руку и сжал ее пальцы, она повернула к нему голову.

— Кейб, малыш, — прошептала она.

Он ощутил ее слова, словно физические ее прикосновения.

Потом он почувствовал, как сжала его пальцы в ответ, а он заскользил пальцем вверх к ее обручальному кольцу.

Он закрыл глаза.

Слава тебе Господи. Спасибо, за все, мать твою, Спасибо, Господи.

Хок открыл глаза.

— Мы назовем ее Женевьева.

Он посмотрел на Гвен, у нее округлились глаза.

— Женестьева? — прошептала она.

— Да, — шепотом ответил он.

Она внимательно посмотрела на него. Потом шепотом заявила:

— Виви. *(Гвен имеет ввиду сокращенное от Женестьева, — прим. пер.)*

— Не столь важно, — пробормотал Хок.

Гвен улыбнулась и увидев его улыбку, его рука автоматически сжала ее.

Спасибо Господи.

— Больше никаких детей, — провозгласил он.

— Хорошо, — тихо согласилась она.

Он встал со стула, наклонился, приблизив свое лицо к ней.

И признался, наверное, впервые в жизни:

— Ты до смерти меня напугала, Душистый горошек.

Ее взгляд потеплел, выражение лица стало более расслабленным и спокойным. Он опять смог ее удивить, она нравилась ему такая.

Черт, но так любил этот ее взгляд, когда она смотрела на него такими глазами, и ему казалось, что любил он ее только еще больше, и неважно сколько ему приходилось приложить усилий, чтобы заработать этот взгляд.

— Супергерои не пугаются, — сказала она ему, и впервые за несколько часов, он почувствовал, как его губы стали расплываться в улыбке. Она улыбнулась ему в ответ и спросила: — Где мои мальчики?

— Спят в зале ожидания.

— Они смогут прийти?

— Не волнуйся, если ты хочешь, чтобы они пришли, я схожу за ними.

— Хочу, — прошептала она.

— Ты получишь все, что хочешь, детка, — прошептал в ответ Хок, наклонившись, чтобы поцеловать ее.

Он крепко сжал ей руку и поймал ее взгляд.

— У нас теперь есть маленькая девочка, — тихо произнесла она.

— Да, — также тихо ответил он.

— Я могу ее увидеть?

— Я принесу ее.

Гвен кивнула, пару секунд изучая его лицо.

А потом спросила:

— И что мне теперь делать?

— Что ты имеешь ввиду?

— Мне нечего теперь желать, не о чем мечтать. Что я теперь буду делать?

Хок почувствовал, как у него внутри все сжалось, грудь как-то сдавило и что-то ужалило его в горло.

— Я найду способ занять тебя мечтами, детка, — прошептал он.

— Хорошо.

Его рука снова сжала ее, а другой он нежно прошелся костяшками пальцев по ее бледной щеке, она от его прикосновения закрыла глаза.

— Люблю тебя, Душистый горошек, — прошептал он, и ее глаза тут же распахнулись.

Она улыбнулась и сказала:

— Я тоже люблю тебя, малыш, — он стал подниматься, но она позвала его.

— Да?

— Прежде чем ты уйдешь, покажи мне свои ямочки, — попросила она.

От ее слов у него запершило в горле, Хок опустил голову и поцеловал ямочку у основания шеи своей жены. Затем он поднял голову и улыбнулся.

Она прошлась пальцами по его лицу, а потом он почувствовал подушечку ее большого пальца у себя на ямочке.

Ее глаза переместились с пальца на него, и она улыбнулась в ответ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net